

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Ю. БЫКОВ

**Российская политика в Степных областях
и трансформация казахского общества
(1731–1917 гг.)**

Том 2

Москва
2023

УДК 94(47) + 94(547)
ББК 63.3 (29=каз.)
Б 95

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:
д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, ИВ РАН

Рецензенты:
д.и.н. С.Н. Абашин, Европейский университет в Санкт-Петербурге
д.и.н., к.ю.н. Р.Ю. Почекаев, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
к.и.н. П.С. Шаблей, Кустанайский филиал Челябинского государственного
университета

Б 95 Быков, А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). Т. 2 : монография; отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. 448 с., илл.

ISBN 978-5-907671-67-6 (общ.)
ISBN 978-5-907671-90-4 (т. 2)

На основе обширной источниковой базы в монографии рассматриваются изменения, происходившие в казахском обществе во второй трети XVIII – начале XX вв. под воздействием целенаправленных мероприятий, проводившихся российской администрацией высшего и среднего звена (правительство, генерал-губернаторства, наместничества, военные губернаторы, областные правления и их аналоги), а также тех действий, которые не имели непосредственной задачей трансформацию традиционного казахского общества, но оказали на эти процессы серьезное, а зачастую решающее влияние. Параллельно определяются эволюционные процессы, которые происходили в казахском обществе самостоятельно или без серьезного воздействия на них со стороны российских административных кругов.

Российская политика рассматривается не в качестве гомогенной, а как конгломерат правительственной и двух региональных вариантов (оренбургская (подвариант – букевская или внутриродынская) и сибирская системы), истоки которых лежали в процессах, протекавших во второй трети XVIII в., ярко проявились в 1820–1850-х гг. и, наконец, постепенно унифицировалась. Этот процесс не завершился в досоветский период.

ISBN 978-5-907671-67-6 (общ.)
ISBN 978-5-907671-90-4 (т. 2)

ББК 63.3 (29=каз.)

© Быков А.Ю., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава III. Трансформация казахского общества в составе Российской империи	8
§ 1. Естественный и миграционный прирост населения Степного края	8
§ 2. Ликвидация ханской власти у казахов (звания и должности) и становление бюрократической системы управления в Степи	27
§ 3. Кризис идентичности в казахском обществе (трансформация социальной структуры и социально-экономических отношений)	65
§ 4. Изменение рациона питания казахов	123
§ 5. Эволюция представлений казахов о собственности.....	136
Заключение.....	172
Приложения	182
Приложение 1	182
Приложение 2	184
Приложение 3	184
Приложение 4	185
Приложение 5	186
Приложение 6	186
Приложение 7	187
Приложение 8	188
Приложение 9	188
Список сокращений	189

Список имен.....	192
Список географических названий	336
Архивные материалы	356
Список литературы.....	363

КОНВЕРТ:

Приложение 10

Карта части Сибири и соседних стран и народов С. У. Ремезова (1701 г.)

Приложение 11

Генеральная карта Азиатской России по новейшему разделению на Губернии, Области и приморския Управления, с показанием путей Российских мореходцев. Сочинена Корпуса Топографов Порутчиком Поздняковым и издана Военно-Топографическим депо (1825 г.)

Приложение 12

Этнографическая карта Азиатской России М. Винюкова (1868 г.)

Приложение 13

Карта Киргизского края А.Н. Сидельникова (1900 г.)

*Посвящается моим Учителям
Бану Мажитовне Абдрахмановой,
Владимиру Анисимовичу Моисееву,
Алексею Демосфеновичу Богатурову*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый и второй тома книги представляют единый текст. Поскольку все же он разделен и в магазинах может продаваться разными томами, что повлечет за собой вероятность наличия у Уважаемого Читателя только второго тома, вынужден дать краткие пояснения по первому тому.

В первом томе анализируются процессы и отдельные явления (сюжеты), связанные с эволюцией российской политики в Степном крае от момента присоединения до 1917 г., т.е. в течение имперского периода. В отношении решения т.н. мусульманского вопроса хронологические рамки расширяются до октября 1917 г., т.е. включают проекты и реформы, проводившиеся в период существования Российской Республики (февраль – октябрь 1917 г.). Также кратко затрагиваются вопросы состояния казахского общества накануне начала присоединения к России (конец XVII – начало XVIII вв.) и отрывочные схематические данные по русско-казахским отношениям XVI – начала XVIII вв.

Чтобы не отнимать много времени на чтение предисловия, перечислю лишь основные вопросы, рассмотренные в первом томе:

- Казахское общество на рубеже XVII–XVIII вв.;
- Становление основ российской политики в казахской степи (1730–1750-е гг.);
- Взаимоотношения оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в.;

- Реформы управления казахами в период «просвещенного абсолютизма»;
- Торговая политика России в Степи во второй половине XVIII – начале XIX вв.;
- Реформы во Внутренней орде;
- Кодификация законодательства и реформы управления казахами Западно-Сибирского и Оренбургского ведомств (1820–1850-е гг.);
- Административно-территориальные реформы 1860–1891 гг. и вопрос введения института частной собственности на землю в казахской степи;
- Землевладение и оседание кочевников-казахов в деятельности российских властей в конце XIX – начале XX вв.;
- Решение властями Российской империи «мусульманского вопроса» у казахов Степных областей.

Помимо этих основных вопросов затрагиваются сюжеты, связанные с международными отношениями, в первую очередь с Джунгарским ханством, Китаем и среднеазиатскими государствами (Бухара, Хива, Коканд), гораздо реже – с европейскими странами, Ираном и др. Эти сюжеты не только служат объяснению конкретных явлений и процессов, протекавших в русско-казахских отношениях имперского периода, но и вписывают сами эти отношения в глобальный контекст, поскольку они не могли протекать исключительно обособленно – на их развитие оказывали влияние как внутренние процессы, протекавшие в российском и казахском обществах, так и внешние факторы.

Структура книги в целом выстроена таким образом, чтобы показать казахское общество накануне присоединения и его трансформацию в рамках Российской империи как под воздействием политики центральной и региональных администраций (в первую очередь омской и оренбургской), так и в результате противодействия этой политике или как результат самостоятельного саморазвития. И если в первом томе основной акцент был сделан на эволюции российской политики в Степи, то собственно процессам трансформации казахского общества посвящен настоящий, второй, том.

Кроме того, второй том содержит справочный матери-

ал по источникам, составившим базу всего исследования, а также по упоминаемым в двух томах личностям и географическим объектам. Заключение и приложения, включенные во второй том, относятся ко всему двухтомнику.

Позвольте выразить особую благодарность за помощь и консультации Учителям, а также Коллегам, которые оказали содействие при подготовке данной работы, Б. М. Абдрахмановой, В. А. Моисееву, С. Г. Кляшторному, Ю. К. Бершак, А. Д. Богатурову, Т. И. Султанову, В. В. Козиной, З. Г. Сактагановой, С. И. Ковальской, В. О. Бобровникову, В. А. Аракчееву, В. В. Наумкину, Е. А. Орловой, С. Н. Абашину, Р. Я. Почекаеву, П. С. Шаблею и А. Ш. Кадырбаеву.

Глава III.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 1. Естественный и миграционный прирост населения Степного края

Со времен Екатерины II в духе просветительских концепций российской администрацией были определены основные факторы, которые должны были способствовать трансформации традиционного кочевого казахского общества. Этими факторами являлись:

- колонизация, связанные с ней и с процессом административного управления процесс территориальной организации сообществ казахов, а также культуртрегерство;

- введение элементов гражданственности, под которыми постепенно стали понимать получение казахами политических прав и включение их в имперскую социально-правовую систему посредством нивелирования их статуса с российскими гражданами;

- изменение рациона питания казахов посредством увеличения в нем компонента растительной пищи, в первую очередь хлеба;

- введение института частной собственности;

- трансформация родового менталитета казахов;

- изменение способа ведения хозяйственной деятельности, в том числе посредством перехода к оседлому образу жизни;

- изменения в системе образования и др.

В разные периоды степень важности того или фактора варьировалась: то усиливалась, то ослабевала, то от него на определенное время вовсе отказывались.

Насколько же успешными оказались действия российской администрации? Для решения вопроса о влиянии на трансформационные процессы колонизации представляется необходимым остановиться также на проблеме демографической динамики в Степном крае в целом.

Одним из важнейших итогов присоединения казахов к Российской империи являлось установление относительной внешне- и внутривнутриполитической стабильности. После «Актабан шубырынды», когда джунгары истребили приблизительно треть казахского населения, существенно изменился ареал их обитания и произошло массовое обнищание шаруа и т.д., катастрофические демографические последствия постепенно сглаживались. Через столетие после начала вхождения казахов в состав Российской империи А. И. Левшин справедливо отмечал, что казахи «со времени принятия их в подданство России, размножаются очень быстро»¹.

Казахское население так называемых Степных областей было представлено преимущественно родами и поколениями Младшего и Среднего жузов. Данные динамики изменения численного состава и структуры казахского населения за XVIII – первую половину XIX в. нельзя считать абсолютно точными в силу слабого развития статистики, высокой естественной мобильности казахского населения, неполноты и зачастую противоречивости сведений письменных и этнографических источников. Но даже приблизительные данные позволяют судить о росте казахского народонаселения.

О динамике численности казахского населения Младшего жуза можно судить по следующим данным: в 30–40-е гг. XVIII в. – 400–500 тыс., в конце XVIII в. – 800–900 тыс., в 30–40-е гг. XIX в. – около 1 млн человек². По сведениям оренбургской губернской администрации, в 1755 г. «людства в сей орде (Младшем жузе – А. Б.) до двадцати тысяч кибиток. Богатство их состоит наипаче в лошадях и баранах, которыми они в Оренбурге и в Хиве торгуют»³.

По данным В. В. Радлова, относящимся к 1880-м гг., в составе Российской империи проживало свыше 2 млн казахов⁴.

¹ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. С. 303.

² Сдыков М. Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX веках. Алматы: Галым, 1996. С. 94.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 524. Л. 62 об.

⁴ Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. Примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука. Глав. ред. восточной литературы, 1989. С. 110.

В середине XIX в. в Области оренбургских киргизов (казахов) проживало, по данным Н. Е. Бекмахановой, 764406 казахов¹. Согласно сведениям отчета Департамента Полиции Исполнительной по части управления киргизами Оренбургского края за 1862 г., «в настоящее время [только] в Новолинейном районе кочует 9630 кибиток, принадлежащих к Восточной и Средней частям области с населением 22 тыс. д. м. п. Количество разного рода скота при них считается 264663 голов»². Аналогичные сведения содержатся в отчете Областного правления Оренбургскими киргизами за 1863 г.³ По данным современного казахстанского демографа М. Н. Сдыкова, в 1830 г. всего в Западном Казахстане проживало 599,4 тыс. казахов, в 1860 г. – 1017,7 тыс. казахов⁴. На наш взгляд, до конца XIX в. данных с такой точностью (с приближением до сотни человек) о количестве жителей Казахстана современная демография получить не может. В качестве примера можно привести официальные данные из отчетов генерал-губернаторов Оренбургского края и областного правления по управлению оренбургскими казахами за 1850-е – 1860-е гг. Так, вполне справедливо отмечалось, что получить достоверные сведения о народонаселении и хозяйстве казахов «по кочевому их образу жизни не представляется возможным, к этому можно будет приступить уже тогда, когда киргизы (казахи – А. Б.) обзаведутся более или менее прочною оседлостью и займутся хлебопашеством»⁵. В отчете за 1867–1868 гг. оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского численность казахов оренбургского ведомства оценивалась приблизительно в 800 тысяч человек⁶. В официальном отчете оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина население

¹ Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. / Отв. ред. В. М. Кобзун. М.: Наука, 1980. С. 121.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 41.

³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5282. Л. 4.

⁴ Сдыков М. Н. Указ. соч. С. 209, табл. 5.

⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5282. Л. 6.

⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3270. Ст. 252. Л. 43 об.

Зауральской орды считалось приблизительно в 150–200 тыс. кибиток или 750 тыс. – 1 млн человек¹. В отчете оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака за 1860–1862 гг. численность казахов Внутренней орды оценивалась приблизительно в 170 тыс., а Зауральской орды – в 800 тыс. человек², т.е. совокупная численность казахов Младшего жуза оценивалась приблизительно в 970 тыс. человек. В его же отчете за 1861–1862 гг. общая численность казахов оренбургского ведомства была оценена приблизительно в 160 тыс. кибиток или 800 тыс. человек³. О численности казахов можно косвенно судить и по размерам собиравшихся с них налогов (см. Приложение 4).

Одним из критериев определения численности народонаселения Казахстана может выступать возможность использования данных фискальных органов. Однако и эти сведения далеко не полны и противоречивы. Так, в отчете оренбургского военного губернатора В. А. Перовского за 1853–1856 гг. отмечалось: «По последним к 1855 г. доставленным Султанами-Правителями сведениям значится во всей степи 104753 кибитки, с 445129 обоего пола душ; между тем кибиточной подати за 1856 г. поступило более чем со 106 тыс. кибиток»⁴. На наш взгляд, численность казахов Младшего жуза в середине XIX в. следует оценивать в 750–800 тыс. человек.

Значительную часть населения Младшего жуза составляли казахи Букеевской орды, статистические данные по которой в силу ограниченности со всех сторон российскими поселениями наиболее точны. Их численность в 1802 г. составляла 31105 человек, в 1825 г. – 52000, в 1857 г. – 100000, в 1868 г. – 145795 казахов⁵. До конца XIX в. тенденции естественного прироста казахского населения Западного Казахстана сохранили свою направленность. Так, в Букеевской орде в 1870 г. проживало 154505 казахов, первая всеобщая

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2751. Ст. 157. Кар. 35. Л. 141 об.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2958. Ст. 168. Л. 4.

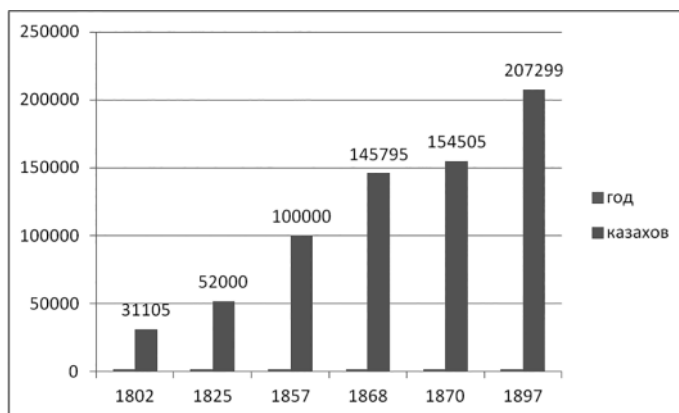
³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 11 об.

⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631. Ст. 1062. Л. 80.

⁵ Сдыков М. Н. Указ. соч. С. 209, табл. 4.

перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала здесь уже 207299 казахов¹ при эксплуатируемой ими площади в 7106967 дес².

Графически демографическая динамика во Внутренней орде выглядит следующим образом³:

Общая численность казахов Младшего жуза возросла за это же время на 325,3 тыс. человек⁴.

Часть казахов проживала вне Степных областей, преимущественно в смежных с ними. Об их демографической динамике можно судить по следующим данным.

Динамика численности казахов в Tobольской и Томской губерниях в XIX – начале XX в. (чел.)⁵

Губерния / год	1838	1897	1911
Тобольская	19766	7547	8964
Томская	31543	24810	28512
Всего	51309	32757	37476

Как видим, в начале XX в. по сравнению с концом XIX в. фиксируется незначительный прирост (ок. 13%) численности казахов, что можно объяснить естественным приростом.

В то же время существенно снизилась численность казахов по сравнению с серединой XIX в. (свыше 36%) объясняется двумя причинами: изменением границ выше названных губерний и частичной

откочевкой казахов в пределы Степных областей, вызванной освоением XIX – начала XX в. Томск; Изд-во Томск. ун-та, 2004. С. 60, табл. 1. Пересчет наш – А.Б.

Природно-климатические, почвенные и ландшафтные особенности, сортовой состав естественных кормов лимитировали количество выпасаемого скота. В результате обеспеченность скотом возраставшего по численности населения снижалась. Это легко проследить по динамике населения и его обеспеченности скотом во Внутренней (Букеевской) орде (ханстве).

Обеспеченность скотом казахов Букеевской орды¹:

Год		Количество голов скота на хоз-во
1814		238
1825		190
1839		155

Здесь мы наблюдаем прямо противоположную тенденцию: с течением времени количество голов на 1 хозяйство сокращается. В целом фиксируется следующая зависимость: с ростом народонаселения снижается его обеспеченность скотом.

Противоречие между ростом населения и низким уровнем подъема производства вообще характерно для кочевничьего типа ведения хозяйства и является объективным. Аналогичные процессы фиксируются, например, в зоне расселения восточноафриканских кочевников².

Данные о размерах казахского хозяйства существенно разнятся. Так, по сведениям И. Завалишина, средняя семья казахов из Среднего жуза в середине XIX в. владела пятью лошадьми, двумя головами крупного рогатого скота и 20 овцами³. Согласно данным Г. Колмагорова, среднее казахское хозяйство в 1855 г. состояло из 300 овец, 20 лошадей, 30

¹ Ханыков Я. В. Состояние Внутренней киргизской орды в 1841 г. // Записки ИРГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 56.

² Калиновская К. П. Культурная традиция и современные проблемы кочевых скотоводов Восточной Африки // Восток. 2002. № 2. С. 71.

³ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 53.

коров. При этом потреблялись они следующим образом: 150 овец – на питание, 70 – на приобретение тканей, 3 – на уплату ясака (налога), 80 – на приобретение предметов роскоши¹. По сведениям И. Словцова, относящимся к 1878 г., средний размер казахского хозяйства Кокчетавского уезда Акмолинской области состоял из 7 лошадей, 6 коров и 25 овец с приплодом. По сведениям Астафьева (1895 г.), в Северном Казахстане хозяйство среднего размера состояло из 20–30 коров.

Таким образом, в различных регионах расселения казахов Степного края происходило постепенное сокращение среднего размера животноводческого хозяйства казахов и изменение его состава по породам животных в направлении увеличения доли крупного рогатого скота, не способного к тебеневанию. Параллельно с ростом народонаселения и сокращением среднего размера стад происходила концентрация имущества в руках отдельных баев, а само имущество переставало иметь сакральный и охранительный вид, превратившись в товар.

Аналогичным образом развивалась демографическая ситуация и в других Степных областях. По данным оренбургского генерал-губернатора Г. С. Волконского, население Среднего жуза в начале XIX в. составляло около 159 тыс. семей², что соответствует, принимая средний состав казахской семьи за 5 человек, приблизительно 745 тыс. человек. Численный состав казахов Среднего жуза в течение XIX в. практически постоянно возрастал, за исключением нескольких лет 1880-х гг., когда происходила эпидемия «азиатской холеры», оспы и тифа, и в целом имел тенденцию развития, аналогичную тенденции демографической динамики в Младшем жузе. За период XIX в. население Среднего жуза выросло примерно в 2,5 раза³. Казахское население только Акмолинской области за 1870-е гг. увеличилось с 293 тыс.

¹ Колмагоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства // Вестник ИРГО. 1855. Вып. 1.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23. Л. 5–5 об.

³ Более подробно о динамике численности родов и поколений, а также округов и уездов см., напр.: Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 118–191.

человек до 339 тыс. человек, то есть на 46 тыс. человек. По данным 1893 г. в Акмолинской области было зафиксировано 309729 человек, а по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. – 310270 человек, однако сильный половой дисбаланс в приводимой источниками статистике позволил В. В. Козиной сделать вывод о неполном учете населения¹. Бланк первой Всероссийской всеобщей переписи населения 1897 г. предполагал в том числе ответы на вопрос о том, сколько в семье имеется жилых строений и из каких материалов производилось строительство. В случае же использования жилых и хозяйственных построек несколькими семьями этот раздел не заполнялся². На наш взгляд, это обстоятельство также определенным образом повлияло на неточность определения уровня домообзаводства среди казахов конца XIX в. Большинство исследователей обращает внимание на то, что в бланке первой переписи отсутствовал вопрос о национальной принадлежности – был лишь вопрос о родном языке³. Для казахов того периода эти понятия в значительной степени были синонимичными, все же необходимо учитывать и этот фактор, влиявший на точность результатов.

Официально по итогам переписи 1897 г. в Российской империи проживало 3745 тыс. человек, говоривших по-казахски, в том числе проживавших в границах современного Казахстана – 3392 тыс. В литературе можно встретить цифру в почти 4 млн казахов, проживавших в Степном крае, и 1,9 млн казахов, проживавших в Туркестанском крае⁴. Однако эти данные представляются завышенными. Еще свыше 0,1 млн казахов проживало вне пределов Рос-

¹ Козина В. В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Кн. первая. Алматы: Оркениет, 2000. С. 44–46.

² Бланк первой Всероссийской всеобщей переписи населения 1897 г. // Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 2. Период капитализма: Учеб. пособие / Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1980. С. 217–220.

³ Брюханова Е. А., Иванова Н. П., Калиева К. С., Егоренкова Е. Н. Дискуссионные вопросы по оценке материалов переписи 1897 г. как источника по истории казахского народа и Казахстана (обзор историографии) // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. Исторические науки и археология. 2019. № 2(106). С. 56.

⁴ Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 21.

сийской империи, в первую очередь в китайском Синь-цзяне¹.

Перепись 1909 г. зафиксировала в Акмолинской области уже 513528 казахов².

По данным Н. Н. Балкашина, всего казахское население составляло в 1830-х гг. 2,5–3 млн человек, в начале 1880-х – уже 3360000 человек. При этом в Российской империи проживало 3250000 казахов³.

В целом, по мнению Ж. О. Артыкбаева, динамика численности казахского населения в XVIII–XIX вв. выглядела следующим образом (см. диаграмму):⁴

При этом численность населения Младшего и Среднего казахских жузов возрастала быстрее, чем Старшего. Так, если население первых двух жузов возросло с момента присоединения к России приблизительно в 2,5 раза, то население Старшего жуза, позже вошедшего в состав Российской империи, за тот же хронологический отрезок – менее чем в 2 раза, составляя на начало XX в. около 600 тыс. человек⁵,

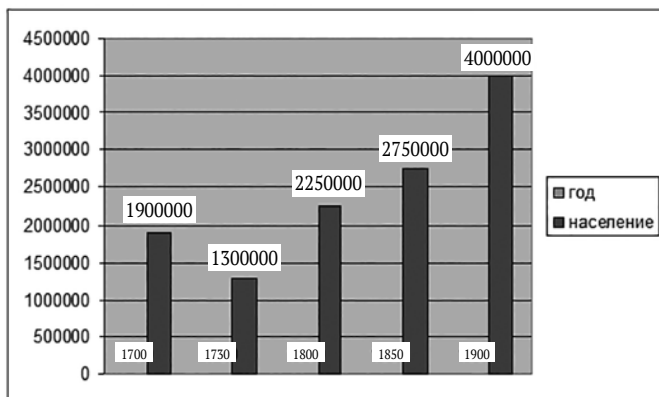
¹ Т. Барышева. Казахское население за пределами края // <https://web.archive.org/web/20180902025414/http://e-history.kz/media/scorm/127/text/text.htm> (обращение 07.12.2021).

² Татарченко Б. В. Динамика общей численности населения Акмолинской области (1870–1917) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеенко. Целиноград: Изд-во обкома компартии Казахстана, 1990. С. 98–99.

³ Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 24–25.

⁴ Сведения взяты из лекции Ж. О. Артыкбаева «Традиция и этнос», прочитанной в Карагандинском государственном университете им. Е. А. Букетова в 1992 г. Перепись 1897 г. определяет численность казахов в 4 млн 84 тыс. человек. По мнению Н. Аристова, в начале XX в. еще около 250 тыс. казахов проживало вне пределов Российской империи. Некоторые современные авторы оценивают численность казахов на рубеже XIX–XX вв. приблизительно в 6 млн человек. Но эта оценка представляется завышенной. Хотя некоторые данные косвенно подтверждают эту гипотезу. Так, согласно рапорту А. Н. Куропаткина, направленному на имя Николая Романова в феврале 1917 г., численность казахов только Туркестанского края накануне Февральской революции составляла 2 млн 615 тыс. человек. См.: Рапорт А. Н. Куропаткина на имя Николая Романова // Красный архив. 1929. № (34). С. 77.

⁵ Букейханов А. Киргизы // Национальное движение в Российской империи. СПб., 1910. По мнению М. Тынышпаева, к 1917 г. население Старшего жуза возросло до 1 млн

значительная часть которых проживала на территории Китайской империи. По официальным данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи численность населения, проживавшего на территории современного Казахстана, составляла 4,3 млн человек, из них казахи составляли 3,4 млн человек, или около 79%¹.

Одним из факторов, влиявших на формирование демографической ситуации в казахском обществе, стала внешняя миграция. К 60-м гг. XIX в. всего в Азиатской России проживало 2,8 млн русских. К 1895 г. сюда переселилось еще около 857 тыс. человек. В период 1896–1914 гг. в Сибири обустроилось более 3161 тыс. новоселов, из них 2,3 млн – в годы столыпинской реформы (см. Приложение 6). Годовое число переселенцев составляло в Сибири в 1860-е – 1870-е гг. около 10 тыс. человек, в 1880-е – от 20 до 30 тыс. человек, в 1890-е – не менее 50 тыс. человек². В результате количество жителей Сибири увеличилось до 5,4 млн в 1897 г. и до 9,6 млн – в 1913 г. Причем всего в Сибири для новоселов было выделено 16,5 млн дес. земли³.

750 тыс. человек, а все казахское население – до 6 млн человек, но, видимо, эти данные значительно преувеличены.

¹ Козина В. В. Население Центрального Казахстана... Кн. первая. С. 45.

² Силина И. Г. Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг. (источники и методы исследования). Автореф. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Барнаул, 2002. С. 15.

³ Горюшкин Л. М. Место Сибири в жизни России и мировом развитии во второй половине XIX – начале XX вв. (к постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 1994. № 2. С. 3–4.

Вольная колонизация Степных областей, происходившая без поддержки властей, в дореформенный период была невысокой. Первые известия о русских крестьянах-переселенцах на территорию современного Казахстана относятся еще к рубежу XVII–XVIII вв. Поскольку они поселились в долинах Верхнего Иртыша или, как тогда именовали гористую местность Алтая – за Камнем, их именовали закаменщиками. Чуть позже стали появляться старообрядческие общины. Власти признали эти группы русского населения подданными Российской империи лишь в конце XVIII в¹. В частности, Густав Штрадман доносил из Усть-Каменогорской крепости о нескольких русских общинах на границах с Китаем². В первой половине XIX в. вольная крестьянская колонизация продолжилась, но она по-прежнему не носила массового характера. Большая часть переселившихся либо обращалась в служилых казаков, либо концентрировалась на так называемой степной стороне, но все же в относительной близости от линейных укреплений, редко отдаляясь свыше 50 верст от них.

Как отмечал степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский, земледелие крестьян-переселенцев зачастую носило примитивный экстенсивный характер, когда при истощении ресурсов бросали освоенные участки и переселялись на новые, целинные.

Из Отчета Г. А. Колпаковского по управлению Степным генерал-губернаторством за 1885 г.

«До 70-х годов настоящего [XIX] столетия колонизация Степного края имела цель только военно-политическую. С этою целью правительство возводило разного рода укрепленные пункты и вызывало из Европейской России крестьян, которых обращало в казачество для увеличения численности состава служилых людей и большего упрочения в Степном крае нашего господства.

С 70-х годов делу заведения степных областей был дан характер исключительно земледельческой колонизации, в следующих

¹ Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. С. 177.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. 1791 г. Д. 55. Л. 5–6 об.

видах: развить в крае сельско-хозяйственную и торговую промышленность и земледелие; сблизить русскую и киргизскую (казахскую – А. Б.) народности; повлиять таким образом на нравы кочевого населения и приучить его к сельским занятиям и хлебопашеству; достигнуть чрез это более или менее быстрого перехода киргиз от кочевого к оседлому состоянию; довести количество русского населения путем колонизации до такой численности, чтобы оно могло укомплектовать часть войск, расположенных в крае, и имело бы в себе достаточный запас на случай, если бы политические события вызвали необходимость сосредоточить военные силы в другом соседнем округе...

Какой ущерб нанесен киргизскому хозяйству отводом берегов Иртыша в пользу Сибирского казачьего войска видно из того, что при станицах живут сотнями киргизы (казахи – А. Б.), нанимающиеся у казаков в работники за самую низкую плату; на рудниках, заводах и каменноугольных копях работают тоже киргизы...

Кроме того, к сожалению, среди переселенцев главный контингент составляют выходцы из Сибири, которые покидают свои участки без всякого основания, лишь по привычке бродить и вести самое хищническое хозяйство; истребив лес и выпавав почву на отведенных им в Тобольской и Томской губерниях участках, они идут далее, поселяются в лучших местах киргизской (казахской – А. Б.) степи, около озер, окруженных лесами, и выловив рыбу, вырубив лес и выпавав почву, направляются еще далее, чтобы продолжить свое истребительное движение, похожее на шествие саранчи»¹.

Освобождение русских крестьян от крепостной зависимости и стремление расширить земельные владения для самообеспечения, реже для промышленной эксплуатации, вызвали процесс расширения вольной крестьянской колонизации. В Степном крае наиболее активно заселялись Акмолинская и Уральская области, а также участки по берегам рек и озер. Темпы вольной колонизации до начала столыпинской аграрной реформы, создавшей условия для ускорения переселения за счет предоставлявшихся льгот и пособий, постоянно возрастали.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 13, 17 об.

Так, по сведениям А. Букейханова, опиравшегося на данные переселенческого отряда Западной Сибири, в Кокчетавском и Петропавловском уездах число переселявшихся крестьян-новоселов постоянно возрастало (см. ниже):

Период	Семей	Чел. (приблизительно)
1860–1875	30	150
1876–1878	287	1700
1879–1881	304	1800
1882–1884	373	2200
1885–1887	418	2500
1888–1890	2140	12000
Итого за 1860–1890	3552	20350
Среднее число в семье (чел.)		5,7

Вышеприведенная таблица не включает переселенцев-новоселов Атбасарского и Акмолинского уездов (где за вышеозначенный период было образовано 11 поселков (10 и 1 соответственно))¹.

Существовало несколько проектов местных властей, стремившихся взять под контроль процесс переселения.

Так, в 1861 г. генерал-губернатор А. О. Дюгамель сообщил императору о том, что степи Сибирского ведомства более пригодны для земледелия, чем степи Оренбургского ведомства. Вместе с тем большая их часть пригодна исключительно для кочевого скотоводства. По его мнению, удобные места следовало заселять русскими переселенцами, а не пытаться приучать к земледелию казахов. Создание русских земледельческих колоний в первую очередь должно было гарантировать стабильность и верноподданничество территорий по отношению к Российской империи. Несколько позднее автор проекта с сожалением отмечал, что в тот период ход ему не дали².

¹ Букейханов А. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. С. 68. Пересчет суммы и относительных показателей – наш. – А.Б.

² Катанаев Г. Е. Очерки былого. Историко-биографический очерк. Омск: ООО «Омскбланк-издат», 2012. С. 305–416.

Были и другие проекты, не нашедшие одобрения правительства.

Помимо изъятий земель для переселения крестьян и для развития промышленности, в первую очередь горнодобывающей, земли изымались из пользования кочевников и под дачи, а также под заказники и курорты. Причем в этих случаях не имело значения, эксплуатировались они кочевниками или земледельцами. Так, в 1898 г. в Боровом открыли лесную школу и лесничество, а в 1910 г. эта местность официально приобрела статус курорта. В результате местных казахов переселили в соседние местности Кокчетавского же уезда. Часть земель в Боровом получила статус памятника природы, и там была запрещена всякая хозяйственная деятельность, вне зависимости от социального и этнического происхождения живущих здесь людей¹.

Лишь в годы Первой русской революции правительство всерьез стало рассматривать возможность контролируемого и льготированного переселения крестьян из европейских в азиатские губернии империи.

Помимо стремления ослабить аграрный кризис в Европейской России, увеличить число русских в Степи, чем правительство пыталось предотвратить рост сепаратизма, рассматривались варианты компактного расселения русских крестьян по юго-восточным государственным границам для создания некоей охранной зоны, которая предотвращала бы контакты казахов с соседними странами, в первую очередь с Китаем. Причем такая позиция не являлась мнением какого-то отдельного лица, а отстаивалась официальным органом, ответственным за колонизационные процессы, – Переселенческим управлением².

Столыпинская реформа привела к кратному росту числа переселенцев. Причем наиболее интенсивно процесс переселения происходил в Степных областях, где до 1914 г.

¹ Мухамадеева И. А., Ельжанова Е. Т., Мухамадеева Р. М. История поселка Борового в ракурсе модели Батлера // Вестник Карагандинского университета. Сер. История. Философия. 2023. № 2(110). С. 200.

² Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1910 год в Общем Собрании Государственной Думы. Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 432.

темпы расширения посевных площадей к тому же значительно опережали темпы роста народонаселения¹.

Лишь в 1915 г. в связи с Первой мировой войной произошло некоторое сокращение посевных площадей². О зависимости степени развития земледелия от плотности населения можно судить и по тому, что за период 1914–1922 гг. в результате войн и миграций население Степных областей сократилось с 4811662 до 3795963 человек, а посевные площади с 3,6 млн до 1,6 млн десятин³, т.е. сокращение населения на 21,1% привело к сокращению земледелия на 55,6%. Естественно, что этот показатель зависел от сокращения численности русского крестьянства, но на столь существенное преобладание темпов сокращения земледелия, несомненно, оказал влияние и обратный переход части казахов к кочевому скотоводству, ставший возможным в результате уменьшения критической массы давления населения на единицу площади.

Общий прирост переселенческого населения в Степные области, по официальным данным переселенческого управления, за период 1906–1916 гг. составил в Акмолинском переселенческом отделе 276679 д.м.п., в Тургайско-Уральском – 221119, в Семипалатинском – 82789 д.м.п., а всего в казахские степи переселилось 673913 мужчин или около 1 млн 300 тыс. человек⁴. По мнению современных исследователей-демографов, это число было даже большим. С вычетом возвратившихся на прежнее место проживания за период с 1896 по 1915 г. 2027263 человека в Степных областях за годы столыпинской аграрной реформы искусственный прирост составил 714395 человек⁵.

¹ Шаймерденова К. К. К вопросу о социально-экономическом положении крестьянства Казахстана накануне Великого Октября // Известия АН КазССР. Сер. «Общественные науки». 1990. № 4. С. 52.

² Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1960. С. 160.

³ История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / Гл. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Изд-во «Дауир», 1993. С. 299.

⁴ См.: Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг. // ВК. 1920. № 20. С. 54–55.

⁵ Алексеев Н. В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 70.

Распределение пришлого населения по территории Степных областей было чрезвычайно неравномерным и определялось степенью пригодности участков для развития земледелия (см. Приложения 6–8). Поэтому преимущественно осваивались северные уезды Степных областей.

Все исследователи сходятся во мнении, что наибольшую антропогенную «нагрузку» испытала в тот период Акмолинская область¹, в которую вселилось свыше 39% всех крестьян-переселенцев в Азиатскую Россию, и уже в 1909 г. численность переселенцев здесь превысила численность казахского населения – 607474 и 513528 человека соответственно².

Приток переселенцев способствовал резкому изменению демографической ситуации в Степных областях и формированию здесь полиэтничного и поликонфессионального общества. Доля казахского населения в Степном крае к 1917 г. по сравнению с 1897 г. сократилась с 81,7% до 58%. При этом происходил численный рост казахского населения. К 1917 г. число казахов превысило 3,6 млн человек, т.е. прирост по сравнению с 1897 г. составил ок. 6,5%³, но темпы миграционного прироста неказахского населения в тот же период были намного выше. Следует отметить, что демографические тенденции развития Российской империи также протекали в этом направлении. Если в Степных областях казахи (мусульмане-сунниты) переставали быть этнической группой, занимавшей сегмент свыше 90%, то в Российской империи русские (православные христиане) также уменьшили степень своего абсолютного доминирования. Так, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., мусульмане (и это без учета населения Хивинского и Бухар-

¹ Общие итоги переселенческого движения в Казахстан в целом и в Акмолинскую область в частности приведены в работе: Базанова Ф. Н. Формирование национальной структуры населения Акмолинской области (на материалах крестьянского переселения) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеев. Целиноград: Изд-во обкома компартии Казахстана, 1990. С. 10–14.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 4. Д. 755. Л. 403.

³ Население Казахстана в 1917–1939 гг. // <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9313> (публикация 05.09.2013; обращение 07.12.2021).

ского ханств, где мусульмане доминировали) составляли уже 11,6% подданных Российской империи¹.

В историографии стало некой аксиомой утверждение, что за период XVIII – начала XX вв. у казахов в пользу казачества, крестьян-переселенцев, под государственные дачи и в запасной фонд было изъято около 40–45 млн дес. земельных угодий (ок. 16–18% территории современного Казахстана, которая превышает ареал расселения основной части казахов в имперский период). Цифра представляется небесспорной, но факты массовых изъятий игнорировать нельзя, а с ним тенденцию сокращения ареала кочевий. Рост народонаселения и невозможность расширения ареала проживания привели к перенаселенности. Интегральное традиционное общество оказалось неспособным на быструю интенсификацию хозяйства. Сработал лишь механизм саморегуляции в форме замедления естественного прироста населения. Если прежде у 1000 женщин-казашек рождалось около 95 детей в год, то за 1893–1902 гг. коэффициент рождаемости в Западном Казахстане составил: у казахов – 89; у иногородних – 92; у казахов – 58,8, т.е. рождаемость у казахов Младшего жуза была ниже, чем у казахов, в 1,5 и у иногородних – в 1,6 раза. Соответственно годовой прирост у казахов составил 16,7, у иногородних – 15,7, у казахов – 9,4².

Сокращение рождаемости зафиксировано и у казахов Среднего жуза. Так, за период 1897–1915 гг. в Акмолинской области она снизилась на 25,1 рождений на 1000 женщин. У русских за это же время баланс рождаемости возрос на 13,06, у украинцев возрос на 11,2 рождений на 1000 женщин, у остальных этносов баланс рождаемости остался практически неизменным³. Таким образом, сокращение рождаемости казахов-кочевников было не локальной, а общей тенденцией в Степном крае.

¹ Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII – начале XX в. (исламское богослужение и мечети). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Казань, 2006. С. 7.

² Сдыков М. Н. Указ. соч. С. 81, 107–108, 189.

³ Базанова Ф. Н. Указ. соч. С. 13.

Вероятно, такая адаптивная реакция, как снижение рождаемости, смогла бы на некоторое время продлить существование родовой традиции, но она не могла справиться с искусственным приростом населения. В результате происходит переход «лишней» части сообщества к иным, более интенсивным и неприемлемым прежде, формам хозяйственной деятельности. Накануне реформы 1861 г., предвидя увеличение потока крестьян-переселенцев, оренбургский губернатор А. А. Катенин писал: «Единственным способом к доставлению киргизам (казахам – А. Б.) возможности существовать в степи, увеличиваясь постоянно в числе путем естественного размножения, предлагается постепенное изменение их образа жизни из пастушеского в земледельческий. К этому стали уже приходить киргизы сами собою»¹.

При общем замедлении темпов роста уровня рождаемости у казахов фиксируется значительная разница естественного прироста в кочевом и оседлом регионах:

Естественный прирост населения (в %):

Год	Тургайская область		Уральская область	
	Оседлое	Кочевое	Оседлое	Кочевое
1900	1,964	1,388	1,716	0,889
1910	1,683	1,063	1,509	0,57
1914	2,042	1,797	1,61	0,007

О приросте населения в казахском анклав – Внутренней (Букеевской) орде можно судить по данным Приложения 9.

Из приведенных данных следует, что процесс демографической саморегуляции в форме уменьшения рождаемости протекал среди казахов-кочевников и не действовал при их переходе к оседлости². М. Н. Сдыков выдвинул тезис о снижении общего уровня жизни казахов, аргументируемый снижением у них рождаемости в указанный период. Однако такое утверждение нам представляется неубедительным,

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2751. Л. 142.

² Сдыков М. Н. Указ. соч. С. 189–190.

поскольку эти показатели не имеют прямой корреляции. Напротив, продолжительность жизни и смертность с уровнем жизни коррелируются, и данные самого М. Н. Сдыкова фиксируют улучшение уровня жизни казахов¹. Более того, в начале XX в. статистикой было зафиксировано снижение детской смертности среди детей до трех лет у казахов примерно на четверть по сравнению с концом XIX в.².

Таким образом, вхождение казахов в состав Российской империи способствовало внутри- и внешнеполитической стабилизации положения и создавало условия для относительно быстрого роста их народонаселения. Вместе с тем высокий естественный прирост и возрастание абсолютно-го числа жителей в условиях ограниченности номадного ареала оседло-земледельческими зонами и невозможности в тех условиях экстенсивного прироста привели к тому, что на рубеже XIX–XX вв. в среде казахов-кочевников возникла ситуация демографической перенаселенности. Внешний искусственный прирост населения и изъятие части территорий в переселенческий фонд усугубили это положение и стали основной причиной неизбежного массового перехода кочевников-казахов к иным формам хозяйственной деятельности. Сокращение рождаемости в начале XX в. уже не смогло спасти традиционный социально-экономический кочевой уклад, и его качественная трансформация оказалась неизбежной и объективно необходимой для успешного обеспечения жизнедеятельности казахского общества и его развития по пути социально-экономического прогресса.

¹ Там же. С. 189, табл.

² Введенский И. Частное землевладение в Западной Сибири // ВК. 1912. № 10. С. 41.

**§ 2. Ликвидация ханской власти у казахов
(звания и должности) и становление бюрократической
системы управления в Степи**

С момента формального включения Младшего казахского жуза в 1731 г. в состав Российской империи начался процесс кооптации казахских владетелей в имперскую политическую иерархию. Причем первоначально они включались с теми же званиями (здесь равно названиями), которые имели в традиционной структуре казахского социума: хан оставался ханом, султан – султаном. Однако новая роль, которую играли казахские владетели перед лицом России, оказала существенное влияние на изменение их статуса. В российской политической и генеалогической структурах не было аналогов казахских институтов, т.е. просто не существовало таких званий. Включение части казахской знати в состав империи не привело к изменению иерархии званий. Напротив, новая роль хана и ряда султанов оказалась сопряженной с обязанностью исполнения ряда функций, которые характерны для находящихся на государственной службе лиц. Звание хана постепенно, во всяком случае, с точки зрения российских властей, стало восприниматься именно как должность. Казахи же по-прежнему воспринимали этот институт в традиционном понимании.

Чрезвычайно показательна в этом отношении переписка российских властей и хана Абулхаира по поводу нападений казахов Младшего жуза на купеческие караваны, а также на российских верноподданных башкир, калмыков и уральских казаков. Российские власти требовали прекращения подобных действий, в противном случае угрожая Абулхаиру его отстранением, т.е. фактически увольнением со службы. Так, в инструкции Сената и Коллегии иностранных дел для бригадира А. И. Тевкелева от 31 января 1747 г. отмечалось: в случае невыполнения ханом означенных требований нужно «ево (Абулхаира – А. Б.) от ханства отставить, а вместо ево выбрать, ханом произвести из доброже-

лательных старшин»¹. Абулхаир, объясняя российскому правительству свое бессилие и невозможность пресечь подобные действия, писал императрице: «Народ наш подобно диким зверям ... и оной киргиз-кайсацкой (казахский – А. Б.) народ мне противны были»². В данном случае заметно, что Абулхаир ссылаясь на свой ханский статус в потестарной структуре – на звание, а российские власти делали упор на его функциональные должностные обязанности. Именно в этом ключе следует трактовать и отказ российских властей от признания в 1742 г. официальным ханским наследником сына Абулхаира – Нуралы³.

Противопоставляя казахских султанов и ханов друг другу, российское правительство фактически стимулировало протекание в латентной фазе конфликта внутри казахского общества. Управляя конфликтом, российские власти могли без широкомасштабного применения военной силы контролировать общее течение политических процессов, направляя их в приемлемое для себя русло. Вместе с тем со стороны казахских владетелей долгое время исходила угроза сепаратизма и вооруженных выступлений против России. В таких условиях, а также в связи с постепенной более глубокой интеграцией окраин в общеимперскую инфраструктуру все актуальнее звучал вопрос об изменении системы управления в казахской степи и ограничении внутреннего самоуправления. Первыми шагами на пути к изменению такой ситуации стали попытки ликвидации института ханской власти в его традиционном восприятии, т.е. в качестве звания.

Выдававшиеся российскими властями подарки (первоначально фактически взятки), принимая регулярный характер, становились платой за выполнение поручений, постепенно превращаясь в жалованье. Если вначале российские власти, исполняя просьбы казахских султанов, зачастую

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 13; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1743 г. Д. 3. Л. 120 об.

² КРО-1. С. 97.

³ Лапин Н. С. Деятельность О. А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012. С. 156.

передавали так называемые «подарки» тайно, то постепенно характер таких подношений становился фиксированным и осуществлялся открыто. Точнее, лишь часть сумм или товаров в натуральном виде передавалась явно, остальные – тайно¹. Здесь, кстати, прослеживается процесс изменения восприятия обычая самими Чингизидами, стремившимися сконцентрировать таким путем богатства в частной собственности, не показывая ее размер корпорации. Оренбургские начальники – генерал-губернатор И. И. Неплюев и генерал-майор А. И. Тевкелев – писали в 1748 г. в Коллегию иностранных дел: «Когда хану определено будет жалование, тогда хотя б и всем народом пожелали сами собою без указу хана выбрать, но тот солтан ведая, что лишится е.и.в. милости и жалованья ханства не примет, да и старшины не захотят, чтоб хан их был без жалованья, ибо у них древней обычай, яко полученное им должен он со всеми старшинами разделять»². Более того, ряд сложных вопросов можно было решить в то время только посредством регулярных выплат. Так, ссора с ханом Нуралы, вызванная нецензурной бранью по отношению к нему оренбургского генерал-губернатора Давыдова, была прекращена после того, как стали «выдавать и братьям его (хана – А. Б.) жалование, чтоб их задобрить»³.

В сибирском ведомстве поступали аналогично. Так, в 1775 г. генерал-поручик И. А. Деколонг затребовал от Сибирской губернской канцелярии отпустить ему 1950 руб. Из них: на угощение казахов – 1000 руб.; денежное жалование Аблаю – 300 руб., султану Салтамамету – 150 руб.; на экстраординарные расходы 500 руб. Причем отмечалось, что казахи берут жалование только серебром⁴. Т.е. казахская

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 32–32 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 63; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 174 об.

³ [Мейер Л.] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Л. Мейер. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 14–15.

⁴ Андрейчук С. В. Роль командования Сибирского корпуса в колонизационных процессах на юге Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX века: внешнеполитические и внешнеэкономические аспекты // Армия и военное управление. 2011. С. 129–130. Запрошенная сумма была весьма существенной для губернского бюджета того времени.

элита уже в этот период вполне осознавала, что покупательная способность бумажных, медных и серебряных денег в России в тот период существенно различалась, хотя их эмиссия была осуществлена впервые лишь в 1769 г. Разница между ассигнациями и серебряными деньгами в 1775 г. составляла около 15%. Кроме того, бумажные деньги первых выпусков имели слабую защиту, и потому рынок наполнился фальшивыми ассигнациями¹. Весьма вероятно, что и это было известно казахским султанам, получавшим подарки и жалование.

Российские власти осознавали, что использование корыстолюбия определенных кругов казахской аристократии – недостаточное условие сохранения их верноподданнических обязательств. В 1763 г. Екатерина II писала оренбургскому вице-губернатору Д. В. Волкову, что «дача жалования киргисцам (казахам – А. Б.) не довольная еще политика к возбуждению их любви и склонности к России»², необходимы были иные меры. Местные же российские власти понимали необходимость использования традиционных институтов для поддержания относительной стабильности и преемственности в управлении, но в то же время необходимость ее постепенной трансформации, с предложением о чем неоднократно выходили в правительство. Так, еще А. И. Тевкелев испрашивал позволения правительства, чтобы у кочевников «по нынешнему их состоянию обряды или порядки некоторые убавить, а некоторые ж вновь прибавить»³. В конечном итоге необходимо было стремиться к тому, «чтоб киргисцы (казахи – А. Б.) Россию собственно для России любили и помаленьку русели»⁴. Поиски путей решения этих вопросов представителями оренбургской

Например, на тот момент в губернской канцелярии было всего 507 руб., 500 руб. были дополнительно запрошены в Тарской канцелярии, но всей требуемой суммы собрать так и не смогли.

¹ Муравьева Л. А. Деньги и денежное обращение при Екатерине II // Финансы и кредит. 2010. № 14(398). С. 76–78.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Док. № 491. С. 452.

³ Там же. Док. № 489. С. 439.

⁴ Там же. С. 447.

администрации протекали в различных, иногда противоположных, направлениях. Один из них был предложен П. И. Рычковым в докладе с характерным названием «Представление о состоянии Киргиз-Кайсацких орд, и способах к приведению их к спокойному пребыванию и ко исполнению подданных должностей» (1774 г.)¹. Он сводился к необходимости просвещения в первую очередь аманатов – вероятного резерва грядущего бюрократического аппарата из числа инкорпорированных в российские структуры представителей традиционной казахской знати.

Одним из средств реализации стратегических целей являлся процесс превращения традиционных званий в должности. Первым шагом к этому стало формирование финансовой зависимости части казахской аристократии от России. Вторым шагом стала выработка и доведение до сведения претендентов на замещение четких, весьма определенных обязанностей и полномочий ханов и султанов. Они обязывались заботиться об охране транзитных караванов, обеспечении губернской администрации сведениями о социально-политической и экономической ситуации в сопредельных государствах, способствовать безопасности в «пограничье». В соответствии с должностными обязанностями они несли ответственность за их частичное или полное невыполнение. Так, за потерю караваном части имущества султаны и хан могли лишиться части своего ежегодного жалования², а за недостаточное обеспечение спокойствия на российско-казахских «границах» и набеги казахов на российские поселения – должности³. Первый оренбургский генерал-губернатор И. И. Неплюев, обосновывая целесообразность смещения Абулхаира, писал о возможности ротации ханов и султанов: «Ежели такой жалованье получающий хан, примет злое намерение, а достать и поймать будет его невозможно, тогда определенное ему жалованье[,] объявля разом[,] отрешить [,] и из солтанов одного надежного на его место

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 15 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 33 об. – 34 и др.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 47 и др.

ханом и с жалованьем определить»¹. Напротив, ретивое исполнение казахами служебных обязанностей поощрялось повышением годового оклада, вручением наград и переводом на иные должности вплоть до протекции при избрании в ханское звание. Конечно, взаимные подарки, формальное обязательство уплаты ясака были в первую очередь средством демонстрации внешнеполитической зависимости казахских владетелей от России. Однако представляется, что уже с первых моментов становления имперской системы это же являлось элементом воздействия на само казахское население, основная масса которого восприняла первые формальные шаги по присоединению Казахстана к Российской империи весьма индифферентно. Российская сторона придавала этому вопросу серьезное значение. А. И. Тевкелев, в частности, писал, что казахи, «слыша о таком жалованье [Чингизиды] признают, что оной подлинно состоит в Российском подданстве»².

Вопрос о назначении регулярного регламентированного жалованья казахским владельцам требует своего детального изучения, поскольку проливает свет на становление механизмов генезиса и эволюции колониальной системы управления Российской империи. По данному вопросу в правительстве существовало несколько точек зрения. Первоначально доминировало мнение, что «жалованье хану определять бы и не стоило, поскольку это создаст прецедент, и того же потребуют правители калмыков и горских народов»³. Настоятельные просьбы оренбургских властей в конце концов были поддержаны с условием, чтобы привлечение казахских владетелей на службу повысило торговый оборот России со странами Средней Азии.

Изначально выдача жалованья рассматривалась правительством именно как плата за службу, и «хотя сам хан для ежегодного свидания (отчета – А. Б.) приезжать и не обязан,

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 63; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 174–174 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 63; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 175.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 64; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 176.

но письма ежегодно присылать должен»¹. Выплата жалования казахским владельцам действительно стала прецедентом, и к таким действиям приступили и в отношении иноверческой знати иных этнических групп империи, но это же способствовало выработке нового механизма кооптации аллогенов в имперские структуры и определенной унификации подходов к осуществлению взаимодействия знати православных и неправославных народов в составе России.

Зависимость казахских ханов подчеркивалась их конфирмацией² со стороны российского правительства, а также необходимостью составления периодических письменных отчетов и т.п. Этот процесс был затруднен рядом объективных обстоятельств: отсутствием опыта чиновничьей деятельности у казахов, низким образовательным уровнем, проблемой выбора языка общения и рядом других. В постепенно создававшихся административных органах накапливалась масса бумаг, требовавших решения вопросов и т.п. Естественно, возникала волокита и условия для процветания коррупции. Большие трудности были связаны с высокой географической мобильностью населения, затруднявшей функционирование фискальной и полицейской систем, а также с различиями менталитетов российского чиновничества и основной массы казахов-кочевников. Однако даже эти трудности не стали препятствием на пути становления и развития, качественного и количественного роста бюрократического аппарата в казахской степи.

После смерти хана Абулхаира Тевкелев писал в правительство, что среди казахов целесообразно «домогатся главного хана указом зделать; понеже ежели кто из них указом зделан будет, тот может и милость помнить». Кроме того, представители оренбургской администрации про-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 66; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 177.

² Процедура конфирмации казахских ханов и элементы ее эволюции достаточно подробно описаны в: Сухих О. Е. Империя напоказ, или имперский опыт воспитания верноподданных чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 144–148.

гнозировали, что «впредь тот порядок в обычай войдет»¹. Российские власти при выборах на ханство стремились поддерживать креатуры относительно слабых, безвольных султанов. Они становились марионетками в руках правительства и губернской администрации. В случае избрания казахами сильного, своевольного султана он не признавался в таковом достоинстве российскими властями. Так произошло с непризнанием в ханском достоинстве султанов Каратая, Арынгазы, Каип-Гали, Кенесары, Абулгазы. Лишь через восемь лет после избрания российскими властями был утвержден в ханском достоинстве Аблай. Правительству были необходимы исполнители его воли, иначе говоря, бюрократы, а не харизматические лидеры, каковыми являлись ханы по званию.

Параллельно правительство продолжало противопоставлять друг другу как династические ветви Чингизидов, так и отдельных султанов и ханов. В одной из инструкций середины XVIII в. отмечалось, что «нынешняя их форма правления, по дикости народной и по ситуации обоих орд (Младшего и Среднего жуза – А. Б.), для высочайших е.и.в. интересов такова, каковой всегда быть надобно. Ибо, что сильная ханы, тем под случай народного их беспокойства, в усмирении их большаи трудностей. Лутчее, кажется, средство в нынешней их мере содержать, не допуская ни ту, ни другую сторону, как силиться, так и в большое безсилие приходить»².

Первым опытом вмешательства российских властей в процесс избрания казахами хана являлись выборы хана после гибели Абулхаира, убитого султаном Среднего жуза Бараком³. Российские власти поддержали кандидатуру старшего сына Абулхаира – султана Нуралы. «Надобно было на место его (Абулхаира – А. Б.) выбрать хана, то дабы но-

¹ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар.15. 1748 г. Д. 8. Л. 240.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 92–93; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар. 17. 1748 г. Д. 3. Л. 233 об.

³ Вдова Абулхаира Попай считала, что убийство Абулхаира являлось в первую очередь «безчестием» для России, обязавшейся обороной Младшей орде. На это она указывала в своем письме к императрице и оренбургскому губернатору. См.: Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / Под ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Док. №92. С. 245.

вый хан толь и как здешнюю сторону одолженным был, старание приложено о выборе в ханы, нынешнего Нурали Хана...»¹. Официально ему был утвержден размер жалования в 600 рублей серебром, из которых выдавалось тайно 400 рублей. В качестве атрибута власти вручена сабля, а «двум его братьям Эрали и Айчувак Солтанам по 200 рублей определено... Эралию недавно... [за] старания в препровождении караванов и еще 150 рублей прибавлено»². Более того, оренбургской администрации удалось добиться от хана письменной просьбы об утверждении его в этом достоинстве. 17 октября 1748 г. Нурали отправил на имя императрицы письмо следующего содержания: «По совету вашему... все знатные бии собрався в ханы меня выбрали, и[,] хотя я оное ханское правление на себя и снимаю, токмо без особливого е.и.в. высочайшего указа на ханство вступить и главным ханом быть не в состоянии»³. Понятно, что для Нуралы это письмо не имело того значения, какое этому факту придавали российские власти. Поскольку казахи воспринимали вступление под протекторат России в качестве обратимого шага, рассматривая возможность его прекращения в удобном для себя случае⁴. Не исключал такой возможности и хан Абулхаир. Это предположение находит многочисленные подтверждения в источниках. Например, из донесения Арслана Бекметьева Неплюеву, датированного 1746 г., следует, что: «По всем... его (хана Абулхаира – А. Б.) обхождению видно, что он имеет намерение от российской стороны отделиться»⁵. Российская же администрация исходила из норм европейского права и в дальнейшем использовала такие официальные документы в качестве правового прецедента, налагавшего обязательства.

Попытки Нуралы проводить относительно самостоятельную внешнюю политику, что в известном смысле удавалось

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 32.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 33.

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар. 17. 1748 г. Д. 8. Л. 21–21 об.

⁴ Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С. 19

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

его отцу и ряду других владельцев, натолкнулись на противодействие российских властей. Это выражалось как в открытом противостоянии, так и в неоказании помощи новому хану в реализации его инициатив. Например, оренбургская администрация не поддержала претензий хана Младшего жуза на получение ханского достоинства в Хиве и у каракалпаков, не оказала помощи в его попытках ослабить власть Батыра в поколении алимулы Младшего жуза и власть Барака в Среднем жузе и т.д. Вместе с тем Нуралы был подтвержден в статусе хана казахов, а не хана Младшего жуза, для поддержания напряженности в отношениях между двумя ветвями казахских Чингизидов – Жадигидами и Осекидами.

Авторитет хана в традиционном казахском обществе во многом зависел от того, насколько успешно он способствовал расширению ареала кочевий, развитию торговли с соседними оседлыми регионами, откуда кочевники получали необходимые земледельческие продукты и ремесленные товары, а также от того, насколько успешными были его военные действия, в том числе грабительские набеги. В первые годы своего правления Нуралы не сумел в полной мере проявить эти качества, в результате его власть была номинальной. Опасаясь конкуренции со стороны поколения Жадигидов и стремясь расширить торговые связи с приуральскими и сибирскими поселениями, Нуралы объективно был вынужден искать пути расширения контактов с российской администрацией, в лице которой он мог найти поддержку ряда своих инициатив и опору собственной непрочной власти. Российские власти долгое время поддерживали достаточно прохладные отношения с Нуралы, делая ставку на султанов Среднего жуза – сначала Барака, а затем Аблая. Причина этого крылась в том, что Средний жуз был более многочисленным, и экономическое благосостояние его населения было выше. К тому же он занимал важное стратегическое положение, являясь определенным мягким буфером между Россией и Джунгарией, а после ее разгрома – между Российской и Цинской империями. К тому же султаны Среднего жуза в значи-

тельной мере контролировали караванные пути в Хиву и Бухару¹.

Положение качественно изменилось с 1755 г. Начавшийся башкирский бунт вынудил местные оренбургские власти искать более тесного сотрудничества с владельцами Младшего жуза, в первую очередь с Нуралы. Желание улучшить отношения оказалось взаимным. Губернатор И. И. Неплюев позволил казахским султанам грабить и захватывать в рабство беглых башкир. В «Выписке о башкирцах», составленной Коллегией иностранных дел, отмечалось, что казахи Младшего жуза «беглых башкирцев по большей части разграбили и жен от мужей, а детей от отцов и матерей разлучили и таким образом учинили пленниками, причем между самими киргис-кайсаками у одного рода с другим происходили за них драки и убийства»². О масштабах грабежа можно судить хотя бы по тому, что в один день Нуралы выдал Текелеву около 6 тысяч рабов из бывших пленных башкир³.

В своем обращении к И. И. Неплюеву Нуралы подчеркивал, что фактом выдачи башкирских пленных властям он доказывает свое верноподданство императорскому престолу. В качестве награды казахский хан получил привилегию кочевания по Яику, в чем, кстати, было отказано его отцу, хану Абулхаиру, который в 1748 г. при встрече с И. И. Неплюевым близ Орской крепости смог добиться лишь разрешения на кочевье в междуречье Илека и Берды (совр. название – Бердянка)⁴.

Как отмечал Ф. Лобысевич, на Заяицкую сторону перешло свыше 50000 башкирских семей. Российским властям были выданы далеко не все. Многие были обращены в рабов и оставлены жить среди казахов. Помимо прочего именно

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 153; Анисимова И. В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Барнаул, 2004. С. 14.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 246.

³ Там же. Л. 247 об.

⁴ Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР. С. 104, 114.

это стало причиной многолетнего негативного отношения башкир к казахам. Позднее для нормализации казахско-башкирских отношений российской администрацией «было затрачено пропасть денег, крови и трудов, но нравственную неприязнь уже преодолеть было нельзя»¹.

В 1771 г. то же самое было позволено сделать казахам и по отношению к возмущившимся против России волжским калмыкам².

Помимо прочих вознаграждений за исполнение служебных обязанностей (в данном случае – за исполнение полицейских функций) зимой 1755 г. казахам было разрешено переходить на правую сторону Урала для зимнего кочевания. Это, с одной стороны, повысило авторитет Абулхаиридов. С другой стороны, это рассматривалось правительством в качестве дополнительного финансирования должности хана, поскольку правительство и местные власти не сопротивлялись тому, чтобы Нуралы и его родственники ввели регулярный однопроцентный сбор с казахов за перегон скота через Урал³. Для ограничения роста популярности Нуралы использовались различные способы, в том числе и поддержка антиказахских выступлений иных нерусских групп империи⁴, и запрет кочевать в волжско-уральском междуречье.

Усиление зависимости Нуралы от российской администрации и выполнение им административных функций в качестве отправителя должности хана приводило к ослаблению его позиций в традиционной иерархии и падению его авторитета, т.е. к определенному ограничению его полномочий в качестве хана по званию, а в значительной мере и к девальвации самого звания. Обычно-правовые и институциональные статусы и роли начинали в данном случае вступать в противоречие, которое с течением временем все

¹ Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства (Очерк). М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерова, 1891. С. 6.

² См.: Архив ИВР РАН. Раз. II. Оп. 7. Д. 3, 4.

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1775–1786 гг. Л. 2. Есть свидетельство, что сбор не всегда был пропорциональным числу голов скота, а мог быть фиксированным и составлял «с каждого коша 2 лошади и по 1 барану. Сверх сего дети ево, хана, коих имеет 40, подъезжая к тем-же местам, собирали с народа каждой равную-же для себя часть». См. АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1775–1786 гг. Л. 189.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 12 об. – 15 об. и др.

более усиливалось. Примером реакции хана на изменение ситуации является его попытка добиться у российских властей утверждения наследником своего сына Ишима (Есима). Современные правоведы отмечают, что казахское обычное право не знало наследования по завещанию и усмотрению наследователя¹. Как справедливо отмечал А. И. Левшин, «желание это было ново, но не противоречило видам России»².

Стремясь предотвратить всяческую возможность проявления сепаратизма со стороны ханов, в 1780-х гг. О. А. Игельстром предложил ввести одновременно в Младшем жузе должности трех ханов, в качестве кандидатуры предложив потомков Каипа, установив правление каждого в одном из племенных объединений (алимулы, байулы и жетыру), а несколько позднее пришел к выводу о необходимости полного упразднения этой должности³. В 1785 г. Екатерина II утвердила предложение о ликвидации ханской власти (должности в российской административно-политической иерархии) в Младшем жузе с пожеланием, чтобы казахи стали «привыкать к непосредственному руководству наших главных там начальников военных»⁴. Хан Нуралы был приглашен для беседы на линию, задержан и помещен под домашний арест в Уфе, где и скончался. В качестве формального объяснения казахам такого поступка со стороны российских властей была выдвинута идея защиты интересов шаруа. В донесении О. А. Игельстрорма Екатерине II отмечалось, что «Нурали хан, первые 8 лет правления своего следовал примеру отцовскому, но назад тому уже 30 лет, отделяя от себя всех лучших старшин, с которыми наперед имел согласие и советы, нимало не попечается о благе народном, но еще к удовольствованию своего корыстолюбия, разные оному притеснения чинит»⁵.

¹ История государства и права Казахской ССР. Ч. 1 / Под. Общ. ред. С. С. Сартаева. Алма-Ата: Мектеп, 1982. С. 73.

² Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. С. 245.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 16–19, 45–50.

⁴ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1785 г. Д. 2. Л. 2 об. – 3.

⁵ АВПРИ МИД РФ. Оп. 122/1. 1775–1786 гг. Д. 2.

Как показал в своей монографии Н. С. Лапин, вопрос о ликвидации ханской власти в Младшем жузе в период реформ Игельстрома нельзя считать решенным российским правительством и оренбургской администрацией. Даже Екатерина II рекомендовала рассмотреть возможность утверждения в ханском достоинстве султана Каипа. Вопрос об упразднении ханской власти периодически ставился, но всегда облекался либо в форму целесообразности отстранения от власти конкретного лица, либо обрастал массой оговорок, которые номинально позволяли сохранять институт ханской власти¹.

Подобные же просьбы «простого народа» стали поводом к ограничению российскими властями полномочий Вали-хана в Среднем жузе² и утверждению в ханском достоинстве султана Букея (сына султана Барака), который ханствовал параллельно с потомком Аблая.

По инициативе О. А. Игельстрома был учрежден ханский совет, позднее – родовые расправы и ряд иных органов, руководство которыми также было сопряжено с исполнением определенных задач, выполнением постановлений вышестоящих органов губернской администрации. Лицами, принятыми на должность, стали представители традиционной знати кара-суйек.

Мы согласны с мнением А. Б. Каменского, что в Российской империи XVIII в. «рационализация управления на бюрократических принципах приходила в противоречие со стремлением государства к воспроизводству и консервации сословной структуры западноевропейского типа. Другая тенденция, направленная на оптимизацию и рационализацию механизмов управления на основе принципов камерализма, привела к формированию разветвленного бюрократического аппарата»³.

¹ Лапин Н. С. Деятельность О. А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012. С. 218–221.

² Левшин А. И. Указ. соч. С. 282.

³ Каменский А. Б. Элиты российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 120.

В изменившемся историческом контексте рубежа XVIII–XIX вв. наложение лексических понятий сыграло уже несколько иную роль. В условиях начавшейся Великой Французской революции всякое посягательство на существовавшие устои, а тем более на власть дворянства и монархию жестко пресекались. Попытки О. А. Игельстрома реформировать систему управления казахами, максимально приблизив ее к положениям Учреждений по управлению губерниями 1775 г.,¹ в частности, упразднить верховную власть ханов были истолкованы его противниками в качестве посягательства на самодержавные устои. «Характерно, что адъютант О. А. Игельстрома полковник Гранкин, в доносе на своего шефа от 13 декабря 1788 г., обвинял генерал-губернатора в том, что в родовые расправы были выбраны не знатные, простые казахи»². Игельстром был смещен и направлен на текущую войну со Швецией, ханская власть наследников Абулхаира восстановлена. Однако это не привело к социальной стабилизации. Напротив, правление Ералы и Ишима было сопряжено с усилением выступлений казахов под предводительством батыра Срыма Датова.

Как ни удивительно, но в том же самом 1788 г. Д. Гранкин направил на имя президента Военной коллегии князя Г. А. Потемкина собственный проект, предусматривавший упразднение института ханской власти и введение территориальной системы управления, причем в землях, где кочевали казахи, предполагалось создание четырех административных единиц, которыми бы управляли представители казахской знати как ак-, так и кара суйек³.

Неудачная попытка реставрации института ханской власти в Младшем жузе и неумелое руководство Оренбургским краем вынудило Сенат вновь искать решение посредством ротации губернатора. Правительство фактически отменило свое прежнее решение, вернув барона О. А. Игельстрома

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 11; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 73. Л. 10 и др.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 31.

³ Гундова О. Е. Институт ханской власти у казахских родов в оценках отечественных ученых и чиновников (XVIII – начало XIX в.) // Известия АлтГУ. Сер. Исторические науки и археология. 2021. № 2 (118). С. 21.

на пост. Однако ханское правление было восстановлено, но ограничено новыми административными органами – Ханским советом, Пограничным судом и Пограничной комиссией¹.

Самим О. А. Игельстромом Ханский совет первоначально задумывался в качестве органа, который подменял бы собой институт ханства. Однако, во-первых, сам орган не пользовался популярностью среди казахов, во-вторых, накапливалась «усталость» от выступлений и реформ в период движения Срыма Датова, в результате среди казахов Младшего жуза росла популярность идеи реставрации института ханской власти. Правительство сделало свой выбор в пользу султана Айшуака, сохранив и Ханский совет, который теперь становился официальным органом при хане, максимально ограничивавшим его полномочия². Наконец, на восстановление института ханской власти мог оказать влияние ход революции во Франции и ликвидация там монархии, негативно воспринятые правящими кругами Российской империи, где роялистские идеи только окрепли после казни Людовика XVI. Покушение даже на институт ханской власти косвенно воспринималось уже в качестве покушения на монархическую форму правления в империи в целом.

Непоследовательность российского курса в вопросе о необходимости/нецелесообразности сохранения ханской власти привела к усилению раскола между знатью караи ак-суйек: «Киргизы (казахи – А. Б.)... некоторое время предпочитали в орде одних бей, а между тем как хан Нуралей помер, то от Российского престола утвердили к ним Эрали. Вскоре Ишим, а по смерти его нынешней Айчувак, и как же от беев власть отнята, то народ Киргизский сделавшись развратие, не зная кого почитать или кому повиноваться, друг от друга разделились»³.

¹ Более подробно см.: Вяткин М. П. Батыр Срым. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

² Васильев Д. Административная политика России в Казахской степи: от реформ О. А. Игельстрёма к реформам М. М. Сперанского // Кочевые народы Центральной Евразии. XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Казак университеті, 2015. С. 207–236.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 об. – 4.

Интересна канва событий этого времени в описании генерал-майора Генса. В 1797 г. после убийства Срымом хана Ишима вновь встал вопрос о кандидатуре на этот пост. Выбор оренбургских властей пал на сына Нуралы султана Букея. Однако «султан Каратай, как старший брат его, почитая себя обиженным, полагал, что ему следует быть ханом, хотя Букей и был выбран народом, который за горячий его (Каратай) нрав, ханом иметь не желал. Каратай заманил к себе в аул Букея и не выпускал его до тех пор, покуда барон Игельстром не решился сделать ханом ветхого Айчувака, на что и Каратай согласился, уважая старость его и надеясь, что он скоро умрет»¹. Оба султана – Каратай и Букей – были кооптированы в состав созданного при Айчуваке Ханского совета. Российскими властями им был назначен руководить султан Букей².

В 1801 г. идея Игельстрема о создании из казахов Младшего жуза нескольких административных единиц (ханств) была реализована – создана Букеевская орда, ханом которой в 1812 г. был утвержден султан Букей³.

В казахском обществе звание хана было пожизненным. Отказываться от ханства было не принято. Существующее свидетельство 1762 г. переводчика Ф. Гордеева, что «хан Абулмамбет, опасаясь нападения Китайской империи, в Туркестане ханом быть ... не желает»⁴, не представляется в отношении отречения достоверным. В данном и подобном ему случаях информация источников свидетельствует всего лишь об откочевке владетеля.

В 1805 г. Айчувак (Айшуак) «за старостию лет, был уволен от ханства, а на место его возведен сын его Джантюря

¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 2, 24. Н. С. Лапин также акцентирует внимание на выборе кандидатуры Айшуака в связи с компромиссом, который был достигнут между российской администрацией, султаном Каратаем и другими потомками Абулхаир-хана, а также батыром Срымом Датовым. См.: Лапин Н. С. Деятельность О. А. Игельстрема в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012. С. 273.

² Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк. Вып. I. М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. С. 18.

³ Более подробно см.: глава II, § 1 настоящей работы.

⁴ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Д. 14. Л. 27 об.

Султан»¹. Существует версия, что прошение об отставке (!) от ханства, поданное Айчуваком, было фальсифицировано Жан-торе, стремившимся любыми средствами стать ханом. Официальную версию увольнения Айшуака в письме к канцлеру А. Р. Воронцову от 15 сентября 1805 г. изложил оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский, отметив, что хан «по слабости здоровья своего... просил меня о предстательстве у престола монаршего в рассуждении увольнения его от ханской должности; и государь император высочайше соизволил в 26 мая сего года на сие увольнение всемилостивейше пожаловать ему в пансион по 1000 рублей на год по смерть его; а на место его высочайше указать соизволил избрать нового хана, предназначив в сие достоинство преимущественно султана Джантюрю, сына Айчувак хана». Избрание прошло по традиционному обряду, «по добровольному согласию всех родоначальников и народа» с последующей конфирмацией². Иную трактовку дали представители российской власти спустя несколько лет: «Назначение Джантюри было сделано тайно и только кочевавшие около Оренбурга байгуши (бедняки – А. Б.), приложением печатей своих объявили желание иметь ханом»³.

Каратай не признал власти нового хана и начал активно интриговать против него, а также грабить проходившие через степь караваны. Более того, он добился собственного избрания частью казахских старшин ханом, но не был признан российским правительством. Оренбургский военный губернатор так ответил на его просьбу: «Долгом поставлю ответственность, что наименовать вас ханом без высочайшей воли никто не должен осмелиться, и вы сами также не можете присваивать ханского достоинства под опасением поступления по закону»⁴.

¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 3 об. – 4.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 52–53.

³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 4.

⁴ Цит. по: Койгелдиев М. К. Национальная политическая элита в контексте российских (советских) реформ в Казахстане (XVIII–XX вв.) // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 119–120.

Оренбургский военный губернатор, князь Г. С. Волконский, рассматривал, правда, возможность сделать Каратая ханом туркмен, но «он отвечал, что почитает неприличным оставить свой народ и перейти к чужому. В 1809 г. Джантюря был убит, вероятно, по приказанию Каратая»¹. В 1810 г. умер Айшуак. Каратай полагал, что теперь-то он добьется конфирмации, и на время прекратил свои вооруженные действия, но достичь полного расположения и доверия со стороны оренбургских властей так и не сумел, в результате в 1812 г. ханами были провозглашены Букей и Ширгазы Айшуаков. Оба были удобны, поскольку «один будет жить в России, а другой неспособен управлять народом»². Однако Ширгазы Айчуваков сумел добиться расположения атамана Уральского войска Д. Донскова. Совместные «воинские поиски» сторонников хана и казачества реальных, а чаще мнимых государственных преступников в степи приводили к массовым грабежам казахских шаруа и их недовольству как назначенным ханом, так и российскими властями в целом³. Это стало одной из причин продолжившегося падения авторитета утвержденных российским правительством казахских ханов. Одновременно это же стимулировало рост популярности ханов, не утвержденных российским правительством.

В 1815 г. появился еще один претендент на ханское звание – султан Арынгазы Абулгазиев, Жадигид, внук хивинского хана Каипа и султана Батыра. В 1816 г. его признали ханом казахи поколения алимулы. Главной опорой его власти являлись сильные и многочисленные роды чиклы, шумекей и джагалбайлы⁴. Это поколение вело борьбу против Хивинского ханства, правители которого пытались утвердить среди них ханами Мененбая и Ширгазы Каипова. Как уже было отмечено, в условиях внешнеполитической угрозы полномочия хана в традиционном обществе казахов-кочевников резко возрастали. В частности, Арынгазы полу-

¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 4 об.

² Там же. Л. 5.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 159–160.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 44 б. 1811 г. Л. 21–22.

чил право применения смертной казни, ввел шариатское судопроизводство, усилил чинопочитание, ввел регулярное налогообложение¹ и т.п., приблизив собственные полномочия к должностным.

Таким образом, во второй половине второго десятилетия XIX в. в Младшем жузе были два хана по званию – Каратай и Арынгазы и по два хана по должности, соответственно Букей и Ширгазы Айчуваков – от России, а Джингазы-Мененбай и Ширгазы Каипов – от Хивы. Следует отметить, что Каратай и Арынгазы, пусть и из разных побуждений, но оба стремились к институционализации своего положения в звании в форме конфирмации российским правительством.

Оренбургскому генерал-губернатору П. К. Эссену пришлось решать, чью сторону поддерживать. С одной стороны, он был обязан сохранять российские политические институты, с другой, борьба в Младшем жузе привела к резкому падению торговых оборотов на оренбургском рынке. По донесениям таможен, «мена киргизская (казахская – А. Б.) вовсе уже прекратилась и причиною того решительно полагала учиненное ханом на киргисцев близь Оренбурга нападение и кровопролитие»². В то же время активизировалась торговля сибирских пограничных городов с казахами Среднего жуза. Ревность к сибирскому начальству – черта, присущая почти всем оренбургским губернским начальникам. Постепенно симпатии генерала стали склоняться к Арынгазы.

29 августа 1817 г. было получено очередное обращение султанов и старшин Младшего и Среднего жузов с просьбой о замене хана. В нем, в частности, говорилось: «Избрали в свое время по высочайшему повелению в ханы султана Ширгазыя Айчувакова. Теперь[,] однако видим, что нет от правителя сего никакой пользы, ибо делает потачку публичным вора и допустил Орду привести в совершенное расстройство»³. В качестве альтернативной кандидатуры

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1844 г. Д. 236. Л. 6 об.; Мейендрф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Т8 RUGRAM, 2019. С. 24–26.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 44 б. 1811 г.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 159.

казахские старшины предлагали Арынгазы. Существовала также опасность вступления Арынгазы с подведомственными ему казахами в хивинское подданство. Все это предопределило окончательный выбор П. К. Эссена, который в секретном донесении МИДу от 3 ноября 1818 г. предложил утвердить ханом казахов Младшей Зауральской орды султана Арынгазы, а хана Ширгазы Айчувакова уволить «от управления Меньшою ордою, назначив ему с семейством его пребывание в Уфе или Мензелинске с производением пансиона по 2000 рублей на год»¹. Для повышения официального статуса до конфирмации Арынгазы предлагалось наградить золотой саблей на голубой ленте с бриллиантовыми украшениями, «поелику есть в орде и простые старшины, имеющие медали на голубых лентах»². Кроме того, предлагалось прекратить ссоры с Каратаем Нуралиевым, который «принял намерение соединиться с ... Арунгазием»³.

Поддержка Арынгазы со стороны губернатора выразилась не только во внешнем почтении, но и в том, что ему было позволено воспользоваться российскими войсками, сопровождавшими миссию А. Ф. Негри в Бухару, против хивинцев⁴. Более того, в созданном при Ширгазы Ханском совете с 1817 по 1821 г. председательствовал Арынгазы Абулгазиев, а одним из членов был султан Каратай Нуралиев⁵. Хан Ширгазы был столь озабочен возможностью нападения со стороны Арынгазы и Каратая, что завел еще в 1816 г. отряд личных телохранителей⁶.

Эссену удалось убедить в необходимости ротации ханов К. В. Нессельроде, который и вошел с таким предложением к императору Александру I. Несмотря на всю убедительность доводов, по этическим соображениям император не под-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 44 а. Л. 3.

² Там же. Л. 2 об.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 135.

⁴ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11), 4 (12).

⁵ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1867. С. 72–73.

⁶ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1844 г. Д. 236. Л. 15.

держал идею о низложении Ширгазы, отметив на полях записки Нессельроде, что «гадательная польза, обещанная от удаления хана Ширгазы, не может сравниться с теми положительными выгодами, коих ожидать должно от сохранения в святости данного высочайшим императорским именем хану Абулхаиру обещания, удержать ханское достоинство в его потомстве»¹.

Оренбургский генерал-губернатор продолжал настаивать на собственном варианте выхода из кризиса в Младшем жузе. Для уточнения ситуации на месте правительством в степь был направлен статский советник Тимковский (не путать с начальником Троицкой таможни). Ревизор попал под влияние обаяния Ширгазы Айчувакова. Сравнивая личные качества хана Ширгазы и султана Арынгазы, Тимковский доносил: «Тихий, медлительный и непредприимчивый дух и великая набожность первого, поведение, незапятнанное никаким преступлением, устраняют от него всякое подозрение в каком[-]либо замысле»². (Ревизор ошибался, и Ширгазы в это самое время, как и доносил Эссен, вел тайные переговоры с Хивой)³.

В. Ф. Тимковский принял точку зрения Ширгазы. Письмо последнего с объяснениями происшедших событий было доставлено императору. В нем была дана такая интерпретация событий, что следовало, будто всю вину за создавшуюся ситуацию несут генерал-губернатор П. К. Эссен и президент Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Веселицкий, всецело ставшие на сторону «разбойника» Арынгазы и введшие сначала его в состав Ханского совета, а затем и вовсе назначившие его председателем этого полномочного органа «безо всякого со мною совета и согласия»⁴. Он также жаловался на угрозы устранения от ханского достоинства, исходившие от высшего оренбургского начальства, упомянув, между прочим, и то, что претензии начальства сводились к недобросовестному исполнению ханом своих

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 189.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 209.

³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 7 об.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 197.

обязанностей. Парируя такие претензии, хан оправдывался несоответствием бюрократических форм управления кочевому быту: «Я же не могу решать дел, поскольку народ мой – кочевой – приказы идут долго»¹.

Осложнение отношений с Хивой предопределило выбор правительства в пользу Ширгазы Айчувакова. Арынгазы был вызван в 1820 г. в Санкт-Петербург якобы для конфирмации, задержан, а позднее сослан в Калугу, где и умер в 1833 г.² Даже после ссылки Эссен продолжал настаивать на возвращении Арынгазы и на возведении его в ханское достоинство. Эссен предложил вернуть в Младший жуз задержанного в 1823 г. в Санкт-Петербурге и сосланного в Калугу Арынгазы в новом статусе – в качестве султана-правителя Средней части орды. Однако Азиатский комитет своим решением от 8 сентября 1826 г. назначил на эту должность его брата – султана Арду³. Когда это оказалось неприемлемым, он предложил правительству в своем проекте Устава об оренбургских киргизах 1822 г. вообще упразднить институт (должность) ханской власти в Меньшей Зауральской орде. Проект не был принят. Он проходил длительное обсуждение и лишь в январе 1824 г. после доработок был принят под названием «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем»⁴.

Текстологический анализ документа показал, что речь в нем велась не об упразднении института ханской власти в традиционном понимании, т.е. не о ликвидации титула и звания хана, а именно о ликвидации должности хана, предусмотренной российской имперской иерархией⁵. Имеющиеся в нашем распоряжении документы теперь убедительно доказывают выдвинутую Б. М. Абдрахмановой

¹ Там же. Л. 199.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 7 об. – 8.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 95. Ч. II. Л. 100–101 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁴ См.: МИПС-1. С. 205–210.

⁵ См. Быков А. Ю. О датировке ликвидации ханской власти в Младшем жузе // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Материалы конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 371–375.

и нами гипотезу о неправомерности устоявшейся датировки упразднения института ханской власти в Младшем казахском жузе в 1822 г.¹ Причина здесь та же – исследователи путали звание хана с должностью-омонимом. Хан действительно был приглашен в Оренбург и сделан Почетным первоприсутствующим Оренбургской пограничной комиссии. Ему было установлено новое жалование в размере 600 рублей. Однако речи о снятии с него ханского звания в документах не велось. Напротив, в переписке, обращениях при личных встречах и т.д. Ширгазы Айчуваков продолжал именоваться ханом. Специально подчеркивалось, что «для большего удобства [отправления полномочий] в оных сношениях основать хану постоянное свое местопребывание в Оренбурге, с званием Первоприсутствующего в Пограничной комиссии... Сими средствами и уважительным обращением сохраняются хану все наружные почести, а в существе главное влияние на Орду будет иметь Оренбургское начальство через старших султанов»². Более того, некоторое время продолжал рассматриваться вопрос и о восстановлении ханской должности при условии разделения Зауральской и Букеевской орд на две части. В письме к К. В. Нессельроде П. К. Эссен отмечал, что необходимо усилить исполнительную власть в степи. «К достижению сего служит то, чтобы каждой части Орды полагался особый хан и под властью его Степное управление с старшим султаном, заведывающим полицейскими делами... возводить же в оныя тех из означенных старших султанов»³.

Ширгазы не пожелал примириться со статусом марионеточного хана в звании, не облеченном никакими полномочиями. Он потребовал построить для себя укрепление в степи и выделить воинское подразделение «для действия против непокорных». Представляет интерес аргументация стремления хана выйти из-под непосредственного контро-

¹ На это обстоятельство было обращено внимание в работе: Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 425.

³ Там же. Л. 354.

ля оренбургской администрации. В обращении к К. В. Несельроде ханом отмечалось, что «я, будучи рожденным в киргиз-кайсацкой (казахской – А. Б.) степи, пребывание свое продолжал, кочуя по зеленой украшенной цветами молодой траве и проистекающих речках и протоках. Словом сказать, в привольном и приятном воздухе; воздух же существующий в настоящем городе Оренбурге мне не нравится, и проживание мое продолжаю в оном не охотно, а принужденно»¹. Далее в письме он просил перенести ставку с подведомственными ему старшими султанами в степь.

После получения разрешения на выезд хан не возвратился в установленный оренбургской администрацией срок². Более того, своих сыновей Идига и Мендияра он отправил к хивинскому хану с секретной миссией. По донесениям российских властей, со стороны Хивы целью этой миссии являлось утверждение Ширгазы ханом³.

Более того, в 1827 г. хан Ширгазы попытался сам посетить Хиву, но был задержан казахами из рода чиклы. Оренбургские власти в очередной раз вошли в правительство с предложением о возвращении Арынгазы, имевшего в алимулинском поколении огромный авторитет⁴. Направленный в это поколение старшим султаном Темир Ералиев добровольно сложил с себя полномочия ввиду невозможности исполнять поручения из-за саботажа алимулинцев⁵. Но в очередной раз губернские власти получили отказ. Правда, теперь правительство пошло на некоторые уступки оренбургским властям. Эссен предложил еще в 1823 г. вернуть в Младший жуз Арынгазы в качестве султана-правителя Средней части орды⁶. Как отмечено выше, Азиатский комитет не поддерживал эту инициативу, но назначил на эту должность брата Арынгазы – султана Арду, пояснив: «...От поведения коего и от мер, кои он примет ко введению устройства и водворе-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 430.

² Там же. Л. 504.

³ Там же. Л. 490.

⁴ Там же.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 435–436.

⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

нию спокойствия, зависеть будет и скорейшее отправление его Арунгазия в орду»¹.

Достигнув хивинских пределов, Ширгазы был тепло принят хивинским правителем и утвержден в ханском достоинстве. Из Хивы он стал активно интриговать, агитируя казахов к отложению от Российской империи². И даже при этом он продолжал именоваться российской администрацией ханом казахов вплоть до 7 октября 1833 г.³

Следует отметить, что наложение понятий имело и обратный эффект, когда отдельные казахи, стремясь получить ханское звание, добивались при этом утверждения в должности.

Так, упомянутый выше султан Каратай Нуралиев вел несколько лет борьбу за признание ханом. «...Когда русское правительство при упразднении ханской власти в Меньшей орде в 1823 г. назначило его султаном правителем Западной части, оно нашло в Каратае усердного и верного агента в своей колониальной политике»⁴. Как показывают материалы «Фонда В. В. Григорьева» РГИА, одной из основных заслуг Каратая, по мнению оренбургских властей, было то, что он первым сумел привлечь казахов к регулярному выполнению ими полицейских функций⁵. Со второй четверти XIX в. казахи зачастую стали рассматривать должность султана-правителя (уже не ханскую) в качестве звания (фактически ханского!).

Еще более показателен в этом отношении следующий пример. 5 декабря 1833 г. оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский писал директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину о самовольном провозглашении султана Кусяк-Али себя султаном-правителем Западной части Младшей орды, т.е. он стал рассматривать эту должность аналогом ханскому званию(!)⁶.

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1823 г. Д. 95. Ч. II. Л. 100–101 об.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1827 г. Д. 126. Л. 3–4 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 492, 529–531.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 504.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 66.

⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 19.

⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 115–116.

Эта же ситуация была характерна и для Среднего жуза. Материалы I Сибирского комитета демонстрируют, что после упразднения ханской власти здесь по Уставу о сибирских киргизах 1822 г. султаны стремились закрепить за собой в потомственной форме звание (именно звание!) старшего султана. Российские власти не могли пойти на девальвацию должностного понятия, но взамен утраты ханского звания по предложению западно-сибирского генерал-губернатора Горчакова прямым потомкам ханов Абая и Букея было пожаловано княжеское достоинство (титул, звание)¹. Предложенный в 1830 г. генералом Вельяминовым проект нового Устава о Сибирских киргизах, включавший положения о наследственной власти старших султанов и выборах должностных лиц исключительно из среды Чингизидов, был отвергнут I Сибирским комитетом².

В Младшем жузе первым прецедентом возведения в княжеское достоинство было дарование этого титула вдове хана Абулхаира ханше Попай, именовавшейся российскими властями в переписке «высокостепенная и высокопочтенная госпожа ханша Попай»³.

В другой части Младшего жуза – Внутренней, или Букеевской, орде (ханстве) процесс девальвации ханского звания и превращения его в должность шел во многом аналогично процессам в Зауральской орде. После смерти в 1815 г. султана Букея, оставившего утвержденное советом султанов и старейшин завещание⁴ (что было нехарактерно для обычно-правовой практики) на имя своего несовершеннолетнего сына султана Джангира, ханством стал управлять брат Букея, султан Шигай, стремившийся удержать эту должность за собой. Для этого он «в феврале 1822 г. ... донес оренбургскому военному губернатору, что сей последний (Джангир – А. Б.) разглашает в Орде слухи, будто он, имея бумагу от начальства на ханское звание, принуждает родоначальников киргизских (казахских – А. Б.) прикладывать

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 43–49.

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 296.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 57.

к бумаге оной свои печати и производит чрез это в Орде расстройство, что по собранным впоследствии сведениям, оказалось ложным»¹. Показательно, что не к традиционным институтам, а к российским властям апеллировал и султан Джангир, оправдывая себя перед российскими властями и обвиняя в свою очередь дядю в вероломстве². Окончательное решение о новом правителе принималось саратовским и астраханским генерал-губернаторами, которые оба высказались в пользу молодого, воспитанного в русской среде Джангира, который «по качествам своим снискал уважение и доверенность не только между киргизцами (казахами – А. Б.), но и от российских жителей»³.

На ханское достоинство претендовал и Каип-Гали Ишимов. В 1828 г. он организовал откочевку части казахов Букеевского ханства в зауральскую степь. Через некоторое время он был захвачен в плен и, давая объяснения, подчеркивал, что был «готов по принятой присяге служить е.и.в. как следует по законам»⁴. Российские власти не утвердили Каип-Гали в ханском звании, но это сделал в 1836 г. хивинский хан Аллакул⁵. Однако в 1841 г. новоявленный хан отказался от этого звания и хлопотал перед оренбургским генерал-губернатором В. А. Перовским об амнистии⁶.

Кстати, Джангиру российскими властями еще в 1828 г. было предложено именоваться «ханом киргизов Внутренней орды», но он отказался, считая, что имеет право считаться ханом казахов всего Младшего жуза⁷.

Несмотря на доминирующее в современной историографии мнение, даже после смерти хана Джангира в 1845 г. ханское звание во Внутренней орде не упразднялось. На самом деле оно было серьезно ограничено, но не упразднено.

¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 8.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 371.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 5. 1801 г. Л. 105 об.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 146–147.

⁶ Там же. Л. 172–173.

⁷ Галиев А. А. Внутренняя Орда в свете сравнения практик управления империй // Мир Большого Алтая. 2019. № 5(3). С. 427.

Звание хана перешло к его сыну – Сахиб-Гирею (Чингису)¹. Это было во многом также делом чести и достоинства, поскольку император Николай I лично обещал в 1839 г. Джангиру во время его визита в Санкт-Петербург утвердить «старшего сына Хана Джангера, Сахиб-Гирея наследником Ханского достоинства по окончании им курса в Пажеском корпусе»².

Только после смерти Сахиб-Гирея в 1849 г. управление было передано Временному совету, из которого в течение непродолжительного времени удалили ближайших родственников Джангир-хана³, саму орду передали в ведомственное подчинение Министерства государственных имуществ, но в качестве фискальной компенсации за административно-политические изменения казахи Внутренней орды некоторое время не платили правительству России налогов⁴.

1849 г. – хронологический рубеж действительного упразднения должности хана в российской административно-политической иерархии в казахской степи. Предложения о восстановлении этого института иногда поступали и позже, но отвергались правительством. Последнее из известных нам предложений такого рода было внесено на обсуждение в пореформенную эпоху, а точнее 31 января 1863 г. и называлось «Соображение о преобразовании управления у прилинейных оренбургского ведомства киргизов». По результатам обсуждения было вынесено безапелляционное заключение: «Ханы и народ в степи не только не составляют органического целого, но имеют совершенно различные, даже противоположные интересы и что существование ханов положительно вредно, как для самого киргизского (казахского – А. Б.) народа, так и относительно видов России

¹ Харузин А. Указ. соч. С. 21.

² Цит. по: Дмитриев С. Российские дворяне Чингис-ханы // Родина. 2004. № 2. С. 69.

³ Харузин А. Указ. соч. С. 21.

⁴ Бларамберг И. Ф. Воспоминания. Пер. с нем. / Вступ. ст. Н. А. Халфина. М.: Гл. ред. вост. литер., 1978. С. 215. Примерно в это же время с казахов Среднего жуза, принимавших участие в движении Кенесары Касымова, но решивших вновь признать власть окружного начальства, взымался тройной ясаk. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1 Д. 30. Л. 118.

на этот народ»¹. До реформы 1868 г. во Внутренней орде формально был сохранен такой орган, как Ханский совет, но действовал он на правах уездного органа, «как правление чисто судебное и административное»².

Бухарские и хивинские правители до включения их в состав Российской империи периодически утверждали отдельных казахских владельцев ханами. Хивинцы даже пытались через них вводить регулярное налогообложение. Последним признанным обоими среднеазиатскими государствами казахским ханом был Иликей Касымов – праправнук хана Абулхаира и султана Ералы. Он был утвержден в 1844 г. Однако в начале 1850-х гг. он был арестован хивинским ханом, бежал и поступил в 1852 г. на службу в оренбургскую администрацию. Более того, он стал сначала войсковым старшиной и получил золотую медаль от правительства за взятие Ак-Мечети, а позднее несколько других правительственных наград, дослужившись до чина подполковника и выйдя в отставку в 1870 г.³

Последней попыткой провозгласить ханом без конфирмации было избрание ханами или эмирами Абдулгафара Жанбосынова из кыпчаков и Оспана Шолакова из аргынов⁴, руководителей восстания тургайских казахов 1916 г. Однако оба они не являлись Чингизидами, и это была своеобразная реакция традиционного социума на ускоренные процессы политической модернизации, демонстрирующая в то же время деградацию восприятия ак-суйек со стороны шаруа.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 76.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1857 г. Д. 58. Л. 2.

³ См.: История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. С. 279–364; Почекаев Р. Ю. Последний казахский хан: султан Иликей Касымов в среднеазиатской политике В. А. Перовского // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Восьмые Большаковские чтения: Сб. статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2016. С. 191–195; Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 222–227; Байхожаев А. Судьба правителей двух казахских родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова) // <http://kungrad.com/history/etno/kaz> (сайт города Кунград) (дата обращения: 28.11.2021).

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 520. Д. 957. Л. 57.

По той же схеме, но с существенными отличиями в деталях решался вопрос об упразднении ханской власти в Среднем жузе. Его анализ представляет интерес, в том числе и в плане возможного сравнительного исследования. Ограничимся лишь замечанием, что, пожалуй, первой попыткой трансформации звания в должность здесь было предложение российских властей, датированное 1759–1760 гг., Аблаю о его конфирмации¹ при жизни действовавшего, но утратившего фактическую власть хана Абулмамбета. Однако Аблай отказался и был утвержден в ханском звании только в 1780 г., через девять лет после того, как был поднят на белой кошке, и за год до своей смерти. Однако российские власти не прекращали попыток превращения звания в должность, условием чего было усиление личной зависимости ханов от правительства и сибирских губернских властей. Так же, как и правителям Младшего жуза, казахским султанам и ханам Среднего жуза правительство выплачивало жалованье. Согласно решению Кабинета министров от 7 июня 1739 г. первыми его стали получать хан Абулмамбет, а также султаны Барак и Аблай². Провозглашение наследника Аблая – султана Вали – ханом в 1781 г., проходившее независимо от имперской администрации, было признано ошибочным³, даже несмотря на то, что в своем письме к императрице Екатерине II он брал на себя обязательства «истреблять воров» среди казахов⁴. Хотя в наказе ему, по сведениям, переданным И. Шангиным со слов султана Худай-Менды, султаны, старшины и муллы требовали, «чтобы хан во время правления своего следовал в точности обрядам и обычаям предков»⁵.

Параллельно с ханом Вали в 1812 г. среди части казахов Среднего жуза (поколение найман и ряд родов иных поко-

¹ Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. С. 93–94.

² ИРИО Т. 126. Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны (1731–1740 гг.) / Под ред. А. Н. Филиппова. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. Док. № 71, 76. С. 515, 547–548.

³ ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). Док. № 102. С. 282.

⁴ КРО-2. С. 108.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 158 об.

лений) был утвержден в ханском звании потомок султана Барака – султан Букей. Они и стали последними официально признанными российской администрацией ханами Среднего жуза (Средней Орды). Причем их утверждали уже не столько в звании, сколько в должности. О том, что они не располагали реальной властью, можно судить по неоднократным обращениям казахов к российской администрации с просьбой избавить их от непопулярных ханов.

Позднее правительство признало факт навязывания казахам претендента. В одном из документов МВД (1868 г.) можно прочесть: «Утверждая ханов в известном роде, мы, точно также шли в разрез присущему киргизскому (казахскому – А. Б.) началу свободы выбора и коренным убеждениям их в достоинстве по родовому значению и личным качествам»¹.

Со смертью Букея и Вали, в 1817 и 1819 гг. соответственно, должность хана Средней Орды упразднилась. В Уставе 1822 г. такой должности, как должность хана, не было предусмотрено. Некоторое время российские власти все же рассматривали возможность утверждения ханом Губайдуллы, младшего брата хана Вали, но отказались от своего намерения, сославшись на непопулярность султана и на то, что традиционный обряд избрания казахами хана «на поминках, среди обыкновенных степных пиршеств, может показаться другим отдаленным не совсем основательным»². В отношении Губайдуллы сибирские власти предлагали поступить аналогично тому, как поступили в отношении Каратая в Младшем жузе, назначив его султаном-правителем. Российские власти надеялись, что Губайдулла довольствуется чином полковника и должностью старшего султана Кокчетавского внешнего округа. Соответствующий указ был дан готовившему открытие округа А. Григоровскому³, однако потомок хана Аблая обратился к цинскому правительству с просьбой о призна-

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. Л. 101 об.

² ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 282–283.

³ Абуев К. К. Кокшетау: история и современность // Валихановские чтения-2. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. Кокшетау: Гылым, 1994. С. 4–5.

нии его ханом казахов, а российским властям написал письмо с уведомлением о своей смерти¹. Китайским двором Губайдулла был утвержден в ханском достоинстве, но при попытке встречи с китайскими посланниками был арестован российскими властями². Позднее он был отправлен в ссылку в Березов, где и прожил до 1848 г., когда ему была дана амнистия в связи с окончанием движения его родственника Кенесары Касымова и официальным собственным отречением от ханского звания³. О том, что Россия не опасалась сепаратизма со стороны Губайдуллы, а также того, что казахские султаны вели в 1820-х гг. и позже переговоры с цинскими властями, свидетельствует, например, тот факт, что после всех этих событий Губайдулле рекомендовалось вернуть к руководству вверенного ему Кокчетавского окружного приказа⁴. Китайские власти также в этот период относились к утверждению казахов в ханском достоинстве формально, поскольку понимали, что их позиции были к этому моменту гораздо слабее в казахской степи российского влияния, а введенный в 1822 г. Устав о сибирских киргизах понятия хана не предусматривал⁵.

Ряд высокопоставленных российских чиновников пытался добиться утверждения ханами и иных султанов. Так, оренбургский военный губернатор В. А. Перовский считал целесообразным признать ханом султана Кенесары. Однако правительство одобрило мнение западно-сибирского генерал-губернатора Горчакова, считавшего такую меру

¹ Стрелкова И. Валиханов. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 15–16.

² См.: Моисеев В. А. Ликвидация ханской власти в Среднем жузе и «Дело Габайдуллы Валиханова» // Казахстан коммунист. 1991. № 10. Б. 48–51 (на каз. яз.); Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования / Материалы к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1997 г., г. Алматы). Алматы: Изд-во Института философии МН-АН РК, 1997. С. 92–93, 135–136.

³ Абуев К. К., Бексентова А. Т. Губайдулла Уалиханов // Валихановские чтения-2. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. Кокшетау: Гылым, 1994. Б. 57–58 (на каз. яз.).

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 826. Л. 16–18.

⁵ Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. P. 143.

противоречащей интересам правительства¹. Один из поддерживавших инициативы оренбургских властей высокопоставленный чиновник – глава Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникин – предложил в противовес Кенесары утвердить в звании хана одного из двух старших султанов внешних округов Омской области – Т. Чингисова или А. Габбасова, но и его инициативы были отвергнуты императором Николаем I².

Таким образом, попытки добиться признания ханами, предпринимавшиеся потомками Аблая, не привели к желаемому ими результату. Последним ханом, поднятым на белой кошме в Туркестане по традиционному обряду, в Среднем жузе являлся Кенесары Касымов, добившийся такой чести в 1841 г. После его гибели в 1847 г. попыток провозглашения ханом кого-то из султанов более не предпринималось. В отношении ликвидации номинальной ханской власти, как видим, существовала почти полная синхронность протекания процессов в Младшем и Среднем казахских жузах. Их координация, несомненно, отражает позицию петербургского кабинета и лично императора.

Как и в Младшем, в Среднем жузе казахские правители стремились добиться конфирмации со стороны российского правительства. Когда это не удавалось либо параллельно с этим предпринимались попытки достичь утверждения в ханском достоинстве со стороны других государств. Как отмечалось выше, казахские правители использовали фактическое двое- и многоподданство. Так, еще в 1757 г., когда цинские отряды завершали уничтожение остатков джунгарских отрядов, присягнувший России Аблай принял подданство Китая³. Цины при этом преследовали цели закрепления за собой бывших джунгарских территорий, осознавая, что исключительно военным путем этого до-

¹ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. С. 244–249.

² Тілегенова Л. Т. XIX-ғасырдың 20-жылдарындағы Орта жуздегі хандық биліктің жойылуының кейбір маселелері // Қазақстан тарихы мен этнологиясы маселелері (ғылыми мақалалар жинағы). 3-ші шығарылым. Астана: Фолиант, 2000. Б. 73–74 (на каз. яз.).

³ Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. С. 64.

биться невозможно. Н. Н. Балкашин так трактовал эти события: «Китайцы дозволяли киргизам (казахам – А. Б.) кочевать в опустевших джунгарских степях и приняли их в свое подданство, на что киргизские ханы, получая титулы ванов и гунов, дары и право отправлять к богдохану посольства, охотно соглашались. Впоследствии коканские и хивинские ханы также начали предъявлять на киргизов свои верховные права. Киргизы пользовались этим, чтобы вполне не подчиняться никому»¹. Более того, Аблай пытался подчинить себе другие подданные России народы. Так, в 1776 г. ему принесли присягу ряд башкирских владельцев². Кроме того, по донесению генерал-майора Девица, находившегося в Петропавловской крепости, Аблай стал взимать плату за переход казахов со скотом через Иртыш, на так называемую внутреннюю сторону, что вызвало возмущение части казахов, с которыми он «поступает сурово»³. Попытки линейного начальства предотвратить подобные действия привели к угрозам со стороны Аблая осадить прииртышские крепости⁴. Т.е. Аблай стремился усилить свою власть внутри казахского общества и на дипломатическом уровне добиться признания своего статуса.

Российские власти крайне негативно относились к возможности реального подчинения казахов во главе с Аблаем Цинам. В степь под видом торгового каравана была направлена экспедиция, где в качестве основной задачи бухарскому купцу Алиму Шихову ставилось наблюдение за действиями Аблая. В инструкции ему поручалось особо сообщать о «... происходимых ныне у киргисцев с китайцами обращении (о каких февраля 26 дня государственной Коллегии иностранных дел попрочем было донесено[.] что у киргис касакского старшины Аблай салтана были китайские посланцы четыре [Елпия] и для некоторых перегово-

¹ Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 20.

² АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. Д. 1. Л. 80–81.

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1774/1782 гг. Д. 10. Л. 189 об. – 190.

⁴ Крафт И. И. Сборник... Док. № 135. С. 41.

ров звали ево[,] Аблая[,] к китайскому войску, почему он[,] снилось[,] на весну в многолюдстве быть обещал»¹.

Параллельно оренбургское начальство настраивало против Китая владельцев Младшего казахского жуза. Более того, в 1756 г. хан Нуралы с одобрения оренбургских властей решил собрать войско для нападения на китайские отряды на территории, прежде принадлежавшей джунгарам. Во главе ополчения должен был стать султан Ералы².

Однако это был первый опыт противодействия русских властей стремлению китайского правительства установить систему данничества над казахами, одновременно и противодействие возможному выходу из российского подданства. Позднее российские власти к подобным проявлениям стали относиться более сдержанно.

В течение 1757–1823 гг. казахские владельцы направили в Китай более 40 посольств. Причем большинство из них направлялось из Среднего и Старшего казахских жузов. Однако в 1762 г. даже Младший жуз был признан Цинами вассалом Китая. Но уже со второй четверти XIX в. такие контакты стали крайне редким явлением, а в середине того же века прекратились вовсе³. При этом китайские власти оставляли внешнеполитические вопросы полностью на решение казахских правителей, устанавливали привилегированный режим приграничной, а иногда и внутренней торговли и никогда не предпринимали попыток проведения реформ, которые могли бы нарушить кочевую систему хозяйствования. Жалованные китайскими властями титулы и чины варьировались в зависимости от реальной силы казахского владельца и от отношения местных и верховных органов в Китае⁴.

¹ РГАДА. Ф. 248. 1758 г. Оп. 113. Д. 889. Л. 2–2 об.

² Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. / Сост. К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 29.

³ Чжао Сяодзя. Об отношении Цинской империи к Казахскому ханству (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // От Тюркского эля к Казахскому ханству: международная научно-практическая конференция. ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во «Социум», 2015. С. 130–132.

⁴ Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.: коллективная монография / Отв. ред. А. В. Старцев. Барнаул: АЗБУКА, 2014. С. 35–36.

В XIX в. после задержания русскими султана Губайдуллы китайские правители пытались подобрать новую кандидатуру для утверждения со своей стороны в ханском достоинстве. Они решили сделать ставку на потомков хана Абулмамбета, хотя власть в этот период принадлежала в большинстве родовых подразделений потомкам Аблая и их сторонникам. В 1826 г. китайские власти утвердили внука хана Абулмамбета – султана Алтынсары Тогумова¹, ставшего последним утвержденным Цинами в ханском достоинстве казахским владельцем. Среди поддерживавших его прежде казахов, кочевавших на Тарбагатае (в Синьцзяне), начались убоицы, в результате которых султан (с точки зрения китайских властей – хан) откочевал в район Кокчетава. Более того, он фактически продал символы ханской власти (подарки от имени китайского двора и грамоту, подтверждавшую признание ханского достоинства) своему племяннику Шортану. Как отмечают К. Ш. Хафизова и В. А. Моисеев, тем самым Шортан фактически выкупил у своего дяди ханский титул. Однако китайцы не признали Шортана ханом, даже несмотря на то, что тарбагатайские казахи подняли его на белой кошме². После этого китайское правительство больше не предпринимало попыток утверждения казахских правителей в ханском достоинстве, признав де-факто их подчиненность Российской империи³.

Итак, включение в состав Российской империи казахов Младшего и Среднего жузов потребовало совмещения традиционных потестарных и новых государственных институтов. Долгое время они сосуществовали, дополняя друг друга и выполняя различные функции. Однако постепенно, в силу различных причин, но в значительной мере из-за

¹ Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. P. 75–80.

² Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. / Сост. К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 30–32.

³ Параллельно с этим в дипломатических кругах цинского Китая утвердилось мнение о хитрости русских оппонентов. В XIX в. в отчетах китайских чиновников или указах императора можно встретить фразы, подобные этой: «Русские варвары [являются] коварными и бесконечно переменчивыми» и т.п. См.: Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. С. 60–61.

исполнения этих ролей одними и теми же лицами, эти структурные элементы социально-политической организации стали налагаться и подменять друг друга. Результатом этого наложения стала путаница, отразившаяся в неверной оценке тех или иных событий как современниками, так и потомками.

По различным причинам постепенно происходил подрыв авторитета традиционных управленческих структур и их замещение институциональными. В данном случае наложение лексических понятий облегчало процесс расширения сферы действия государственных органов, выступая своеобразным психологическим амортизатором возможных негативных социальных последствий, вызванных процессами политической модернизации. Параллельное существование одноименных потестарных и государственных институтов стало невозможным в середине XIX в., когда российским правительством принимается окончательное решение о ликвидации этих должностей и передаче их полномочий иным административным органам. Удивительным образом это способствовало упадку в то же время и традиционных институтов, отправители которых стремились инкорпорироваться в новые органы, полагая сохранить за собой таким путем прежний статус. В комплексе это способствовало упадку потестарной системы, потере ею ряда интегральных функций и включению многих обычно-правовых институтов в судебно-правовую и исполнительную имперскую систему, а также бююрократизации традиционных званий и превращению их в официальные должности. В конце концов это подготовило почву унификации системы управления в рамках единого имперского пространства путем упразднения нетипичных должностей и званий. Вместе с тем нельзя говорить о полной завершенности этого процесса в период до крушения Российской империи (февраль 1917 г.). Традиционные институты продолжали активно функционировать на низших таксономических уровнях общественной организации, составляя конгломерат с официальными институтами.

**§ 3. Кризис идентичности в казахском обществе
(трансформация социальной структуры
и социально-экономических отношений)**

С 30-х гг. XVIII в. казахи попали в орбиту политического и торгово-экономического влияния России. Первоначально имперская администрация пыталась опереться на традиционные элитарные группы, оставив автономию во внутренних вопросах. В период правления Екатерины II параллельно началу введения «гражданского общества» в метрополии были предприняты попытки проведения мероприятий в духе цивилизаторской политики на Востоке, в частности, рекомендовалось «приводить киргизов (казахов – А. Б.) в «людскость», смягчать их «варварские» нравы, «приманивая» к перемене образа жизни»¹. Элементами нового, прогрессивного, как представлялось российским властям, общества для казахов должны были стать оседлость, развитие городской культуры, а также создание государственных структур, развитие политической культуры и др. В идеале, с точки зрения российской элиты того времени, все это должно было функционировать по аналогии с европейскими правовыми и экономическими институтами, практически же за модель более совершенного общества был принят российский образец.

Введение элементов новой политической организации происходило постепенно. Как и в России, где европеизация происходила с ярко выраженной социально-политической фрагментацией и высшие слои были вовлечены в этот процесс в большей степени, так и в казахской степи первичной основой для инноваций рассматривалась традиционная казахская знать. Это было вызвано не только утвердившимися социологическими воззрениями и даже не столько ими, сколько реальной социально-политической ситуацией, требовавшей искать опору в среде коренного населения для организации управления, фискальной системы и политического надзора.

¹ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19.

Механизм рекрутирования казахских ханов и султанов в российскую административно-правовую систему и реакция самих торе на этот процесс были рассмотрены выше. Следует лишь заметить, что на рубеже XVIII–XIX вв. были предприняты попытки утверждения казахов в султанском звании и формирования механизма передачи власти ими по наследству. Например, попытались «назначить» султаном султана по званию Есимбека – сына султана Худайменды. Но этот опыт ограничивался единичными случаями и перспективным признан не был¹. Процесс инкорпорации иных групп в российскую администрацию был весьма точно сформулирован чиновниками оренбургской администрации в одной из записок правительству: «Следует снизойти до киргизского (казахского – А. Б.) обычая, примирить русский закон с обычаями страны»². Вместе с тем не меньшее гносеологическое, а в тех реалиях – практическое значение имела реакция казахского социума на это и подобное ему мероприятия.

Привлечение торе к государственной службе и юридическая институционализация их власти привели к падению авторитета султанов. Традиция не могла принять даже незначительного вторжения в ее прерогативы. Однако форма ответа на вызов внешней среды породила трансформацию самой традиции.

Так, казахи Младшего жуза привлекли к суду биев хана Нуралы³, что противоречило обычному праву. Недовольство выливалось и в вооруженный протест. Одним из основных требований повстанцев, сторонников Срыма Датова, было отрешение все того же Нуралы-хана. Противостояние Чингизидам было смягчено в 1803 г., когда при посредничестве российской администрации был заключен «Обет» между традиционной знатью – «белой» и «черной кости»⁴.

¹ ГАОрО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 76–77 об.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 9 об.

³ Рычков Н. Дневные записки и путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772. С. 25.

⁴ История государства и права Казахской ССР. Ч. 1 / Под общ. ред. С. С. Сартаева. Алма-Ата: Мектеп, 1982. С. 97. В «Обете» было зафиксировано решение «распылить» бедняков

Позднее противостояние периодически то усиливалось, то ослабевало.

Кризис положения торе отразился и на иных уровнях. Возникли прецеденты нарушения обычая эндогамии. К середине XIX в. образовалась социально-политическая прослойка из рожденных в браках между торе и кара суйек. Она называлась «караман» и не пользовалась привилегиями султанов.

Должности старших султанов, появившиеся в степи по реформе М. М. Сперанского, и султанов-правителей, появившиеся по реформе П. К. Эссена, зачастую сохраняли только лексическую преемственность. Известны случаи, когда старшими султанами становились кара суйек. Так, Каркаралинский окружной приказ возглавлял Кунанбай Ускембаев, отец поэта-просветителя Абая (Ибрагима) Кунанбаева¹. Процесс девальвации звания султана протекал достаточно быстро. Несмотря на то, что российская администрация отдавала приоритет при занятии государственных должностей Чингизидам, их представительство в органах управления постоянно снижалось. Как показано Б. М. Абдрахмановой, еще при условии занятия в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве должности старшего султана только торе среди ага-султанов и их помощников в первое десятилетие после введения окружной системы ими было занято 43 позиции, тогда как нечингизидами – 44. С отменой положения об исключительном праве Чингизидов на занятие высших должностей окружного управления этот баланс еще более сместился в сторону кара суйек, достигнув к 1856 г. соотношения 11:62 в пользу нечингизидов². Следует отметить, что процесс занятия султанских должностей представителями кара суйек был легитимизирован 19 мая 1854 г. в рамках «Утвержденного положения Сибирского комитета о распространении на киргизов (казахов – А. Б.) Сибирского

по всем родам, удалив их от пограничных линий, где они занимались попрошайничеством.

¹ Сокровенный голос учителя. Интервью с директором Института философии НАН А. Н. Нысанбаевым // Казахстанская правда. 03.07.1997.

² Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: б/и, 1998. С. 90.

ведомства общих законов Российской империи», согласно которому должность старшего султана могли занимать любые казахи вне зависимости от генеалогии. В следующем году было принято положение того же комитета о порядке избрания старших султанов, которое предусматривало возможность замещения должности старшего султана лицами, имеющими офицерский чин, а также такими гражданскими лицами, которые не менее девяти лет занимали выборные административные должности¹.

Объясняя антисултанские действия казахов при межевании земель, Чулак Айбасов в своем письме к В. В. Григорьеву, датированном 5 апреля 1866 г., отмечал: «Киргизы (казахи – А. Б.) от всей глубины души ненавидят султанский род, уж очень много насолили им султаны; и давно бы пора понять Оренбургскому начальству, что весь корень зла в степи – султаны»². Осознание утраты полномочий торе и стремление найти опору в иных группах побудили правительство законами 1855, 1861 и 1865 гг. ограничить их привилегии при занятии должностей. В 1867–1868 гг. эти привилегии были полностью ликвидированы, а из административной лексики исчезло само понятие «султан»³. Следует отметить, что традиционные институты параллельно с утратой реальных властных полномочий утрачивали и ореол своего романтизма, основанного на убеждении российских властей, что архаичное общество казахов-кочевников имело массу морально-нравственных преимуществ перед развращенными европейским и российским обществами⁴. Российские власти вынуждены были констатировать, что по преимуществу султаны по должности и другие новые

¹ Далаева Т. Т. Сословие султанов: эволюция политического положения в казахской степи (1731–1868 гг.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29 апреля 2010 г. Вып. II / Под ред. А. В. Старцева. Барнаул: АзБука, 2010. С. 177–178.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1854–1867 гг. Д. 178. Л. 68.

³ Абдрахманова Б. М. История Казахстана... С. 61–62.

⁴ «Если бы Руссо прожил несколько месяцев в казахских ордах, если бы он хорошо узнал народ сей, по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей, столь близко подходящий к состоянию его естественного человека, то может быть, мы не читали бы ни его рассуждений и неравенстве людей и о вреде наук, ни тех прекрасных и остроумных софизмов, которыми наполнены многие другие его сочинения». Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 320.

властные категории были чрезвычайно корыстолюбивы, и «так равнодушны к их (казахов – А. Б.) жалобам, что бедные киргизы (казахи – А. Б.) давно уже потеряли добрую веру в своих султанов и биев»¹.

Превращение ряда султанов в чиновников российской администрации с реальными административными полномочиями, в том числе получением прав на легальное насилие, усиливало рост коррупции в их среде. Так, султан-правитель Западной части Меньшей орды Чингали Урманов, освобожденный от этой должности в 1830 г., вводил не санкционированные высшими органами поборы с казахов, объясняя их необходимостью «умилостивить начальство». За это же был уволен в 1829 г. султан-правитель Средней части орды Мадий Мухамедгалиев, а его преемник – Юсуф Нуралиев – был уволен за взятки. За незаконные поборы был уволен в 1836 г. султан-правитель Восточной части Меньшей орды Джантюря Джихангеров, а его преемник – Шотай Бахтыгиреев – в 1841 г. был уволен со службы за взятки². За многочисленные злоупотребления в 1847 г. «был удален от всех должностей в Орде» Султан Медет-Галий Чукин³. О злоупотреблениях старшего султана Турсуна Чингисова сообщал С. Б. Броневский в своем отчете об осмотре в 1833 г. внешних округов Западно-Сибирского генерал-губернаторства, направленном М. М. Сперанскому, следующее: «Он, разделив между своими родными волости, овладел целым округом. Более 80 почетных биев и киргизцев (казахов – А. Б.) приносили мне жалобу на Турсуна»⁴. Такие факты становились нормой управленческой практики того времени.

Аналогичная ситуация складывалась и при замещении казахами других должностей, особенно выборных. Для подкупа избравших казахов пригонялись табуны лошадей и стада овец, раздавались многочисленные подарки.

¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 11.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 13–15.

³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 23. 1852 г. Л. 9.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 104.

При этом представители вышестоящей администрации чаще всего выступали в роли наблюдателей-статистов, а иногда невольно или специально и сами оказывали содействие. Типичные выборы старшего султана Атбасарского округа описал находившийся в экспедиции в этот период А. К. Гейнс. Следует заметить, что именно в это время областной начальник, генерал-лейтенант Панов, производил ревизию вышеназванного окружного приказа. Предыдущий старший султан хотел баллотироваться, но российские власти были недовольны его работой и отказали в праве выдвигать свою кандидатуру. Более того, на него было заведено уголовное дело. Первым кандидатом стал представитель кара-суйек есаул Акашкар Кичкентаев. Его соперником был определен представитель ак-суйек прапорщик Джантюре Джанаев (Жанторе Жанаев), «степной патриций по происхождению и богатству», которого поддерживали все султаны округа. Кичкентаев также был весьма состоятельным. Он зарезал для угощения двух кобыл, а каждому из выборщиков – волостным управителям – дал по 1200 руб. асс. Джанаев подал губернатору жалобу, что его противник «бунтует народ». Губернатор принял решение, что в выборах примут участие султаны по происхождению, волостные и почетные казахи, имеющие награды от российского правительства¹. В результате более половины выборщиков оказались из Чингизидов. Согласно условиям выборов, можно было подавать голос как за одного, так и за двух кандидатов.

«Губернатор вошел в середину избирателей, собравшихся в приказ, и сказал, что будут баллотироваться два кандидата: хорунжий Джанаев и есаул Кичкентаев, но что настоящего старшего султана избирать нельзя будет до тех пор, покуда не кончится наряженное над ним следствие. Потом генерал Панов убеждал избирателей подавать голоса не согласно родственным чувствам или личным отношениям, а согласно желаниям народа, которого

¹ Одной из наиболее частых причин награждения казахов российскими властями являлась подача примера развития земледелия. См., напр.: Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. Приложения. С. 205-206; КРО-1. Док. №167. С. 267 и др.

они представляют. Он обратил внимание избирателей на тот факт, что в Акмолинском и Баян-Аульском округах, где султаны не ханского происхождения, народ доволен и порядок примерный. Потом губернатор ушел в комнату присутствия и стал вызывать избирателей поочередно. Каждому из них переводчик толковал, почему удобнее тайная подача голосов, почему она теперь введена, и как каждый избиратель может подавать голос совершенно независимо от чьего бы то ни было контроля. Киргиз выслушивал переводчика, брал шар, закрывал руку салфеткою, со всею внешнюю таинственностью, но почти каждый, опуская шар говорил хочу Джантюре, или хочу Кичкентаева. Первым баллотировался Кичкентаев. Ему положили белые шары: 8 избирателей черной кости и 14 султанского рода. К тому нужно присовокупить голос сменного султана, галантерейно положившего обоим своим противникам белые шары. Итого 23 голоса за и 29 против. Хорунжему Джантюре подали белые шары все 30 султанов Таракты-Ногаевской и Туртугул-Казгановских волостей.

Партия Кичкентаева показывала всеми силами, что она не довольна выборами. Один киргиз, с медалью на шее сказал даже это губернатору, который тем не менее поздравил Джантюре старшим султаном и пожелал, чтобы он исправлял свою новую обязанность энергично и на точном основании законов»¹.

Но через некоторое время было достигнуто некое мировое соглашение, устроившее всех, и он стал заседателем в окружном приказе.

Помимо прочего, этот частный эпизод подчеркивает накал противостояния между знатью белой и черной кости в середине XIX в., именно в тот период, когда первые фактически теряли свою власть, сохраняя лишь внешнее почтение (если не инкорпорировались в административные структуры), а вторые ее получали, и также при этом опирались на новые властные институты, встраиваясь в бюрократическую иерархию Российской империи.

На уровне местного управления – при выборах волостных управителей, аульных старшин, заседателей и пр. протекали аналогичные процессы. Они были некой калькой с ма-

¹ Гейнс А. К. Киргизские очерки // Военный сборник. Т. 9. № 1. Январь 1866. С. 170–175.

трицы. Выборы не были в тот период принятым казахами демократическим институтом, а являлись чаще всего коррупционным инструментом.

Наконец, волостным я стал,
Все добро на взятки спустил;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив.
Но я волостью управлять
Не могу, а вроде ретив...
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят —
Еле слушаю их, сонлив...
Близок съезд!
Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из облачных дней
Вижу нарочного у ворот:
“Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод”.
Я смутился – срок маловат.
Сердце тяжким молотом бьет,
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: “Время не ждет,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!”¹

Преступные действия чиновников из казахов зачастую поддерживались на неофициальном уровне русскими представителями областной и даже губернской администрации, где также процветали взяточничество и прочие должност-

¹ Абай. Абай – Кулембаю // Кунанбаев (Ибрагим) Абай. Избранное. Алма-Ата: Художественная литература, 1958. С. 90.

ные нарушения¹. Так, оренбургский и самарский генерал-губернатор говорил о причинах того, почему он поощряет занятие должностей мошенниками: «Я допускаю их потому, что они люди умные и ловкие и всякое дело, какое я им поручу, они сделают хорошо, а если при этом украдут, так ведь у нас без этого нельзя»².

Еще одной причиной роста коррупции становилось то, что казахские султаны использовались в качестве сборщиков дани с не покорных Российской империи племен. Так, В. И. Даль в своем очерке «Военное предприятие противу Хивы» сообщает, что казахский султан, «полковник Айчуваков, был направлен... за сбором верблюдов у непокорных нам племен»³. Это создавало возможности для бесконтрольных действий султанов.

Помимо корыстных интересов чиновников из Чингизидов одним из факторов падения их авторитета был их непрофессионализм, в результате чего возникали серьезные проволочки с решением насущных проблем. Так, по официальным результатам третьей сенаторской ревизии в сибирском ведомстве по делам, касавшимся казахов, только в 1851 г. остались нерешенными 4133 дела и неисполненным 41751 распоряжение⁴. Попытки ограничения размеров делопроизводственной переписки, которую должны были вести чиновники из казахов, предпринимались неоднократно, но всегда заканчивались неудачей, поскольку правительство рассматривало отчетность и ротации в качестве важнейших условий сохранения верноподданства империи и средств предотвращения сепаратизма⁵. В 1853 г. в Области сибирских киргизов «за неисправность по службе» было

¹ Одним из самых коррумпированных генерал-губернаторов своего времени был, например, оренбургский и самарский генерал-губернатор А. П. Безак (1860–1864 гг.). Материалы комиссии о его правонарушениях и незаконных действиях набранных им на службу подчиненных см.: РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 94.

² Цит. по: Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч. С. 245.

³ Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. С. 197.

⁴ Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 70–71.

⁵ МИПС-1. С. 246.

сделано чиновникам из числа казахов строгих выговоров – 19, выговоров и замечаний – 59¹. Это притом, что в 1847 г. чиновниками сибирской администрации официально являлось лишь 48 казахов, а к 1854 г. их количество возросло всего до 57 человек².

Одной из объективных причин проволочек являлось слабое владение казахским и русским языками одновременно в достаточной степени представителями российской администрации, в том числе из представителей казахской знати. Так, в отчете Оренбургской администрации за 1844–1845 гг. отмечалось, что «султаны правители не имеют достаточных средств для успешного производства поручаемых им дел. Назначаемые к ним письмоводители с знанием не соединяют знания киргизского (казахского – А. Б.) языка, а из султанов один только, управляющий Восточной частию, Ахмед Джантюрин, хорошо говорит и пишет по-русски, управляющий же Средней частию, Араслан Джантюрин, вовсе безграмотен, а правитель Западной части, полковник Баймухамед Айчуваков, читает только по-татарски (по-тюркски – А. Б.)»³.

Аналогичные процессы протекали и в Старшем жузе. Причем и здесь местные торе, принятые на российскую службу, пытались использовать свои должностные полномочия для личного обогащения и стяжания личной власти. Так, по свидетельству Зибберштейна, принесший присягу на верноподданство «Большой Орды султан Аблай Адилев есть главнейший член в обществе киргизских (казахских – А. Б.) грабителей; ему споспешествует в грабеже наиболее прочих брат его, третий сын покойного султана Адила Аблайханова, султан Иргалы Адилев, бывший в Санкт-Петербурге и награжденный уже милостями нашего монарха»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1864 г. Д. 92. Л. 17 об.

² Далаева Т. Т. От пожалования к производству: механизм получения военного чина казахами в Российской империи (перв. пол. XIX в.) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 3(19) // <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1255> (дата обращения: 12.03.2022).

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 275.

⁴ [Зибберштейн] Вяткин М. П. Путевые записки лекаря Зибберштейна // Исторический архив. Т. 1. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 231.

В середине XIX в. у казахов бытовала пословица «Камень жил не имеет, султан – сердца». Как отмечал В. Остафьев, «султаны положительно грабили народ и чем больше султан потратил при выборах на должность старшего султана для подкупа избирателей, т.е. влиятельных султанов, тем сильнее он налегал на вверенный его попечению округ. В избрании же султанов народ не участвовал»¹.

Внешнеполитическая стабилизация казахского социума в составе Российской империи и отсутствие необходимости выполнять военную повинность – единственную реальную повинность султанского сословия – в совокупности с традиционной высокой рождаемостью у богатых (особенно с учетом обычая многоженства) привели к росту численности Чингизидов, что становилось дополнительным бременем для кара суйек и также вызывало у последних недовольство – по чисто экономическим соображениям.

О том, что это было действительно так, можно судить по следующим данным. К 1881 г. прямых потомков Букея – хана Среднего жуза, умершего в 1819 г., было 394 мужчины, прямых потомков хана Вали, умершего в 1821 г., – 214 (мужчин и женщин), потомков старшего султана Акмолинского округа Конуркульджи, скончавшегося в 1864 г., – 102 человека (мужчин и женщин)².

Осознание того, что в правовом отношении торе перестали являться привилегированной корпорацией, происходило постепенно. Однако уже в 80-х гг. XIX в. источники фиксируют случаи стона казахами Чингизидов с занятой ими для кочевий территории. По свидетельству Б. Каратаева, в 1870-х гг. военный губернатор Уральской области Г. С. Голицын даже предложил выселить всех султанов из Степи, предоставив им участки в Центральной России. Проект не был поддержан, поскольку против него выступил пользовавшийся авторитетом эксперта губернатор соседней Тур-

¹ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1. Омск: Тип. Окр. штаба, 1895. С. 54.

² Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 24.

гайской области А. К. Гейнс¹. Вместе с тем само появление такого проекта свидетельствует о качественном изменении отношения российских властей к ак-суйек.

Даже часть торе стремилась дистанцироваться от своего традиционного статуса, отмечая лишь свое дворянское происхождение. Следует отметить, что на казахов было распространено действие циркуляра министра юстиции А. Д. Балашова о возможности наделения инородческой знати дворянскими титулами², а согласно Уставу 1822 г. о сибирских киргизах за службу и особые заслуги перед Российской империей можно было получить звание наследственного дворянина. В сибирском ведомстве к моменту реформы 1868 г. численность потомственных дворян из казахов измерялась менее чем в 500 человек³.

Об изменении отношения к торе, утере ореола некой святости и табуированности, о соотношении этого слова с властью (точнее, с чиновничеством) свидетельствует и то, что в конце XIX – начале XX в. шаруа почти повсеместно стали именовать русских, путешествовавших по казахской степи, термином «торе»⁴. По свидетельству С. Рыбакова, словом «туря» (искаженное «торе») казахи, кочевавшие в районе Эмбы и Мугоджарских гор, именовали всех чиновников безотносительно к их этническому и родовому происхождению: и казахов (вне зависимости Чингизид он или простолюдин), и русских⁵.

Правительство, губернские и областные органы накануне и в период введения в действие Временного положения 1868 г. делали особый акцент на том, что казахи признаются равноправными между собой гражданами Российской им-

¹ Султангалиева Г. С. Бакытжан Каратаев о политике Российской империи в Степи // Доклад, прочитанный в рамках Международной научной конференции «ИМПЕРИЯ, КОЛОНИИ И ЗНАНИЯ Интеллектуальный обмен в Российской империи и Советском Союзе» (Нур-Султан, 21 мая 2022).

² ВПР. Сер. I. Т. 5. Док. № 262. С. 589.

³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1864 г. Д. 92. Л. 19 об.

⁴ Львович Д. По киргизской степи. Путевые очерки. Пг.: Изд-е А. Ф. Девриена, 1914. С. 80, 163.

⁵ [Рыбаков С.] Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорского Географического Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 195.

перии. Ввиду чего была отменена льгота, согласно которой сообщество не могло выдворять «из своей среды» Чингизидов, не состоявших на официальной службе правительства, даже уволенных в запас. Напротив, такая льгота распространялась на казахов – представителей администрации, а также на имевших офицерские чины и награжденных орденами Российской империи¹, а таких становилось все больше среди представителей «черной кости».

В совокупности все эти процессы привели к резкому падению авторитета султанского сословия и фактическому исчезновению его привилегий по сравнению с иными казахскими группами в составе Российской империи, подрывая в целом систему партикуляризма и трайбализма казахского общества.

Помимо трансформации традиционного института султанства и его понимания, подвергались трансформациям и иные социально-политические институты. Следует отметить, что скорость протекания этих изменений в различных группах существенно варьировалась, но динамика инновационных процессов была несомненной. Хотя институт батырства даже на рубеже XIX–XX вв. в представлениях казахов и их мифологии все еще считался авторитетным, однако стать батыром было сложно²: военные функции являлись прерогативой правительственных войск, а от отбывания воинской службы казахи освобождались, барымта же – еще один источник получения звания батыра – была объявлена конокрадством³, вероятно справедлив вывод Н.Е. Бекмаха-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «а». Л. 53.

² Одним из самых известных батыров второй половины XIX в. был Жанходжа Нурмухамедов, возглавлявший антихивинские выступления казахов на Сырдарье. О том, в результате чего он стал батыром, имеются следующие сведения. «Когда ему минуло 15 лет ... он жестоко наказывает правившего тогда киргизами на Сыре (казахами на Сырдарье – А. Б.) батыря Клышбая за то, что брат его отобрал у его близкого родственника Исенбека верблюда и лошадь; Джанходжа вступался за родственника и ударяет Клышбая айбалтой (боевой топорик на длинной рукоятке), так что тот падает без памяти; отец Джанходжи, узнав об этом, рассердился на него за то, что он осмелился поднять руку на старшего, и хотел его наказать, но сам батырь Клышбай удержал его и приказал не трогать Джанходжу, так как чувствовал себя действительно виновным; с этого то времени Джанходжа был прозван батырем и все киргизы, признав его своим главою, должны были ему подчиняться». См.: Аничков И. В. Киргизский герой Джанходжа Нурмухамедов (Очерк из первых шагов русских на Сыр-Дарье). Казань: Тип. Казанского ун-та, 1894. С. 21.

³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 18–18 об.

новой, что стабилизация политической обстановки в казахских жузах в составе Российской империи и падение авторитета султанского сословия привели к фактическому отмиранию института батырства¹. Есть единичные свидетельства, что в конце XIX в. батырство стало ассоциироваться у казахов с теми казахами, которые были награждены российскими властями за особые (не обязательно военные) заслуги, например, за выполнение функций проводников географических экспедиций².

Параллельно с утратой реальной силы образ легендарных или даже безымянных батыров подвергался в этот период сакрализации. Их имена и могилы становились символом родовой безопасности и сохранности личного имущества. Так, участник экспедиции в Хиву М. Алиханов-Аварский сообщает, что недалеко от залива Кара-Богаз-Гол ему встретилось казахское кладбище, где по сведениям информаторов из числа сопровождавших экспедицию казахов, были похоронены батыры. Именно их мавзолеи имели наиболее богатые украшения, в том числе скульптуры лошадей, эти гробницы считались святыми местами, и оставленные близ них вещи никто никогда не охранял, поскольку действовало неписанное, но строго соблюдавшееся табу на любое покушение на имущество в таких местах³.

Среди казахов в конце XVIII – большей части XIX в. существовал и такой промысел, как пиратство. Казахи-рыбаки (зачастую совместно с туркменами) нападали на небольшие рыболовные, тюленепромысловые и торговые суда (чаще – крупные лодки или караваны лодок), грабя их. О размерах этого промысла можно судить по донесению астраханского военного губернатора, генерал-лейтенанта Темирязева начальнику Главного морского штаба от 18 декабря 1843 г., в котором сообщается, что «хищники» имели «лодки раз-

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 60.

² [Рыбаков С.] Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорского Географического Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 191–192.

³ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву. М.: Т8 RUGRAM, 2019. С. 85.

ной конструкции, сто или более»¹. Для защиты от такого «каперства» снаряжались специальные сторожевые отряды и вооруженные суда на Каспии и Эмбе². Казалось бы, эти люди также могли претендовать на звание казахского «батыра». Но такого никогда не случалось. Вероятно, что неуважаемые категории, такие как «балыкчи», «батырами» стать могли лишь в экстраординарных случаях. В менталитете казаха-кочевника герой должен был проявлять подвиги на земле, лучше всего на лошади, но не на воде в лодке. Разбой на воде не мог восприниматься казахами в качестве барымты, борьбы с иноземными захватчиками или соседними родами, с которыми велись многолетние споры. Немногочисленные казахи, разбойничавшие на водной глади, популярностью в народе не пользовались. В лексике для их обозначения не было выработано какого-то особого обозначения, и само явление во второй половине XIX в. исчезло, не оставив о себе следа в народной памяти в виде песен или сказаний.

Попытки привлечь на государственную службу старшин встретили противодействие автохтонного населения, что свидетельствует о падении авторитета и этого потестарного института. При обсуждении проекта нового Положения об управлении Степными областями выборные казахи «единогласно выступили против предоставления разрешения земельных споров... съезду аксакалов, в виду того, что они не могут ожидать в этом случае справедливого разрешения дела»³. Как справедливо отмечали современники, главной причиной девальвации звания аксакала стало введение выборной системы, имевшее следствием рост числа взяток и подкупов, использования служебного положения в целях личного обогащения и устранения противников. «Ничего не выражающие десятичники, будучи избирателями аульного старшины, как искусственного представителя не менее

¹ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 4. 1842 и 1843 год / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. штаба Турк. воен. округа, 1914. Док. № 68. С. 217.

² См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 531; ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 174; ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 205 и др.

³ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 92–92 об.

искусственной административной единицы (административного или хозяйственного аула – А. Б.), служат только орудием для честолюбцев, корыстолюбцев, готовых на все возможные средства (подкупы, интриги, ложные доносы и пр.). В то же время истинные представители народа – аксакалы – отступали на задний план»¹.

Одним из компромиссных вариантов между традиционной потестарной структурой и чиновничьей организацией управления некоторое время являлся институт управляющих родами, появившийся во время введения дистанционной системы в Оренбургском ведомстве. Управляющие родами избирались казахами на неопределенный срок, но получали жалованье от российских властей. Отправлять функции могли и торе, и кара суйек. Если управляющим родом становился Чингизид, то российскими властями ему вменялось в обязанность постоянно кочевать вместе со «своим» родом, что никогда не исполнялось на практике². Управляющие родами дислоцировались вблизи российских форпостов, подчиняясь дистанчным начальникам, имевшим постоянное место жительства на линии и уже ставших к этому времени одним из важных звеньев российской бюрократии, а также султанам-правителям. Управляющим родами в свою очередь были подотчетны бии, которые в это время все еще оставались в рамках потестарной структуры. Однако сочетать формы и функции традиционных и инновационных структур в одном статусе оказалось невозможно. Как отмечалось в записке «О необходимости назначения в степи родоправителей и начальников отделений», власть управляющего родом «лишена была всякого значения: сам он кочевал при линии против затонного форпоста, ежегодно в конце зимы приказывал местным биям собирать баранов для уплаты кибиточной подати, выезжал летом в степь за приемом или для продажи этих баранов, для разбирательств с которыми сопряжены были взыскания и остальное, не приносящее той пользы, какую он

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. Л. 109.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 4.

имел от кибиточного сбора и разбирательств, предоставлял обыкновенному ходу: баранта (барымта – А. Б.), грабеж, безначалие, возможные беспорядки и насилие – это шло своим чередом»¹. В результате управляющие родами оказались оторванными от своих родов, превратились в фискальных служащих. К 1850-м гг. Пограничная комиссия перестала утверждать управляющих родов, хотя сам институт продолжал существовать в ряде родовых подразделений вплоть до 1869 г.

По мнению Пограничной комиссии, в ведении которой находились казахи оренбургского ведомства, еще в середине XIX в. наиболее действенным инструментом опосредованного воздействия на общину казахов-кочевников являлись бии. В. В. Григорьев отмечал, что «бий в отношении к своей общине самый попечительный отец: он знает свой род, его нужды отношения, знает средства как отвратить и предупредить эти нужды; будет стараться об этом, он постоянно кочует с родовичами и доступ к нему легче, чем к султану»; именно поэтому, по мнению известного русского востоковеда, «для того, чтобы действовать на эту общину, необходимо заверить прежде согласие ее бия»².

Но постепенно изменялось и положение биев. Из их компетенции были изъяты в пользу общеимперского суда все уголовные и гражданские дела с суммой иска свыше 50 руб. Сами бии с 60-х гг. XIX в. находились на службе и утверждались губернской и уездной администрацией³. Бийская должность для многих стала источником личного обогащения. Различные источники свидетельствуют, что разного рода сборы (законные и незаконные), которыми стали заниматься бии, «решительно искажают обычное право». Казахи даже стали именовать биев по должности «судом печатных», т.к. они были снабжены печатями⁴. Отдельными

¹ Там же. Л. 2.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 3 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 509–510.

³ См.: Азиатская Россия. Т. 1. Ташкент, 1910. С. 45–60.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1885–1888 гг. Д. 13. Л. 45 об.

современниками фиксировалась тенденция стремления передавать звание биев по наследству¹. Более того, значительная часть аулов биев, как и аулов султанов, в сер. XIX в. уже кочевала отдельно от родовых общин, стала заметна тенденция стремления к захвату лучших кстау представителями этих двух социальных групп².

Параллельно с этим фиксировались случаи запрещения родовичам использовать общероссийский суд, более того, за обращение к нему даже наказывали. Однако эта тенденция не была доминирующей, и происходил постепенный рост числа обращений казахов к гражданским властям и общеимперскому гражданскому суду³. Одним из следствий этого становилось постепенное становление правового сознания. Как заметил В. Кантор, имперское сознание вело постепенно к правовому государству (через поиск компромиссов в многонациональных группах, разных религиозных и социальных слоях)⁴. Вместе с тем российские власти не стремились окончательно ликвидировать суд биев, рассматривая его в качестве вполне приемлемого компромиссного имперского института⁵. Несколько иначе складывалось отношение властей к казиям. Из их компетенции Временным положением 1868 г. были изъяты все основные функции, даже семейно-брачные вопросы были полностью переданы биям⁶. Степное положение 1891 г. должность казия не предусматривало.

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Область сибирских киргизов. Ч. I. / сост. М. В. Красовский. СПб.: Тип. Траншеля, Реттера и Шнейдера, 1868. С. 427.

² Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2015. С. 53.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «а». Л. 59–59 об.; там же. Д. 7102 «б». Л. 147–149 и др.

⁴ Кантор В. От русской империи к националистической деспотии // Текст доклада, сделанного во время семинара по проблемам преподавания имперской истории (Казань, ноябрь 2000 г.) // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/31877> (дата обращения: 06.08.2018).

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «б». Л. 147 об. – 148.

⁶ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. Док. № 125. С. 271, 280.

На наш взгляд, ошибочным представляется вывод В. Мартин о том, что, несмотря на многочисленные попытки российского правительства ликвидировать традиционные институты власти, именно казахское обычное право смогло адаптировать колонизационные инновации и использовать их в контексте практических нужд кочевой культуры¹. Напротив, процесс институционализации власти потестарных структур сопровождался утерей ими авторитета в традиционной среде и свидетельствовал о сильнейшем кризисе «интегрального традиционализма». Например, вполне достоверным представляется вывод, сделанный представителями областных правлений Тургайской и Уральской областей о том, что в течение 1870-х гг. происходила резкая деградация традиционного судопроизводства и девальвация традиционного звания бия. В частности, было отмечено, что под напором административных реформ и распространения на казахов государственной судебной системы Российской империи казахский «народный суд не смог устоять на той высоте своего значения и независимости, каким он пользовался в прежние, давние времена. Выбор биев из лиц, заслуживающих народное доверие, был почти оставлен, и в судьи попадали люди преимущественно одного образа мыслей с деятелями Султанского управления. Народный суд утратил значение и всякое к нему доверие»². На рубеже XIX-XX вв. российские чиновники стали отмечать, что казахи на судебных заседаниях стали давать ложные присяги и лжесвидетельства, чего раньше не фиксировалось³. А многие бии еще с середины XIX в. старались брать в приоритетное рассмотрение дела с большим размером иска для получения более высокой платы за его рассмотрение – бийлыка⁴.

¹ Martin V. Law and Custom in the steppe. The Kazakhs of Middle horde and Russian colonialism in the nineteen century. Curzon Press, 2001.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «а». Л. 59.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 86..

⁴ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 11 об.

Поддержка колониальных властей становилась основой авторитета. И наоборот, как только снижался интерес властей к сотрудничеству с той или иной группой, имевшей корни в традиционной потестарной структуре, ее авторитет и реальная власть снижались. Например, съезды биев по мере снижения к ним интереса со стороны российских властей также теряли свое значение. Так, международные съезды на российско-китайской границе, судя по количеству и суммам рассмотренных исков, резко снизили продуктивность своей работы после того, как руководители съездов – «тюбе-басы» – стали избираться участниками, а не назначаться чиновниками, как было прежде¹. Аналогичная ситуация складывалась и в Оренбургском ведомстве. Так, по данным Оренбургской пограничной комиссии, в середине XIX в. на 107 неофициальных родовых начальников приходился 241 официальный².

В составе Российской империи казахское традиционное общество было вынуждено отказаться от института домашнего рабства. Рабство у казахов было серьезно ограничено Уставом 1822 г., а договоры России со среднеазиатскими государствами 50–60-х гг. XIX в. исключили возможность работорговли³, упразднив тем самым причину, стимулировавшую казахское рабовладение. Во второй половине XIX в. источники уже не фиксируют наличия в степи кулов (рабов).

На рубеже XIX–XX вв. резко изменилось положение баев. Это слово стало «тождественно здесь со словом «ростовщик» без всякого, впрочем, оскорбительного оттенка... и означает в то же время «почтенный человек»⁴. Типичным является сообщение конца XIX в., что «родовая аристократия (белая кость) султаны утратили свое значение... теперь пользуются

¹ Моисеев В. А. Новые данные о международных съездах на русско-китайской границе в Центральной Азии в 80-х гг. XIX – начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 170–171.

² Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 53.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 годы / Сост. И. В. Козьменко / Под ред. Е. А. Адамова. М.: Политическая литература, 1952. С. 129–139.

⁴ Сафаров Г. Указ. соч. С. 61.

почетом преимущественно люди богатые»¹. Зачастую баями использовались обычаи взаимопомощи для эксплуатации своих сородичей, но их хозяйство переходило от натурального к товарному производству. Типичной стала ситуация, когда «аулы имеют большие стада, принадлежащие не жителям аула, а ростовщикам, которые оставляют скот в руках киргизов (казахов – А. Б.) только потому, что эти последние пасут скот почти даром, за часть приплода»².

Еще один слабо изученный аспект трансформации казахского социума – это переход части казахов в казачье сословие как с принятием православной веры (реже), так и с сохранением мусульманского вероисповедания (чаще). Известны случаи включения казахов в башкиро-мещеряцкое войско. При этом они переводились в башкирское сословие и постепенно были ассимилированы башкирами и татарами³. Казахи сыграли определенную роль в этногенезе уральского казачества⁴. Вместе с тем здесь они играли гораздо меньшую роль, чем другие тюркские народы – башкиры, татары, ногайцы и каракалпаки. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, к «прочим», в категории которых казахи составляли менее половины, отнесли себя менее 0,2% населения Уральского казачьего войска⁵. Встречались казахи и в числе казаков образованных властями Оренбургского и Семиреченского казачьих войск. В Оренбургское войско казахов стали зачислять с 1831 г., но уже в XIX в. казахи были представлены не только среди рядового, но и офицерского состава, из казахов происходил даже один генерал⁶. Казахов

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 64–64 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1886 г. Д. 85. Л. 21.

³ Башкиро-мещеряцкое войско // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 20.

⁴ Голунов С. В. Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник ВолгГУ. Сер. 4. Вып. 10. 2005. С. 68–69.

⁵ Дубовиков А. М. Казаки-мусульмане уральского войска на государственной службе // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 144.

⁶ Кортунов А. И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII–XIX вв. // Автореф. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Оренбург, 2004. С. 23, 26–27.

в Семиреченском войске в момент его создания в 1867 г. было около 1%¹. Наибольшее их число состояло в Сибирском казачьем войске. По данным, приводимым Е. В. Карих, в 1870-е гг. 6,4% казаков Сибирского войска исповедовали ислам, большинство из них были этническими казахами². Еще часть казахов в этом войске были крещены. Межэтнические браки (вне зависимости от пола и этнической принадлежности любого из супругов) не были редкостью в XIX – нач. XX вв. Причем женитьба на казашке казака была рядовым событием и в XVIII в. Г. Н. Потанин в своем письме к Н. М. Ядринцеву, датированном 5 апреля 1872 г., предлагал даже написать рассказ о жизни прииртышских жителей, в котором можно было бы «изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза (казаха – А. Б.), – факт, который у нас на Иртыше не редкость»³.

Проводившаяся политика изменения нравов и обычаев долгое время была малоэффективной. Пока абсолютно доминировало кочевое скотоводство, среди казахов плохо приживались ценности оседло-земледельческой культуры. Об этом в том числе сообщал генерал С. Б. Броневский в 40-х гг. XIX в.⁴

То, чего не смогло достичь правительство более чем за век, начало воплощаться в жизнь благодаря объективным причинам невозможности функционирования самого кочевого способа производства.

Изменение социально-экономической ситуации выразилось в увеличении числа земледельцев и оседлых казахов. Еще в конце XVIII в. стали появляться земледельческие участки. Земледелие носило очаговый характер. В конце XVIII в. отдельные аулы завели запашки в Прииртышье⁵. В это же

¹ Аюпов Т. М. К истории Семиреченского казачьего войска // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2016. № 2(27). С. 101.

² Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. С. 147.

³ Потанин Г. Н. Письма. В 4-х т. Т. 1. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1977. Док. № 30. С. 53; КРО-2. С. 300.

⁴ См.: Броневский Г. М. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 43. СПб., 1830.

⁵ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 282.

время были отмечены случаи начала казахского земледелия в пойме реки Ишим¹. В качестве промежуточного звена между кочевым скотоводством и оседлым земледелием зачастую выступала необходимость заготовки сена. Это явление с XIX в. фиксируется во всех ареальных зонах расселения казахов. Например, А. И. Левшин сообщал, что некоторые казахи, «особенно из кочующих при границе русской, осенью заготавливают сено, делают для скота землянки и городят, где можно, плетни для защиты от ветра, особенно северного»². В начале XIX в. источниками были зафиксированы случаи возделывания казахами земли в пойме Урала. В 1830-х гг. появилась Сеиткулова слобода на Тургае³. Здесь же в 1833 г. осело на землю целое племенное подразделение таминцев⁴. По данным поручика Яковлева, который в 1851-1852 гг. занимался топографической съемкой Восточной части Зауральской орды, на самих Тургае и Иргизе, их притоках и по берегам пресных озер в их междуречье, уже было свыше 15 урочищ, где казахи преимущественно из поколений кыпчак и арғын занимались поливным земледелием, выращивая преимущественно зерновые - ячмень, пшеницу и особенно просо. Причем вне зависимости от погодных условий они получали весьма высокие урожаи, превышавшие объем посевного материала в 10-15 раз⁵. И.Ф. Бларамберг сообщал, что поливным земледелием на Иргизе и соседних озерах преимущественно занимались байгуши⁶. В конце XIX в. поливное земледелие получило активное развитие на р. Чу и в Каркаралинском уезде⁷.

¹ Сиверс И. Письма из Сибири // Сиверс И. Письма из Сибири. Фальк И. П. Описание всех национальностей России. Пер. с нем. Алматы: Галым, 1999. С. 18.

² Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. С. 297.

³ Сейдалиев Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургай // ЗОО ИРГО. 1870. Вып. I. С. 234-257.

⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 164.

⁵ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. С. 256.

⁶ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. Пер. с нем. / Вступ. ст. Н.А. Халфина. М.: Гл. ред. вост. литер., 1978. С. 234.

⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 37 об.

По данным топографа Нифантьева, на рубеже 1820–1830-х гг. на территории современного Центрального Казахстана среди казахов Среднего жуза Конратовской волости возникли значительные по размерам очаги земледелия. Причем для обороны от казахов-кочевников ими строились глиняные валы, вокруг которых рылись рвы, наполненные водой¹, хотя само земледелие в этом районе оставалось богарным. В 1839 г. появилось хлебопашество и были построены жилища казахами рода керей близ Покровской станицы у оз. Алаколь². На Сыр-Дарье казахи Младшего жуза стали выращивать пшеницу и просо не позднее второго десятилетия XIX в.³ В 50-х гг. XIX в. на Сырдарье насчитывалось около 6700 семей казахов-земледельцев⁴, причем их число в иные годы увеличивалось на 3–5 тысяч семей за счет притока оставивших кочевание сородичей. Оренбургский губернатор В. А. Перовский в своих дневниках, описывая поход на Ак-Мечеть, отмечал, что в районе Ак-Мечети было большое количество поливных пашен, возделывавшихся казахами Старшего жуза с помощью плотин, каналов и мелких арыков. Причем казахи здесь сеяли не только традиционное просо, но также ячмень и пшеницу. Аналогичные оросительные сооружения встречались экспедицией не только по Сырдарье, но и в глубине степи. Но плотность их на Сырдарье была столь значительной, что 15 верст экспедиция не смогла пройти за день из-за необходимости строительства запруд, плотин и пр. для обеспечения транспортировки артиллерии и обоза⁵.

По сведениям Ф. Р. Остен-Сакена, казахи стали массово переходить к оседлости и поливному земледелию на «калмыцких арыках»⁶.

¹ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. С. 193–194.

² Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 87.

³ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 151 об.

⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221. Л. 7 об. – 8.

⁵ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. С. 328–329.

⁶ Архив ИВР РАН. Разр. III. Оп. 1. Д. 38/918. Л. 74.

В десятиверстной полосе Прииртышья в начале XIX в. казахи стали оседать раньше, чем в других местах на своих зимних стойбищах, и к концу XIX в. половина казахов бывших внутренних округов Западной Сибири занималась земледелием. В 1909 г. казахам, имевшим пашни на территории десятиверстной полосы, было настоятельно предложено перенести зимовки в южные волости Павлодарского уезда на свободные от переселенческих участков земли¹.

Если в 1833 г. казахское земледелие было зафиксировано российскими властями в четырех внешних округах Западно-Сибирского генерал-губернаторства и в одной части Зауральской орды² (оренбургской степи), то в 1860-х гг. – уже во всех уездах Степных областей. В первой половине XIX в. оно активнее всего развивалось в районах, граничивших с русскими поселениями во внешних округах³.

Вместе с тем еще в середине XIX в. в Среднем жузе занималось земледелием лишь около 0,8% казахов, варьируясь по внешним округам следующим образом: в Акмолинском – 1,8%, в Атбасарском – 0,6%, в Каркаралинском – 0,8%, в Баян-Аульском – 0,5%, в Кокчетавском – 0,1% казахов развивали земледельческий промысел⁴. После принятия Временного положения 1868 г. в Тургайской области были отмечены случаи оседания казахов на землю целыми родами (ру)⁵.

Наиболее поздно начало процесса оседания на землю было зафиксировано в Семиреченской области. Первое оседлое поселение – Таш-Тобе в Толкавской волости – здесь возникло только в 1901 г., и состояло оно из 77 д.м.п., которыми было введено в эксплуатацию 770 дес. земли в каче-

¹ Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. С. 87, 146, 148.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291. Л. 4–5.

³ Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 86.

⁴ Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана. Неоконченная рукопись на 118 л. // Из личного архива автора. Л. 87.

⁵ Седелников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 16.

стве пашни¹. На рубеже 1860–1870-х гг. появилось поливное земледелие на Аягузе. Причем здесь богатые султаны занимали шаруа, которые, оседая, фактически превратились в батраков, получая за свою работу натуральные продукты, а также от 5 до 10 руб. в год ассигнациями². Активизация процесса перехода к оседлости, принявшая массовые масштабы, относится здесь только ко времени после 1910 г., причем стимулировалась она притоком переселенцев и земельными стеснениями казахов.

Степень развития земледелия, промыслов и скотоводства в качестве основного занятия казахов по регионам существенно образом варьировалось. В конце XIX в., «по уменьшенным данным Переселенческого управления... оседлого казахского населения в Акмолинской области было 45%, в Уральской – 34,5%; в Семипалатинской – 13,8%; в Тургайской – 8,9%; всего в Степном крае – 27,8%»³. На наш взгляд, эти данные несколько завышены, но в то же время они отражают существовавшую тенденцию весьма быстрого замещения экстенсивного скотоводства иными видами хозяйственной деятельности. Об этом же свидетельствуют официальные данные (в данном случае несколько заниженные) о размерах казахских пашен (см. ниже).

Посевы хлеба казахами Степного генерал-губернаторства (дес.) на рубеже XIX–XX вв. (дес.)

Область/Год	1898	1903
Акмолинская	163,027	Нет данных
Уральская	66,128	145,923
Тургайская	103,782	193,363

В Отчете тургайского губернатора за 1894 г. указывалось, что казахи в подведомственной ему области собирали зер-

¹ Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // ВК. 1908. № 3. С. 74–75.

² Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. Прим. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 298.

³ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 462.

новых в 3 раза больше, чем русские жители. Общий объем урожая у казахов составлял свыше 6 млн пуд., но средняя обеспеченность казахских семей за счет собственного производства – 86,1 пуд. уступала самообеспеченности русских семей примерно в 4 раза. Военным губернатором отмечалось и производство земледельческой продукции казахами в промышленных масштабах. В Кустанайском уезде «самые крупные земледельцы-киргизы (казахи – А. Б.), и лучшею пшеницею считается киргизская», а казахи Илецкого (Ак-тюбинского) уезда производили пшеницы и проса намного больше собственных потребностей и с середины 1880-х гг. регулярно поставляли зерно на рынки Оренбургской губернии¹.

За пятилетие еще в предстольпинский период в Степном крае производство хлеба казахами выросло примерно в 2 раза². Территориально земледелие и оседлость среди казахов развивались весьма неравномерно. Причем географическое расположение в этот период уже отнюдь не превалировало. На первый план выходили факторы земельной тесноты, поощрений со стороны правительственных органов и возможность тесного общения с русским земледельческим населением. Так, в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области накануне столыпинской реформы количество сеющих казахских семей составляло около 70%³, тогда как в соседнем Зайсанском уезде в тот же период – чуть более 10%⁴.

Всего на территории современного Казахстана к 1913 г. посевные площади составляли ок. 4,2 млн га, из которых под зерновые культуры было задействовано более 93%⁵.

¹ [Рыбаков С.] Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорского Географического Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 172–173, 177.

² Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб: Тип. МВД, 1907. С. 8.

³ Кузнецов В. Результаты пересмотра норм земельного обеспечения киргизов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. СПб., 1908. С. 15.

⁴ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1248. Л. 2 об. – 3.

⁵ История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 4. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. С. 12.

По нашему мнению, к 1914 г. в Степных областях оседлые казахи (жившие стационарно более 9 месяцев в году) составляли менее 1/4 казахского населения, еще около 1/3 находились на переходной ступени между кочеванием и оседлостью, имея стационарные жилища, но проживая в них до полугода, причем подавляющая часть из них мечтала вернуться к кочеванию¹. Суммарно накануне Первой мировой войны земледелием занималось уже более половины казахов, проживавших в Степном генерал-губернаторстве.

Также следует отметить, что не во всех регионах обзаведение стационарными жилищами означало переход к земледелию. Так, во Внутренней орде в середине XIX в. имело стационарное жилье около 1/6 населения, в 1860-х гг. – уже 2/3, а к концу 1880-х практически все казахские семьи имели дома или чаще полуземлянки, а также хозяйственные постройки. Однако лишь незначительная часть из них стала земледельцами. Большая часть оставалась скотоводами².

Аналогичные процессы фиксировались и в других районах, населенных казахами. Так, домообзаводство казахов Центрального Казахстана начиналось со строительства скотных дворов, которые в конце XIX в. имели большинство семей скотоводов³. То есть скотоводство здесь продолжало доминировать, хотя ареал кочевий сокращался, и во многих аулах оно фактически превратилось из кочевого в яйлажное.

Казахи-земледельцы выращивали преимущественно зерновые культуры в степных районах и бахчевые на Сырдарье и частично – на Тургае и Иргизе. Таким образом, уже в начальный период развития наметились черты хозяйственной

¹ Быков А. Ю. От кочевания к оседлости (кочевание казахов в XIX – начале XX вв.) // Материалы XIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ-2006». (12–15 апреля 2006 г.). М.: Гуманитарий, 2006. С. 25–28.

² Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк. Вып. I. М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. С. 56. А. Харузин писал: «Букееец не хлебопашец, а пастух». Там же. С. 61.

³ Садвокасова З. Т. Быт и повседневная жизнь казахов на рубеже XIX–XX веков // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 180.

специализации земледелия у казахов. Причинами этого стали как особенности природно-климатических условий и почв, так и то, в каком культурном окружении было начато земледелие. Если земледелие перенималось у среднеазиатских жителей, то преобладали бахчевые (например, Сеиткулова слобода на Тургае), если у русских – то зерновое хозяйство. Интересно, что в местах, где начало казахского земледелия происходило в соседстве с жителями, имевшими различные хозяйственные традиции, все они находили отражение в казахском хозяйстве. Так, М. Карцов отмечал, что туркестанские казахи, жившие по соседству и с русскими, и с узбеками, одновременно засевали дыни, арбузы, лук, морковь, репу, редьку и свеклу, причем бахчевые они поливали из арыков, а овощи росли практически без полива¹. Это, несомненно, доказывает иноэтническое агрикультурное влияние на земледелие казахов. В местах, где казахи испытывали примерно одинаковое влияние со стороны различных иноэтничных групп, технология земледелия приобретала симбиотические черты. Так, русский художник В. В. Верещагин во время своего путешествия в Чугучак в 1869 г. оставил сообщение о том, что казахи рода байджигит «пахали, где на быках, где на верблюдах», засевая при этом просо и пшеницу². Еще более показательные формы симбиоза различных инноваций на казахское земледелие зафиксированы такими источниками, как фотографии и картины художников того времени. Так, на картине начала XX в. «Пахота» художника Н. Г. Хлудова, экспонируемой в музее Алматы, изображены казахи за плугом, в который одновременно были впряжены лошадь и верблюд³. На одной из фотографий, сделанной недалеко от Омска путешествовавшим по Степному краю американским журналистом Дж. Кеннаном, зафиксировано использование казахами

¹ Карцов М. К вопросу о переходе туземцев из кочевого состояния в оседлое. Ташкент, 1894. С. 6.

² Хохлов А. Н. Поездка В. В. Верещагина в Чугучак в 1869 году. Неизвестные страницы путешествий русского художника по Центральной Азии // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 8.

³ Картина «Пахота» Н. Г. Хлудова хранится в фондах Центрального Государственного музея Республики Казахстан (г. Алматы).

телеги, заимствованной у русских крестьян, в которую впряжены лошадь и бык¹.

В свою очередь русские крестьяне-переселенцы и казаки использовали ирригационные познания казахов (получивших их в Средней Азии). Причем в этом случае также происходил симбиоз агрикультурных технологий, поскольку русские крестьяне сохраняли и многие навыки, полученные и успешно применявшиеся в условиях богарного земледелия. При этом русские крестьяне проявляли гораздо большую адаптивность, нежели переходившие к занятию земледелием казахи. Характерно в этом плане свидетельство П. П. Семенова-Тян-Шанского о развитии земледелия в Семиреченской области, датированное 1857 г.: «Русские, научившись приемам ирригации у аборигенов, беспрепятственно смогли получить баснословные урожаи на своих пашнях и развести роскошные сады и виноградники. Хотя русская колонизация... вытеснила из нее кочевников, имевших здесь небольшие пашни, которых они лишились, она взамен того дала им такие выгоды по сбыту произведений их скотоводства, что они легко могли покупать у русских то небольшое количество зернового хлеба, которое обычно употребляют в пищу»².

Элементы заимствования отражались не только в сортах семян возделываемых культур, но и в технологии обработки почвы, использовании различных видов сельскохозяйственных орудий труда и т.д. Так, на Тургае использовался метод поливного земледелия. Орошение производилось при помощи чигирей по арыкам и каналам. Такая технология представляет кальку с земледелия районов, близких к Бухаре, где некоторое время жил Сеиткул. Причем вопреки запретам оренбургских властей поливное земледелие здесь расширилось. Свидетельством этого могут служить данные о нападении казахов Акмолинского округа сибирского ведомства на тургайских казахов оренбургского ве-

¹ Подлинники фотографий хранятся в Коллекции Кеннана ГАОО и копии – в Коллекции Кеннана Библиотеки Конгресса (США).

² Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: ОГИЗ, 1948. С. 210.

домства, во время которого было уничтожено 150 чигирей¹, а количество хлеба, собранное с площади, орошаемое одним чегирем, соответствовало в тот период стоимости 500 овец. Кстати, урожай на Тургае в тот период также измеряли в «чигырах»².

В горных районах и Прибалхашье применялся полив с помощью перекрываемых арыков, истоком которых служили горные ручьи с запрудами, либо же использовался прием посева на дне пересыхающих рек и озер и на заливных лугах, когда «высокая» вода закреплялась дамбами. Эта система напоминает земледельческие приемы и навыки, использовавшиеся в хозяйствах жителей Коканда и Тянь-Шаня.

Однако большая часть казахов использовала систему богарного земледелия, русский сельскохозяйственный инвентарь и «русскую» технологию обработки почвы. Этот тип земледелия тем более устраивал казахов, что позволял им одновременно заниматься и земледелием, и полукочевым скотоводством. Приведенными выше фактами подтверждается вывод диффузионалистов о том, что передаче от одной культуры к другой наиболее легко поддаются те элементы культуры, которые имеют практическое значение³. Там, где российские власти поощряли земледелие – в западно-сибирском ведомстве – преимущественно развивалось богарное земледелие, а там, где запрещали – в оренбургском ведомстве – поливное, по среднеазиатскому типу.

Вместе с заимствованием технологии обработки почв заимствовались элементы «земледельческой» психологии, и в первую очередь менялось отношение кочевogo населения к земледелию. Оно переставало представляться

¹ Чигирь – устройство для подъема воды при орошении, напоминает колесо для водных мельниц, к которому привязывались емкости для забора воды (кожаные, глиняные или деревянные), позволявшее перенаправлять водные потоки из одного источника в другой. Например, из реки в выкопанные каналы или арыки.

² ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1811. Л. 1–1 об.

³ Чегринцев М. А. Концепция «культурного роста» А. А. Кребера (критический анализ) // Критика буржуазных концепций социальных изменений. Межвузовский сборник / Под ред. М. Я. Корнеева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. С. 101.

в качестве «позорного» занятия и стало нормально воспринимаемым явлением. О приемлемости для кочевников этого технологического способа производства материальных благ наиболее убедительно свидетельствует факт его развития в социальных группах с различным имущественным статусом. Земледелием в Степных областях занимались и богатые (баи), и бедные казахи (джатаки, игинши), в то время как в южных районах Казахстана земледелие до революции оставалось «уделом» беднейших социальных слоев.

Незначительное число немецких колонистов в Степных областях не оказало в имперский период на казахов практически никакого влияния не только по причине своей малочисленности, но и по причине внутренней закрытости их общин¹.

По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи, свыше 18% казахских хозяйств доминировавшим видом хозяйственной деятельности считали земледелие, при этом в ряде уездов, например, в Ташкентском, оно составляло свыше 80%². По подсчетам коллектива барнаульских исследователей во главе с Ю. А. Лысенко, по материалам той же Первой всероссийской переписи населения 1897 г., земледелием в качестве основного вида хозяйственной деятельности занималось 24% казахских хозяйств³.

Примененная В. П. Зиновьевым методика межэтнического разделения труда, предложенная Е. В. Карих для анализа этноэкономической стратификации в Западной Сибири, позволила несколько скорректировать эти данные. Так, в трех областях Степного генерал-губернаторства, ранее относившихся к западно-сибирскому ведомству, разделение основных видов деятельности среди казахов (по мате-

¹ Шмидт В. Переселенческое движение немецкого крестьянства в Казахстане // ВА. 2022. № 2(46). С. 78, 80.

² Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: «Социнвест» – М.: «Горизонт», 1995. С. 73–74.

³ Лысенко Ю. А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: АЗБУКА, 2014. С. 125.

риалам Первой всеобщей переписи населения) выглядит следующим образом.

**Основные виды хозяйственной деятельности
казахов (по материалам Первой всеобщей
переписи населения 1897 г.)¹**

Область / Основной вид хозяйственной деятельности	Скотоводство (в %)	Земледелие (в %)	Другой (в %)
Акмолинская	89,1	3,8	7,1
Семипалатинская	72,9	12,8	14,3
Семиреченская	41,3	36,4	22,3

Однако это данные дают представление именно о видах хозяйственной деятельности, а не об оседлости. Ведь к этому времени значительная часть скотоводов уже фактически не являлась кочевниками, занимаясь яйлажным или отгонным скотоводством. Кроме того, весьма высок был процент и временно занятых (отходников), доля которых, по подсчетам В. П. Зиновьева, достигала 12,3% трудоспособного населения.

В Степных областях практически во всех социальных группах казахского населения происходил постоянный рост земледельческого производства. Так, в 1893 г. земледелием в Усть-Каменогорском уезде занималось 26% казахских хозяйств, в 1906 – около 60%, а в 1908 – уже свыше 70%². В Акмолинском уезде в 1909 г. земледелием занималось 77,5% хозяйств казахов³. Практически такой же уровень фиксировался в северных уездах Тургайской об-

¹ Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в областях Степного генерал-губернаторства по данным переписи населения 1897 г. // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 117–120. (Пересчет наш – А. Б.).

² Кузнецов В. Результаты пересмотра норм земельного обеспечения киргизов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. СПб., 1908. С. 14–15.

³ Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. V. Акмолинский уезд. СПб., 1910. С. 133.

ласти, а в Актюбинском уезде в 1899 г. было 94,4% сеющих казахских хозяйств¹. В других уездах Степных областей земледелием в начале XX в. занималось до половины казахских семей².

По мнению Г. Е. Маркова, на рубеже XIX и XX вв. 46,3% всех казахских хозяйств занимались земледелием, а 4,3% были оседлыми – джатаками³. При этом в Степных областях скотоводством занимались как зажиточные, так и небогатые хозяйства, тогда как в Туркестане – богачи, а бедняки были преимущественно земледельцами. В бывшем Букевском ханстве стационарные жилища были у всех казахских семей, полуоседлость была характерна для алтайских казахов и казахов Прииртышья, в Атбасарском уезде лишь 25% казахских хозяйств оставались исключительно скотоводческими. И лишь в юго-западных районах Казахстана и на Мангышлаке продолжало доминировать скотоводство⁴.

По данным А. Букейханова, опиравшегося на сведения обследования казахских хозяйств земскими статистиками того периода, в нач. XX в. большинство казахов Степного края (в его интерпретации – Киргизского края) жили оседло от 8 до 10 месяцев в году. А средний размер их поселения (кстау) был относительно небольшим и составлял чуть менее 7 семей, но в поймах рек, где продуктивность пашен на порядок выше, казахские селения были гораздо крупнее и составляли от 20 до 80 семей⁵.

По нашим подсчетам, всего в Степном крае регулярным и нерегулярным земледелием в конце первого пятилетия XX в. занималось около 53% казахских хозяйств. Еще интен-

¹ Артыкбаев Ж. О. История Казахстана в XIX веке... С. 30.

² Марков Г. Е. Кочевники Азии... С. 160.

³ В науке устоялось мнение, что джатаки и оседлые – это практически синонимы. Вместе с тем статистические данные, собранные русскими земскими статистиками на рубеже XIX–XX вв., не подтверждают прямой зависимости. Так, среди казахов-джатаков Кокчетавского уезда в 1898 г. оседлыми были лишь 4,6%, земледелием занималось 22,2% джатаков, а среди казахов Атбасарского уезда в тот же период оседлыми было 6,4% джатаков и 30,7% занимались земледелием. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Л. 118.

⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 159–161.

⁵ Букейханов А. Киргизы // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. С. 98–99. (Пересчет наш – А. Б.).

сивнее процессы домообзаводства и занятия земледелием стали протекать в ходе столыпинской аграрной реформы. Во втором десятилетии XX в. уже более половины казахов, несомненно, имели стационарные жилища и хозяйственные постройки и на постоянной основе занимались земледелием и отхожими промыслами.

С развитием земледелия и промыслов увеличивалось число оседлых казахов. Однако объем прироста категории оседлых был значительно ниже, чем земледельцев. Исследователями неоднократно подчеркивалась неравномерность протекания этих процессов и их более высокая интенсивность в северных уездах Степных областей, что объяснялось как географическим (более благоприятные климатические условия и более продуктивные почвы), так и демографическим фактором (рост народонаселения). Несомненно, определенную роль в этом играл и фактор более интенсивных контактов между представителями различных этносов, носителями различных сельскохозяйственных технологий.

Официальная статистика конца XIX – начала XX в. отразила процесс изменения структуры стада казахов. Так, в Тургайской области за период 1870–1891 гг. поголовье верблюдов сократилось с 61555 до 29530 особей, лошадей – с 497546 до 470031, овец – с 1050727 до 786192, в то время как резко возросло поголовье КРС – с 159270 до 271251¹. Аналогичная ситуация складывалась на оренбургском рынке, на который стали самостоятельно выходить казахи². В начале XX в. тенденция сокращения доли скота, приспособленного к кочеванию, сохранилась, об этом свидетельствуют данные подворных исследований того же региона. В среднем на одно хозяйство в 1898/1905 гг. приходилось соответственно: лошадей – 12,5/11,16; верблюдов – 0,3/0,3; МРС – 3,23/2,09; КРС – 6,44/8,3³. В начале 1890-х гг. за 3 года

¹ Кауфман А. А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана А. А. по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации. СПб., 1896. С. 109.

² См.: Быков А. Ю. Социальное и экономическое положение в казахском обществе в последней трети XIX в. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 80–81.

³ Хворостанский П. П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // ВК. 1907. № 1. С. 84.

численность скота в Акмолинской области сократилась на треть: с 2225534 до 1580020 голов. При этом в Петропавловском уезде сокращение составило 50%. Аналогичная тенденция резкого сокращения количества скота во владении казахов наблюдалась в Семиреченской области¹.

Повсеместное изменение структуры стада кроме прочего препятствовало возвращению казахов в кочевое состояние. Весьма характерно сообщение волостного муллы Аккульской волости Тургайского уезда в начале XX в. о том, что его аул кочует в радиусе 10–15 верст от зимовок, причиной чего он назвал следующее: «Верблюды перевелись, на корове нельзя кочевать»².

В ряде регионов Степного генерал-губернаторства фиксировался процесс общего сокращения поголовья скота у казахов при одновременном росте производства ими зерновых и иных растительных сельскохозяйственных культур. Наиболее ярко этот процесс можно проследить по статистическим материалам рубежа XIX–XX вв., собранным в Семиреченской области и интерпретированным О. В. Шкапским. Согласно его расчетам, средний годовой прирост производства злаковых казахами за период 1899–1902 гг. колебался по области в интервале от 5,7% до 12,1%, а сокращение размеров казахского скотоводства за период 1870–1902 гг. оценивалось им по различным уездам в интервале от 17,1% до 80,8%³.

Следует отметить, что процесс расширения доли земледелия был характерен и для крестьянских хозяйств, а вот среди казачества в начале XX в. фиксируется рост поголовья всех видов домашнего скота. Так, за период с 1894 по 1914 г. количество лошадей в среднем на казачье хозяйство возросло в 1,6 раза, овец – в 2,3, а крупного рогатого скота – в 2,2 раза⁴.

¹ Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1. Омск, 1895. С. 43.

² Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области. Статистико-экономический очерк // ВК. 1915. № 18. С. 173.

³ Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // ВК. 1907. № 1. С. 26–27.

⁴ Андреев С. М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Кемерово, 2007. С. 31.

Как отмечал М. П. Вяткин, к концу столыпинских реформ в среднем в Казахстане «посевов на одно казахское хозяйство приходилось 2,45 га, а на русское хозяйство 8,44 га, скота у казахов было больше, но это был по преимуществу мелкий скот. В переводе на лошадь на одно казахское хозяйство приходилось 15,34 голов, а на русское – 9,98 голов, т.е. отношение было 1,5 к 1»¹. Таким образом, казахское и животноводческое, и зерновое хозяйство в начале XX в. не выдерживало конкуренции со стороны русского крестьянского хозяйства. Справедлив для этого периода и вывод Д. Я. Фризмана о том, что в условиях деформации традиционной структуры обедневшие казахские хозяйства вынуждены были искать пути для выживания. В данном случае либо мелкие хозяйства объединялись друг с другом, либо существовал т.н. «маргинальный» путь, когда кочевник вел свое хозяйство и параллельно искал другие пути для заработка².

Имущественное расслоение в конце XIX — начале XX в. в казахском обществе было весьма значительно. Проявлением этого служила высокая концентрация земли и скота в отдельных хозяйствах. Так, в Павлодарском уезде Семипалатинской области 12500 бедняцких хозяйств имели 63500 лошадей, тогда как 800 байских – 172700. Бедняцкие и середняцкие хозяйства (84%) имели столько же скота, сколько 16% байских хозяйств. В целом по Степному краю в начале XX в. 70,7% казахских хозяйств владели 15 головами скота, 24,8% хозяйств – от 15 до 100 голов скота, свыше 100 голов имелось у 4,5% казахских хозяйств³.

В. Остафьев констатировал, что размер земельных наделов у казахов колебался в разных волостях северных уездов Акмолинской области от 3 до 10000 дес. на д.м.п. При этом «там, где во владении одной кибитки 10000 дес. земли

¹ Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана. Рукопись. С. 110 // Из личного архива автора.

² Фризен Д. Я. Традиционная структура аграрных отношений в Западном Казахстане и ее влияние на социально-политическое развитие общества: XIX – начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8(22): в 2-х ч. Ч. II. С. 194.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 110.

(V часть Петропавловской волости), нет ни одной головы скота и кочующие киргизы (казахи – А. Б.) до такой степени обеднели, что считаются джатаками и живут в пастухах»¹.

Как отмечал в начале XX в. А. Букейханов, казахское хозяйство оказалось чрезвычайно дифференцированным с абсолютным доминированием слабо обеспеченных слоев, где бедняки составляли 60,52%, богачи – 21,95%, а середняки – 17,53%².

Коэффициенты Джини и Лоренца демонстрируют, что сильная имущественная дифференциация была характерна для всех скотоводческих регионов Казахстана того времени³. Поляризация общества и разрыв традиционных общинных отношений приводили к выходу из общины. В Семипалатинской области в 1888 г. было около десяти тысяч отходников, перепись населения 1897 г. зафиксировала увеличение их числа в 10 раз⁴. Вместе с тем нельзя утверждать, что переход к оседлости и земледелию приводил к люмпенизации масс казахов. Напротив, имеются данные, свидетельствующие о росте благосостояния основной массы населения. Такой процесс, например, был выявлен П. А. Хворостанским в Кустанайском уезде, при этом он отметил, что рост состояния основной массы населения сопровождался сокращением их отрыва от богатой части еще и потому, что последние несколько обеднели⁵.

Часть казахов уходила в город. Здесь постепенно формировался казахский пролетариат. Первыми промышленными предприятиями в Центральном Казахстане стали предприятия по добыче медной и золотой руды и каменного угля купца Попова. В ведомости о количестве рабочих и объемах добычи руды и угля на рудниках Средней Орды за 1854 г. отмечалось, что в Баян-Аульском округе наслед-

¹ Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1. Омск, 1895. С. 35.

² Букейханов А. Киргизы // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. С. 96. Пересчет наш – А.Б.

³ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация... С. 201, 254.

⁴ Артыкбаев Ж. О. Казахское общество в XIX веке... С. 255.

⁵ Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // ВК. 1907. № 1. С. 80.

никам купца Попова принадлежал Александровский прииск, на котором работало 180 человек, из них казахов – 73. В Каркаралинском округе наследникам Попова принадлежали рудники и прииски, где из 143 работавших казахов было 25¹. Согласно сведениям, приведенным в пятитомном издании «Истории Казахстана», в 1855 г. было 1353 рабочих-казаха, в 1865 г. – 1848, в 1875 г. – 4156, 1885–7750, 1895–8860, 1900–11225². К 1917 г. казахский пролетариат составлял около 60 тыс. человек. Из них около 2/3 работало на горнодобывающих предприятиях, где среднее число сотрудников превышало 70 человек, а около 1/3 – на предприятиях обрабатывающей промышленности, преимущественно пищевой и кожевенной, где средний численный состав был менее 15 человек³. Причем, как отмечал управляющий Лондонской горнодобывающей компании, купившей ряд рудников в Степном крае, казахи-рабочие «начали гордиться своими техническими познаниями и обязанностями»⁴. Большая часть рабочих трудилась на мелких и средних предприятиях. На крупных предприятиях накануне Первой мировой войны трудилось около трети рабочих. Крупнейшим дореволюционным промышленным предприятием являлись Эмбенские нефтяные промыслы, где было задействовано ок. 6000 рабочих⁵.

Возраставшие потребности горнодобывающей промышленности в росте квалифицированных человеческих ресурсов значительно превышали количество желающих становиться рабочими казахов. В результате основную часть казахстанского пролетариата составляли неказахи. Более того, неоднократно ставился вопрос о возможности вселе-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 47.

² История Казахстана. В 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. С. 313.

³ Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в годы первой русской революции. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 24.

⁴ Цит. по: Тулеуова Г. Т. Центральный Казахстан и его место в экономике и культуре евразийского региона во второй половине XIX – начале XX веков // Проблемы истории и этнологии Казахстана. Материалы региональной научно-теоретической конференции «10 лет суверенного Казахстана: история и перспективы развития». Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2001. С. 107.

⁵ История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 4. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. С. 12.

ния в Степной край горнозаводских крестьян, но от такого решения всякий раз отказывались, опасаясь «встревожить местное население»¹. Когда же требовался срочный найм на работу и не было возможности в краткие сроки привезти рабочих из центральных и южнорусских губерний, приходилось специально командировать в степь тех, кто бы нашел желающих наняться джатаков. Так, на Воскресенский завод близ Павлодара² «собирали рабочих киргиз (казахов – А. Б.) в трех уездах»³. Наибольший процент рабочие-казахи составляли в угольной и медеплавильной промышленности, где они обычно занимались низкоквалифицированным ручным трудом. По данным карагандинских историков, в 1860 г. на предприятиях компании «Ушаков и К^о» насчитывалось 650 рабочих, в том числе 250 русских, остальные – казахи. Рабочие-казахи набирались из ближайших аулов Акмолинского, Сарысуского и Каркаралинского уездов. В 1864 г. на Карагандинских коях из 67 шахтеров 50 были казахи и 17 – русские. Накануне консервации копей в 1886 г. из 227 шахтеров 210 составляли казахи, 17 – русские. Перевозили руду с места добычи на медеплавильный завод свыше 300 постоянных возчиков, в основном казахи. В начале XX в. с возобновлением работы Спасского медеплавильного завода численность рабочих, занятых на добыче угля в Карагандинских коях, вновь увеличилась. В 1903 г. численность шахтеров возросла до 601 человека (392 русских и 209 казахов). В год начала Первой мировой войны здесь трудились 806 рабочих, а 1915–1916 гг. – 719 казахов и 111 русских⁴.

Зарплата служащих и рабочих в среднем была невысокой. Так, на рубеже XIX–XX вв. на промыслах фон Рибена и Перфильева служащие получали от 30 до 50 руб. в месяц, а рабочие – от 12 до 18 руб. в мес. Сопоставимой была оплата труда на приисках Поповых и на погрузоч-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.

² В настоящее время – это город Аксу, прежде поселение именовалось 5-м аулом, Воскресенском, Ермаком.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 94.

⁴ Караганда. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989. С. 10–24.

ных станциях на Иртыше¹. При этом оклад капитанов судов, курсировавших по Оби и Иртышу, достигал 2000 руб., а баржи и суда фрахтовались за определенный промежуток времени и эксплуатировались даже в период, когда плавали льдины. Одним из наиболее активных портов, откуда в том числе поставлялась пшеница, был Семипалатинск².

Рост производства и возникновение пролетариата и значительного числа отходников из числа джатаков не только вызывали индустриальное развитие, но и порождали маргинализацию части казахского общества, приведя к появлению ряда негативных социальных процессов. Одним из таких стал рост пьянства среди казахского населения. Еще в XVIII в. многочисленные источники сообщали о случаях бытового пьянства среди казахской знати, служившей в российской администрации либо активно сотрудничавшей с ней. В конце XIX – начале XX вв. процесс в ряде населенных пунктов приобрел уже серьезные масштабы. Так, город Кокпекты стали именовать «веселым городом» из-за большого числа пьющих казахов, работавших на открывшемся вблизи прииске, пьянство также было широко распространено среди казахов, осуществлявших перевозки гужевым транспортом³.

Женщины-казашки чаще оставались дома, занимаясь в том числе домашними промыслами, либо в отдельных случаях становились мелкими торговками. По сообщениям Арминия Вамбери, в середине XIX в. казашки «монополизировали» на среднеазиатских рынках торговлю кислomолочными продуктами⁴. Начал развиваться и швейный промысел. В начале XX в. казахи стали активно покупать швейные машинки «Зингер»⁵.

¹ ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 19. Л. 45.

² Патурссон С.О. От Фарер до Сибири. Пер с датск. М.: Пуалсен, 2019. С. 33, 212.

³ Архив ИВР РАН. Разр. III. Оп. 1. Д. 27/277. Л. 48; Львович Д. По киргизской степи. Путевые очерки. Пг.: Изд-е А. Ф. Девриена, 1914. С. 163–164, 166, 181.

⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Пер. с нем. / Предисл. В. А. Ромодина; Коммент. В. А. Ромодина, С. Г. Агаджанова. М.: Вост. лит., 2003. С. 125–126.

⁵ Львович Д. Указ. соч. С. 181.

Более состоятельная часть казахов-горожан занималась преимущественно торговлей и чиновничьей деятельностью¹. Проникновение торгового капитала в казахское общество вызвало к жизни социальную прослойку людей, постоянно связанных с товарно-денежными отношениями: перекупщики (алыпсатар), торговцы (саудагер). Чаще всего они были посредниками². Отдельные казахи начали заниматься добычей ископаемых: меди, свинца и др. металлов, поставляя их на первые заводы по переработке. Наиболее активно казахи включились в торговлю солью, причем в отдельные годы объем поставок был столь высок, что оказывал влияние на ее стоимость в крупнейших городах Сибири того времени, вынуждавшее местные таможенные власти вводить временные ограничения на вывоз приобретаемой у казахов соли из степных районов купцами не более 15 пуд., но запрет соблюдался далеко не всеми и, например, тарский купец С. Шпаденков в 1884 г. сплавил по Иртышу ок. 3000 пуд. соли³. А. Бенкевич следующим образом описывал механизм превращения казаха-кочевника в мелко-го торговца: «Попав в оседлое место киргиз (казах – А. Б.) идет или в работники[,] или занимается мелкою торговлею (алыпсатар), а так как киргизский народ принадлежит к замечательно мало требовательным и бережливым, то часто видим, как какой-нибудь работник начинает потихонечку откладывать, потом покупает скот, ударяется в торговлю, борется за подряды и постепенно обзаводится хозяйством»⁴. Вместе с тем казахский капитал в нарождавшейся казахстанской промышленности был минимален. Это было вызвано еще и тем, что она сама, как верно отмечал Ц. Л. Фридман, возникла «не как следствие... развития его хозяйства, не как органическое порождение этого процесса, не вышла из недр его экономики, а была создана пришедшим извне

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1864 г. Д. 92. Л. 4 об., 17 и др.

² Тулибаева Ж. М. Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX в. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. С. 97.

³ Жампеисова Л. М. Народы страны объединяет торговля // «Россия, Сибирь и государства Центральной Азии» (взаимодействие народов и культур). Материалы региональной конференции (14 октября 1997 г.). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. С. 42.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 95.

капиталом»¹. В еще более общем виде эту идею высказала В. В. Козина, отметив, что модернизация в Казахстане носила неорганичный (экзогенный) характер ввиду отсутствия здесь объективных предпосылок внутреннего развития социума для широкого промышленного и иного строительства².

Основная часть оседавших казахов поселялась в деревнях. Здесь на базе прежнего обычая взаимопомощи возникает новый – кумство, когда вновь прибывшему, независимо от родовой принадлежности, соседи-казахи оказывали помощь. Правда, новосел работал на хозяйство, приютившее его. В Букеевской орде постепенно эволюционировал в сторону института экономической эксплуатации близкий к кумству, но базировавшийся на родовом начале институт припущенничества³.

Джатаки составляли значительную часть казахских оседлых поселений. Однако, несмотря на утвердившееся в историографии мнение, прямая зависимость между имущественным положением и хозяйственной деятельностью существовала редко. Так, в Кокчетавском уезде Акмолинской области соотношение земледельческих (зем.) и джатаческих (джат.) хозяйств в начале XX в. выглядело следующим образом (в %)⁴:

волость	земледельцев (%)	джатаков (%)
Джиландинская	69,7	2,0
Зерендинская	26,8	3,4
Котуркульская	26,5	19,8
Мизгильская	20,0	1,9
Аиртавская	17,5	8,5

¹ Фридман Ц. Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во, 1960. С. 88.

² Козина В. В. Население Центрального Казахстана (Методология. Историография. Источники). Алматы: Оркениет, 2001. С. 13.

³ Викторин В. Этносы и социумы приволжских степей XVII–XX вв.: политика и потестарность (от кочевания к оседлости) // Доклад на Шолкарском форуме по приграничному сотрудничеству России и Казахстана. 2003 // <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1845> (дата обращения: 14.01.2018).

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Л. 119.

волость	земледельцев (%)	джатаков (%)
Восточная	5,6	2,4
Кокчетавская	3,0	3,0
Чалкарская	0,9	2,5
Всего по уезду	22,2	4,6

Даже в Кокчетавской волости, где по статистике процент земледельцев совпадал с процентом джатаков, не все земледельцы являлись джатаками и не все джатаки являлись земледельцами.

Существуют свидетельства того, что земледелие получило развитие среди определенной части богатых казахов Младшего жуза и Семиречья¹.

Уровень концентрации земельных угодий и соответственно имущественной дифференциации в земледельческих хозяйствах имел существенные различия. Так, в Кокчетавском уезде имелась община из 18 казахских хозяйств, где на долю одного хозяина приходилось 1531 дес². В Актюбинском уезде богатые казахи-земледельцы имели от 53 до 1356, в Кустанайском – от 26 до 3857 дес. земли. Одновременно размер обрабатываемого надела джатака в Акмолинской области в среднем был 0,9 дес., а по Степному губернаторству – около 2 дес³.

Существенно различалась степень развития земледелия и скотоводства как по областям, так и внутри них. По данным Комитета Сибирской железной дороги, относящимся к 1897 г., под посевные площади казахами было занято в Акмолинской области 163027 дес., в Тургайской – 103782, в Уральской – 66128, в Семипалатинской – 35917, во Внутренней орде – 3255 дес⁴. Несмотря на поляризацию как скотоводческого, так и хозяйственных земледельческих сообществ казахов, достаток земледельцев и соответственно возможность воспроизводства социальных отношений

¹ См., напр.: Харузин А. Указ. соч. С. 63 и др.

² Хворостанский П. П. Киргизский вопрос... С. 65.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Л. 119.

⁴ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 37 об.

были значительно выше у земледельцев¹, составляя в среднем 12,2 руб. с дес².

Отношения между богатой и бедной частью казахского населения в научной литературе освещены достаточно хорошо³, и можно сделать вывод, что имущественная дифференциация выполняла в начале XX в. качественно иную социальную функцию, чем в традиционном родовом обществе. Уже к концу XIX в. социальный статус определялся по двум основным критериям – экономическому положению и взаимоотношениям с российскими властями.

Представляется, что особого внимания заслуживает вопрос взаимоотношений казахов-кочевников и казахов-земледельцев, вызванный трансформацией традиционного казахского общества.

С переходом казахов к земледелию происходят кардинальные изменения не только в хозяйстве, но и в быту, которые несколько утрировано, но все же достаточно точно отразил Т. И. Седельников: «Грамотность русская и мусульманская, знание русского языка, ... удобная в трудовом обиходе одежда на татарский лад, чистые и просторные жилища, нередко уже с прямыми и сознательными претензиями на комфорт, – все это сопутствует земледелию и промыслам и отсутствовало... у кочевников-скотоводов, которые живут по-прежнему»⁴. Об этом же свидетельствуют данные Т. И. Тихонова: казахи «стали делать постройки из сырцового кирпича, деревянные, стараясь приблизиться к городским зданиям, одежда теперь стала большей частью покупная, а раньше готовилась из собственных материалов... Посуда была только деревянная, а теперь фаянсовая, эмалиро-

¹ См., напр.: Хворостанский П. П. Киргизский вопрос... С. 76–78; Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 49. и др.

² Тресвятский В. Необходимость пересмотра оснований земельного обложения оброчной податью в Азиатской России // ВК. 1915. № 17. С. 103.

³ См.: История Казахской ССР. Т. 4; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 годах. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 590–593; Шаймерденова К. К. Указ. соч. С. 50–57 и др.

⁴ Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 17.

ванная, стеклянная... Изменился и убогий киргизский (казахский – А. Б.) инвентарь. Появились четырехколесные телеги и мастера, изготавливающие их, верховая езда сокращается, и т.д.»¹. Если в начале XIX в. занятие земледелием считалось у казахов делом недостойным, почетным было именно кочевое скотоводство, то в конце XIX в. казахи-земледельцы уже «смотрели свысока» на сородичей-кочевников.

Поддержка колониальной администрации способствовала перераспределению земельных площадей в пользу оседлых. Осевшие сообщества становились «сильными». Так, верховья р. Уил, эксплуатировавшиеся ранее казахами рода табын, были заняты в 1868 г. родом алим, представители которого, осев, стали фактическими владельцами территории². Появились даже новые лексические понятия, такие как «отар» («хутор»), «кран» («грань»), «меже» («межа»), связанные с русским языком, а с 1820-х гг. место постоянных зимовок своей волости казахи Среднего жуза стали именовать «домом»³.

Опрошенные экспедицией Ф. Щербины оседлые казахи заявляли, что «по обычаю теперь жить нельзя: для спокойной жизни нужны границы». У земледельцев появилось понятие личной собственности на землю. У кочевников же к 70-м гг. XIX в. сформировалось понятие «чужой земли». Это произошло, с одной стороны, из-за смещения родов и вынужденного перехода к хозяйственной группировке аулов, с другой, из-за признания земли государственной собственностью.

Официально земли оренбургского ведомства были объявлены государственной собственностью в 1844 г., а западно-сибирского – в 1868 г., но уже прежде они рассматривались правительством таковыми⁴. В период столыпинской реформы и здесь возникают прецеденты посемейного распределе-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Л. 120 об.

² Быков А. Ю. Социальное и экономическое... С. 78–79.

³ См.: Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. Ч. 43. СПб., 1830. С. 72–73.

⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631. Л. 75 об.

ния пастбищных угодий, и номады, как ранее земледельцы, переходят к соседской общине¹. Этот процесс частично сопровождался переходом к интенсивному скотоводству. Однако масштабы такого скотоводства были невелики. В 1910 г. в Семипалатинской области было всего 16 таких частновладельческих хозяйств².

Источники зафиксировали развитие новых форм арендных отношений у казахов-земледельцев. В северных регионах Казахстана преобладала денежная аренда, в южных – из доли. Наряду с арендой внутри территориальной общины существовала и сдача земель в аренду русским. Развивались и отношения найма, копировавшиеся у русских, причем нанимали казахи преимущественно переселенцев или джатаков, прежде работавших на русских³, то есть имевших определенный технологический опыт.

Конечно, существовали земельные споры между казахами-земледельцами и русскими крестьянами, но они разрешались, и совместное проживание в поселках подтверждает это. Вместе с тем постепенно назрела внутриэтническая конфронтация между номадами и оседлыми. Кочевники объясняли ее появлением земельных границ и забвением традиций земледельцами. Показательны пословицы того периода: «Жир меники деген – сон-ак, тюбелес болды» («Когда стали говорить: земля моя, пошли распри»), «Килы-килы заман болды, карагай басын шортан шалды» («Разные были времена, но сейчас вершину сосны поборола щука», где щука – символ тех, кто прежде обязан был молчать)⁴.

Скотоводство и земледелие в степи «неблагоприятно влияют друг на друга»: земледелие стесняет скотоводство, а скотоводы мешают «развитию земледелия частыми... по-

¹ Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 55–56.

² Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области. СПб., 1912. С. 9.

³ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 385. Л. 115 об. – 117; МКЗ. Т. 8. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912. С. 21–29; Тресвятский В. А. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Пг., 1917. С. 71–89 и др.

⁴ См.: Фон Герн В. К. Характер и нравы казахов (Этнографические заметки). Караганда: ТОО «Номад и К*», 1995. С. 26–29.

травмами»¹. Разрешение споров на месте доходило до драк, «даже убийство – довольно заурадное, обыденное явление»². При разборе земельных споров в суде обычно администрация занимала сторону оседлых.

Исключение здесь представляла администрация Семиреченской области, которая штрафовала и даже подвергала краткосрочному аресту казахов-кочевников за сдачу земель в аренду земледельцам (в том числе крестьянам-переселенцам)³, а первые казахские оседлые поселения здесь были исключены из своей волости и в них было введено управление, «организованное на крестьянском положении»⁴. Кроме того, неоднократно случаи, когда попечители, которые служили в оренбургском ведомстве, вставляли на сторону казахов в их спорах с уральскими и оренбургскими казаками. Так, в 1850 г. в Кирсановском форпосте разбирали дело о потраве казаками сенокосов у казаков. Казаки требовали 8 тыс. руб. компенсации, но после вмешательства попечителя вполне удовлетворились 500 руб., которые были разложены на кочевавшие напротив форпоста казахские семьи⁵.

По нашему мнению, хозяйственную специализацию казахского общества следует, наравне с имущественной дифференциацией, считать основным критерием определения социального статуса казаха во второй половине XIX – начале XX в.

Казахи-земледельцы к началу XX в. зачастую уже далеко не всегда соотносили себя с родом, говоря, что «нам русские ближе, чем кочевники»⁶. Связь с кочевой общиной и родовыми устоями в значительной степени прерывалась.

¹ Кауфман А. А. Отчет о поездке... С. 114.

² Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 48. Условием занятия большинства должностей являлась оседлость, а часто и владение русским языком.

³ Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // ВК. 1907. № 1. С. 32.

⁴ Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // ВК. 1908. № 3. С. 75.

⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 30.

⁶ Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // ВК. 1908. № 3. С. 36.

Так, в 1901 г. решившие перейти к оседлому образу жизни казахи Толкавской волости Семиреченской области были «исключены из своей волости и образовали особое общество, организованное на крестьянском положении»¹. Все это отражало процесс поиска новой идентичности, самого по себе функционально приводившего к ослаблению родовых связей. Если в 1860-х гг. российские власти сообщали, что у казахов «родовые понятия рушились, кровные связи порваны, а вместо них ничего доселе не устроено прочного»², то очень быстро стала формироваться национальная идентичность. Этому способствовали как объединение казахов в составе одного государства – Российской империи, так и иные факторы. Изменение способа ведения хозяйственной деятельности было одним из них. Этому же способствовала российская политика. Так, Л. Мейер отмечал, что казахи «замечательно быстро усваивают себе наружный лоск и привычки, не теряя однако своей национальности и не гнушаясь ее»³.

И все же разрыв с родом, ассоциировавшимся в том числе с кочевым образом жизни, не был завершен. О том, что кочевание было ментально важной составляющей мировоззрения большинства казахов, а оседлость могла соотноситься ими с административным нажимом, косвенно может говорить, например, потрава восставшими казахами Семиреченской области в 1916 г. собственных пашен⁴. Родовые начала проявлялись при разделе казахскими общинами земельных наделов. Так, практически сразу после введения Временного положения в Уральской и Тургайской областях – бывших областях Оренбургского ведомства, где выборного начала у казахов, в отличие от Сибирского ведомства, не существовало, – при распределении земельных наделов внутри аулов

¹ Там же. С. 75.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3270. Ст. 252. Л. 43.

³ [Мейер Л.] Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 259.

⁴ Протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 года в помещении тургайского областного правления с разрешения тургайского губернатора // Красный архив. 1926. № 3(16). С. 59.

стали происходить ущемления тех, кто не принадлежал к роду этого аула. «И таким образом многие киргизы (казахи – А. Б.) оставались вовсе без земли, жаловались на это и приходилось административною властью вмешиваться в поземельные дела». В то же время казахи-земледельцы отказывали одновременно в земельных наделах и своим однородцам, продолжавшим кочевать¹.

Как показали полевые этнографические исследования, проведенные нами совместно с О. В. Борониным, такие параметры идентификации, как родовая и конфессиональная принадлежность, играли у казахов значительно более важную роль при анклавном проживании казахов в иноэтнической среде и теряли свое превалирующее значение в процессе самоидентификации индивида в условиях дисперсного и моноэтнического окружения². Еще в середине XIX в., представляясь, казахи обычно указывали на свое родоплеменное происхождение: «найман», «джалаир», «байулинец» и т.п. Если же представлялся единоплеменником, то указывал на более мелкую родовую таксономическую принадлежность, например, «андас»³. Однако на рубеже XIX–XX вв. доминирующей формой самоидентификации, выражавшейся в представлении, стала служить уже не родоплеменная, а этническая маркировка. Как отмечал А. Букейханов, на вопрос неказаха о своем происхождении казахи отвечают: «Уш жуздін баласымын» («Мы дети трех жузов»). Хотя, как замечает тот же автор, казахи и прежде отвечали иноплеменникам именно так⁴.

В духовной сфере процесс упадка казахского традиционализма выразился в форме возникновения двух литератур-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102а. Л. 52.

² Быков А. Ю., Боронин О. В. Об этнических стереотипах населения Кулундинского района Алтайского края: восприятие русскими и казахами друг друга // Российская западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика, безопасность. Материалы международной конференции. Белокуриха, 24–25 мая 2002 г. Барнаул: «АзБука», 2003. С. 485–494 и др.

³ [Румянцев П. П.] Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. II. СПб.: тип. «Экономия», 1915. С. 110–111.

⁴ Букейханов А. Киргизы // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. С. 112.

ных направлений – просветительского и зар-заман (эпоха скорби)¹. Просветители считали необходимым усваивать нормы европейской (здесь равно русской) культуры вплоть до сознательного унижения собственного этнического (традиционного) достоинства². Эти строки принадлежат перу Абая:

*И, найдя правдивый народ,
Должен всем его предпочесть...*

Согласуясь с концепцией просвещения, а затем с иными доктринами, российские власти предпринимали попытки развития среди казахов системы образования, причем как в рамках существовавшей системы образования в центральных губерниях, так и в уникальной форме. Долгое время эти попытки практически не приносили никакого результата. Например, в октябре 1853 г. министр внутренних дел получил следующий ответ от местных властей на вопрос, что сделано для развития системы образования у казахов: общие собрания казахов пяти внешних округов Западно-Сибирского генерал-губернаторства отказались от предложения создания сети школ³. Только в условиях, когда при поддержке российских властей лица с более высоким образовательным уровнем занимали более высокий статус, резко возрос интерес казахов к получению образования.

В рамках предложенной Н. И. Ильминским политики, предполагавшей перевод письменности ряда народов на кириллический алфавит с перспективой дальнейшего привития православия, российские власти открыли сеть светских казахских школ⁴. Сам Н. И. Ильминский по поводу перевода на кириллицу алфавита нерусских народов писал: «Рус-

¹ Муканов С. Казак адебиетинин тарихы (казактын XVIII–XIX ғасырдағы адебиетинин тарихынан очерктер). Алматы: КБМБ, 1942. Б. 118–172.

² Абай. Слова назидания. Пер. с каз. Алматы: Рауан, 1995. С. 14. Появление письменной литературы, основоположником которой признают Абая, само есть отрицание традиции.

³ Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Томск, 2007. С. 27.

⁴ Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Казань, 1885. С. 17.

ский алфавит представляется, с одной стороны, хорошим средством к усвоению инородцами русского языка и русского образования, а где-то и к объединению инородцев с русским народом, а с другой стороны, он дал бы русской администрации края возможность охранить кочевое население от татарского или вообще мусульманского влияния»¹. Появившиеся аульные школы получили поддержку генерал-губернатора Я. Ф. Барабаша. При его непосредственном участии появились первые библиотеки в Иргизе, Актюбинске, Кустанае и были учреждены общества попечения о народном образовании в Актюбинском и Кустанайском уездах². Однако число аульных школ даже вкупе с иными образовательными учреждениями не удовлетворяло возросший спрос на грамотность. Во многом в результате этого в аулах стали появляться нелегальные муллы, а в городах усилился рост мусульманских учебных заведений – мектебов и медресе. О темпах их роста можно судить по данным Н. Сабитова³, для удобства сведенным в табличную форму:

Область	Период (гг.)	Рост мусульманских учебных заведений	Абсолютный прирост количества учащихся	Относительный среднегодовой прирост числа учащихся
Семиреченская	1891–1897	с 64 до 88	с 1251 до 12835	171%
Сыр-Дарьинская	1892–1895	с 1522 до 2446	до 28898	?
Тургайская	1894–1911	с 59 до 103	с 457 до 1400	18%
Акмолинская	1896–1907	с 13 до 15	с 547 до 970	16%

По данным Н. Н. Балкашина, в начале 1880-х гг. в интернатах Степного края обучались грамоте по-русски около 1000 казахских детей, преимущественно из среды бедняков⁴.

¹ Цит. по: Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (133) / Под ред. Д. Ю. Арапова. М.: «Русская панорама», 2002. С. 92.

² Губернаторы Оренбургского края ... С. 298–299.

³ Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1960. С. 16. Пересчет наш.

⁴ Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 38.

Более или менее точные сведения об обучении казахских детей в мектебах Внутренней орды, где создание школ фиксируется не позднее 1820 г., имеются со второй половины XIX в. Здесь также до определенного момента прослеживается тенденция роста числа обученных. В 1861 г. мусульманских школ в орде насчитывалось 55 с 1300 учащимися, в 1866 г. их было уже 93 с 3141 учеником, а в 1872 г. – 154 (по иным данным – 157), причем теперь в них проходил регулярное обучение 3821 учащийся. Однако в последующие годы кривая обучения поползла вниз, и в 1888 г. в орде зафиксировано 52 мектеба с 1262 учащимися мальчиками и 102 девочками (т.е. всего 1364 ученика)¹.

Благодаря деятельности Ибрая (Ибрагима) Алтынсарина был создан казахский алфавит на основе кириллического. Алтынсарин выпустил букварь («Киргизскую хрестоматию»), ряд учебно-методических пособий и создал сеть светских учебных учреждений в Северном и Западном Казахстане. Русские школы создавались, а их выпускники оказывались в значительной степени инкорпорированными в российскую имперскую структуру казахами². Вместе с тем процесс развития российского образования в казахской степи шел достаточно медленно, в результате уровень образованности казахов был гораздо ниже среднероссийского. Так, в 1861 г. в Усть-Каменогорске была только одна русская светская школа, где обучалось 20 русских детей, и одна школа при мусульманской мечети, где обучалось столько же казахских детей³. По данным Первой всероссийской переписи населения (1897 г.), грамотность населения Казахстана в возрасте от 9 до 49 лет составляла 8,1%. Среди мужчин умели читать 12%, среди женщин – 3,6%⁴. В Семипалатинской области на 1900 г. было 3977 учащихся-казахов (общая

¹ Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация // Простор. 2001. № 3 // <http://prstr.narod.ru/texts/num0301/asp0301.htm> (дата обращения: 12.02.2006).

² См.: Стрелкова И. И. Валиханов. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 23 и др.

³ Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 г. // Записки ИРГО. Кн. IV. СПб., 1863. Отд. II. С. 125.

⁴ Краснобаева Л. Н. Уровень грамотности населения Казахстана по данным переписей 1897, 1920, 1926, 1939 и 1959 гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы Международной научно-практической конференции (6–7 апреля 2001 г.). Усть-Каменогорск, 2001. С. 17.

численность населения области – около 640000 человек), причем из них лишь 815 девочек, а в области действовало 116 школ, включая 16 медресе, 13 частных мусульманских женских школ, 5 русско-киргизских училищ, 5 частных русско-магометанских училищ и 4 сельскохозяйственных школы¹.

О важности развития народного образования в тот период можно судить по статьям местного бюджета. К сведению, сумма всех административных расходов на содержание аппарата в 1871 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях составила 250448 руб. 96 коп. (88,1%), при этом важнейшей статьёй было содержание школ – 220690 руб. 20 коп. Второй по размерам расходов была статья на содержание полиции, составлявшая 25600 руб. (10,2%). К сведению, сумма поступивших от кибиточной подати и паспортного сбора средств в том же году существенно перекрыла эти затраты, составив 477644 руб. 45 коп.²

Однако далеко не все представители российской администрации поддерживали развитие народного образования мусульманскими учителями. Так, в 1876 г. министр народного образования Д. А. Толстой после посещения Оренбурга предложил императору программу борьбы с татарским влиянием в казахской степи, грозившим, по его мнению, ростом фанатизма, в том числе появлением шахидов³.

Проблемы административного управления казахской степью во многом были связаны с невысоким профессиональным и образовательным уровнем русских чиновников. В отчете начальника Области Сибирских Киргизов за 1863 г. указывались и основные причины этого: «В отношении чинов Окружных Приказов нужно заметить, что умеренные оклады жалованья, жизнь в отдельных местностях, сопряженная с разного рода лишениями, мало привлекает на службу в степь получивших образование даже в средних учебных заведениях; лиц же, прошедших университет-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 84 об.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102а. Л. 143–143 об. Пересчет наш (А.Б.).

³ Ремнев А. В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

ские или академические курсы, за исключением медиков, на службе в степи нет»¹. Первый серьезный учебник казахского и ряда других восточных языков вышел в Академии наук только в 1875 г.,² да и то получил ряд серьезных замечаний³. Как отмечал А. Букейханов, до Первой русской революции штатные должности переводчиков с казахского языка в администрации Степного края занимали преимущественно лица русской национальности, либо совершенно не владевшие казахским языком, либо не умевшие читать тексты, написанные арабицей⁴. Подобных примеров можно привести множество. Понятно, что и эталон образования для казахов был в связи с этим ниже, чем для европейцев того же времени.

Одним из инициаторов расширения просветительской деятельности среди казахов был степной генерал-губернатор Колпаковский. При подведении итогов его деятельности было отмечено, что для казахов «был открыт доступ не только в средние, но и в высшие учебные заведения. Прошло 20 лет, из среды кочевников получились врачи, офицеры, ветеринары, лесничие, юристы, чиновники, фельдшера, и население быстро потеряло недоверие к русскому образованию и теперь усиленно стремится к просвещению, хотя возможность получить образование гораздо ниже спроса»⁵.

Определенное противодействие в вопросах развития светского образования оказывало мусульманское духовенство⁶. Многие родители, особенно на Юге Казахстана, вообще не желали отдавать детей в светскую школу, и в Семиреченской области в 1902 г. детей обучали исключительно муллы, а в 1906 г. здесь же российскими властями «было

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1864 г. Д. 92. Л. 17.

² Терентьев М. А. Грамматики – турецкая, персидская, киргизская и узбекская. Кн. первая. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. С. 119–159.

³ РГИА. Ф. 853 Оп. 2. 1875–1876. Д. 73. Л. 1–2.

⁴ Букейханов А. Киргизы // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: « лке» баспасы, 2002. С. 104.

⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. 1875–1876. Д. 73. Л. 53 об. – 54.

⁶ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 23. Л. 46 об.

признано, что открытие школ для туземцев по волостям, в отдаленных от русских селений местах, не приносит никакой пользы. Некоторые из таких школ совершенно не имели учеников»¹. Светские «новометодные» школы, но на основе арабицы, создали в начале XX в. и джадиды.

Как отмечено выше, в литературе инновационные процессы, протекавшие в казахской степи, отражало просветительство, ориентировавшееся в значительной мере на европейские культурные и этические ценности. Другое литературное направление – зар-заман – идеализировало счастливое кочевое прошлое, являвшееся «золотым веком» казахской истории. Настоящее им время поэты оценивали как «дурную, скорбную эпоху». Например, Шортанбай рисует образ современного ему казаха: джигит, оседлавший корову, и общества – падение нравов, неуважение к старшим и т.п. Сторонники традиционализма обвиняли в ухудшении нравов, в частности, технический прогресс, осознавая прямую взаимосвязь между развитием инфраструктуры и степенью проникновения иной культуры. Уже в СССР «один казакский (казахский – А. Б.) поэт – Джумбаев (Жамбыл Жабаев – А. Б.) – протестует в поэтической форме против проведения железной дороги, потому что железная дорога несет в Казахстан, с его вольными степями, сифилис и разврат»². В известной степени это направление казахской литературы можно рассматривать в качестве традиционалистского. Тенденция появления упаднического направления в литературе в трансформировавшихся традиционных обществах была присуща и иным кочевым (посткочевым) цивилизациям. Так, у африканских фульбе существовало направление «проклятая эпоха»³.

¹ Обзор Семиреченской области за 1902 год. Верный, 1903. С. 59, 112.

² Бухарин Н. И. Текущие задачи комсомола // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. С. 304. Интересен и ответ Н. Бухарина Ж. Жабаеву: «Конечно, железная дорога несла иногда и сифилис, и разврат, но теперь она несет и медицинскую помощь против бытового сифилиса» (!). Там же. С. 304–305.

³ См.: Зубко Г. В. Фольклор и литература народа фульбе // Фольклор и литература народов Африки. М., 1970; Турсунов Е. Единство эстетического опыта кочевых и нековых народов // Кочевники. Эстетика: познание мира традиционным казахским искусством. Алматы: Галым, 1993.

Конфронтация перерастала границы литературного спора. Это был спор традиционализма и модернизма. Дебаты иногда заканчивались кулачными поединками, в частности, на жизнь Абая было совершено покушение¹.

Вместе с тем просвещение не носило характера простого заимствования европейской культуры, а сопровождалось формированием новой гражданской идеологии национально-освободительного движения². В политической сфере поиск новой идентичности выразился в оформлении политических партий и движений западнического и панисламистского толка³. Главными носителями новой идеологии становились нарождавшаяся казахская интеллигенция и возникшая прослойка национальной буржуазии. Эти же группы составили ядро казахской национальной политической элиты. В дореволюционном Казахстане было немногим более ста казахов с высшим образованием. Около тысячи казахов имели среднее специальное и неоконченное высшее образование⁴. Численность буржуазии к концу XIX в. составляла около 40 тыс. человек, и последняя была представлена саудагерами, алыпсатарами, приказчиками, маклерами и другими группами⁵, несколько увеличившись в начале XX в. Несмотря на малочисленность, в начале XX в. политические лидеры казахов были чрезвычайно активны.

Таким образом, в казахском обществе во второй половине XIX – начале XX в. происходили значительные политические, экономические и социальные изменения. Традиционная патронимическая и потестарная организация прекратили функционировать на высших таксономических уровнях и трансформировались на низших. Произошла институциализация социальных групп родового общества,

¹ Асылжанов Б. Письмо Абая Сенату // Простор. 1982. № 5. С. 196–197.

² См.: Дулатова Д. И., Нуртазина Н. Д. К истории просвещения в Казахстане и Средней Азии в XIX – начале XX вв. // Казахстан в начале XX в.: методология, историография, источниковедение (Сборник статей). Вып. 2. Алматы: ТУДАП, 1994. С. 48–62.

³ См.: Букейханов А. Киргизы. Формы национального движения современного государства. СПб., 1910.

⁴ Григорьев В. К. Противостояние. Алма-Ата, 1989.

⁵ Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы: «Жеті жарғы», 1996. С. 94.

как с открытым, так и с закрытым статусом, последние в значительной мере утратили кастовые черты. Определение социального статуса стало зависеть уже не столько от происхождения и авторитета, сколько от экономического благосостояния и хозяйственной (равно цивилизационной) принадлежности. Активно шел процесс разложения родовой и формирования соседской общины, причем во многих оседлых регионах он был завершен к началу XX в. С переходом к интенсивным по сравнению с кочевым скотоводством форм хозяйственной деятельности утрачивалось большинство каналов трансляции традиции. Следствием упадка интегрального традиционализма стал кризис идентичности, отразившийся на бытовом уровне, в экономике, в возникшей политической сфере и духовной культуре казахов.

§ 4. Изменение рациона питания казахов

Многочисленные источники свидетельствуют, что у казахов абсолютно во всех районах проживания и во всех социальных группах до и в первое время после их вступления в российское подданство доминировало потребление продуктов животноводства. Весьма типично сообщение, оставленное путешествовавшим через казахскую степь в среднеазиатские владения Ф. Назаровым: «Кочующие в сих степях киргизы (казахи – А. Б.) по большей части среднего роста, смуглы, постоянный климат делает их здоровыми. Живучи целый век на воздухе и ведя кочующую жизнь, они способны переносить жар и холод; имеют грубую пищу, состоящую летом из кумыса и молока, а зимой из лошадиного мяса с разболтанною мукою. Занимаясь скотоводством, они пренебрегают хлебопашеством»¹.

С середины XVIII в. российская администрация целенаправленно пыталась создать благоприятные условия для развития хлебной торговли с казахами. Власти преследовали две цели: расширение объемов русско-казахской торговли, которая экономически привязала бы окраину к метрополии, и создание условий для изменения рациона питания автохтонного населения. Документы, как официальные, так и личного характера, пестрят подобного рода объяснениями: «Для укрощения дикости кочующих ... правительство всегда старалось ознакомить их с выгодами гражданской жизни и приучить их к употреблению хлеба»². П. И. Рычков заметил по этому поводу, что с увеличением в рационе казахов-кочевников растительной пищи «со временем они гораздо полюдеют и прежнюю дикость оставят»³. Этому же служили подарки хлебом, выплата жалованья казахским чиновникам российской

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах Азии в землях средней части Азии. М.: Вост. литер., 1968. С. 19.

² ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 254.

³ Цит. по: Уханов И. С. Рычков. М.: Мол. гвардия, 1996. С. 108.

администрации в натуральной форме: мукой, зерном и крупами¹.

Приверженность казахов нетипичному для европейца рациону питания рассматривалась в качестве одного из элементов «дикости» кочевников-казахов, вызывавших чувство неприязни. Характерным для восприятия российского обывателя можно считать образ казаха, нарисованный в путевых заметках барона Ф. Р. Остен-Сакена. Он, например, отмечал, что казахи «мясо варят тут же посреди юрты; одна женщина специально занималась головой барана, которая считается лакомым кусочком... грязное приготовление, непрерывное участие грязных пальцев, скорее подавляли мой аппетит»².

С целью изменения рациона питания правительством предпринимались специальные мероприятия. Уже в 1763 г. была разрешена свободная беспошлинная продажа хлеба, зерна и муки в степные районы³. Учреждениями 1775 г. (ст. 87) было предусмотрено создание продовольственных магазинов, где хлеб продавался по фиксированным ценам в неурожайные годы. Этими магазинами разрешалось пользоваться и казахам оренбургского ведомства. К сожалению, запасы продовольствия в них зачастую не соответствовали потребностям местного, русского и нерусского, населения. К тому же губернские власти ограничивали, а в период неурожая 1808–1809 и 1820–1821 гг. даже прекращали «отпуск» хлеба в степь. Правительство специальным указом запретило эту практику, отметив возможные негативные последствия запрета для земледельцев, терявших потенциальный рынок сбыта продукции, и «наипаче же пагубно для подвластных России кочующих народов». О государственной важности обеспечения кочевников земледельческой продукцией свидетельствует тот факт, что вопрос об отпуске хлеба был изъят из компетенции оренбургского военного

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. 1897 г. Л. 9–10.

² Остен-Сакен Ф. Р. Дорожные заметки по путешествию в Среднюю Азию. 1867 г. // Архив ИВР РАН. Раз. III. Оп. 1. Д. 38/918. Л. 78 об.

³ АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. 1736–1767 гг. Д. 15. Л. 28.

губернатора и передан в исключительное ведение Комитета министров¹.

Статистические данные свидетельствуют о постоянном росте объемов торговли хлебом в степи. Так, в оренбургском ведомстве за период 1760–1762 гг. казахам было продано 44891 пуд, в 1763–1766 гг. – 48291 пуд, а в 1820 г. «уже до 10000 четвертей пшеницы, до 20000 муки ржаной и до 5000 пшеничной». Накануне крестьянской реформы, в 1860 г. казахи Области оренбургских киргизов приобрели 566277 пудов хлеба². Таким образом, за сорок лет объем продаж зернопродуктов казахам увеличился в 13,9, а за сто лет – в 50,5 раз.

С середины XIX в. в Оренбуржье постоянно происходило перепроизводство хлеба. Около 30% всего урожая шло на переработку и на продажу, а часто – на корм скоту³. В результате высоких урожаев цены на хлеб в губернии резко снизились⁴. В 1857 г. стоимость пуда ржи в Оренбурге составляла 13 коп., тогда как в Нижнем Новгороде 33–43 коп⁵. Снижение цен на хлеб, на наш взгляд, стимулировало рост его потребления казахами, хотя и привело к некоторому снижению темпов развития их собственного земледелия.

Незначительное снижение объемов русско-казахской хлебной торговли (см. приложения 2, 3) в последующие годы объясняется главным образом ростом производства хлеба самими казахами и увеличением количества незафиксированных официальной статистикой сделок купли-продажи/обмена между казахами и русскими крестьяна-

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / Гл. ред. М. Н. Дружинин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 779.

² ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 18 об.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 14 об.; Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832. С. 221–222; ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 255.

³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Кн. 1. Уфа, 1996. С. 365.

⁴ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. С. 394–397. Прил. 5, 6.

⁵ Тагирова Н. Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: МОНФ, 1999. С. 65.

ми-переселенцами¹, численность которых после реформы 1861 г. стала резко возрастать. Вновь ввоз и соответственно потребление коренными жителями хлебопродуктов значительно возросли в период 1892–1902 гг. Так, в Туркестанском губернаторстве объем ввезенного хлеба за указанный период увеличился на 802%². С 1908 г. объем продаж казахам хлеба вновь стабилизировался на отметке приблизительно в 4 млн пудов в год, что позволяет нам сделать вывод о скачкообразности (цикличности) возрастания потребления хлеба казахами и о прямой корреляции этого и колонизационного процессов.

Аналогичные процессы происходили и в Области сибирских киргизов. Уже в конце XVIII в. продажа казахам хлеба по Сибирским линиям достигла таких размеров, что источниками было зафиксировано «сравнение» цен на муку «с главнейшими нашего государства городами»³.

Первые казенные запасные магазины здесь были открыты в 1805 г.⁴ В 1822 г. Сибирским комитетом было утверждено разработанное М. М. Сперанским Положение о хлебных казенных запасных магазинах. Оно определило создание в Сибири государственных запасов продовольствия на непредвиденные случаи (стихийные бедствия, неурожай и пр.), порядок их пополнения, нормы содержания по отдельным территориям, механизм управления и контроля и т.п. Казахам сибирского ведомства было предоставлено право пользования запасными магазинами на общих основаниях.

Конкретизировал механизм снабжения казахов хлебом Устав о сибирских киргизах (§ § 150–164), в соответствии с которым казна выделяла для каждого округа 3000 руб. единовременно. Дальнейший прирост товарооборота происходил за счет оборота капитала в торговле хлебопродук-

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2751. Ст. 157. Кар. 35. Л. 142–143; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221. Л. 9 об. – 10; Там же. Д. 5282. Л. 9 об. – 10.

² Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана; Бочагов А. Алаш-Орда. Алматы: Жалын, 1996. С. 69, 90.

³ КРО-2. С. 141. Док. № 82.

⁴ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Т. 2. СПб., 1889. С. 289.

тами, причем размер прибыли был ограничен 10%, а цены могли изменяться не чаще, чем один раз в четыре месяца. Была предусмотрена и бесприбыльная продажа хлеба казахам, но из-за опасения использования этого механизма для личного обогащения казахскими ростовщиками она была нормирована – «не более как по три пуда вдруг». Сверх этой нормы казахская беднота имела возможность приобретать зерно по более низкой цене, чем их богатые сородичи. С целью предотвращения возможности спекуляции единовременный размер продаж ограничивался 100 пудами и производился исключительно на деньги. По мнению авторов Устава, учреждение хлебной казенной торговли в округах должно было способствовать не только тому, чтобы «предохранить их (казахов – А. Б.) от крайней нужды», но и «поощрить их к земледелию». Действие раздела Устава о сибирских киргизах, касавшегося казенной продажи хлеба, ограничивалось весьма неопределенным периодом – «пока вольная продажа в степи не усилится. По усилении же ея, магазины содержать единственно для бедных и для умерения цен»¹.

Уже во второй четверти XIX в. Степной край становится одним из важных потребителей российского хлеба, среднегодовая суммарная стоимость которого колебалась в пределах 0,4–0,5 млн руб. ассигнациями². В связи с высоким спросом правительство даже опасалось роста цен на продовольствие, что могло инициировать антиправительственные выступления казахов, и поэтому, несмотря на расширение «вольной» торговли хлебом, в 1835 г. действие положения о казенной торговле по фиксированным ценам было подтверждено³.

Путем увеличения в рационе питания казахов доли растительной пищи российские власти стремились не только смягчить последствия джутов, различных природных катаклизмов и иных неблагоприятных факторов, но и рас-

¹ См.: МИПС-1. С. 99–101; Левшин А. И. Указ. соч. 1-е изд. Ч. 3. С. 271–273.

² История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / Гл. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Дауир, 1993. С. 190.

³ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19 об.

считали это как одно из условий перехода казахов к земледельческому способу производства и оседанию. В одном из документов говорится, что «когда киргизы (казахи – А. Б.) будут потреблять вместо пяти пудов один пуд мяса на едока и вместо шестидесяти ведер молока только десять, тогда, очевидно, изменится эквивалентное отношение растительной пищи и вместо шести пудов хлеба будет потребляться его четырнадцать или шестнадцать пудов. Но такое изменение продовольственной нормы немыслимо без соответственного изменения хозяйственных норм. Прежде чем киргиз перейдет на эту пищевую норму, он должен будет изменить нынешнее скотоводческое хозяйство. Таким образом, продовольственные нормы представляют тот центральный пункт, изменения которого зависят от перемен в хозяйственном строе и занятиях, а такие перемены у кочевника неминуемо должны привести к усилению занятий оседлого характера, каковы: земледелие, промысел и скотоводство без кочевок, а затем и оседанию населения»¹.

Вместе с тем еще в середине XIX в., по сведениям И. Завалишина, казахи вполне могли обходиться без хлеба².

Политика «приохочивания и разлакомления» хлебом обусловила ряд существенных изменений в социально-экономической и бытовой сферах организации казахского общества. Одним из показателей трансформации является качественное изменение рациона питания казахов.

Традиционно основу питания казахов-кочевников составляли мясные и молочные блюда. Наиболее питательным и ценным пищевым продуктом у казахов считалась конина, из которой готовили казы, шужик, карта, жол, жая и другие блюда. Значительное количество этих продуктов заготавливали на зиму (согум). Летом обычно употреблялись в пищу блюда из баранины: ет, куырдак, бесбармак (бешбармак) и др. В меню традиционной казахской кухни на-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Л. 117 об.

² Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 55.

считывается свыше 50 мясных блюд¹. Изредка в пищу шло также мясо диких животных. Говядина и свинина не употреблялись. А. И. Левшин сообщал, что среди казахов «рыбой питаются немногие, ее употребляют по большей части бедные, живущие при реках или озерах; дичины киргизы (казахи – А. Б.) почти не стреляют»².

Существовали и локальные (родовые) особенности пищевых пристрастий казахов. В первую очередь это зависело от структуры их собственных стад, во вторую - от приближенности к оседло-земледельческим районам и их рынкам. Так, в последней трети XIX в. на Мангышлаке распространенными были блюда из верблюжатины³.

Б. Залесский так описывал отношение казаха к трапезе: «В случае необходимости он умеет поститься несколько дней», но «любит поесть впрок и тогда способен один съесть целого барана. Полнота у киргизов (казахов – А. Б.) расценивается как красота, по меньшей мере, – как качество, которым они гордятся». Этот же автор отмечал, что в рационе питания казахов большое значение имеют молочные продукты, от чего дети казахов «носятся ... с раздутыми от молока животами»⁴. Казахи готовили из молока различных пород домашних животных коже, айран, шубат, различные сыры. Любимым казахским кисломолочным продуктом был и остается до настоящего времени кумыс, который приготавливается из перебродившего кобыльего молока.

Растительные продукты употреблялись казахами в пищу, но в незначительных количествах, занимая в структуре питания второстепенную роль. Еще в середине XIX в. в отдаленных от русских поселений кочевьях мучные продукты были редкостью. Так, приказчики купца Самсонова, шедшие с караваном в Западный Китай через казахские степи, сообщали, что в степи «питались мы одною бараниною,

¹ Санаи Мехди. На Великом Шелковом пути... встречи на земле казахов. Пер. с перс. М.: Восточная литература, 2000. С. 67.

² Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. С. 305.

³ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву. М.: Т8 RUGRAM, 2019. С. 65; Шелекенов М.У. Традиционная пища казахского народа из мяса // NovaInfra. 2018. №82. С. 65.

⁴ Залесский Б. Жизнь казахских степей. Пер. с фр. Алматы: Онер, 1991. С. 30–33.

[потому, что] хлеба там нет никакого»¹, о том же сообщал в своих путевых дневниках П. П. Семенов-Тянь-Шанский².

С середины XIX в. продукты растительного происхождения, в первую очередь зерновые культуры, стали занимать все более значительное место в рационе питания казахов. А. Бенкевич прямо сообщал, что среди казахов «употребление муки, пшеницы постоянно прогрессирует»³. Об этом же дают представление статистические данные (см. Приложение 2, 3).

Долгое время основным источником поступления злаковых в степь оставался российский импорт, главными статьями которого были пшеница и рожь. Это повлекло за собой изменения продуктового состава некоторых казахских национальных блюд. Так, палау (плов) в ряде регионов, граничивших с русскими поселениями, стали готовить не из риса, а из пшеницы⁴.

Источники сохранили и следующий интересный факт. В 1831 г. генерал С. Б. Броневский обратился к правительству с просьбой о постройке мельниц в казахской степи, мотивируя это тем, что казахи не умеют молотить пшеницу, и «не постигая как это сделать, едят вареным зерном, что не особенно здорово, или сталкивают в чугунах и другой посуде, от чего мука делается черной»⁵. Одну из первых ветряных мельниц возвели в 1831 г. по решению омского областного начальства в местности Сарымбет на реке Ишим для вдовы хана Вали – Айганым⁶. О темпах роста потребления хлеба и хлебопашества среди казахов можно судить по его же донесениям, отправленным в Санкт-Петербург через несколько лет. Так, в отчете 1833 г. об осмотре внеш-

¹ Царская колонизация в Казахстане (По материалам периодической печати) / Сост. и авт. вступ. ст. Ф. М. Оразаев. Алматы: Руан, 1995. С. 198.

² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: ОГИЗ, 1948. С. 209–211.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 56.

⁴ КРО-2. С. 159.

⁵ Там же. С. 254 (прим. С. Б. Броневского).

⁶ Представление омского областного начальника де Сент-Лорана генерал-губернатору Западной Сибири 24 марта 1831 г. № 853 // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в V т. Т. V / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1985. С. 22.

них округов С. Б. Броневский доносил М. М. Сперанскому о благосостоянии казахов: «Довольные лица, полные, как налитые, от кумыса и мяса дети, представляют отпечаток благоденствия. Хлебопашество во многих местах заведено по азиатскому обычаю, с поливкой полей»¹.

Во второй половине XIX в. среди казахов Среднего жуза стали появляться и получили весьма широкое распространение примитивные маломощные водяные мельницы из деревянного бруса производительностью ок. 0,5 т в сутки. Ими пользовались окрестные казахи-земледельцы. При этом за помол бралась плата в среднем 3 коп. с пуда. Сами мельницы также принадлежали и были построены казахами².

В Младшем жузе до 1870-х гг. о наличии мельниц у казахов нам не известно. Согласно отчетам областного правления, первая водяная мельница в степи Оренбургского ведомства появилась лишь в 1860 г., да и то она была маломощной и построена и эксплуатировалась казаком Оренбургского казачьего войска Каспировым³.

В Западном и Юго-Восточном Казахстане с середины XIX в. коренные жители включили в свой рацион крупяные каши⁴. В отличие от якутов, которых российские власти пытались насильственно приучить употреблять в пищу каши, и каракалпаков, которым предписывали ограничить потребление мясной пищи⁵, процесс изменения рациона питания у казахов рассматривался в качестве естественного и происходил относительно безболезненно для общества.

Этот процесс имел географические отличия, и в наименее привязанных к российскому аграрному рынку районах, где русское население было незначительным либо вовсе отсутствовало, казахи по-прежнему потребляли только прося-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 106.

² Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. Прим. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 298.

³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221. Л. 6а.

⁴ Залесский Б. Указ. соч. С. 114.

⁵ Живописная Россия. Т. XII. Ч. 1. Восточные окраины России. Сибирь / Под ред. П. П. Семенова. М. – СПб.: Изд-во тов-ва М. О. Вольф, 1895. С. 285–286; Сарыбаев К. Аграрный вопрос в Каракалпакии. Нукус: Каракалпакстан, 1972. С. 145.

ные крупы – традиционный продукт, поставщиком которого выступали среднеазиатские жители, а с XIX в. выращивание проса все более распространялось и среди казахов. Так, по сообщению участника экспедиции по проектированию железной дороги Оренбург – Ташкент М. Н. Чернышевского, «из хлебов киргизы (казахи – А. Б.) едят только просо, получаемое из Уила (уильская ярмарка – миллионный оборот); просо толкут, замешивают водой и в виде жидкой похлебки пьют»¹.

В результате постепенной трансформации, вызванной осторожной, но целенаправленной политикой российских властей, и благодаря более тесным непосредственным контактам с русскими переселенцами уже в конце XIX в. во всех регионах в рационе питания казахов стала преобладать пища растительного происхождения (см. табл.).

Таблица потребляемых веществ (в %)²:

	Белки	Жиры	Углеводы	Всего
<i>Казахи Степных областей</i>				
Растительного происхождения	8,2	1,1	50,2	59,5
Животного происхождения	16,9	9,7	13,9	40,5
<i>Казахи Чимкентского уезда</i>				
Растительного происхождения	12,4	2,5	66,1	81,0
Животного происхождения	6,4	6,4	6,2	19,0
<i>Сибирские крестьяне-переселенцы</i>				
Растительного происхождения	12,3	1,9	78,9	93,1
Животного происхождения	2,6	2,2	2,1	6,9

Тенденция роста значения растительной пищи в рационе питания фиксируется во всех ареальных зонах рассе-

¹ Чернышевский М. Н. Через Усть-Урт в Среднюю Азию // Архив ИВР РАН. Раз. III. Оп. 1. Д. 27/277. Л. 48.

² Щербина Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 160; Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения Юго-Восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1910. С. 76.

ления казахов, но этот процесс происходил неравномерно. По отдельным уездам данные о структуре питания демонстрируют значительные колебания. Так, по данным «Материалов по киргизскому землепользованию», в Каркаралинском уезде в среднем одним человеком потреблялось ежегодно 86 кг мяса, 511 кг молочных продуктов и 95 кг муки; а в Усть-Каменогорском уезде той же Семипалатинской области – 59, 378 и 141 кг соответственно¹. Вместе с тем возрастание роли растительной пищи в конце XIX – начале XX в. приобретало необратимый характер. Об этом свидетельствуют материалы многочисленных обследований. Так, в кочевой Аракарагайской волости Актюбинского уезда динамика среднедушевого потребления мясных и растительных продуктов выглядела следующим образом²:

Потребление на душу населения (в пуд.)		
Год	Мяса	Хлеба
1898	4,5	10,34
1899	5,8	16,6
1905	5,85	19,0

Эти сведения доказывают, что возрастание структурной доли растительной пищи в рационе питания казахов происходило не за счет уменьшения потребления мясных продуктов, а именно за счет возрастания потребления растительных продуктов. Кроме того, энергетическая ценность того количества злаковых и иных растительных культур, которые стали доминировать в рационе питания казахов, вполне адекватно отражала их потребности³. Изменения затронули и структуру мясного рациона. Так, на рубеже

¹ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. С. 203.

² Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // ВК. 1907. № 1. С. 86.

³ См.: Краткая энциклопедия домашнего хозяйства / Гл. ред. И. М. Терехов. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 156, 173.

XIX–XX вв. казахи уже употребляли в значительных объемах говядину. К тому же крупный рогатый скот играл все большую роль в структуре казахского стада и даже выращивался казахами на рыночную продажу.

Относительно потребления рыбы в пищу многочисленные источники свидетельствуют, что даже те немногие казахи, которые в качестве промысла занимались рыболовством, рыбу практически не употребляли, а по-прежнему вылавливали ее для продажи¹.

Пищевые заимствования происходили и в обратном направлении: от казахов-кочевников к русским крестьянам и купцам. Согласно данным фарерского путешественника С.О. Патурссона, относящимся к 1890-м гг., среди русских весьма популярным кисломолочным напитком стал кумыс. Причем русские его активно закупали у казахов, которые специально привозили его в города, где стоимость литра достигала 75 коп. за 1 л, а также начали изготавливать его самостоятельно. Более того, русские стали экспериментировать, делая кумыс из коровьего молока, но на вкус он оказался гораздо хуже, чем изготовленный из кобыльего молока. Более того, кумыс в то время был признан одним из эффективных средств борьбы с чахоткой, как тогда называли туберкулез. От казахов и кавказцев русские научились изготавливать и употреблять кефир, который в конце XIX в Западной Сибири уже стал весьма популярным напитком², а в настоящее время популярен во всех российских регионах.

Как отмечает современный российский этнограф О. И. Брусина, этническую специфику пище определенной группы населения придают устойчивые принципы питания, такие как соотношение животной и растительной пищи, режим и рацион питания (суточный и годичный), очередность употребления блюд, поведение участников

¹ См., напр.: Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. 2-е изд. СПб.: Изд. М. М. Гутзаца, 1908. С. 108 и др.

² Патурссон С.О. От Фарер до Сибири. Пер с датск. М.: Пуалсен, 2019. С. 213-214.

трапезы за столом, компоновка меню¹. На наш взгляд, изменения рациона питания казахов, происходившие в XVIII – начале XX вв., имели качественный характер, являясь одной из важнейших предпосылок широкого развития среди них земледелия. Этот процесс теоретически не обязательно сопровождается процессом перехода к оседлости, но в тех конкретно-исторических условиях он закономерно выполнял именно эту функцию.

¹ Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М.: Восточная литер., 2001. С. 93.

§ 5. Эволюция представлений казахов о собственности

Авторы «Истории государства и права Казахской ССР» выделили три источника обычного права казахов: обычай (адат), судебный прецедент и положение съезда биев (эреже)¹. На наш взгляд, в этот понятийный ряд следует внести ряд уточнений. Во-первых, адат не тождествен обычаю: последний – более широкое понятие. Кроме того, в качестве источника адата могли выступать выработанные опытом многих поколений стереотипы поведения, именно поэтому нами используются также фольклорные источники (эпосы, предания, пословицы и поговорки)². На наш взгляд, определенное значение в качестве исторического источника имеет и казахская лексика.

Источники XVIII–XIX вв. неоднократно фиксировали, что главное богатство казаха представляет скот. Доказательством этого служит даже то, что при встрече на пастбище казахи обращались друг к другу со словами: «Пусть размножаются стада»³, а проклятье выражалось формулой: «Чтобы ты никогда не имел своего скота и не мог кочевать вместе с народом»⁴. В 1780-е гг. в одном из обращений к российскому правительству с просьбой заменить генерал-губернатора казахи просили назначить такого, который «помогал бы нам плодить скот»⁵.

Скот являлся одновременно и культурной ценностью (объектом обожествления), и эквивалентом товарообмена.

¹ История государства и права Казахской ССР. Ч. 1 / Под общ. ред. С. С. Сартаева. Алма-Ата: Мектеп, 1982. С. 72.

² Об особенностях и сложностях работы с указанными видами источников см., напр.: Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века: Учебник. Алма-Ата: Казак университети, 1992. С. 9–51; Вяткин М. П. Батыр Срым. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 10–32; Уразбаева Г. Верификация исторических свидетельств русских исследователей конца XVIII – начала XX вв. // Эволюция государственности Казахстана (Материалы международной конференции, г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г.). Алматы: Тип. МТП «Принт», 1996. С. 226–230. В последней работе весьма спорным представляется мнение автора об отсутствии прецедентов применения норм шариата в казахской степи и отсутствии прецедентов применения смертной казни за убийство представителей ак- и асыл суйек (С. 227).

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 56 об.

⁴ Более подробно см. об этом: Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 199–205.

⁵ История государства и права Казахской ССР. Ч. 1. Указ. соч. С. 97.

В качестве последнего обычно выступали лошадь и овца. Скот даже был выделен в отдельную правовую категорию – мал, в то время как все остальное имущество казахов называлось мульк. В одном из документов западно-сибирской администрации, предназначенном для вышестоящих органов, разъяснялось, что у казахов «скот, по[–]киргизски (по-казахски – А. Б.) «мал», называется «даулет», т.е. «богатство»; все же остальное движимое и недвижимое называется «мульк», т.е. имущество. Движимостью называются еще «нарсе» – вещи, но это название юридического значения не имеет»¹. Только скот у казахов подвергался особой маркировке. На него ставилась родовая тамга². Представляет интерес замечание М. П. Вяткина о наличии во второй половине XVIII в. знаков семейной собственности в форме дополнения к родовым тамгам³. В последующий период авторы не фиксируют знаков семейной собственности (возможно, в связи со слабой изученностью казахской сфрагистики). Источники указывают, что встречались богатые казахи, у которых в табунах насчитывалось 8–10 тысяч лошадей⁴. В начале XIX в. в среднем казахская семья в Среднем жузе владела 3–15 лошадьми⁵. При этом источники первой половины XIX в. фиксируют, что «редкий из богачей знает число оных в своих стадах». У казахов даже сложилась поговорка: «Кто счета не ведет, у того все на месте», а предметы, которые необходимо было взвешивать, такие как крупы и т.п., «они берут глазомером»⁶. Но уже в 60-х гг. XIX в. каждая казахская семья ежедневно

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1885–1888 гг. Д. 13. Л. 37.

² О родовых тамгах казахов см.: Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казацкого народа. Ташкент: Кирг. гос. изд-во, 1925; Алма-Ата: Алтын-Орда, 1990. С. 28–30; Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832; Алматы: Санат, 1996. С. 427; МКОП-1. С. 219–221 и др.

³ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.: АН СССР, 1947. С. 103 (прим. авт.).

⁴ Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 377.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 118.

⁶ Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 359; Казахские пословицы и поговорки / Сост. и пер. М. А. Аккозин, 2-е изд., исп. и доп. Алма-Ата: Казахстан, 1984. С. 24. Неточное знание размеров своей собственности характерно и для Западной Европы XI–XIII вв. Так, манорналы не знали границ и площади своего земельного владения. См.: Полянский Ф. Я. Товарное производство в условиях феодализма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 176–177.

вечером пересчитывала свой скот¹, земельные же владения в пореформенный период только начинали определяться². Понятия товарности и товара в качестве всеобщего средства у казахов еще не сложилось, одновременно слабо были выражены в представлениях частное право на принадлежность и размеры имущества.

Еще в 30-х гг. XIX в. в Младшем и Среднем жузах хождение денег было развито чрезвычайно слабо. Об этом свидетельствует масса источников³. Однако необходимость платить кибиточный сбор и ясак российской валютой приводила к ускоренному вовлечению казахов в формальные товарно-денежные отношения, но их содержание показывает, что качественно они долгое время оставались на уровне простого товарообмена. Так, член-корреспондент Вольного экономического общества В. Кузнецов замечал: «Денег киргиз (казах – А. Б.) не имеет, стада составляют его главное богатство»⁴. И для оплаты ясака казахи вынуждены были «покупать (выменивать) деньги». Начальник штаба Сибирского корпуса генерал-майор С. Б. Броневский в этой связи писал: «Сметливые купечество и казаки в это время, как сильно начинают понуждать киргиз (казахов – А. Б.) к расплате и отнюдь не прежде, являются с деньгами и берут у них скот за совершенный бесценнок»⁵. Внутри казахского общества доминировал натуральный обмен. Лишь в 1860-х гг. источники начинают фиксировать относительно регулярные торговые сделки с использованием денег в качестве всеобщего универсального товарного эквивалента. Однако эти сделки заключались преимущественно со среднеазиатскими и русскими купцами⁶. В отношениях со своими соплеменниками в Степных областях до 1880–1890-х гг. доминировал обмен

¹ Залесский Б. Указ. соч. С. 31.

² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 5; В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881 гг. / Сост. Н. И. Веселовский. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887. Приложения. С. 23; Сиверс И. Письма из Сибири... С. 19 и др.

³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 92. Л. 4 и др.

⁴ КРО-2. С. 536.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ РГИА. Ф. 1 65. Оп. 6. 1864 г. Д. 92. Л. 4 об.

по принципу «товар на товар»¹. Монеты имели еще и ритуальное значение (для чего зачастую и приобретались). Так, они использовались для игр. Одна из них состояла в том, чтобы выловить монету в чаше с кумысом, другая распространенная игра – это тренировка на меткость в стрельбе из лука, когда участник должен был попасть в монету, поднятую на шесте². Использовались монеты и в качестве сырья для изготовления женских нагрудных украшений³.

Мы согласны с точкой зрения К. П. Калиновской, что комплекс социальных факторов, с одной стороны, ограничивал масштаб производства, а с другой – стимулировал каждого скотовода увеличивать свое стадо, так как это способствовало росту его социального статуса. Поэтому рост стада здесь не самоцель, домашние животные накапливаются не ради роста прибавочного продукта. Цель владельца скота – добиться максимально высокого социального статуса. Достижение этой цели парадоксальным образом было связано с постоянным сокращением стада, так как многие животные жертвовались по ритуальным и престижным соображениям. Стадо уменьшалось, зато укреплялось социальное положение его владельца⁴.

Эпос сохранил своеобразные представления казахов о собственности как о культурной ценности. В представлениях казахов ценность скота вполне была сопоставима, например, с ценностью человеческой жизни. Так, в эпосе Кобланды-батыр молодая жена героя – Кортка-слу – говорит: «Ты можешь поменять меня на лошадь», а в эпосе Алпамыс-батыр отец героя обращается к нему со словами: «Не пригонишь отогнанный у нас скот, не пожалею, что потерял единственного сына»⁵.

¹ МКОП-1. С. 115.

² См., напр.: Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 345; Богатырские предания: Казахский героический эпос / Пер. с каз., прозаич. перел. Алма-Ата: Жалын, 1986; С. 87.

³ Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986; «Традиционная жизнь в степи»: ремесла и промыслы казахов // <https://e-history.kz/ru/news/show/6742> (публикация 04.09.2015; обращение 08.12.2022).

⁴ Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв.: (Хозяйство и социальная организация). М.: Наука. Гл. ред. вост. литер., 1989. С. 95.

⁵ Богатырские предания... С. 40, 110.

Казахи говорили: «скот – мой», подчеркивая этим его частную принадлежность, однако и род в их понимании имел определенные права на находящееся в индивидуальном/ семейном владении движимое имущество. Показателем подобных воззрений служат обычаи казахов, такие как аманат-мал (букв. пер. – отдавать скот в залог, в аманат отдавали и землю, и даже своих детей), когда богатый должен был оказывать помощь молодняком скота своим бедным сородичам; также обычай жылу, когда члены общины оказывали друг другу помощь в случае джута или другого стихийного бедствия. Родич, отказавший в такой помощи, сам терял право на ее получение. Источники фиксируют, что даже состоявшие на российской службе казахи весьма тщательно соблюдали этот обычай. Так, зимой 1844–1845 г. в кочевьях казахов из племени кыпчак был сильный джут. Помощник управляющего Кильделинским отделением Кипчакского поколения Восточной части Меньшей орды Кошибай Сатыбалдин «несмотря на трудное сообщение аулов, по причине глубокого снега и буранов, немедленно доставил нуждавшимся в продовольствии достаточное количество муки, купленной на свои деньги»¹.

Еще один обычай – жырт шылык – устанавливал для родственников несостоятельного договорного или деликтного права обязанность оказывать ему помощь в уплате долга путем раскладки ее между ними. Кроме того, был распространен обычай асар, устанавливавший обязанность взаимопомощи при рытье колодцев, строительстве зимовок, сенокосении, заготовке леса для правительства². Тот, кому оказывалась эта помощь, обязан был работающим на него только хорошим угощением³. Некоторые новые виды имущественных отношений не предусматривали взаимопомощи. Например, не предусматривалось имущественной

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 280. Иногда бураны были особенно губительны. Так, зимой 1827 г. только во Внутренней орде от них пало ок. 10,5 тыс. верблюдов, 280,5 тыс. лошадей, 73,5 тыс. крс и свыше 1 млн голов мрс. Всего, по оценкам того времени, на сумму ок. 131,5 млн руб. См.: Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. С. 223.

² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852–1860 гг. Д. 93. Л. 7–7 об.

³ История государства и права Казахской ССР. Ч. 1. Указ. соч. С. 68–69.

ответственности общины и рода за долги сородича по векселям¹.

Попытаемся определить средства получения казахами собственности. Во-первых, собственность могла достаться по наследству, во-вторых, в результате собственной трудовой деятельности, в-третьих, в качестве подарков и подношений, далее – то, что было завоевано на пирях, соревнованиях, войнах и т.п. Для определения границ представлений о праве на собственность важно знать, какое перераспределяемое (получаемое или отчуждаемое) имущество рассматривалось своим и чужим.

В наследство казах получал от отца енши (выдел). Это имущество, по обычному праву, считалось собственностью наследника. Однако до смерти отца выделенный скот находился в его табунах. Если отец умер, то опеку осуществляли родственники, но дети сохраняли права наследства².

Суюнши – это подарок за добрую весть. Так, в эпосе Кобланды-батыр отец главного героя Тохтарбай при известии о рождении двойни (что вообще считалось наградой свыше) отдал в суюнши «все то, кто что пожелал»³. При этом сначала получался суюнши, и лишь затем сообщалась новость⁴.

Возможностью приобретения имущества являлся выигрыш судебной тяжбы («олжа»⁵) либо получение приза на скачках, который казахи называли «ырым». Размер ырыма определялся устройтелем состязаний. На крупных скачках первые призы могли составить целое состояние. Фон Герн присутствовал на байге, первый приз которой достигал 100 лошадей, 100 овец, 9 верблюдов и небольшой юрты, «вместо кошем покрытой развернутыми кусками красного сукна, т.е. стоимостью более двух тысяч рублей, а мне (фон

¹ Фон Герн В. К. Характер и нравы казахов (этнографические заметки). Караганда: Номад и К°, 1995. С. 8.

² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 120.

³ Богатырские предания... С. 100.

⁴ Залесский Б. Указ. соч. С. 55.

⁵ «Олжа» – букв. «мое», но фактически олжа до середины XIX в. принадлежала и ему как формальному собственнику, и его близким родственникам, и однофамильцам. РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 14.

Герну – А. Б.) известны байги с гораздо большими призами, ценность которых доходила до семи-восьми тысяч рублей». Призы вручались каждому из наездников, достигших финиша, избранными из гостей почетными казахами в соответствии с тем, каким по счету придет участник. Самый большой приз получал победитель. Однако распоряжаться своим выигрышем по собственному усмотрению он не мог. За ним сохранялась лишь слава выигрыша, а сам ырым «разбирают родственники и друзья выигравшего, приносившие ему поздравления по поводу выигрыша приза»¹.

Военная добыча обозначалась понятием «жесир» («ясир»). Во время военных действий на жесир мог претендовать каждый участник похода. Значительную долю получали батыры. Звание батыра в традиционном казахском обществе позволяло претендовать на высокий социальный и имущественный статус. Так, Б. Залесский указывает, что Есет Котибаров считался у казахов батыром. Хотя он был «вождем своего рода, собирал налоги, умирал раздоры и исполнял должность судьи» (точнее функции бия), «он не признавал никакого иного титула»².

На значительную долю жесир мог претендовать и хан, который часто сам был предводителем военных действий и батыром. Однако даже хан вынужден был «одаривать» всех воинов, причем не только добычей, но и полученными подарками. Попытки присвоить себе значительную долю имели место, но обычно заканчивались печально. Даже такой сильный правитель, как хан Аблай, поплатился за это. Казахи так описывали причины неудачи одного из походов Аблая в Среднюю Азию: «У него войска нисколько не осталось, затем, что он ис полученных от Белдыбека подарков бывших с ним киргисам (казахам – А. Б.) ничего не дал, то они, почитая за огорчение, разобрав оставшуюся часть пленных, разъехались по своим улусам и оставили ево почти безлюдна»³. Дележ же добычи и раздача подарков

¹ Фон Герн В. К. Указ. соч. С. 11.

² Залесский Б. Указ. соч. С. 38–39.

³ Цит. по: Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (О внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. С. 109.

воинам, наоборот, увеличивали «политический вес» хана. О причинах возвышения того же Аблая казахи, в частности, сообщали, что он «иждивения своего не жалеет и что где в добычъ достанет, то ничего себе не оставлял, в народ все раздает и тем у них весьма учинился»¹. Эпос сохранил сведения, что право на военную добычу имели даже не принимавшие участия в сражениях союзники. В эпосе Кобланды-батыр герой отдает добычу союзному племени киятов. В результате дележа жесир в стане последних вспыхнули раздоры, чем, вероятно, подчеркивалась негативность/ненужность указанного обычая².

Обряд, когда родственники и друзья требовали приз у победителя состязаний и часть военной и охотничьей добычи, у казахов назывался «сауга», что в переводе означает «доля». В эпосе данный обычай имеет и положительную, и отрицательную окраску. Так, Кортка-слу обращается к другу мужа батыру Караману со словами: «Ты, кажется, только и знаешь, что жить с протянутой рукой, можно подумать, что все, чем ты обладаешь, ты добыл благодаря сауга»³. По поводу сауга в начале XX в. бытовали следующие пословицы: «Получает не тот, кто всех обгонит, а тот, кому суждено это получить», «На чужих подарках сам не разбогатеешь» и т.п.⁴. Изменение эмоциональной окраски от восприятия в качестве естественного и положительного к негативному свидетельствует об отмирании сауга в начале XX в.

Наименьшим изменениям подверглись в указанный период представления казахов о правах на собственность внутри семьи. Каждый член семьи имел свои права и известную долю семейного имущества. Функции верховного собственника обычно осуществлялись главой семьи – отцом⁵, либо старшим невыделенным сыном, либо кем-то из ближайших

¹ Цит. по: Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Указ. соч. С. 126.

² Богатырские предания... С. 140.

³ Там же. С. 168.

⁴ Казахские пословицы... С. 29.

⁵ См.: Фукс Л. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX в. Алма-Ата: «Наука». КазССР, 1981. С. 60; Ахметова Н. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1990. С. 41 и др.

родственников по патрилинейной филиации¹, обычно братом бывшего главы семьи. В одном из источников XIX в. говорится, что у казахов «при господстве родовой собственности, имущество осиротевшего малолетнего становится по праву достоянием старшего в семье»².

Каждый из сыновей, включая приемных, имел право на енши. Даже в конце XIX в., когда у казахов стало практиковаться завещание имущества, завещаться могло не более 1/3 части имущества, остальная часть распределялась по обычаю между сыновьями (равномерно), незамужними дочерьми (1/2 часть от доли сына) и женами умершего хозяина. Основным наследником являлся младший сын байбише (старшей жены). «Зимовка составляет собственность лица и переходит по наследству так же, как и всякое другое имущество: зимовку отца наследует младший сын»³. В легендах кочевников Евразии, в том числе казахов, происхождение этого обряда связывают с разделом империи Чингис-хана, когда коренной улус достался младшему сыну. Несомненно, что указанный обряд намного древнее. Передача прав по наследству младшему сыну объясняется исследователями тем обстоятельством, что «подростающие в семье сыновья один за другим покидают родительский дом... пока наконец при родителях остается один только младший сын, который составляет их единственную опору в преклонном возрасте... такое объяснение подтверждается современным (автору, т.е. конец XIX – начало XX в. – А. Б.) обычным правом русских крестьян, у которых до сих пор сохранился как самый обычай, так и его оправдание»⁴.

Положение женщины в казахском обществе характеризуется ее правами в семье. Исследователи единодушны во мнении, что «пережитки патриархально-родовых отношений... ни в чем так сильно не проявлялись, как в конфликтах, свя-

¹ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов... С. 164–165.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.

³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 271.

⁴ См.: Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. Пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Политиздат, 1989. С. 240; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа / Авт. очерка и коммент. Б. Г. Литвак; Под общ. ред. Н. И. Павленко. М.: Республика, 1992. Гл. XIV.

занных с вопросами брака (жесир дауы)». Жены подвергались жестокой эксплуатации со стороны мужа и его родственников. Особенно тяжелым было положение младших жен баев, подвергавшихся «избиению и издевательствам байбише». Нередкими были случаи, когда младшие жены убегали к своим родителям. «Как правило, ее отсылали обратно к мужу, иначе родители должны были выплатить (полученный) за нее калым» и штраф – аип¹. Невестка даже не имела права называть родственников мужа по их именам, называя вымышленными «в знак уважения»². Младшие жены у казахов унижительно именовались «токал» – «куцая»³. Интересно, что понятия «невеста» и «военная добыча» являются в казахском языке омонимами и обозначаются словом «жесир».

Обычно привилегированное положение в семье занимали старшие жены⁴, их же дети имели преимущество при разделе наследства. «Но это старшинство, как и всякая вещь в семье, зависит от воли или каприза хозяина. Порою она достается на долю молодой». Место, которое занимала жена в семейной иерархии, можно было определить в период перекочевки аула. «Фаворитка едет во главе каравана на лошади, менее любимые жены, соблюдая традицию, заведенную мужем, садятся на верблюдов, а находящаяся в данный момент в немилости следует пешком, что является одним из самых больших унижений»⁵. Почетом у мужа и его родственников пользовалась и та жена, которая родила

¹ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: «Наука» АН КазССР, 1971. С. 593.

² Богатырские предания... С. 263 (прим.).

³ С. Е. Толыбеков считает, что происхождение слова связано с тем, что почти все младшие жены доставались в качестве жесир и не имели приданного. См.: Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 290 (прим.).

⁴ К 1880-м гг. относится следующее свидетельство: «Размер надела зависит от усмотрения мужа и потому, конечно, различен. Однако все придерживаются обыкновения наделять первую жену больше прочих... У султана Найман-хана Камбарова три жены. Первой – байбише – Джангумис дано: 60 лошадей, 200 баранов, 6 верблюдов, одна корова, юрта и имущества разного на сумму до 5-ти тысяч рублей. Второй – уртанши – Зияде дано: 20 лошадей, 150 баранов, 3 верблюда, юрта и имущества на 500 рублей. Третьей – тохал – Залихе дано: 10 лошадей, 100 баранов, 2 верблюда, юрта и имущества на 200 рублей... Весь этот надел не составляет собственность жен, они им только распоряжаются, да и то не самостоятельно, например, дарить и продавать без согласия мужа нельзя, – до совершеннолетия сыновей». ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 49–49 об.

⁵ Залесский Б. Указ. соч. С. 66.

более других сыновей, ведь сила рода определялась его многочисленностью¹.

Наличие нескольких жен объяснялось не только стремлением укрепить свой род, но и стремлением повысить свой личный статус в роде. Полигамия рассматривалась в качестве показателя престижа и достатка мужчины. Поэт Абай Кунанбаев, сам имея двух жен, саркастически отмечал, что разбогатевший казах берет себе вторую жену². Следует в то же время отметить, что к концу XIX в. «многоженство [среди казахов] практикуется очень редко, эту роскошь позволяют себе или богатые[,] или занимающиеся, как, например, на р. Чу земледелием в силу чисто экономических соображений»³. Богатые кочевники в это время при женитьбе второй, третий и четвертый раз также зачастую преследовали экономические цели, передавая в управление своим женам и совместным детям не только семейное хозяйство, но и аулы во время кочевания (за исключением зимнего периода)⁴.

При заключении брачного договора⁵ и семья жениха, и семья невесты вступали в имущественные отношения, дающие определенные представления о воззрениях казахов на собственность. Жених или его отец должны были выплачивать калым⁶. Размер калыма определялся двусторонним договором и у богатых казахов достигал 200 лошадей или 1000 овец, «с прибавлением разного рода имущества»⁷. Наиболее часто повторялись следующие нормы калыма: высший – 77, средний – 47, низший – 17 лошадей. В XIX в. уже

¹ См.: Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 291–293.

² Абай [Ибрагим Кунанбаев]. Слова назидания. Пер. с каз. Алматы: Рауан, 1995. Гаклия 1–2.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 64.

⁴ Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. С. 61.

⁵ О брачном обряде казахов см.: Аргынбаев Х. Об институте «урын бару» у казахов // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции, 22–28 марта 1992 г.). Кокшетау: Полиграфия, 1992. С. 139–142.

⁶ Калым – русское произношение казахского «калын мал», чем подчеркивается значение скота (мал) в качестве «лучшей» собственности.

⁷ Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 334 (прим. авт.).

фиксируется уплата калыма вещами и деньгами¹, а также уплата символического, так называемого «округленного» калыма – «донголек калын»².

Обедневшие казахи, понимавшие, что уплата калыма их семьями невозможна, прибегали к заключению брака малолетних детей. К такому же шагу прибегали и наиболее имущие слои, стремившиеся закрепить сохранение прав собственности за своими наследниками. Весьма типично следующее сообщение И. Сиверса, датированное 1794 г. В своем письме он отмечал, что у казахов принято «очень рано просватать (обручить) детей. Желание последних никто не спрашивает, ибо нередко при подобных событиях они еще лежат в колыбели. Родители при этом лишь смотрят, насколько состоятельны стороны»³. Несмотря на то, что согласно указу 1835 г. минимальный возрастной ценз вступающих в брак мусульман Российской империи ограничивался 17-летьем для мужчин и 16-летьем для женщин⁴, в Степных областях местные власти вносили в метрические книги данные мулл о заключении брака между малолетними казахами⁵.

Уплата калыма, вероятно, являлась проявлением в рудиментарном виде фратриальных отношений, которые были адаптированы казахами к семейно-родовым. Свидетельством этого служит деперсонифицированный характер брачного договора. Смерть невесты или жениха не освобождала стороны от его выполнения: замуж выдавалась другая дочь либо в качестве жениха выступал брат или ближайший родственник. Более того, девственность – как гарантия родовой чистоты и принадлежности к роду – также

¹ Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права. М.: Тип. Московского ун-та, 1899. С. 147.

² История государства и права... С. 72; МКОП-1. С. 98.

³ Сиверс И. Письма из Сибири // Сиверс И. Письма из Сибири; Фальк И. П. Описание всех национальностей России / Пер с нем. Алматы: «Галым», 1999. С. 45.

⁴ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. Док. № 54. С. 114.

⁵ Усманова Д. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 123, 125.

имела определенную стоимостную оценку. Так, в одном из вариантов казахского адата середины XVIII в. отмечалось, что «буде просватанная девка целомудрие отдаст другому то отец оной отдать должен жениху яко претендателю ту, и еще сверх оной другую равно и родственники блудода-теля отдать должны жениху девку же»¹.

Сам калым по адату находился во владении отца невесты, но формально считался собственностью самой невесты. На практике реализовать свои права на калым женщина могла только в том случае, если умирал муж и у них не было детей. В последней трети XIX в. калым уже считался собственностью отца невесты². Одновременно калым рассматривался и в качестве залога, и таким образом на него определенные права имела семья мужа. В случае если один из вступающих в брак умирал до свадьбы, то семье жениха возвращалось 50–80% калыма, остальная часть имущества доставалась родственникам невесты. Если же брак не состоялся по иной причине, калым полностью возвращался семье жениха. О том, что брачный договор относился у кочевых народов к разряду имущественных, есть свидетельства правовых кодексов соседних с казахами кочевых народов. Так, у кочевых монголов за совершение ряда проступков семья могла быть наказана тем, что была обязана выдавать дочерей без калыма³.

Лишь в одном из известных нам казахских эпосов встречается упоминание о том, что богатая семья выдала дочь без калыма, да и то это событие вызвало протест со стороны ее ближайших родственников, а оправдание указанный прецедент нашел в якобы имевшей древнее происхождение народной мудрости: «Встретишь хорошего человека, отдавай дочь без выкупа»⁴.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 365.

² Залесский Б. Указ. соч. С. 66.

³ Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Трансляция сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его трансляция, перевод, введение и комментарий С. Д. Дылыкова. М.: Вост. лит., 1981. С. 19 (§ 57).

⁴ Богатырские предания... С. 201.

Отец невесты обязан был выдать за дочь приданое, «которого количество не определено, но должно соответствовать состоянию семьи»¹. В отличие от выплачиваемого скотом калыма приданое могло состоять из любого имущества. Если материальное положение семьи позволяло, то «в числе приданого непременно должна быть кибитка (юрта – А. Б.), в которой будет жить невеста, сделавшись женою»². Обязательным являлось и наличие в приданом женского головного убора – саукеле³. В качестве приданого обычно отец отделял скот, одежду, утварь и т.п., упоминающий о выделении денег до начала XX в. в доступных нам источниках и исследованиях не встречалось.

По сведениям А. И. Левшина, «к приданому жены немедленно присоединялась и та часть имения, которую отец отделяет всякому женатому сыну»⁴. Во второй половине XIX в. подобная практика по источникам уже не прослеживается. Наоборот, выданная замуж дочь не имела никаких прав на енши: «Ни состояние отца и ни заработанное ее руками все это не ее; это наследство ее братьев, а нет их – наследство дяди. Родная дочь не наследница, все идет мимо нее»⁵. Только незамужней дочери по-прежнему причиталась половина от размера наследства сына⁶. Таким образом, в семейном праве казахов в отношении права собственности все более яркое проявление получали черты патриархата.

Как отмечено выше, приблизительно с середины XIX в. приданым жены уже безоговорочно распоряжался по своему усмотрению муж, имея даже возможность его отчуждения. Однако в представлениях по-прежнему приданое считалось собственностью жены. Как верно определил еще А. И. Левшин, «обыкновение сие введено для того, чтобы имущество матери досталось только ее собственным,

¹ Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 339.

² Там же. С. 335 (прим. авт.).

³ История государства и права... С. 72.

⁴ Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 338.

⁵ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 48.

⁶ История государства и права... С. 71.

а не другим детям ее мужа»¹, т.е. для защиты имущественных прав наследников в условиях многоженства.

Определенное право на имущество семьи, в том числе и на женскую ее часть имел, по представлению казахов, род (ру). Так, вдова, за которую в свое время был уплачен калым, считалась собственностью не только мужа, но и всех его родственников. Наиболее ярко это проявляется в обряде, когда по смерти мужа вдова выходила замуж за его старшего брата либо старшего сына последнего. Если вдова отказывалась выйти замуж, она все равно оставалась при родственниках покойного мужа², распоряжаясь имуществом до совершеннолетия детей, но считаясь собственницей имущества, равного 1/8 енши сына³.

Несмотря на доминирование традиционных семейно-брачных представлений, в конце XIX – начале XX в. положение казахской женщины несколько изменяется. Свидетельством увеличения относительной свободы женщин в казахском обществе можно рассматривать появление такого социального института, который был органически неприемлем обычаем, как проституция. Н. Коншин отмечает, что самое лучшее жилище и достаток в одном из казахских аулов Прииртышья «оказалось у вдовы «легкого поведения»⁴. В то же время такие преступления, как прелюбодеяние, изнасилование и т.п., как и в прежние времена, относились не к преступлениям против личности женщины, а причислялись к преступлениям против собственности мужчины⁵. В одном из списков «Жеті Жаргы» за прелюбодеяние устанавливалось такое наказание: «обидчик» обязан был уплатить мужу штраф в 200 лошадей⁶. Другим вариантом подобного

¹ Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 339.

² См.: Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Алма-Ата, 1975.

³ История государства и права... С. 73.

⁴ Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый. Киргизы на казахских землях // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. 5. Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П. Плещеев и К^о», 1901. С. 93.

⁵ Фукс Л. С. Указ. соч. С. 210; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 365.

⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.

восприятия женщин в казахском обществе можно считать, например, следующее положение одного из адатов: «Случается, при бедности отделения, с которого берут кун, в уплату куна берут девок, ближайших родственников убийц»¹.

О праве наследования внутри семьи можно судить и по представлениям казахов о родословной. Патриарх считал своим «немере» – внуком – только того, кто родился от сына. Тот, кто рождался от дочери, внуком не считался и назывался «жиен» – племянник, а к его потомкам обращались «жиеншар» – отпрыск жиена. Это отражало семейно-брачные положения адата, когда дочерей отдавали в жены представителям других родов, и в силу принадлежности их потомков к чужому роду они на наследство прав не имели. Бытовало даже выражение: «жиена не считай своим». Потомков немере называли «шобере» («крохотный») – правнуком. Сына же «шопшека» – праправнука главы семьи – было принято именовать «немене» («непонятный»), а его потомков – «туажатами», т.е. рожденными быть чужими².

Как и у многих других этносов, в представлениях казахов достаточно четко прослеживается зависимость между собственностью и трудовой деятельностью. Н. Коншин сообщал, что казахи отказывались платить арендную плату Сибирскому казачьему войску, «считая землю своей»³. До 50-х гг. XIX в. исключительным было право «первого захвата»⁴. Земля «принадлежала» тому роду и аулу, который первым прикочевывал на данную территорию, либо тому, кто первым занялся земледелием. При возникновении земельных споров казахи апеллировали к древности занятия этого участка⁵. Обыкновенным был довод, что земли были заняты «давным-давно, деда и прадеды тут жили». Такой ответ давался на рубеже XIX–XX вв. всеми, кто занимался тру-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 520.

² Момынова Ш. Р. Материалы по истории Казахстана (период средневековья XIII–XVII вв.). Опорные конспекты для учителей средних школ. Вып. II. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1992. С. 125.

³ Коншин Н. Очерки... С. 41.

⁴ МКОП-1. С. 212–213.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1882 г. Д. 28. Л. 15 об. и др.

довой деятельностью на данной территории более 50 лет. Вновь прибывавшие, жившие не более 35 лет, указывали достаточно точно срок своего пребывания. Прибывшие ранее этого срока обычно удлинняли срок прибытия своих предков. Помимо прочего это доказывает, что точный срок освоения территории могли указать лишь казахи из числа первого поколения поселенцев¹.

Большинство казахов указывало, что до 60-х гг. XIX в. они не имели разделения земли внутри общины, каждый мог пользоваться общими покосами, общими выгонами, и лишь пашня находилась в семейном владении. Однако уже в пореформенное время казахи указывали на наличие внутриродового размежевания².

С конца 60-х гг. XIX в. в связи с активным развитием земледелия и возникавшими частыми спорами между кочевниками и оседлыми в среде казахов-земледельцев происходили существенные изменения в мировосприятии. Они постепенно отходили от старых стереотипов и начинали отстаивать тезис, типичный для русской деревни (характерен для земледельцев вообще): «земля – Божья», поэтому любой может заниматься на ней своим видом деятельности. И казахи-кочевники, и оседлые отмечали в эти годы, что переход к индивидуальному владению земельными участками приводил к конфронтации: «Как только стали говорить: земля моя, пошли распри»³. Новшества в восприятии собственности на землю стали следствием как российского влияния, так и усиления мусульманских догматов среди казахов. Поскольку, по шариату, «тот, кто оживит землю, тот и владеет ею»⁴.

Из статьи «От киргиз (казахов – А. Б.) – русским» в газете «Оренбургский край» (1907 г.)

«...В Коране [сказано], что земля ничья, и что право пользования ею принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее

¹ Коншин Н. Очерки... С. 91, 152–154.

² Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 38.

³ Там же. С. 36–37.

⁴ Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана); Бочагов А. Алаш-Орда. Алматы: Жалын, 1996. С. 83.

своим трудом, мы, киргизы (казахи – А. Б.), присоединяем свой голос к великому голосу всех трудящихся масс России, чтобы все земли были изъяты из обладания отдельных лиц или групп по всей России и были бы обращены в общенародное достояние на общинных, уравнилельно-трудовых началах. Но это может сделать полновластная Государственная дума. До ее же решения мы, киргизы, обращаемся к вам, русские граждане: если вы искренно желаете избежать кровавых жертв, употребите все усилия, чтобы приостановить переселение к нам в степь»¹.

В первой половине XIX в. казахи весьма слабо реагировали на возможность получения прибыли. Известны лишь некоторые ростовщики, организовавшие торговые товарищества и дававшие своим единоплеменникам деньги под процент. Таковыми являлись, например, Ахмет Джантюрин, Аблай и Иргалы Адалевы, Куламбаев и ряд других². Они представляли главным образом сословие ак суйек и совмещали ростовщическую деятельность с государственной службой Российской империи³. Основная масса кочевников в этот период была относительно индифферентна к получению денежных доходов и соответственно – экономии денег. Характерным для середины XIX в. является следующее описание: покупатель-казах «не пойдет к другому торговцу, хотя бы у него товар был дешевле»⁴. Чистая прибыль русских купцов в процессе товарообмена с казахами колебалась в пределах 25–100%⁵, а у приказчиков-татар доходила до 200% в пересчете стоимости получаемого скота на русскую валюту⁶. Неэквивалентный обмен происходил и в натуральной форме. Русские купцы с успехом обмени-

¹ Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. Док. № 26. С. 71.

² Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. С. 70; Вяткин М. П. Путевые записки лекаря Зибберштейна // Исторический архив. Т. 1. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 231–232.

³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 223. Д. 85. Л. 21; РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102 «б». Л. 59 и др.

⁴ КРО-2. С. 299.

⁵ КРО-2. С. 209; РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1885–1888 гг. Д. 13. Л. 54.

⁶ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века... С. 69–70.

вали на скот продукцию промышленного и ремесленного производства¹, к тому же приему прибегали путешественники и, к примеру, Дж. Кэстль обменял перочинный нож на большой рубин². Казахи считали «нормальным тоном» обман в торговых операциях, называя его улыбьюм³.

Подобное отношение к деньгам сохранялось у ряда кочевых казахских родов, например, адаевцев, вплоть до начала XX в.⁴, однако большая часть казахов к этому времени уже восприняла деньги в качестве культурной ценности. Данные 1860–1910-х гг. свидетельствуют о стремлении их получения и накопления казахами. Так, каркаралинские казахи перепродавали свой скот на железнодорожных станциях в полтора раза дороже, чем в своей станице⁵.

Следует отметить, что представителям ряда этносов попасть на казахский рынок было невозможно из-за «старинных обид». Так, типичным является следующее свидетельство современников: «Они так между собой злобны, что даже на меновом дворе башкирцы в торгу с киргизцами (казахами – А. Б.) сходиться не хотят»⁶.

Показательно, что если земельные споры прежде обосновывались необходимостью кочевать, то с последней трети XIX в. обычно главным аргументом становилась прибыль, которая могла быть получена «по приговорам аульных сходов»⁷ (а не рода!) от сдачи земли в аренду. Хронологически процесс приобретения стоимостной оценки земли у казахов совпал с решением крестьянского вопроса в Центральной России и началом вольной колонизации, вызвавшей спрос на землю в Азиатской России. Г. Сафаров (Володин) на основе анализа ситуации в Туркестане пришел к выводу о параллельном росте интенсификации землепользования

¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 14 об. и др.

² Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1756-м из Оренбурга к Абулхаиру. Конец Киргиз-Кайсацкой Орды. Пер. с нем. Алматы: Жибек Жолы, 1998. С. 23.

³ МКОП-1. С. 146.

⁴ Седельников Т. Указ. соч. 2-е изд. С. 22–25; Коншин Н. Очерки... С. 105–106.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 91.

⁶ КРО-2. С. 129.

⁷ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 14.

и ценности земель. По его мнению, у казахов «появляется стремление их закрепить за собою, и родовой обычай «адат» дает под напором развития экономики трещину – появляется институт купли-продажи земель, по «адату» недопустимый»¹.

По мнению К. Поланьи, с развитием рыночных отношений социум постепенно начал представляться в виде некой производной от его экономики. Основным элементом подобного превращения является так называемая коммодификация (превращение в товар) объектов, которые ранее товарами не являлись, а теперь получают свою цену, начинают все более свободно продаваться и покупаться². Проявление коммодификации в казахском обществе рубежа XIX–XX вв. прослеживается в приобретении стоимостных оценочных характеристик в первую очередь земельными владениями.

О размерах сдачи казахами земель в аренду можно судить по следующим сведениям. С развитием института аренды отдельные кочевые аулы в конце XIX в. сдавали «земли для распашки посторонним лицам – купцам, мещанам, крестьянам и другим разночинцам десятками тысяч десятин»³. Оседлые казахские поселения более активно сдавали земли в субаренду, в среднем каждый поселок из оседлых казахов сдавал внаем от 500 до 1400 дес. земли, но встречались и такие, которые делали сдачу в аренду основой своей экономической стабильности. Так, аул № 6 Уйсинкаринской волости, состоявший из 64 семей, в 1903 г. единовременно сдал 5000 дес⁴, а жители селения Казбек Темирского уезда откровенно ответили представителям экспедиции Ф. Щербины, что урочище Джикенды, которое пытались у них арендовать кочевые сородичи, они сдали русским «из-за выгоды: получили 500 руб. на общественные надобности»⁵.

¹ Сафаров Г. Указ. соч. С. 79.

² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева и др. / Под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002.

³ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 145.

⁴ Седелников Т. Указ. соч. 2-е изд. С. 45.

⁵ Там же. С. 47.

Арендные и субарендные земельные отношения в степи наталкивались на правовые барьеры. С одной стороны, недостаточно четкое регулирование правовых процедур найма земли в казахской степи приводило к самовольным захватам земель заводчиками и крестьянами-переселенцами. С другой стороны, все та же неурегулированность прав собственности и приблизительное знание границ территории приводили к случаям, когда за сданные в аренду одним аулом земли с арендаторов требовали плату и иные сообщества, «не принимавшие в договоре никакого участия», но заявлявшие свои права на означенную территорию¹.

Одновременно с развитием института аренды русскими отношения земельной аренды распространяются и внутри казахского общества². Здесь она обычно оплачивалась отработкой, реже скотом, наименьшее распространение получила денежная форма оплаты. При высокой степени поляризации общества доминировала аренда «из доли»³. Об этом свидетельствуют данные статистических обзоров начала XX в. Руководитель экспедиции по изучению казахских хозяйств Центрального и Юго-Восточного регионов Казахстана П. П. Румянцев констатировал значительное экономическое расслоение хозяйств: «масса бедна (78,2%), количество хозяйств среднего достатка невелико – 14,6%, выделилась небольшая группа (7,2%) зажиточных и богатых хозяйств»⁴. В то же время больших размеров достигла аренда казахами казахских земель, для которых она стала одним из источников эксплуатации⁵. Параллельно среди

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1862 г. Д. 7. Л. 6, 7 об.

² МКОП-1. С. 309.

³ См., напр.: Коншин Н. Очерки...; Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения Юго-Восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1910; МКЗ; Азиатская Россия. Т. 1; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 годах... и др.

⁴ Цит. по: Карасаев Г. М. Имущественное расслоение казахского населения в конце XIX – начале XX вв. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях в XX веке: Материалы международной научно-практической конференции, г. Усть-Каменогорск, 28–29 мая, 1998 г. / ВКТУ. Усть-Каменогорск, 1998. С. 37.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884 г. Д. 39. Л. 253 об., 374, 376; РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 93. Л. 9 об. – 10 об.

скотоводов получил широкое развитие институт ростовщичества¹.

Вместе с тем в восприятии казахами размеров богатства и бедности в различных населенных регионах существовали значительные отличия. Так, у казахов Илийского округа бедным считался владелец 30–40 овец, 10 лошадей и крупного рогатого скота, а богачом – владелец «тысячных табунов лошадей, многотысячных отар овец»²; в Сыр-Дарьинской области к беднякам отнесли себя однолошадные, к середнякам – владельцы 2–3-х лошадей, к зажиточным – владельцы 9–13 лошадей, к богачам – имевшие свыше 50 голов скота в пересчете на лошадь³; в Прииртышье с бедняками идентифицировали себя владельцы 5–6 лошадей (иногда 10) и пашни 2–14 дес., к середнякам – владельцы 6–20 лошадей и 8–35 дес. пахотных и сенокосных угодий, к богатым – владельцы свыше 60 единиц скота в переводе на лошадь и более 20 дес. пашни⁴ и т.д. Эти цифры колебались и внутри указанных районов, и даже внутри одной общины. Существовали случаи различий в самооценке и оценке имущественного статуса сородичами. Казах, рассматривавший себя бедняком, мог оцениваться окружающими середняком, реже происходило наоборот, когда в самооценке имущественный статус завышался.

Несмотря на все вышеуказанные данные, свидетельствующие об изменениях в общественном сознании, менталитет казахов во многом сохранял традиционные черты. Одним из наиболее убедительных доказательств этого служит стремление обедневших казахов при улучшении благосостояния вновь заняться кочеванием⁵. В Чубарской волости Тургайской области в конце XIX в. был известен казах, вносивший гильдию по трем городам, засевавший

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 21.

² Моисеев В. А. Синыцян на рубеже XIX–XX вв. (Казахи Илийского округа) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): Материалы региональной конференции, 14 октября 1997 г. Барнаул: Изд-во Барнаульского педагогического ун-та, 1997. С. 56.

³ МКЗ. Сыр-Дарьинская область, Перовский уезд. Ташкент, 1912. С. 11.

⁴ Коншин Н. Очерки... С. 79, 168–174.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 59 об., 95 и др.

2000 дес. земли, но при этом он «продолжает оставаться кочевником»¹.

Изменения коснулись и соотношения значимости земледелия и скотоводства в восприятии их казахами. Султан Т. Сейдалин свидетельствовал, что в середине XIX в. кочевники давали средства земледельцам на приобретение инвентаря под 10% от будущего урожая, а А. Кауфман в конце того же века указывал, что «раз заведя запашку, киргиз (казах – А. Б.) не прекращает ее и тогда, когда его скотоводство... возвратится к прежнему высокому размеру»². Причины повышения степени престижности земледелия в представлениях казахов кроются, на наш взгляд, как в желаниии закрепить за собой, в соответствии с российским законодательством, освоенную территорию, так и в том, что землевладение стало рассматриваться в качестве средства повышения своего социально-экономического и политического статуса, и в качестве ценностной категории.

С последней трети XIX в. многие казахские хозяйства начинали реагировать на конъюнктурный спрос сельскохозяйственного рынка России, изменяя в соответствии с ним (и иными причинами) структуру стада и посевов или даже вид хозяйственной деятельности³.

О динамике структуры стада казахов-скотоводов Тургайской области за 20 лет можно судить по данным А. Добросмыслова и А. Кауфмана⁴:

Вид скота / Год	1870	1891
Верблюды	61555	29530
Лошади	497546	470031
Крупный рогатый скот	159270	271251
Овцы	1040727	786192

¹ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 27.

² Кауфман А. А. Указ. соч. С. 97.

³ См.: Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1907–1914 гг. Алма-Ата: Наука КазССР, 1965; Сарыбаев К. Аграрный вопрос в Каракалпакии. Нукус: Каракалпакстан, 1972; Быков А. Ю. Социальное и экономическое положение в казахском обществе в последней трети XIX в. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7 и др.

⁴ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 102–103.

В указанном регионе крупный рогатый скот стал разводиться в больших количествах лишь с 60-х гг. XIX в. И на оренбургском рынке на рубеже веков наибольшее избыточное предложение составляли лошади, а наибольший неудовлетворяемый спрос – именно крупный рогатый скот¹. Это отразилось и в народном фольклоре. Если прежде при вымене какого-либо скота на корову казахи презрительно говорили: «Худший вид скота – рогатый скот», то теперь: «Рогатый скот стал ценным товаром»².

Пусть и в гораздо меньшей степени, но помимо земледелия среди казахов постепенно получали развитие и иные сферы деятельности. Например, пчеловодство. П. П. Семенов (позднее – П. П. Семенов-Тянь-Шанский) сообщал, что во время второго своего путешествия на Тянь-Шань (1857 г.) казахи Старшего жуза «рассказывали мне, что казаки ухитрились привезти такую муху, которая делает сахар»³. А всего через десять лет, в 1867 г., В. Кузнецов отмечал, что казахи указанного района уже «очень охотно занимаются розыском пчел в горах» и «за последние два года до 200 пудов меда добывают»⁴.

Одновременно с изменением хозяйственной деятельности подвергались пересмотру и традиционные ценности. Так, анализируя динамику отношений в казахских хозяйствах, расположенных на землях Сибирского казачьего войска, Н. Коншин в начале XX в. пришел к выводу о постепенной смене натурального хозяйства денежным, «а вместе с тем незаметно меняются нормы обычного права. Обязанность поддерживать слабых сородичей очевидно слабеет... теперь богат не так легко даст своему сородичу бедняку пропавший у того скот»⁵.

¹ Казак когамы гасырдын екинши жартысында. Караганды: КарМУ баспасы, 1994. Б. 111.

² Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е... С. 96.

³ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: ОГИЗ, 1948. С. 208.

⁴ КРО-2. С. 538.

⁵ Коншин Н. Очерки... С. 155. Это свидетельство, кстати, ставит под сомнение утвердившееся в науке мнение о несомненной выгоде для богатых сохранения обычаев взаимопомощи. Вероятно, все зависело от конкретных условий на местах.

Для определения характера представлений казахов о собственности интерес представляет анализ эволюции размеров кунов и айпов.

В одном из списков Жеті Жаргы отмечается, что за убийство «платили по 200 лошадей всем родом виновника», в другом списке размер куна за мужчину (полный кун) составляет 1000, а за женщину 500 овец. Кун за убийство султана и ходжи составлял семь полных кунов¹. Иные источники XVIII в. фиксируют, что за убийство «кун составлял 100 лошадей, одного невольника, двух верблюдов»². В это же время Н. Рычков приводит следующий размер куна: сто лошадей, один пленник, лучший суконный кафтан, шкура черно-бурой лисицы, беркут, кольчуга, ружье с зарядами. Виновный в увечье выплачивал половину куна³.

В XIX в. размер куна изменяется. По сведениям Лазаревского, размер штрафа за убийство не зависит от социального статуса и составляет 1000 овец⁴, иные сведения приводил Б. Залесский: за убийство султана платили 1500–2000 овец, бия – 1000 овец, «число овец постепенно уменьшалось вплоть до минимальной платы (вероятно, 9 голов скота – А.Б.), полагавшиеся за убийство бедного байгуша. За убийство жены киргиз (казах – А. Б.) платил как за убийство чужеземца», т.е. половину полного штрафа. Муже- и отцеубийство каралось смертью. Детоубийство, как и в Уложениях Тауке, не наказывалось. «Суд и кара за это возлагались на Бога»⁵. За убийство жены без доказательств вины кун взыскивали ее родственники⁶.

Со второй половины XIX в. размер куна постепенно увеличивался⁷, одновременно изменялись средства его уплаты.

¹ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Руан, 1992. С. 318, 322.

² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновении и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб., 1776. С. 123.

³ Уханов И. С. Рычков. М.: Мол. гвардия, 1996. С. 151.

⁴ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е... С. 92.

⁵ Залесский Б. Указ. соч. С. 110.

⁶ МКОП-1. С. 78.

⁷ Там же. С. 77.

В начале XX в. были зафиксированы случаи выплаты куна вещами и деньгами. Так, адаевцы в 1905 г. заплатили кун в размере «1000 баранов, 40 кобылиц, 600 рублей деньгами и «бес жаксы» – пять хороших вещей: ружье, ковер, саблю и пр., всего около семи тысяч рублей»¹. В начале XX в. в Семиречье полный кун составлял 200 лошадей, 100 баранов, 100 руб., лучший в роде ответчика скакун и верблюд. «Если труп не отдан родственникам, то виновный в убийстве приговаривается к уплате куна в полуторном размере». Размер куна за телесные повреждения определялся по «значению увечья для ограничения способности потерпевшего к труду»².

Трансформировалась и система раскладки уплаты и получения иска. Резко возрос размер бийлык – платы биям (судьям). Если в XVIII в. он составлял в среднем 10% от суммы иска³, то уже в середине 40-х годов XIX в. бийлык доходил до 1/3 части. Значительную часть имущества иска получали султаны и дальние родственники убитого, а сама семья получала всего 4–10%⁴. Оправданием подобного перераспределения служил обряд олжа, согласно которому иск рассматривался в качестве «находки», и поэтому иском имуществом, подобно сауга, ырым и т.п., распоряжались главным образом родственники.

Раскладка суммы куна в роде ответчика распределялась пропорционально степени родства и благосостояния семей родственников виновного. В целом она выглядела следующим образом: убийца платил до 50 овец, верблюда и лошадь, ближайшие родственники – по 25 овец, родственники до седьмого поколения – по 2 овцы, остальная часть иска вносилась членами отделения или всего рода в соответствии с их имущественным положением⁵. Аип за воровство вообще не принадлежал истцу: «Обворованный

¹ Седельников Т. Указ. соч. 2-е изд. С. 22.

² См.: Фон Герн В. К. Указ. соч. С. 12.

³ Баллюзек Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона // ЗОО ИРГО. Вып. 2. 1871. С. 150.

⁴ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е... С. 92.

⁵ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е... С. 92; Седельников Т. Указ. соч. 2-е изд. С. 22; Фон Герн В. К. Указ. соч. С. 10; Ахметова Н. С. Указ. соч. С. 109 и др.

не может оставить себе стоимость штрафа, тем более отдать его родственникам. Он должен раздать все это чужим людям или же родственникам обвиняемого»¹.

В условиях господства прецедентного права в адате казахов сложилась практика суммирования наказаний за различные виды преступлений при определении размеров и характера наказания². Причем у казахов не сложилось неких общих правовых понятий, таких как телесные повреждения. В результате нанесения повреждений, повлекших потерю зрения, слуха, калечение руки и ноги, потерю зуба, приравнивавшихся по обычному праву к смерти, ответчик был «должен заплатить кун в пятикратном размере, как за убийство. Но прежде он должен вылечить пострадавшего за свой счет»³.

Определенной эволюции подверглась и система штрафов за имущественные преступления. Если в Жеті Жаргы за кражу скота предусматривался аип в размере трех десятков и выше, а за «похищение имущества взыскивалось верблюдами или иным скотом, на толикую же сумму сколько у кого украдено, по оценке»⁴, то в конце XIX – начале XX в. взимался дополнительно штраф, размер которого существенно колебался⁵. Штраф обычно уплачивался скотом, который после уплаты бийлык шел в раздачу чужеродцам. Обязательным стал обычай дарить пострадавшему одну ценную вещь по его выбору (так же, как и гостю!).

Вопрос же о краже внутри общины или рода решался по усмотрению биев или хана без учета прецедентов. Так, Ф. Назаров сообщал, что за кражу двух овец казахи приговорили своего сородича к смертной казни, причем «приговор исполнен был в одну минуту»⁶. Наказание не дифференцировалось в зависимости от размера нанесенного

¹ Залесский Б. Указ. соч. С. 109–110.

² Культеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата: Наука, 1955. С. 35.

³ Там же. С. 110.

⁴ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Указ. соч. С. 322.

⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 24. Л. 14–16.

⁶ Назаров Ф. Записки о некоторых народах в средней части Азии. М.: Гл. ред. вост. литер. изд. «Наука», 1968. С. 23.

материального ущерба. Это нашло отражение в следующей степной пословице: «Вор и тот, кто верблюда увел, и тот, кто пуговицу украл»¹.

В середине XIX в. казахи стали обращаться к общероссийскому суду. В случае признания казаха виновным и вынесения приговора о ссылке бии заставляли обвинителя платить кун родственникам ссыльного в размере от 100 до 700 лошадей. Этой и подобными мерами пытались пресечь возможность обращения казахов к общеимперскому суду². Однако даже такие суровые охранительные меры традиционного судопроизводства оказались недостаточным средством противодействия имперскому судопроизводству.

В середине и особенно в конце XIX в. для разбора имущественных вопросов казахи стали в качестве биев привлекать русских чиновников и путешественников. Так, обязанности бия, «как лицо постороннее и совершенно беспристрастное», 30 мая (11 июня) 1857 г. казахи Старшего жуза доверили исполнять П. П. Семенову³. Одной из причин приглашения посторонних лиц для разрешения споров являлось недоверие к суду биев, которые часто были лично заинтересованы в исходе разбирательства⁴. Другой причиной, на наш взгляд, было то обстоятельство, что постороннему можно было не платить бийлык. Это же служило одним из стимулов обращения к имперскому суду, куда к концу XIX в. стали обращаться чаще, чем к суду биев⁵.

Одним из средств удовлетворения претензий у казахов был открытый угон скота – «барымта». Барымта была своеобразной формой принуждения к выполнению решения суда биев. Казах, имевший основание требовать с другого уплаты или вознаграждения, обращался к последнему с просьбой рассчитаться миром. При нежелании его истец

¹ Казахские пословицы и поговорки... С. 49.

² Артыкбаев Ж. О. История Казахстана в XIX веке... С. 57.

³ Козлов И. В. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. М.: Просвещение, 1983. С. 34.

⁴ Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998 и др.

⁵ Артыкбаев Ж. О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993. С. 60.

обращался к родственникам, а в конце к почетным аксакалам рода ответчика. Переговоры могли тянуться несколько лет. Лишь потеряв надежду на возможность добровольного удовлетворения родом ответчика и подтвержденных решением суда биев претензий, обиженный обращался к помощи своих однородцев. Члены рода «посылают угнать скот у одного аксакала того рода, к которому принадлежит ответчик для того, чтобы заставить вмешаться в дело и доставить обиженному удовлетворение»¹. Размер угнанного во время барымты скота должен был соответствовать размеру иска. О количестве отогнанного скота в трехдневный срок сообщали аксакалам своего рода. В случае если размер отогнанного несоразмерен иску, подвергшийся барымте род сам получал на нее законные права². В случае несогласия по одному и тому же делу или в случае длительной и/или кровопролитной барымты в дело мог вмешаться хан, которому принадлежало право решения подобных споров. Правда, только в том случае, если хан обладал реальной силой³.

Институт барымты сохранялся на протяжении всего до-революционного периода, хотя сама барымта законами 1854–1868 гг. была отнесена российскими властями к уголовным преступлениям, изъята из компетенции суда биев и приравнена к конокрадству⁴.

На наш взгляд, во второй половине XIX в. барымта действительно эволюционировала в сторону воровства. В одном из документов отмечалось: «Термин «баранта»... служит только поводом подводить всякий грабеж под понятие баранты»⁵. Интересно, что если сородичи барымтачей считали их защитниками – батырами, то они сами зачастую оценивали себя именно конокрадами. Так, беседовавший

¹ Фон Герн В. К. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 22.

³ Перфильев А. Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование. Автореферал диссер. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Томск, 2011. С. 21–22.

⁴ Подробнее см. об этом: Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 72–76.

⁵ Там же. С. 76.

с Б. Залесским сорокалетний казах из Младшего жуза Куземабай, который впервые принял участие в барымте в возрасте двенадцати лет, сообщал о своем бывшем занятии: «Ремесло вора – низкое ремесло! ... Не хочу больше возвращаться к моей прежней жизни, я теперь человек честный»¹.

Барымта наносила существенный урон казахскому хозяйству, т.к. в пути гибло много скота, а пригнанный скот старались быстрее забить на мясо, не считая это имуществом надежной собственностью и боясь отмщения. Ослабленный скот часто болел, заражая здоровых животных, «так что нередко случается, что весь скот в непродолжительном времени издыхает»².

Параллельно с тем явлением, которое еще многие считали барымтой, в понимании казахов существовало и конокрадство как таковое. Главными отличиями были открытость/тайность и стремление/его отсутствие к личному обогащению. «Воры по ремеслу (уру, каранчи) почти всегда действуют и трудятся под покровительством богатых и влиятельных казахов, содержащих иногда целые шайки воров для своего обогащения»³.

В возникавших оседлых поселениях казахов система общинноправового судопроизводства через бийский суд вообще не прижилась, применяясь лишь в случае споров с кочевниками. У казахских игинши (земледельцев) изначально сложилась система управления и судопроизводства, заимствованная у оседло-земледельческих общин. На Юге и Юго-востоке Казахстана, в первую очередь на Сыр-Дарье, была воспроизведена «кокандская» система. Подобная же система сложилась и у казахов Оренбургского ведомства. Султан Т. Сейдалиев сообщал, что в одном из первых крупных земледельческих поселений на р. Тургае, основателем которого стал Сеиткул, «в общественных повинностях кочевых своих родовичей игинчи не участвуют, платя лишь кибиточную подать (казне – А. Б.)... в отдельных товариществах

¹ Залесский Б. Указ. соч. С. 93.

² КРО-2. С. 141–145; Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 299–300; Залесский Б. Указ. соч. С. 89–93 и др.

³ Фон Герн В. К. Указ. соч. С. 22.

или компаниях игинчей, называемых мурапами, до сих пор остается... самобытное управление мурап-басами или компанейскими начальниками с судебной властью. Все маловажные споры и ссоры, возникающие между игинчами, судятся и рядятся этими мурап-басами, избираемыми ими из среды себя без всякого постороннего вмешательства, и получающими каждый со своего общества известное вознаграждение хлебом или баранами и вообще натурою»¹. Несмотря на представления о равенстве возможностей замещения функций мурап-басы для членов общины мурап, на практике «должность» замещалась либо первопоселенцем, либо самым опытным – аксакалом. Так, указанную общину с момента ее основания до своей смерти (приблизительно в 1830 г.) возглавлял сам Сеиткул².

Еще в 60-х гг. XIX в. в общинах земледельцев существовало право на получение равной доли с урожая, а право частной собственности существовало лишь на воду, о чем свидетельствует и название общины, происходящее от персидского «мир» и «ап», т.е. «правитель воды»³. В начале XX в. было уже достаточно развито де-факто право индивидуальной собственности, а наем и аренда регулировались договорами⁴.

Одной из характеристик восприятия казахами собственности могут служить их анимистические и религиозные представления. Русские путешественники отмечали, что ряд территорий казахи считали собственностью духов, а так называемые святые места – «аулие» – часто встречаются в топонимике казахов⁵. Так, Б. Залесский свидетельствовал

¹ Сейдалин Т. Указ соч. С. 256–257.

² Там же. С. 240–241. Кстати, Т. Сейдалин указывает на постоянную конфронтацию между оседлыми и кочевыми казахами. Для предотвращения регулярных потрав и отгона скота общиной Сеиткула было построено укрепление, внутри которого располагались жилища игинши. Из укрепления «для полевых работ выходили только днем и с предосторожностями», а сам Сеиткул был убит во время намаза казахами-кочевниками чумекевского рода (Там же. С. 240–241).

³ Там же. С. 249, 256 (прим. авт.).

⁴ См.: Коншин Н. Очерки...

⁵ Подобные явления известны и в поверьях других этносов. Так, в китайской притче Чжуан-цзы отмечается, что жертвоприношения совершаются у необработанного камня местному божеству, которому принадлежит участок земли. Фон Франц М.-Л. Процесс

о территории святого Ханга-баба в Западном Казахстане¹, Н. Коншин описывал пещеру Аулие-тас в Баян-Аульских горах. Здесь казахи производили жертвоприношения по мусульманскому обычаю, прося исцеления у неизвестного духа, о деяниях которого «ничего определенного сказать не могут»², а ведь Баян-Аульские горы были заняты казахами лишь в 30-х гг. XVIII в. Общеказахской святыней считался и считается в настоящее время мавзолей хазрета Ходжи Ахмета Ясави близ Туркестана, где обычно проводились выборы нового хана и где находились их усыпальницы. Существовали и места, «приносящие несчастья». С. Б. Броневский сообщал, что в случае джута или высокой смертности на кстау (зимовке) казахи, «почитая место нечистым, оставляют его и ищут другого»³. Образованный казах, в будущем член Государственной думы и член ЦК кадетской партии А. Букейханов дал представителю Семипалатинского статистического комитета Н. Коншину следующее объяснение: казахи «называют святым (аулие) все почему-либо резко бросающееся в глаза, все выдающееся в степи, будь то гора особенно причудливой формы, пещера, камень или даже дерево»⁴. Эти сведения подтверждаются сведениями Н. Рычкова, сообщавшего отцу, что могила погибшего Абулхайр-хана считалась святым местом, а его самого казахи стали рассматривать в качестве святого тогда, когда в мавзолее выросло дерево⁵.

Внутри казахской юрты существовали так называемые женская и мужская часть, разделенные занавесками (коврами или кошмами). Однако правая от входа часть юрты считалась собственностью родителей мужа, в том числе и после

индивидуации // Юнг К. Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. ред. С. Н. Сиренко, М.: Серебряные нити, 1997. С. 160.

¹ Залесский Б. Указ. соч. С. 109–110.

² Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. Семипалатинск: Тип. Областного Правления и Торговый дом «Плещеев и Ко», 1901. Разд. IV. С. 25–26.

³ Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 43. СПб., 1830. С. 75–76.

⁴ Коншин Н. От Павлодара... С. 26.

⁵ Уханов И. С. Указ. соч. С. 155.

их смерти. Здесь, по поверьям казахов, жили духи умерших предков (аруахи). Согласно казахской мифологии, аруахи способствовали материальному благополучию живущих. В степи бытовала даже пословица: «Кто угощает живых, станет бием, а кто угощает умерших, станет баем»¹. На рубеже XIX–XX вв. даже стал формироваться некий особенный байский стереотип поведения, отвечавший новой социальной роли и новому статусу бая. Абай отмечал, что «сын бая обнищав, не стыдится воровать, а служить другому баю считает для себя зазорным»². По умершим неоднократно справлялись богатые поминки, иногда приводившие к разорению устраивавших их. Умершим сыновьям отец так же, как и живым, выделял енши, который оставляли у могилы умершего³. Как отмечено выше, этим укреплялся социальный статус бывшего владельца.

В отношении казахов к пожертвованиям также происходили изменения. Еще в середине XIX в. все, что жертвовалось святым местам деньгами, доставалось служителям культа. На рубеже XIX–XX вв. был зафиксирован следующий казус: пожертвованные духу деньги казахи могли взять себе, «спросив прежде разрешения у таскыра»⁴. Даже на уровне религиозно-обрядовой традиции фиксируются изменения, связанные с внедрением меркантилистских элементов в систему представлений (мировоззрения).

Таким образом, в период последней трети XIX – начала XX в. система ценностей, сложившаяся в казахском кочевом обществе, претерпела существенные изменения. Весьма сильно трансформировались и представления казахов о собственности. Процесс этот происходил с различной степенью интенсивности: быстрее в районах тесных культурных контактов кочевого и оседлого населения, особенно между крестьянами-переселенцами и джатаками.

Постепенно у казахов формировались представления о частной собственности на недвижимое имущество и не-

¹ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 194.

² Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Слова назидания / Пер. с каз. Алматы: Руан, 1995. С. 187.

³ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 198, 574–575.

⁴ Коншин Н. От Павлодара... С. 25.

дра. В рассматриваемый период деньги стали признаваться большинством казахского населения в качестве ценности и всеобщего товарного эквивалента.

Вместе с тем в менталитете сохранились представления (по крайней мере, их внешние атрибуты) о роде как субъекте собственности. В обыденном понимании большинством собственность все еще признавалась «даром свыше», который в то же время может быть отчуждаем семьей и даже отдельным индивидом. Права семьи и отдельного индивида по отношению к правам рода постоянно расширялись. Ряд традиционных социально-правовых институтов претерпел незначительные изменения (наследование, бракосочетание), но многие сохранили лишь внешнюю форму (родовая взаимопомощь, тамырство, куначество и т.п.).

На наш взгляд, традиционная система ценностей, поддерживавшая нормальное функционирование кочевого способа ведения хозяйственной деятельности и являвшаяся существенным препятствием к развитию товарного производства, качественно трансформировалась. Система производственных отношений подверглась в то же время еще более существенным изменениям по сравнению с представлениями о них.

Вхождение казахов в состав Российской империи способствовало внутри- и внешнеполитической стабилизации положения и создавало условия для относительно быстрого роста их народонаселения. Высокий естественный прирост, возрастание абсолютного числа жителей в условиях ограниченности номадного ареала оседло-земледельческими зонами и невозможность в таких условиях экстенсивного прироста привели к возникновению на рубеже XIX–XX вв. у казахов-кочевников ситуации «перенаселенности». Одним из факторов, повлиявших на ее ускорение, стала внешняя миграция. Возможность дальнейшего естественного прироста в рамках кочевого ХКТ оказалась невозможной, и значительная часть казахов перешла к более интенсивным формам хозяйственной деятельности.

С развитием земледелия и промыслов увеличивалось число оседлых казахов. Однако объем и темпы прироста

категории оседлых были значительно ниже, чем земледельцев. Исследователями неоднократно подчеркивалась неравномерность протекания этих процессов и их более высокая интенсивность в северных уездах Степных областей, что объяснялось как географическим (более благоприятные климатические условия и более продуктивные почвы), так и демографическим фактором. Определенную роль в этом играл и фактор более интенсивных контактов между представителями различных этносов, т.е. культурные заимствования¹.

Развитие внутриэтнической хозяйственной специализации ускоряло процесс имущественной дифференциации казахского общества и вело к его дальнейшей социальной стратификации, что, в свою очередь, трансформировало традиционный жизненный уклад. Изменение национальной структуры и формирование многонационального состава населения степных регионов усиливало процессы культурной диффузии, способствовавшей ускорению темпов трансформации традиционного казахского общества и изменению соотношения отраслевой структуры экономики региона в сторону возрастания роли земледелия (в том числе и среди казахов), горнодобывающей и частично перерабатывающей промышленности.

В казахском обществе во второй половине XIX – начале XX в. происходили значительные политические, экономические и социальные изменения. Традиционная патриархальная и потестарная организация прекратили функционировать на высших таксономических уровнях и трансформировались на низших. Произошла институционализация социальных групп родового общества как с открытым, так и с закрытым статусом. Последние в значительной

¹ Следует отметить, что заимствования не носили односторонней направленности. Конечно, заимствований у русских со стороны казахов было больше. Однако и русские заимствовали у казахов слова (такие, как буран, базар и др.), прочно вошедшие в лексикон. Кроме того, заимствовались породы скота и условия их содержания. Неудивительно, что именно в Оренбурге появились знаменитые пуховые платки. В формировании новой породы овец принимали участие и казахские овцы. Были и межэтнические браки. В конце концов, даже представители русской администрации давали свои детям двойные русско-тюркские имена. Так, В. И. Даль нарек родившегося в 1834 г. в Оренбурге сына именем Лев-Арслан (по-тюркски – также «Лев»). См.: Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. С. 18 и др.

мере утратили кастовые черты. Определение социального статуса стало зависеть уже не столько от происхождения и авторитета, сколько от экономического благосостояния и хозяйственной принадлежности. Активно шел процесс разложения родовой и формирования соседской общины, причем во многих оседлых регионах он был завершен к началу XX в. С переходом к интенсивным по сравнению с кочевым скотоводством формам хозяйственной деятельности, утрачивалось большинство каналов трансляции традиции. Следствием упадка интегрального традиционализма стал кризис идентичности, отразившийся на бытовом уровне, в экономике, в возникшей политической сфере и духовной культуре казахов.

В период последней трети XIX – начала XX в. у казахов формировались представления о частной собственности на недвижимое имущество и недра, что нашло отражение в изменении адата, в развитии разнообразных институтов аренды и т.п. и особенно в развитии товарно-денежных отношений. Фактически трансформационным процессам подверглась вся система ценностей.

Таким образом, трансформация процессов, определявших жизненный уклад, свидетельствует о качественных изменениях в социуме, демонстрируя то, что модернизационные процессы в казахском обществе не стали лишь внешней оболочкой традиционного уклада, а затронули глубинные цивилизационные структуры и функции, образовав инновационный анклав, расширявшийся и постепенно поглощавший традиционные институты. Вместе с тем многие вводившиеся «инновационные» институты, такие как выборы, превращались в их пародию, квазиинституты, имевшие совершенно другое качественное содержание, чем планировалось администрацией и закреплялось нормативными актами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Включая в состав Российской империи кочевое казахское население, проживавшее на обширной территории, власти столкнулись с проблемами, вызванными различиями в социально-экономическом и политическом устройстве российского и казахского обществ и их различным мировосприятием.

Присоединение казахских степей к России потребовало распространения на казахов определенной системы управления. Первоначально была принята система управления, сочетавшая в себе черты протектората и вассалитета с преобладанием элементов первого. С течением времени происходила трансформация представлений о том, каким образом следует выстраивать взаимоотношения властей с местным населением. Вначале опора делалась на традиционную казахскую знать в лице ханов и султанов-чингизидов, а также на наиболее популярных батыров. Первые были обязаны проходить обряд конфирмации в звании, последние – получали тарханные грамоты. Россия контролировала значительную часть внешнеполитических сношений казахов с соседними государствами и народами. В вопросах внутреннего устройства они сохраняли существенную автономию. Введенная ясачная фискальная система лишь формально обозначала зависимость казахов, фактически облагалась налогами лишь незначительная часть казахов Младшего и Среднего жузов, а сам сбор налогов был доверен традиционной казахской знати.

Начиная с 1760-х гг. усилилось влияние оренбургской и сибирской администраций на так называемых прилинейных казахов, здесь начал осуществляться систематический сбор налогов российскими властями, кроме того, были выработаны определенные проекты, направленные на изменение системы управления. В 1775 г. на Оренбургскую и Сибирскую губернии было распространено действие Учреждений об управлении губерниями, однако иноверческие районы по-прежнему оставались в значительной мере вне сферы непосредственного влияния имперской администрации.

Опираясь на противоречия между казахской знатью кара и ак суйек, а также на противоречия внутри этих элитарных групп и межэтнические противоречия, губернские власти сумели добиться ослабления позиций Чингизидов. Со времен реформ О. А. Игельстрома генеральной линией развития системы управления становится стремление введения непосредственного управления казахской степью русскими чиновниками, безотносительно их этнической и даже профессиональной принадлежности. В качестве важнейших инструментов такового становились постепенная инкорпорация казахских владетелей и толмачей на службу, а также привлечение к административной деятельности представителей подданных России тюркских народов. Именно в таком качестве сюда приглашались казанские муллы, которым не только позволялось, но даже и поощрялось параллельное занятие вероисповедальной деятельностью.

С этого же времени российские власти приступают к постепенному введению территориального принципа в управлении взамен существовавшего прежде племенного. Первым опытом создания административно-территориальных органов управления стали расправы. Первый опыт оказался неудачным в силу ряда внутри- и внешнеполитических причин. Однако он стал прецедентом, неким ориентиром, на который стали опираться в дальнейшей практике. И уже 1801 г. в Волжско-Уральском междуречье была образована Букеевская орда. Именно здесь впервые удалось на практике ввести такую систему управления, которая

была основана преимущественно на административно-территориальных принципах. Она совмещала элементы традиционного управления, основанного на потестарных институтах кочевого социума, и одновременно в нем начала функционировать чиновничья администрация из казахов и русских. Именно здесь была апробирована дистанционная система управления, действие которой было позднее распространено на все казахское население Оренбургского ведомства.

Активизация деятельности российских властей в Сибирском и Оренбургском ведомствах происходит в 1820-х гг., когда практически одновременно была введена окружная система управления казахами. Она имела серьезные региональные отличия, вызванные как позицией местной администрации, так и тем, что правительство искало оптимальный вариант административного устройства. Однако в главном обе новые системы совпадали – они устанавливали достаточно стройный бюрократический порядок территориального управления. Чиновники из числа казахской знати если и сохраняли признаки потестарной знати, то только среди своих сородичей, одновременно вводилась система правовой ответственности по должности.

Развитие эта система получила в ходе реформ 1839 и 1854 гг. в Сибирском и в 1844 г. Оренбургском ведомствах, внесших определенные тактические коррективы в организацию управления. В 1860-х гг. принимаются Временные положения об управлении Степным и Туркестанским краями, которыми усиливается административная и правовая ответственность казахов. Представители наследственной казахской знати из числа потомков Чингисхана потеряли все легальные привилегии. Существенно были урезаны права биев, казиев, старшин. Повсеместно вводилась новая система областного, уездного, волостного и аульного управления. Отправление должностей было связано с выборами на низших административных уровнях. Важнейшим шагом стало объявление земель, населенных казахами, государственной собственностью Российской империи. Реформы 1880–1890-х гг. стали логическим продолжением предыду-

щих преобразований, направленных на унификацию системы управления в окраинных и центральных губерниях.

Идеологической основой российских реформ в Степных областях являлись преимущественно идеи просвещения и вызванные ими культуртрегерские и цивилизаторские действия. Центральными стали идеи изменения образа жизни, экономического базиса и системы управления казахов посредством законодательных и затем административных реформ. В качестве идеальных моделей выступали западноевропейское и российское общество. Естественно, что российское общественное устройство, духовная и материальная культура правительством и местной администрацией однозначно рассматривались в качестве более прогрессивных. Именно поэтому, проводя в Степных областях так называемую цивилизаторскую политику, в качестве эталона колониальными властями была взята российская модель общественно-политического и экономического устройства. Стремление ввести гражданскую власть в казахском обществе сопровождалось аргументацией и проведением мероприятий по переводу их на оседлость, внедрением устойчивых представлений о примате частных интересов и частной собственности над общинными и племенными ценностями, развитием систем образования и здравоохранения, стремлением к развитию среди казахов многопрофильного производственного комплекса, базировавшегося на земледелии.

Реакция казахского социума на эти инновации выражалась как в форме активного протеста (движения Срыма Датова, Исатая Тайманова, Саржана и Кенесары Касымовых, восстания 1916 г. и др.), так и в попытках саботирования этих процессов посредством введения запретов на использование имперских административных и судебных институтов для решения внутриказахских проблем. Однако преобладало конформистское и даже позитивное восприятие происходивших изменений. В итоге реформы достигали значительных результатов и становились если не всегда причиной, то катализатором трансформационных процессов, приведших в конечном итоге к расшатыва-

нию родового строя, ликвидации действия обычного права на высших таксономических и сужению сферы его применения – на низших таксономических уровнях патронимической организации, формированию государственнических представлений у большей части казахов и фактически к появлению собственно политической организации в их обществе. Традиционные институты претерпели эволюцию в результате взаимодействия с имперскими органами и включения их в имперскую иерархию с сохранением только лексической преемственности. В конце концов это взаимодействие способствовало ликвидации самих традиционных родовых институтов.

На характер и методы российской политики в казахской степи оказывали влияние многочисленные внутренние и внешнеполитические факторы.

По форме осуществления можно выделить «жесткий» (И. И. Неплюев) и «мягкий» (О. А. Игельстром) курсы. В «чистом» виде их, конечно, не существовало. В течение всего имперского периода они находились в состоянии динамического взаимодействия с доминированием элементов то «жесткого», то «мягкого» курсов. Первый предполагал активное применение военных сил, второй – преимущественно несиловые средства воздействия на казахов. Сочетание элементов жесткого и мягкого воздействия властей на казахское население в различные хронологические отрезки варьировалось, но в целом преобладал «мягкий» курс.

Важной составляющей обоих направлений следует рассматривать мероприятия с целью привнесения элементов модернизации казахского кочевого общества и политики, направленной на переход казахов к оседлости в качестве одного из ее важнейших звеньев.

Существенное влияние на усиление или ослабление темпов колониальных реформ оказывал субъективный фактор, прежде всего политика конкретных оренбургских и сибирских губернаторов и областных начальников.

Постепенное сокращение ареала кочевий, вызванное объективными причинами, сопровождалось развитием отходничества. Расширение контактов с русским оседло-

земледельческим и городским населением приводило к постепенному внедрению в казахском хозяйстве элементов технологии русского и пашенного богарного и среднеазиатского поливного земледелия, различных ремесел. Уже в 30-х гг. XIX в. стали весьма многочисленными социальные группы казахов-игиншей (земледельцев), джатаков (обычно отходников – батраков или земледельцев), появились балыкши (рыболовы) и другие группы. Казахи-ремесленники переставали заниматься скотоводством. Часть казахов переселилась на жительство в города.

Сокращение кочевого скотоводства и рост народонаселения создавали предпосылки и являлись условием внедрения в казахском хозяйстве новых видов деятельности, роль которых в структуре хозяйства на протяжении всего имперского периода неуклонно возрастала, превращаясь из подсобного в основное хозяйство.

Процесс расширения земледельческого производства и возникшая в результате него конкуренция за лучшие угодья между казахами-земледельцами и казахами-кочевниками привели к развитию внутриказахского территориального межевания и превращению земли в товар, условие и средство производства.

В конце XIX – начале XX в. усилилось стремление определенной части казахского населения (новых элитарных групп) к интеграции в казахский социум европейских институтов. Это способствовало развитию в Степном крае национальной печати, общественно-политических объединений, а в начале XX в. привело к возникновению национальных отделений общероссийских политических партий.

Еще одним важным направлением российской политики в Степных областях являлась конфессиональная политика. Отношение Российской империи к так называемому мусульманскому вопросу среди казахов можно разделить на ряд условных этапов, которые в значительной мере синхронизируются и коррелируются с этапами российской административной политики в казахской степи и этапами российской колонизации Степного и Туркестанского краев, представляя административно-правовой симбиоз. И если

на ранних этапах доминировало стремление использования мусульманской религии в качестве инструмента привлечения казахов к сотрудничеству с администрациями, то позднее все более явно стали проявляться факторы, имевшие своим итогом ослабление мусульманизации казахов и даже смену ими конфессиональной принадлежности на христианское православие. Реакция казахского социума и в том, и в другом случае оказывалась одинаковой – уровень исламизации постепенно возрастал, не достигнув, однако, такого, каким он был у татар и представителей среднеазиатских народов.

Таким образом, процессы трансформации казахского кочевого общества были объективны и неизбежны, но их характер, темпы и формы во многом стимулировались политикой России. В то же время вновь возникавшие отношения не являлись прямой калькой европейских или российских общественных отношений, а приводили к возникновению в казахском обществе конгломерата традиционных и модернистских отношений и институтов, зачастую имевших содержание квазидемократических и квазикапиталистических институтов.

Изучение проблем управления казахами в российской политике не ограничивается феноменологическим значением. Его методологическое значение заключается в решении проблем взаимоотношений традиционного общества казахов-кочевников и модернизировавшегося российского. Его, на наш взгляд, можно схематично представить следующим образом. Общество казахов-кочевников в период, предшествовавший вхождению в состав Российской империи, можно представить в качестве традиционной интегральной общественной системы, в рамках которой развитие осуществлялось замедленными темпами. Традиционное кочевое общество лишь воспроизводило себя, не претерпевая сколько-нибудь существенных изменений. Отличительной особенностью традиции как звена функционирования этой системы являлась спонтанность. В результате структурная детерминация, осуществлявшаяся традицией, являлась не внешней (гетерогенной) по отношению к самой системе,

а имманентной, собственно-системной, и механизм структурной детерминации сводился к воздействию прошлого на настоящее и будущее.

Управление и вся совокупность социальных отношений осуществлялись по формуле ОБЪЕКТ – ОБЪЕКТ, что обеспечивало динамическое равновесие системы общественных отношений, а сами легитимизированные сакральным содержанием традиции, стабилизируя развитие и функционирование системы общественных отношений, были призваны повышать ее способность противостоять внешним воздействиям, гарантируя ее воспроизведение практически в первоначальном виде.

Основой существования традиционного казахского общества интегрального типа служил кочевой (технологический) способ производства.

В начале XVIII в. казахи оказались в сложной внешнеполитической ситуации. В связи с джунгарской, башкирской и др. угрозами, с одной стороны, и заинтересованностью отдельных личностей и групп казахов в расширении контактов с Россией – с другой был инициирован затянувшийся на длительный срок процесс присоединения Казахстана к России.

В это время Россия, несмотря на существование крепостничества, все же представляла собой более динамичную социально-политическую систему, где значительная часть индивидов являлась субъектами, а управление этой общественной системой осуществлялось по формуле СУБЪЕКТ – ОБЪЕКТ. Основным способом производства материальных благ здесь служило земледелие, но в структуре хозяйства все большее значение приобретало промышленное производство. Это общество стремилось не к простому, а к расширенному воспроизводству.

Политическое объединение двух этих систем в единое целое не могло привести мгновенно к установлению между ними некоего равновесия. Процесс гомогенизации был достаточно длительным. Собственно о системе можно говорить не ранее екатерининских времен, когда на казахов стали смотреть не только сквозь призму внешнеполитических

интересов. Во вновь образовавшейся динамичной иерархической системе каждая из подсистем обладала автономией, но в качестве субъекта отношений выступала «российская сторона», которая постепенно «замещала» традиционное управление институциональным, опиравшимся на писаное право, причем его кодификация проводилась российскими властями не столько на обычном праве казахов, сколько на европейских образцах.

Российская сторона пыталась интенсифицировать социальные отношения в казахском обществе. Наиболее адекватным способом адаптации к новым условиям должен был служить оседлый образ жизни.

Российские власти пытались ускорить процесс перехода казахов-кочевников на оседлость, для чего проводилась специальная политика седентаризации. Это направление в российской «окраинной» политике возникло не сразу, а формировалось по мере ознакомления с местными условиями, исходя из собственных представлений о социальном прогрессе, основой которого служила идеология просвещения. Вместе с тем Россия в вопросе перехода казахов к оседлости преимущественно использовала «мягкий курс», не предусматривавший насильственных мер. Со временем даже сложилось мнение, что казахи придут к оседлости естественным (эволюционным) путем. Правда, российская политика и колонизация служили катализатором, существенно ускорявшим этот процесс.

По мере интеграции кочевых народов в имперское пространство России их автономия постепенно урезалась и в конце концов была сведена к минимуму¹. Существовала тенденция постепенного изменения этнического статуса в рамках имперского пространства. Права этнических групп в дореволюционной России сокращались, но при этом права других социальных групп и права личности расширялись.

В традиционном казахском обществе каждый отдельный индивид был формально свободен, но в то же время нахо-

¹ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2002. Гл. 7–8; Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // ВИ. 1996. № 11–12. С. 7–10 и др.

дился в жестких рамках, диктуемых обычаем. В результате индивид оказывался в абсолютной тотальной зависимости. Инкорпорация казахов в правовое поле Российской империи привела к приобретению ими индивидуальных (субъектных) прав и способствовала зарождению и восприимчивости ряда гражданско-правовых институтов. Параллельно с этим деформировались структуры и изменялись функции институтов традиционного казахского общества, приспособленных к кочевому характеру жизни и производству материальных благ, но не подходивших к новым отношениям, а тем более к новым технологиям жизнеобеспечения.

В результате традиционное казахское общество утратило системообразующий критерий интегральности (всепроникновения), что и стало, на наш взгляд, основной причиной кризиса идентичности. Новые идеалы и отношения стали заимствоваться у России (включая мусульманскую идентичность!), которая к тому же сама пыталась «приучить» казахов к «гражданственности».

Процесс культурной диффузии не носил характера прямого заимствования, в значительной мере сохранялись элементы, присущие традиционному казахскому обществу. По сути, возникала «новая традиционность», одной из системообразующих характеристик которой стала восприимчивость к хозяйственно-экономической и общественно-политической модернизации.

Этот процесс обусловил приобретение «казахской» подсистемой если не статуса, то, во всяком случае, черт субъектности. Носителями новой субъектности стали «просвещенные» казахи, составившие основу появившейся политической элиты. В отличие от XVIII в., когда части возникавшей системы были принципиально неоднородны и поэтому плохо совместимы, новые подсистемы структурно и функционально оказались гораздо более близкими, что и предопределило их дальнейшее оформление в рамках взаимоприемлемого и оптимального на тот период федеративного национально-государственного устройства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Размер сумм, собранных за билеты¹ с 1817 по 1850 г., как показатель динамики развития отходничества казахов Младшего* жуза²:

год	сбор (руб. сер.)
1817	10286
1818	11309
1819	13029
1820	11924
1821	17979
1822	17457
1823	19312
1824	29270
1825	22892
1826	24481
1827	26513
1828	22528
1829	29149
1830	27238

¹ Билет стоил 50 коп. асс. (=15 коп. сер.)

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631. Ст. 1062. Л. 82—83; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 13 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 371—372; Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1966. С. 269; Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20—40-е годы XIX века: Учебник. 2-е изд. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 134.

1831	26020
1832	32426
1833	35811
1834	29241
1835	45116
1836	48104
1837	45951
1838	13532
1839	15948
1840	17800
1841	15671
1842	15117
1843	13982
1844	15830
1845	15095
1846	12611
1847	13966
1848	14261
1849	13251
1853	ок. 144000
1860	ок. 43000
1861	42300

*В Среднем жузе ежегодно выдавалось до 10 тыс. билетов. В силу ряда обстоятельств плата за них не взималась.

Приложение 2. Размеры отпуска хлеба в казахскую степь через хлебные магазины в Оренбургской губернии (по материалам отчетов оренбургских генерал-губернатора и губернского правления)¹ :

год	количество (в пуд.)	общая стоимость (в руб.)	среднегодовая цена за 1 пуд (в руб.)
1859	510296	137015, 00	0, 27
1860	566277	225638, 00	0, 40
1861	421211	213896, 00	0, 51
1862	334615	214858, 82	0, 64
1863	498235+ 3274 мешка	181815, 15	0, 43

Приложение 3. Торговля в Оренбурге рисом (сорочинским пшеном)² :

год	количество	общая стоимость (в руб.)	цена за 1 пуд (в руб.)
1859	3126	6399	2,047
1860	1087	2133	1,962
1860 ³	1577	3230	2, 048
1861	2644	5363	2, 028
1862	1949	4833	2, 480
1863	2717	5451	2,006

¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5282. Л. 9–10 об.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 14 об.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221. Л. 9 об.

² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5282. Л. 28; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 20.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221. Л. 24–24 об.

³ Данные за 1860 г. в источниках противоречивы, приведенные цифры нам представляются наиболее вероятными.

Приложение 4. Суммарный объем кибиточной подачи, взимавшейся российскими властями с казахского населения Оренбургского ведомства :

Год	Число кибиток	Взысканная сумма (в руб.)	Недоимки за предшествующие годы		
			Число кибиток	Сумма недоимок (в руб.)	Общая сумма (в руб.)
1837	ок. 25000				23259,67
1838	ок. 12000				17044,44
1839	ок. 13000				19773,85
1840	ок. 10000				14945,42
1841	ок. 38000				57520,01
1842	ок. 48000				72500,16
1843	ок. 60000				90825,52
1844	ок. 59000				87873,03
1855	104753				
1856	106595	не менее 159891,51		30179,8425	190071,3825
1857	114232	170689,395	5404	8082,33	178780,725
1859	131307	не менее 196960,235		1214,1175	201174,3525
1860	141988	212214,6375	21041	31482,60	243700,2575
1861	148299	221543,2475	16290	24321,8475	245865,095
1862	ок. 166000				249259,06
1863	163197		9951		255058,1375
1864	нет данных				
1865	нет данных				
1866	ок. 160000	ок. 200000			ок. 200000
1867	ок. 160000	ок. 200000			ок. 200000

Приложение 5. Количество переселенцев в годы столыпинской аграрной реформы в Казахстан¹

год	число переселенцев	год	число переселенцев
1906	25100	1912	64088
1907	82692	1913	63838
1908	83207	1914	64920
1909	93519	1915	29072
1910	78209	Итого	673913
1911	89268		

Приложение 6. Масштабы землеотводных работ для переселения в период 1906–1915 гг. (в дес.)² :

колонизацион- ный отдел	передано:		всего отмеже- вано
	<i>в переселенческий фонд</i>	<i>на другие нужности</i>	
Тургайско-Ураль- ский	3150000	1228046	4378046
Акмолинский	3278000	800000	4087000
Семипалатин- ский	2300000	1000000	3330000
Семиреченский	1481558	1723141	3204696
Сыр-Дрьинский и Ферганский	749855	1712410	2462265
всего по Азиат- ской России	28919720	7458326	36378046

¹ Источник: Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг. // ВК. 1917. №20. С. 45–85.

² Источник: Тресвятский В.К. Материалы по земельному вопросу (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области). Пг., 1917. С. 30–31; Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг. // ВК. 1917. № 20. С. 74–78.

Приложение 7. Территориальная структура расселения крестьян-переселенцев в Степных областях¹

год	% к переселенцам в Азиатскую Россию	Акмолинский отдел	Уральско-Тургайский отдел	Семипалатинский отдел	Семиреченский отдел	Сыр-Дарьинский отдел
1906	56,05431	37,2951	13,39943	5,35977	-	-
1907	39,7594	14,3085	22,21789	2,11173	1,12125	-
1908	30,23587	20,9973	5,93656	2,19373	0,2362	0,87212
1909	38,12138	19,696	11,91673	4,14114	1,93829	0,42924
1910	33,64508	9,42243	14,495833	4,94466	4,73433	0,04603
1911	39,33256	14,4679	14,169203	3,96551	6,05049	0,67942
1912	40,94295	14,7973	8,26487	3,89766	8,07321	6,62748
1913	41,75229	14,1926	12,185327	6,51419	5,05504	3,80518
1914	48,08248	13,8063	14,19737	11,517	6,391	2,17082
1915	57,80296	13,9099	13,41684	15,3017	11,8839	3,25082
итог	39,01266	16,0169	12,80053	4,79926	3,90443	1,49703
% к переселенцам в Казахстан						
1906	100	66,5339	23,90438	9,56175	-	-
1907	100	35,9878	55,88086	5,31128	2,8501	-
1908	100	69,4449	19,63416	7,2554	0,78118	2,88437
1909	100	51,6665	31,259957	10,863	5,08453	1,12597
1910	100	28,0108	43,084555	14,6965	14,0713	0,13681
1911	100	36,7836	36,024107	10,082	15,3829	1,72738
1912	100	34,3887	20,186306	9,51972	19,7182	0,16187
1913	100	33,9923	29,18481	15,602	12,1072	9,11369
1914	100	28,7138	29,52711	23,9526	13,2917	4,51479
1915	100	24,0644	23,211337	26,4722	20,5593	5,62397
Итог	100	41,056	32,811	10,008	10,008	3,837

¹ Источник: Тресвятский В.К. Материалы по земельному вопросу (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области). Пг., 1917. С. 30–31; Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг. // ВК. 1917. № 20. С. 74–78.

Приложение 8. Доля сеющих казахских хозяйств в 1907 г. (по данным экспедиции Переселенческого управления)¹

Уезд	Район	Хозяйств	Сеющих		Единиц скота на 1 хозяйство (в переводе на к.р.с.)
			Доля от общего числа (в %)	Средний размер (в дес.)	
Атбасарский	Север	5183	67	1,6	25,6
	Юг	7654	6	0,8	25,6
Кокчетавский	VII–XI, XIII, XIV	3715	55	2,1	20,2
	Остальные	8783	8	1,8	19,9
Кустанайский	Чубарская и Сарайская волости	3280	87,5	7,1	26,4
	Север (без Убаганской волости)	7251	76,7	3,4	23,9
	Юг (с Убаганской, Суюндукской и Джилкуарской волостями)	8944	73,6	2,3	18,2
Актюбинский	Запад	8812	97,3	8	19,2
	Восток	8862	91,6	4,2	17,2

Приложение 9. Динамика численности казахского населения Внутренней (Букеевской) орды (ханства)

Год	Казахов
1802	31105
1825	52000
1857	100000
1868	145795
1870	154505
1897	207299

¹ Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // ВК. 1907. № 1. С. 77.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААУ – Акмолинский аграрный университет
АВПРИ МИД РФ – архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации
АГМ – архив графов Мордвиновых
АГС – архив Государственного совета
АКК – архив князей Куракиных
АН – Академия наук
Архив СПб ИИ РАН – архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
Архив СПбО ИВ РАН – архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук
Асс. – ассигнация
БАН – библиотека Академии наук
ВА – Восточный архив
ВИ – Вопросы истории
В.И.В. – Ваше Императорское Величество
ВК – Вопросы колонизации
ВПР – Внешняя политика России XIX – начала XX вв. Документы Российского Министерства иностранных дел
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГААО – Государственный архив Астраханской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАОрО – Государственный архив Оренбургской области

- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТО – Государственный архив Томской области
Дес. – десятина
Д.м.п. – душа мужского пола
Е.И.В. – Его/ее Императорское Величество
ЗОО – Записки Оренбургского отделения
ЗСО – Записки Сибирского отделения
ИВР – Институт восточных рукописей
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИРИО – Императорское Российское историческое общество
- ство
- Коп. – копейка
КРО – Казахско-русские отношения
Крс – крупный рогатый скот
МВД – Министерство внутренних дел
МГИ – Министерство государственных имуществ
МИД – Министерство иностранных дел
МИКХ – Материалы по истории казахских ханств
МИПС – Материалы по истории политического строя Казахстана
- МКЗ – Материалы по киргизскому землепользованию
МКОП – Материалы по казахскому обычному праву
Мрс – мелкий рогатый скот
МЭиМО – мировая экономика и международные отношения
- НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
- Н.И.В. – Наше Императорское Величество
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
Ок. – около
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОР – отдел рукописей
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив

РГБ – Российская государственная библиотека
РК – Республика Казахстан
РПЦ – Русская православная церковь
Руб. – рубль
РФ – Российская Федерация
Сер. – серебро
Сер. – середина (при обозначении хронологических периодов)
Сер. – серия (для многотомных книжных изданий)
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ХКТ – хозяйственно-культурный тип
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦК – Центральный Комитет
ЦХАФ АК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края

СПИСОК ИМЕН

А

Аббас (Абу-ль-Аббас ас-Саффах) (722–754) – арабский халиф (с 749), основатель династии Аббасидов.

Т. 1: 42.

Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845–1904) – известный казахский поэт-просветитель, философ, переводчик ряда литературных произведений на казахский язык. Был бием и некоторое время волостным управителем. Благодаря популярности и своему ораторскому искусству без поддержки родственников добивался избрания волостными своих близких родственников и друзей. Около десяти лет находился под следствием. Выступал в качестве респондента и эксперта для специалистов Семипалатинского статистического комитета. Сын старшего султана Каркаралинского приказа Кунанбая Ускенбаева. Первым биографом Абая стал Алихан Букейханов.

Т. 1: 34, 342, 390.

Т. 2: 146, 168.

Абашин, Сергей Николаевич – современный российский исследователь, востоковед, историк.

Т. 1: 2, 13.

Т. 2: 2.

Абдаллах (Абдула, Абдулла, Абдуллаххан) II (1533/1534–1598) – хан из династии Шибанидов, сумевший объединить под своей властью весь Мавераннахр. Вел войны с казахскими правителями, часть из которых была подчинена. Вероятно, заключил союз с сибирским ханом Кучумом. Развивал дипломатические отношения с Московским царством.
Т. 1: 68, 69.

Абдрахманова, Бану Мажитовна (1953–2009) – советский, казахстанский исследователь, историк.
Т. 1: 5, 9, 13, 263.
Т. 2: 5, 7, 49, 67.

Абрахманов, Ибрагим – башкирский исламский проповедник сер. XVIII в., сторонник Батырши, считался среди казахов религиозным авторитетом. Для предотвращения возможности присоединения казахов к башкирскому восстанию представители оренбургской администрации рассылали от его имени письма на тюркских языках с призывом отказать от поддержки Батырши.
Т. 1: 413.

Абдулгафар Жанбосынов (1870–1919) – казах из рода кыпчак, потомок биев и батыров, провозглашенный в 1916 г. составшими казахами Тургайской области ханом. В 1918 г. участвовал в работе Съезда Советов в Оренбурге. Позднее отказался сотрудничать с советской властью.
Т. 2: 56.

Абдулкарим бек – правитель Ходжента (Худжанта) в сер. XVIII в.
Т. 1: 136.

Аблай (Абылай, в юные годы – Абилмансур, Абылмансур) (1711–1781) – султан из поколения Жадига, внук влиятельного Аблай-хана, чье имя и принял в качестве символа силы и влиятельности. Владелец ряда поколений Среднего и Старшего жузов, в юном возрасте служил Толе бию, Не-

сколько лет был аманатом у джунгарского хунтайджи. Поддерживал султана Барака в его борьбе с ханом Абулхаиром. Став ханом значительной части казахских родов, долго не соглашался быть утвержденным со стороны Российской империи (утвержден в качестве хана Средней орды). Был утвержден в ханском достоинстве Китаем и среднеазиатскими правителями. Стремился вести активную независимую внешнюю политику. Стал героем многих устных сочинений и преданий. Построенный в XIX в. для старшин султанов дом в Петропавловске в народе называли Белым домом Аблай-хана. В настоящее время его деятельность серьезно мифологизирована, а его имя стало символом независимости и могущества Казахстана.

Т. 1: 53, 59, 97, 119, 123, 126, 134, 140, 144, 149, 151, 152, 164, 270, 411.

Т. 2: 29, 34, 36, 40, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 74, 142, 143, 153.

Абулгазиев, Арда – казахский султан, утвержденный Азиатским комитетом в 1826 г. султаном-правителем Средней части Меньшей орды, родной брат султана (хана) Арынгазы Абулгазиева.

Т. 2: 49.

Абулгазиев, Арынгазы (Арунгази, Арингазы, Арингази) (1783–1833) – султан Младшего жуза. Вел активную борьбу с Хивой, для чего даже пытался использовать дипломатические экспедиции российских властей, чем обострил взаимоотношения Российской империи с этим среднеазиатским ханством. В 1816 г. частью казахов Младшего жуза был признан ханом. Добивался признания этого статуса со стороны российских властей и был поддержан губернатором П. К. Эссеном, но не утвержден правительством. В подведомственных подразделениях вводил шариатское право, пытался ввести регулярное налогообложение и институт тарханства, дававшие пожизненное освобождение от налогов. Активно интриговал против признанного правительством ханом Младшего жуза Ширгазы Айчувакова. Был сослан в Калугу,

где и умер. Остался в народной памяти в произведениях устного творчества.

Т. 1: 38, 209, 408.

Т. 2: 34, 45, 46, 47, 48, 49, 51.

Абулгазы Каипов (Абулгазы-хан, Абилгазы, Абуль-Гази-хан III, Абилгазы III) (XVIII в. – 1815) – казахский султан из поколения Жади́га, сын хана Каипа. Был признан частью казахов Младшего жуза ханом (с 1794), но не утвержден в этом достоинстве российской администрацией. Хан Хивинского ханства (1767–1768). Хан каракалпаков (в 1790-х). Некоторое время вел борьбу с Хивой. Отец султана (хана) Арынгазы Абулгазиева.

Т. 2: 34.

Абулмамбет (Абулмамбетъ, Абдулмамбет, Абульмамбет, Абдул-Магомбет, Абул-Магмет, Абилмамбет) (ок. 1690–1771) – казахский султан из поколения Жади́га, сын султана/хана Булата, внук Тауке-хана. Избран ханом Среднего жуза в 1734 г. С переменным успехом вел борьбу против джунгар, в чем безуспешно пытался опереться на помощь со стороны российских властей. В то же время в 1741 г. признал номинальную зависимость от западно-монгольских правителей, отправив к хунтайджи аманатов из числа собственных сыновей и знатных казахов. Сложно складывались его отношения с ханом Младшего жуза Абулхаиром, сын которого был фактическим правителем одного из племен Среднего жуза, но часть родов Среднего и Старшего жузов некоторое время признавали приоритет Абулмамбета. Постепенно Абулмамбет утратил реальную власть в Среднем жузе. Фактически сильнейшими владетелями здесь стали султаны сначала Барак, а затем Аблай. В 1740 г. в Оренбурге Абулмамбет с султанами и старшинами Среднего жуза принял российское подданство, но далеко не всегда выполнял условия договоренностей с российскими властями. Впрочем, представители губернской и линейной администрации были к трактовке договоренностей также весьма гибки. Вел борьбу с собственными родственниками за владение

г. Туркестаном и в этой борьбе в конечном итоге уступил. Ханскую власть по наследству передать не смог, после его смерти ханом был избран султан Аблай.

Т. 1: 87, 97, 118, 123, 125, 126, 127, 132, 135, 140.

Т. 2: 43, 57, 63.

Абулхаириды – потомки хана Младшего жуза Абулхаира.

Т. 1: 144, 147.

Т. 2: 38.

Абулхаир-хан (Абул Хаир, Абу эль Хайр, Абулхайр, Эбулхаир, Абулгаир, Абилхаир, Абулхаир Мухаммед Гази Бахадур-хан) (1693–1748) – Чингизид из поколения Осека. Казахский полководец, возглавивший с 1726 г. антиджунгарское ополчение, став одним из самых влиятельных владетелей. В 1730 г. ополчение одержало значимую победу в Анракайской битве, позволившую сохранить независимость от джунгар Младшему и Среднему жузам (Старший жуз с 1735 г. признал власть хунтайджи). В 1718 г. был выбран ханом казахов Младшего жуза. Периодически в период 1724–1739 гг. его ставкой был г. Туркестан, который затем стал ставкой Жадигидов – Абулмамбета и его потомков. В 1730 г. направил посольство в Россию с просьбой о приеме казахов в российское подданство, которая была удовлетворена императрицей Анной Иоанновной в 1731 г. 10 октября 1731 г. Абулхаир с ближайшим окружением принес присягу на верность. Добивался защиты от калмыков и джунгар. Обязывался охранять караваны, идущие через казахскую степь, и не нападать на русские поселения и подданных Е.И.В. Однако казахи периодически при его попустительстве или при непосредственном участии нападали на поселения башкир, калмыков и грабили караваны, травили посевы. В ответ получали набеги со стороны башкир и калмыков, а также воинские поиски со стороны казаков. Абулхаир добивался строительства для него укрепления, рассчитывал на то, что таким мог бы стать Оренбург, Орск или вновь построенный город, например, на Урале, Эмбе или в глубине степи. Также считал важным перенести Меновый двор, где велась

русско-казахская и транзитная торговля, далее от Оренбурга вглубь степи. В этих просьбах ему было отказано. В то же время Абулхаир несколько раз отказывался от предложения строительства ему стационарного жилища и хозяйственных построек на берегу Урала (фактически неукрепленного поселения). У Абулхаира сложились доверительные отношения с А. И. Тевкелевым, но напряженные с первым оренбургским губернатором И. И. Неплюевым. Правительство в споре хана и губернатора поддержало Неплюева. Во внешней политике проводил антиджунгарскую линию и все же периодически направлял своих детей и знатных казахов из Младшего жуза в качестве аманатов к правителям Джунгарии. Вел борьбу за хивинский престол, куда приглашали как его самого, так и его сына. Имел торговые контакты с Бухарой. Во внутриказахской борьбе за верховенство власти Абулхаир вел многолетние распри с представителями поколения Жадига, особенно с султаном Бараком. В одной из междоусобных стычек со сторонниками Барака Абулхаир был убит. В XVIII–XIX вв. частью казахов Абулхаир почитался как святой, а его могила являлась местом паломничества. Самым известным биографом Абулхаира была И. В. Ерофеева.

Т. 1: 43, 44, 54, 72, 73, 80, 82, 83, 85, 87, 89, 95, 96, 97, 116, 117, 118, 119, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 148, 149, 150, 419, 420.
Т. 2: 27, 28, 31, 33, 34, 34 (прим.), 35, 37, 41, 43 (прим.), 48, 53, 56, 167.

Абу-л-Хайр Фазлаллах (Фазлуллах) бен Рузбихан ал-Хуинжи ал-Исфахани ал-Амини (ибн Рузбехан Исфахани) (1457–1521) – средневековый персидский историк и поэт.

Т. 1: 405.

Адалев, Аблай (Адилев, Аблай) – влиятельный казахский султан Старшего жуза (сер. XIX в.), принявший подданство Российской империи, но продолжавший нападения на путешественников, один из немногих ростовщиков в XIX в.

Т. 2: 74.

Адалев, Иргалы (Адилев, Иргалы) – казахский султан Старшего жуза, принявший подданство Российской империи, но продолжавший нападения на путешественников, один из немногих ростовщиков в XIX в.

Т. 2: 74.

Аблайханов, Адиль – казахский султан из поколения Жадина, потомок хана Аблая, ему подчинялись несколько родовых подразделений Старшего жуза в нач. XIX в.

Т. 2: 74.

Адамс, Джон Куинси (John Quincy Adams) (1767–1848) – американский государственный деятель. Посол США в России (в 1809–1814). Шестой президент США (1825–1829).

Т. 1: 341.

Айтеке бий (Айтек бий, Айтеке би Байбекулы) (ок. 1644–1700) – представитель рода торткара, поколения алчин (алшин), получил образование в Бухаре или Самарканде. В 1670-х гг. стал самым уважаемым бием Младшего жуза и приближенным хана Тауке. Считается одним из составителей устного свода законов – Жеті Жаргы (ок. 1684). Активный участник антиджунгарских войн. Был признанным батыром. Владел арабским, персидским, чагатайским и узбекским языками. Прославленный степной оратор, по преданию выигравший словесный поединок у джунгарского правителя.

Т. 1: 59.

Айчувак (Айшуак) (ок. 1727–1810/1812) – Чингизид из поколения Осека, третий сын хана Младшего жуза Абулхайра. Некоторое время находился в Орске в качестве аманата у русских властей. В 1750 г. руководил успешным походом на приаральских каракалпаков. После смерти хана Иши-ма (Есима) в 1797 г. возглавил Ханский совет, созданный по инициативе губернатора О. А. Игельстрема в качестве органа, способного заменить хана. Но в том же году был утвержден в ханском достоинстве российскими властями. Особой властью и популярностью не пользовался. Боль-

шинство исследователей считают его марионеткой в руках оренбургской администрации. Пытался участвовать в борьбе за влияние в степи, но уступил конкурентам. Искал защиты на внутренней стороне Урала, в том числе в русских крепостях. В 1805 г. письменно отказался от ханского звания в пользу своего сына – султана Жан-Торе. Вопрос этот не до конца изучен, есть предположение, что письмо было подложным.

Т. 1: 120, 140, 143, 166, 193.

Т. 2: 35, 42, 43, 43 (прим.), 44, 45.

Акашкар Кичкентаев (Аккошкар Кишкентаев) – есаул, волостной управитель, затем – заседатель Атбасарского окружного приказа в 1859–1866 гг. По сведениям современников, весьма богатый человек.

Т. 2: 70, 71.

Александр I Благословенный (Александр Павлович Романов) (1777–1825) – российский император с 1801 г.

Т. 1: 195 (прим.), 212, 215, 229.

Т. 2: 47.

Александр II Освободитель (Александр Николаевич Романов) (1818–1881) – российский император с 1855 г.

Т. 1: 310, 311, 311 (прим.).

Александр II (Александр – царь Иверской) (1527–1605) – царь Кахетии (1574–1601, 1602–1605). Искал сближения с Россией. В 1587 г. был заключен союз, в 1589 г. получил от русского царя подтверждение о поддержке. В некоторых русских дипломатических источниках указывается в качестве вассала московских царей.

Т. 1: 69.

Алексей Михайлович Тишайший (Романов) (1629–1676) – русский царь (с 1645), сын первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича Романова, отец императора Петра I.

Т. 1: 69.

Али (602–661) – четвертый арабский халиф (с 656), зять пророка Мухаммеда (муж его дочери Фатимы).

Т. 1: 55, 55 (прим.), 404.

Алим-Чуман – во второй половине XIX в. старшина из поколения алимулы.

Т. 1: 37.

Алиханов-Аварский, Максуд (Александр Михайлович) (1846–1907) – происходил из дагестанских аварцев, находившихся на российской военной службе. Его отец был генералом русской армии. В детстве был аманатом (заложником) у Шамиля. Карьера развивалась по военной и административной линиям. Мервский окружной начальник, губернатор Тифлиса, участник многочисленных военных походов, в том числе в Среднюю Азию. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Кавалер многих орденов. Автор популярного в последней трети XIX в. описания «Поход в Хиву», содержащего интересные исторические и этнографические сведения о прикаспийских казахах, и других произведений.

Т. 2: 78.

Алтынсарин, Ибрай (Ыбырай, Ибрагим) (1841–1889) – представитель рода узун племени кыпчак, потомок бия. Окончил школу-интернат при Оренбургской пограничной комиссии. Далее поступил на службу, дойдя до чина статского советника. С 1879 г. – инспектор казахских школ Тургайской области. Педагог-реформатор, использовавший систему Ильминского, предполагавшую в том числе использование кириллического алфавита и открытие туземных (народных) школ. Автор кириллического алфавита для казахского языка и ряда учебников. Второй казах – член императорского Русского географического общества.

Т. 1: 451, 452.

Т. 2: 117.

Алтынсары Тогумов (А-ле-таньша-ла – кит. источников) (1793–1874) – казахский султан, последний признанный китай-

скими властями хан казахов Среднего жуза. Был признан ханом казахами Синьцзяна (в 1827). Позднее продал свои регалии и грамоту, полученные от цинских посланников, и откочевал в Кокчетавский внешний округ, отказавшись от притязаний на ханское достоинство.

Т. 2: 63.

Амельяновы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Андреев, Сергей Михайлович (1966–2013) – советский, российский историк, специалист по истории казачества.

Т. 1: 112.

Андреевский (Андриевский), Степан Семенович (1760–1818) – уроженец Черниговской губернии. В 1786 г. был направлен врачом в Уфимскую губернию. Исследовал и разработал методы борьбы с сибирской язвой, причем для исследований прививал болезнь себе самому. Деятельность была высоко оценена, и он стал членом Медицинской коллегии (с 1794 – директор). Учредил медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (директор в 1804–1808). С 1807 г. переведен в Министерство финансов. В 1811–1818 гг. – астраханский губернатор. Награжден двумя орденами. Действительный статский советник. При его доме в Астрахани некоторое время воспитывался молодой Джангир – будущий хан Букеевской орды.

Т. 1: 234.

Анна Иоанновна (Анна Ивановна Романова) (1693–1740) – российская императрица (с 1730), при которой в 1730–1731 гг. начался процесс присоединения Казахстана к Российской империи.

Т. 1: 82, 115, 412.

Анненков, А. – депутат Большого Собрания Уложенной комиссии от Ливенского дворянства.

Т. 1: 159.

Апухтин, Аким (Иоаким) Иванович (1723–1792) – генерал-поручик, член Военной коллегии, позднее – симбирский и уфимский генерал-губернатор, при образовании ведомства исполнявший обязанности всего неделю с 17 по 24 мая 1782 г. Затем занимал должность генерал-губернатора в 1783–1784 гг. Являлся представителем так называемого жесткого курса. Выступил инициатором создания Оренбургского пограничного суда под руководством генерал-губернатора. Причину начала движения Срыма Датова видел в «природной склонности к воровству» казахов. Отдал распоряжение об усилении линейных войск. При нем для казахов было построено 4 мечети: близ Оренбурга (у Менового двора), в Верхнеуральске, Троицке и Петропавловске. Дал разрешение хану Нуралы на хадж в Мекку при условии снятия с себя ханского достоинства и выдвижения «достойного заместителя». Хан при таких условиях от паломничества отказался.

Т. 1: 181.

Аракчеев, Алексей Андреевич (1769–1834) – граф, российский военный и государственный деятель, генерал от артиллерии, в 1808–1809 гг. – военный министр, с 1811 г. – председатель департамента военных дел Государственного совета Российской империи. В последнее десятилетие царствования императора Александра I имел огромное влияние на принятие решений на высшем уровне.

Т. 1: 256.

Аракчеев, Владимир Анатольевич – современный российский исследователь, историк, архивист.

Т. 1: 13.

Т. 2: 7.

Арапов, Дмитрий Юрьевич (1943–2015) – советский, российский исследователь, историк, исламовед.

Т. 1: 9.

Арапов, Матвей – российский посланник к султану Бараку, посещавший его в Ташкенте и пригородах в конце 1740-х гг.
Т. 1: 147.

Араслан Джантюрин (Арслан Джантюрин) – представитель казахского дворянского рода Джантюриных, управляющий Средней части Меньшей орды. Занимая эту весьма высокую должность, он совершенно не умел читать и писать.
Т. 2: 74.

Артыкбаев, Жамбыл Омарович – современный казахстанский исследователь, историк, этнограф.
Т. 2: 16, 16 (прим.).

Аршинский, Богдан Павлович – вероятно, потомок Павла Аршинского из так называемого литовского списка, об этническом происхождении которого ведутся споры. Тобольский письменный голова. Купец, торговавший русскими товарами с калмыками и казахами, а также с линейными жителями солью, добывавшейся в Ямышевском озере в XVII в. Принимал участие в войнах с Кучумом и Кучумовичами. Занимался сбором ясака с сибирских народов. Привел к присяге сибирских татар, живших вокруг оз. Чаны. Имеется свидетельство о его причастности к торговле невольниками. Участвовал в ряде дипломатических миссий к джунгарам. Дослужился до звания атамана.
Т. 1: 78.

Ахмет (Ахмед) Джантюрин (Жантурин, Жанторин) (1810–1851) – казахский султан, представитель поколения Жади-га, потомок правившего в Хиве Каип-хана. В 1841 г. избран султаном-правителем Восточной части Меньшей орды в звании полковника. Участвовал в подавлении восстаний Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, Кенесары Касымова и Исета Кутибарова. По многочисленным свидетельствам, был чрезвычайно корыстолюбив. Часто считают родным братом Арслана Джантюрина, но последний являлся потомком хана Жанторе – Абулхаирида и Осекида соответствен-

но. Был грамотен по-русски. Своего сына и ближайших родственников по мужской линии отдал на обучение в Неплюевское училище. Дважды участвовал в казахских депутациях к императорскому двору. Имел правительственные награды, в том числе ордена. Русский дворянин.

Т. 2: 74, 153.

Аштарханиды (джаниды) – узбекская династия, правившая в Бухарском ханстве. Свое происхождение вели от тринадцатого сына Джучи – Тука-Тимура (Тукай-Тимура). С казахскими владетелями отношения были многосторонними и сложными, от союзов до взаимного покровительства. Часть родовых подразделений казахов на протяжении XVI–XIX вв. периодически признавала над собой власть Аштарханидов.

Т. 1: 70.

Б

Бабаджанов, Караулходжа (Караул-Ходжа, Караул Ходжа) – тесть хана Джангира, управляющий родом адай, позднее – еще и нового образования из теленгутов, есаул, имел тесные связи с астраханскими купцами и татарскими муллами, один из крупнейших землевладельцев Букеевской орды, своей деятельностью вызывал особое недовольство казахских шаруа, поднявших восстание во главе с Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым. Известно, что отказался от личного поединка с Исатаем. Потомки по мужской линии стали русскими чиновниками и военными, но большей части земель были лишены в середине XIX в.

Т. 1: 222.

Баймурат Байборов (Байбориулы) (первая половина – середина XVIII в.) – происходил из рода жаппас, батыр, старшина родов алтын и жаппас. Участник антиджунгарских войн. Первоначально выступал против принятия казахами во главе с Абулхаир-ханом подданства Российской империи, но позже примирился с ханом и принес присягу на верность России. Оказал поддержку Нуралы при выборе того ханом

Младшего жуза после смерти его отца – Абулхаира. Затем поддержал Аблая, участвуя с ним в набегах на соседние племена и народы. Вероятно, погиб в схватке с киргизами в 1760-х гг. В роде жаппас существует подразделение баймурат. Есть небольшая река, которую в XVIII–XIX вв. называли Баймурат, связывая с переселившимся на нее казахом.
Т. 1: 116.

Баймамбет Айчуваков (Баймухамед, Баймагамбет Айшуаков) (1790(?)-1847) – Чингизид, сын хана Айчувака, признанного в этом достоинстве российским правительством. Длительное время находился на службе, став генерал-майором (в 1847). В 1815 г. возглавил управление племенем Младшего жуза жетыру. Был первым султаном-правителем Западной части Зауральской орды. Участвовал в подавлении выступлений Жоламана Тленчиева, Исатая Тайманова и Кенесары Касымова. Во главе вооруженного отряда из 250 человек принимал участие в первом (неудачном) походе на Хиву В. А. Перовского. По многочисленным свидетельствам, был весьма корыстолюбив. Все дети получили русское образование, причем сыновья поступили на военную службу. Получил наследственное дворянство.

Т. 1: 415.

Т. 2: 74.

Баймухамедовы – казахский мусульманский дворянский род.
Т. 1: 416.

Байтокины – казахский мусульманский дворянский род.
Т. 1: 416.

Байтурсынов (Байтурсунов), Ахмет (1872/1873–1937) – казахский политический и государственный деятель, начинавший карьеру в качестве учителя. Главный редактор газеты «Казак» – оплота казахского автономизма в начале XX в. В 1914 г. отбывал наказание в тюрьме. Один из создателей партии Алаш и западного крыла правительства Алаш-орды. Одним из первых начал сотрудничать с Советской вла-

стью, вступил в большевистскую партию. Лично знаком с В. И. Лениным, с которым встречался и вел переписку. С 1919 г. – член Кирревкома – первого официального органа управления Казахстана. В 1920–1921 гг. первый народный комиссар просвещения Киргизской АССР. Ученый, просветитель, поэт, публицист, реформатор национальной письменности, основоположник казахской лингвистики и литературоведения. Арестовывался в 1929 г., а затем в 1937 г. Расстрелян как «враг народа». Реабилитирован посмертно. В настоящее время Ахмет Байтурсынов является одним из символов независимости Казахстана, его именем называют улицы, площади, библиотеки и т.п. Вместе с тем его личность и творческое наследие требуют дальнейшего изучения. Многие его труды не введены в научный оборот, в том числе хранятся в ГА РФе. Первым биографом Ахмета Байтурсынова был И. Омаров.

Т. 1: 18, 179, 369 (прим.), 390.

Байсынкареев, Казбек – казахский старшина, принявший подданство Российской империи в 1812 г., по просьбе которого на Иртыше была построена мечеть в 1818 г., осевший рядом с нею в 1820 г.

Т. 1: 419.

Бакунин, Петр Васильевич (Большой, старший) (1734–1786) – тайный советник, государственный деятель, дипломат, член Коллегии иностранных дел. Кавалер нескольких орденов. Член Российской академии наук.

Т. 1: 176.

Балкашин, Николай Никанорович (1840–1887) – писатель, чиновник Министерства внутренних дел, дипломат. Участвовал в подготовке нескольких важных законов и кодексов, касавшихся управления в Степном и Туркестанском краях. В 1875–1882 гг. – чиновник по особым поручениям при Главном управлении Западной Сибири. С 1882 г. – русский консул в Чугучаке. Автор многочисленных литературных

и научных трудов, в том числе по истории, экономике и этнографии казахского народа.

Т. 1: 26, 349, 439, 453.

Т. 2: 16, 61, 116.

Баллюзек, Лев Федорович (1822–1879) – родился в Германии, генерал-лейтенант русской армии. В 1865 г. был назначен начальником областного правления Области оренбургских киргизов (в чине генерал-майора) и первым военным губернатором Тургайской области. Выступал за просвещение и развитие грамотности среди казахов. Участник дипломатических миссий в Китай и Японию. Был первым российским дипломатическим представителем в Китае. Участвовал в военных действиях на Кавказе и в Крымской войне. Первый председатель Оренбургского отдела императорского Русского географического общества (избран заочно). Награжден несколькими российскими орденами. Автор нескольких трудов по демографии, этнографии, обычному праву казахов. Под его руководством был собран первый серьезный свод материалов по обычному праву казахов Младшего жуза. Им предлагалось включить элементы кодифицированного обычного права казахов в систему имперского (на уровне местного) управления и судопроизводства. Т. 1: 296, 319.

Барабаш, Яков Федорович (1838–1910) – уроженец Псковской губернии. Военный и государственный деятель. Долгое время служил в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Посещал Ургу. В 1899–1906 гг. – оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска. С 1906 г. – член Государственного совета. Дослужился до чина генерала от инфантерии. Выступал за развитие коммуникаций в Азиатской России, в том числе за расширение сети железных дорог. Поддерживал развитие народного образования среди казахов. Считал целесообразным ограничение земельных изъятий на территориях, населенных казахами-кочевниками, одновременно считал прогрессивным оседание казахов на землю.

Т. 1: 350, 367, 369, 369 (прим.), 376, 451.

Т. 2: 116.

Барак (Кырыксан Барак султан, Барак хан, Малый Барак, Барак султан, Султан Барак батыр) (ум. 1750) – казахский султан, представитель поколения Жадига. Был одним из влиятельнейших султанов в Среднем жузе в 1730–1740-х гг. Его власть распространялась также на ряд родов Старшего и Младшего жузов. В 1748 г. его сторонники убили хана Младшего жуза Абулхаира. В 1749 г. был провозглашен ханом казахами нескольких поколений, но не был признан российским и другими правительствами. Активный участник антиджунгарских войн. Участвовал в борьбе за обладание присырдарьинскими городами. В 1740 г. принял подданство Российской империи, но направлял аманатов к джунгарам. С оренбургскими и сибирскими властями отношения в разные периоды то активизировались, то ослабевали. Официально подданство принял в 1740 г., когда, по мнению первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева, был самым сильным владельцем среди казахов. В источниках упоминается с 1720-х гг., поэтому родился, скорее всего, на рубеже XVII–XVIII в. Был отравлен. Похоронен в мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави, где традиционно хоронили казахских ханов. Его потомки были видными султанами (Букей был признан российскими властями ханом Среднего жуза), а также крупными политическими и государственными деятелями, самым известным из которых является Алихан Букейханов. Потомков Барака иногда именуют Баракидами, но пока в науке этот подход не устоялся. Деятельность Барака нашла отражение в казахских кяхах и преданиях.

Т. 1: 54, 123, 126, 127, 132, 134, 135, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 184, 411.

Т. 2: 34, 36, 40, 57.

Баракиды – потомки казахского султана (хана) Барака (неустоявшийся в науке термин).

Т. 1: 147.

Бартольд, Василий Владимирович (1869–1930) – выдающийся русский, советский исследователь, востоковед, тюрколог, арабист.

Т. 1: 376.

Басин, Валентин Яковлевич (1921–1985) – советский исследователь, один из выдающихся историков, занимавшихся изучением истории Казахстана и Центральной Азии нового времени.

Т. 1: 94, 164.

Баскин, Марк Петрович (1899–1964) – советский философ, автор многочисленных работ по истории философии Просвещения.

Т. 1: 156.

Батеньков Гавриил Степанович (1793–1863) – уроженец Тобольска. Участник антинаполеоновских войн. Инженер путей сообщения Сибирского округа. Помощник М. М. Сперанского в его сибирских реформах, приглашенный по их итогам работать в Санкт-Петербург. Дослужился до чина майора. Декабрист. Был отправлен в ссылку. Амнистирован в 1856 г. Известный русский писатель.

Т. 1: 256.

Батур-хунтайджи (Эдени-батур, Эрдень-батур) (Хото-Хоцин-Батур) (ум. 1653) – происходил из западно-монгольского племени чорос. Старший сын Хара-Хулы, главного тайши ойратского союза, на основе которого и возникло Джунгарское государство, первым правителем которого стал Батур-хунтайджи (ок. 1635). В 1637 г. Далай-лама V за поддержку во внутритибетских распрях признал его хунтайджи. При нем и его потомках происходила активная экспансия джунгар на соседние земли, в том числе на земли, ранее занимавшиеся казаками, а также в южносибирские районы. Также происходила серьезная централизация власти: создавалось регулярное войско, упорядочивался сбор налогов,

потом произошла и кодификация и письменная фиксация законодательства.

Т. 1: 70.

Батыр-султан (ум. 1771) – султан из поколения Жадига. Сын хана Каипа, правившего параллельно с Абулхаиром, отец хивинского хана Каипа. Правил в племенном союзе алимулы (Младший жуз), большую часть времени не признавал власть хана Абулхайра. Есть свидетельства, что был поднят на белой кошме, но российскими властями в статусе хана не был признан. Был одним из самых влиятельных султанов в середине XVIII в.

Т. 1: 131, 140, 142, 144.

Батырша (*Батыршаа*, *Габдулла Галиев*) (1710–1762) – мулла, идеолог и предводитель башкирского восстания (1755–1756).

Т. 1: 148, 413.

Бахметьев, Николай Николаевич (*Бахметев 1-й*) (1772–1831) – уроженец Курской губернии. В 1798–1803 гг. – оренбургский военный и гражданский губернатор. Позднее был губернатором в нескольких других губерниях Российской империи. Слыл человеком суровым. При нем казаками был разграблен лишь один караван (1799). Уральское казачество также было недовольно новыми порядками, введенными губернатором, усиливавшими дисциплину и ответственность. Предложил императору Павлу I преобразовать Оренбургскую пограничную экспедицию в комиссию пограничных дел и упразднить Пограничный суд. Отличился в Отечественной войне 1812 г. Участник войны со Швецией. Награжден орденами. С 1815 г. – на гражданской службе.

Т. 1: 207.

Бахтурина, Александра Юрьевна – современный российский исследователь, историк.

Т. 1: 394.

Бахрушин, Сергей Владимирович (1882–1950) – российский и советский исследователь, историк, сибириевед, член-корреспондент Академии наук СССР. В 1931–1933 гг. преподавал в Семипалатинске.

Т. 1: 112.

Бахтыгиреев, Шотай – казахский султан, султан-правитель Восточной части Меньшей орды (1836–1841), уволенный за взятки.

Т. 2: 69.

Баяна – одна из жен хана Абулхаира, этническая калмычка.

Т. 1: 144.

Бегали султан – султан Букеевской орды, один из крупных землевладельцев.

Т. 1: 222.

Безак, Александр Павлович (1800–1868) – видный военный и государственный деятель с опытом дипломатической службы. Родился в Санкт-Петербурге в семье крупного чиновника. Участвовал в Русско-турецкой и Крымской войнах. В 1860 г. назначен командиром отдельного Оренбургского корпуса и оренбургским и самарским генерал-губернатором. С 1865 г. – генерал-губернатор Юго-Западного края. При нем были взяты крепости Яны-Курган, Аулие-Ата, Туркестан и Чимкент. Фактически были соединены сибирские и уральские линии за счет создания сырдарьинской линии. Кавалер многих орденов. В Оренбурге ему установлен бюст.

Т. 1: 242, 301, 312, 313, 314, 315, 321, 327, 339.

Т. 2: 11, 73 (прим.).

Безбородовы – графский род Российской империи. В том числе владели землями в Прикаспийском регионе, соседствуя с букеевскими казахами, которым сдавали свои дачи в аренду.

Т. 1: 223, 224.

Безбородко, Александр Андреевич (1747–1799) – видный российский государственный деятель, граф (с 1797), выходец из украинских казачьих старшин. Руководил внешней политикой Российской империи после Н. И. Панина (с 1781). С 1797 г. канцлер. Член Российской академии наук.
Т. 1: 174, 176.

Безбородко, Анна Ильинична (урожд. Ширий) (1766–1824) – графиня (с 1797), супруга действительного тайного советника, сенатора (младшего брата канцлера А. А. Безбородко) И. А. Безбородко, крупная помещица Астраханской губернии, владевшая дачами в Прикаспии, сдававшимися в аренду казахам-букеевцам.
Т. 1: 224.

Безвиконная, Елена Владимировна – современный российский исследователь.
Т. 1: 257, 344.

Бекмаханов, Ермухан Бекмаханович (1915–1966) – известный советский историк, подвергавшийся репрессиям, первый профессиональный исследователь движения Кенесары Касымова.
Т. 1: 288, 433.

Бекмаханова, Наиля Ермухановна – современный советский, российский исследователь.
Т. 1: 9, 103, 291.
Т. 2: 10.

Бекметьев, Арслан (XVIII в.) – казах, находившийся на службе оренбургской администрации при губернаторе И. И. Неплюеве.
Т. 2: 35.

Бекмохамедовы – казахский мусульманский дворянский род.
Т. 1: 416.

Бекович-Черкасский, Александр (Девлет-Гирей-мурза) (ранее 1688–1717) – потомок кабардинских князей, принявший православие, русский князь, военный, топограф, дипломат. С 1715 г. – капитан. Возглавлял дипломатическую экспедицию в Хиву 1716–1717 гг. Казнен по приказу хивинского Шергази-хана (Шебанида) почти со всем отрядом. Его гибель вошла в поговорку («пропал как Бекович»). Основал ряд укреплений, часть из которых были скрыты, а часть использовались позднее хивинцами вплоть до завоевания Хивы Россией. Автор первой карты восточного побережья Каспийского моря. Экспедиция Бековича-Черкасского – первая военно-дипломатическая экспедиция Российской империи, проходившая через территории, населенные казахами.

Т. 1: 75, 76, 76 (прим.).

Белдыбек – правитель одного из среднеазиатских владений в XVIII в.

Т. 2: 142.

Беневени, Флорио – итальянец, состоявший на российской службе в 1708–1727 гг. В 1718 г. руководил Ориентальной комиссией. В 1718–1725 гг. возглавлял дипломатическую миссию через Персию в Бухару, где был задержан властями. Бежал в Хиву, откуда через казахские степи возвратился в Россию. В 1727 г. вернулся в Италию. Описание его экспедиции опубликовано несколько раз и является важным письменным источником по истории Центральной Азии и внешней политике Российской империи первой четверти XVIII в.

Т. 1: 77.

Бенкевич, А. – русский исследователь Центральной Азии рубежа XIX–XX вв. Являлся противником принятия Степного положения 1891 г., которое, по его мнению, не соответствовало интересам местного населения.

Т. 1: 19, 333, 373, 374, 448.

Т. 2: 106, 130.

Беркимбаевы – казахский мусульманский дворянский род.
Т. 1: 416.

Бершак, Юлия Константиновна – современный российский востоковед, историк.

Т. 1: 13.

Т. 2: 7.

Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович (1693–1766) – уроженец Москвы. Происходил из одного из самых влиятельных родов России. Видный государственный деятель, дипломат, граф (с 1742). В 1740 г. стал кабинет-министром, в 1741 г. – вице-канцлером, с 1744 г. – канцлером. В 1758 г. лишен званий и титулов за вывод войск из Западной Европы в период болезни императрицы Елизаветы Петровны. В 1759 г. был сослан в свое имение в Можайском уезде Горетово. Реабилитирован Петром III. При Екатерине II стал генерал-фельдмаршалом и первоприсутствующим в Сенате. Благодаря СМИ, кино и телевидению фигура А. П. Бестужева-Рюмина чрезвычайно популярна, но в то же время мифологизирована.

Т. 1: 133.

Бигеев, Муса Ярулович Эфенди (1873–1949) – татарский философ, джадид. В 1908–1912 гг. работал в медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Издатель и переводчик мусульманской и светской литературы. В политическом отношении поддерживал создание мусульманской автономии в составе России, в том числе советской. В начале 1930-х гг. эмигрировал, жил в нескольких странах. Похоронен в Каире.

Т. 1: 460.

Бирон, Эрнст Иоганн (Ernst Johann von Biron) (1690–1772) – выходец из остзейских дворян. В России с 1730 г. Фаворит императрицы Анны Иоанновны. Один из влиятельнейших людей своего времени. После смерти императрицы – регент при малолетнем императоре Иване IV Антоновиче. По обвинению в узурпации власти был приговорен к смерти,

но казнь была заменена пожизненной ссылкой. Помилован Петром III. При Екатерине II стал герцогом курляндским. По многочисленным свидетельствам, был человеком крайне корыстолюбивым. Период и способ его фактического правления при Анне Иоанновне и в качестве регента получил в историографии название «бироновщина», и трактуется в качестве периода засилья иностранцев и ужесточения полицейских репрессий.

Т. 1: 92.

Бланкенагель, Егор (Георгий) Иванович (1750–1813) – уроженец Вестфалии. В 1793 г., будучи майором, через степи, где кочевали казахи Младшего жуза, посетил Хиву. Записки о путешествии многократно публиковались. Занимался ирригацией. Архитектор. В 1802 г. совместно с Я. С. Есиповым запустил первый в России сахарный завод (переработка свеклы), в том числе рафинадный цех, но из-за роста конкуренции (через 8 лет в губернии действовало уже 10 заводов) разорился, серьезно заболел и умер. Правительство долг с наследников списало. Дослужился до чина генерал-майора. Георгиевский кавалер.

Т. 1: 45, 62.

Бларамберг, Иван (Иоганн) Федорович (1800–1878) – известный русский путешественник, топограф. В 1856–1863 гг. – директор Военно-топографического депо, затем – управляющий Военно-топографической частью ГУ Главного штаба и в 1866–1867 гг. – начальник Корпуса военных топографов. В 1840–1850-х гг. служил в Оренбурге. Участвовал в экспедиции в Хиву и штурме Ак-Мечети. В своих воспоминаниях оставил многочисленные сведения об этнографии казахского народа. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Кавалер многих орденов.

Т. 2: 87.

Бобровников, Владимир Олегович – современный российский исследователь, историк, востоковед, исламовед.

Т. 1: 13.

Т. 2: 7.

Богатуров, Алексей Демосфенович – современный российский исследователь в области истории и теории международных отношений.

Т. 1: 5, 13.

Т. 2: 5, 7.

Болтабай батыр (Болтябай-батырь) (XVIII в.) – батыр из окружения хана Семеке. Выполнял военные и дипломатические поручения, в том числе по взаимоотношению с русскими линейными властями и джунгарскими владельцами.

Т. 1: 88.

Боронин, Олег Валерьевич (1970–2023) – российский исследователь, историк, востоковед.

Т. 2: 114.

Брем, Альфред Эдмунд (Alfred Edmund Brehm) (1829–1884) – немецкий путешественник, посещавший в 1877 г. Сибирь, Степной край и Туркестан. Автор многочисленных трудов по зоологии и географии.

Т. 1: 28, 407.

Броневский, Семён Богданович (1786/1787–1858) – уроженец Тульской губернии, в 1808 г. в чине подпоручика направлен служить в Сибирь в качестве адъютанта генерала Глазенапа, назначенного в тот же период инспектором сибирских войск и начальником сибирских линий. С 1814 г. – атаман Сибирского линейного казачьего войска, по особому представлению сибирского члена Сибирского комитета М. М. Сперанского в 1823 г. получил чин полковника, в том же году стал основателем и первым начальником Омской области. В 1827 г. стал генерал-майором. В 1835–1837 гг. – генерал-губернатор и командующий войсками Восточной Сибири, после чего переведен в Санкт-Петербург, где стал сенатором и дослужился до чина генерал-лейтенанта. Автор нескольких научных статей и записок.

Отмечен многими наградами, в том числе в 1834 г. золотой медалью Московского общества сельского хозяйства за открытие в Омске школы земледелия и развития оседлости и земледелия среди казахов. Принимал участие в подавлении антиправительственных выступлений казахов и кабардинцев. Был инициатором основания земледельческих колоний в Степи.

Т. 1: 31, 42, 258, 267, 272.

Т. 2: 69, 86, 130, 131, 138, 167.

Брусина, Ольга Ильинична – современный российский исследователь, историк, этнограф.

Т. 1: 299.

Т. 2: 134.

Булат (Большой Булат) – казахский султан, сын хана Среднего жуза Абулмамбета.

Т. 1: 126.

Букеевы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Букей (Бокей) Наралиев (1748/1748–1815) – казахский султан из поколения Осека, внук хана Абулхайра и сын хана Нуралы и его жены-калмычки Рысс ханым (якобы также из потомков Чингис-хана). Один из претендентов на ханское звание после гибели хана Ишима в 1797 г. В тот период российскими властями поддержан не был. Но был назначен председательствующим в Ханском совете. Основатель Внутренней орды в междуречье Волги и Урала (1801), куда перешла на постоянное кочевье часть родов племенных союзов байулы и жетыру. Находился во враждебных отношениях со своим родным братом Каратаем Нуралиевым и его сторонниками. Хан казахов Внутренней орды (с 1812), причем первоначально его возведение в ханское достоинство было согласовано российскими властями, а сама церемония прошла в Уральске. Отец Джангир-хана.

Т. 1: 219, 223, 225, 226, 229.

Т. 2: 43, 45, 46.

Букей (Бокей) (ок. 1737–1817) – казахский султан из поколения Жадига, сын султана (не утвержденного российским правительством хана) Барака. Воспитывался известным Казбек-бием. Хан части казахов Среднего жуза (с 1815), признанный российскими властями. Поддерживал развитие транзитной торговли из Петропавловска и Ямышева. Направлял дипломатические миссии в Россию, Ташкент, Бухару, Кашгар, пытаясь выступить в роли посредника. Урочище первого захоронения на территории современной Карагандинской области называют «хан суйек» («кости хана»). Перезахоронен в Туркестане.

Т. 2: 58.

Букейханов (Нуралиев), Адиль (1793–1876) – казахский султан, Осекид. Потомок Абулхаир-хана. Второй сын хана Внутренней орды Букея Нуралиева, брат хана Внутренней орды Джангира, сразу после смерти которого некоторое время по решению Оренбургской пограничной комиссии управлял ордой. Первый глава Временного совета по управлению Внутренней ордой (в 1845–1854) с собственной печатью и штатом, в состав которого входили как казахские, так и русские чиновники. Управляющий родами маскар, есентемир, тазлар и адай. Уволен со службы в 1854 г. по представлению оренбургского губернатора В. А. Перовского. Имел правительственные награды.

Т. 1: 237, 238 (прим.).

Букейханов, Алихан Нурмухамедович (1866–1937) – государственный политический и общественный деятель. Потомок султана Барака и хана Среднего жуза Букея. Жадигид. Член ЦК партии кадетов. Депутат Первой Государственной думы Российской империи. Основатель и лидер партии Алаш. Руководитель правительства Алаш-Орды. Временным правительством был назначен комиссаром Тургайской области. Пытался сотрудничать с Временным сибирским правительством Колчака. Позднее вошел в первое прави-

тельство Кирреспублики, возглавил в нем исполнительную ветвь власти. С 1922 г. активно занимался литературой, литературной критикой. Автор многих художественных и научных произведений. Первый биограф казахского поэта Абая Кунанбаева. Несколько раз отбывал наказание за политические взгляды в Российской империи и в СССР. Советской властью по обвинению в терроризме казнен. Реабилитирован посмертно. В настоящее время является символом борьбы за независимость и государственный суверенитет Казахстана. Его имя – одно из самых упоминаемых в СМИ, социальных сетях.

Т. 1: 304, 377, 387, 389, 457.

Т. 2: 20, 98, 102, 114, 119, 167.

Букенбай-батыр (Карабатыров, Караулов) (1667–1742) – известный казахский батыр, прославившийся в годы борьбы казахов с джунгарами. Происходил из рода табын поколения жетыру. В 1710 г. при жизни Тауке-хана избирался главнокомандующим всеказахским ополчением. Участвовал в набегах на поселения уральских казаков, башкир, калмыков. Активно поддерживал пророссийский курс хана Младшего жуза Абулхаира. Погиб в сражении с туркменами. Сохранилось множество письменных и устных свидетельств его жизни и деятельности. Его образ запечатлен в эпосах знаменитого Бухар-жырау Калкаман-улы.

Т. 1: 116, 123.

Бунге, Николай Христианович (1823–1895) – видный государственный деятель Российской империи, министр финансов (с 1881), председатель Комитета министров (в 1887–1895). С 1892 г. являлся вице-председателем комитета Сибирской железной дороги. Выдающийся экономист своего времени.

Т. 1: 361.

Бутурлин, Петр Иванович (1677–1747) – уроженец Нижегородской губернии. Боярин (с 1713). Состоял в ближайшем окружении императора Петра I, был «стольником». Полковник, бригадир. В 1729–1732 гг. – уфимский воевода, в 1731–

1736 гг. – сибирский вице-губернатор, в 1736–1740 гг. – сибирский губернатор. Выехал из Тобольска в 1741 г. Участник Северной войны и Персидского похода.

Т. 1: 88.

Бухарин, Николай Иванович (1888–1938) – русский революционер, партийный (РСДРП (б)) и государственный деятель СССР. Теоретик марксизма. Видный ученый-экономист. Выступал против массовой коллективизации сельского хозяйства. Казнен, позднее реабилитирован.

Т. 1: 360.

Бухарины – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Бухгольц, Иван Дмитриевич (1671–1741) – потомок немецких переселенцев времен Алексея Михайловича. Уже в юные годы служил в потешных войсках Петра I. Один из соратников будущего первого российского императора. Участвовал в Азовских походах, Северной войне, сражениях с джунгарами. Ему было поручено достичь Яркенда, где якобы были богатые запасы самородного золота, требовавшегося для ведения Северной войны. Его военная экспедиция подполковника происходила в 1715–1716 гг. Основатель Омской (первой, старой) и Ямышевской крепостей. Определил курс на продвижение и строительство укреплений в Среднем и Верхнем течении Иртыша. Поскольку джунгары практически разрушили Ямышево, попал под суд, но был оправдан. Далее долго служил в Восточной Сибири, в том числе на российско-китайской границе. Дослужился до чина генерал-майора.

Т. 1: 79.

Бушуев, Даулет – султан Перовского уезда.

Т. 1: 41.

Бэкон, Фрэнсис (*Francis Bacon, 1st Viscount St Alban*) (1561–1626) – виконт, выдающийся философ, которого многие исследователи считают основоположником английского Просвещения; историк, публицист, государственный деятель. Член британского парламента. Его труды были популярны в среде русского дворянства XVIII в. С ними была знакома и императрица Екатерина II.
Т. 1: 155, 249.

В

Вали (*Валий, Уали*) (1741–1819/1821) – казахский султан из поколения Жадига, старший сын хана Аблая от второй жены – Сайман-Ханым, этнической каракалпачки. Хан Среднего жуза (с 1782), признанный российскими властями. Являлся ханом параллельно с Букеем. Был признан в ханском достоинстве и китайскими властями. Посещал с дипломатической миссией Пекин. Пытался организовать аналогичную в Санкт-Петербург, но получил отказ. Пытался склонить казахов к откочевке в Синьцзян. В то же время не пользовался серьезной поддержкой со стороны родовой знати и значительной части Чингизидов. Многие роды отложились от него, перейдя под управление других владетелей или в прямое управление линейного начальства. Пытался передать власть по наследству своему сыну Габбасу. Цины признали того ханом. Российские власти после смерти Вали-хана новых претендентов на ханское звание не утверждали, а принятый в 1822 г. Устав о сибирских киргизах не предусматривал такой должности в западно-сибирской администрации. После смерти Вали главой семейного клана стала его вдова, младшая жена Айганым (1783–1853). Большая часть потомков по мужской линии (у Вали было 14 сыновей от двух жен) стала чиновниками российской администрации. Один из внуков – Ч. Ч. Валиханов – стал выдающимся этнографом и географом, первым казахским ученым с мировым признанием.
Т. 1: 46, 419, 420.
Т. 2: 57, 58, 75, 130.

Валиева (Аблайханова), Айганым (Айханым) Саргалдаккызы (1783–1853) – казашка из рода атыгай племени аргын (есть также сведения, что происходила из рода кожа), младшая жена хана Среднего жуза Вали. По ее просьбе во втором десятилетии XIX в. были построены дом и мечеть в 150 верстах от крепости Пресновской в местности Сырымбет на р. Ишим. После смерти мужа стала одним из лидеров клана Валиевых (Валихановых), управляя родами кудайберды-атыгай, карауыл и уак-керей. Была лояльна российским властям и пользовалась их доверием и поддержкой, оказывая в том числе содействие в проведении топографических и геодезических исследований. Дети и внуки по мужской линии получили образование на русском языке. Одним из ее внуков был Ч. Ч. Валиханов.

Т. 1: 419.

Т. 2: 130.

Валиханов, Чокан Чингизович (Мухаммед Ханафия) (1835–1865) – казахский султан, внук хана Среднего жуза Вали. Выдающийся ученый, географ, историк, востоковед, путешественник. Первый казах – член императорского Русского географического общества. Совершил знаменитые экспедиции в Кульджу, Кашгар, на Иссык-Куль. Впервые записал кыргызский эпос «Манас». Был близок с представителями русской интеллигенции, например, с Ф. М. Достоевским, и с сибирскими областниками – Н. М. Ядринцевым и Г. Н. Потаниным. Участник военного похода в Семиречье. Был на службе у западно-сибирских генерал-губернаторов, затем в Главном штабе и Министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге. Кавалер нескольких орденов и медалей.

Т. 1: 404, 435.

Валихановы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Т. 2: 130.

Валуев, Петр Александрович (1814–1890) – граф, работал под началом М. М. Сперанского, с 1858 г. – директор департамен-

та Министерства государственных имуществ, министр внутренних дел Российской империи в 1861–1868 гг. Инициатор земской реформы. С 1872 г. – министр государственных имуществ, с 1879 г. – председатель Комитета министров. Автор нескольких романов.

Т. 1: 318.

Вамбери, Арминий (Герман) (1832–1913) – венгерский исследователь и путешественник, тюрколог, этнограф, посещавший Центральную Азию.

Т. 1: 31, 402.

Вандемер – голландский морской капитан (XVIII в.), считавший перспективным развитие трансконтинентальной транзитной торговли через казахские степи.

Т. 1: 200.

Васильев, Александр Дмитриевич – современный российский исследователь, историк, востоковед, тюрколог.

Т. 1: 458.

Васильев, Дмитрий Валентинович – современный российский исследователь, историк.

Т. 1: 9, 189, 242, 276, 308, 348.

Веймарн, Иван Иванович (Hans Heinrich von Weymarn) (1718/1722–1792) – известный русский военный деятель, дипломат. С 1857 г. – командующий войсками на сибирских линиях, генерал-майор. С 1762 г. – одновременно ревизор Колывано-Воскресенского горного округа, генерал-поручик. Автор одного из первых проектов перевода казахов на оседлость. Покинул восточные окраины Российской империи в 1764 г. Участвовал в нескольких войнах. Кавалер многих орденов. По свидетельствам современников, был одним из самых образованных военачальников суворовской эпохи.

Т. 1: 103, 162, 163, 164, 165, 303.

Вельяминов, Иван Александрович (1771–1837) – уроженец Тульской губернии, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири и командир Сибирского корпуса (1827–1834). Участник войн с Наполеоном, Персией, Турцией, похода в Финляндию. Особо отличился в битве под Данцигом. Участвовал в подавлении антиправительственных выступлений на Кавказе и среди казахов. С 1833 г. – член Военного совета, с 1835 г. – член Российской академии наук. Вел активное строительство укреплений и поселений в Степи. В частности, по его распоряжению было основано Акмолинское укрепление. Предложил модифицированный вариант Устава о сибирских киргизах, отвергнутый I Сибирским комитетом. В обществе был известен как переводчик на русский язык литературных и философских произведений, например, Шекспира.

Т. 1: 271, 306, 433.

Т. 2: 53.

Вельяминов-Зернов, Владимир Владимирович (1830–1904) – русский историк, востоковед, член Академии наук.

Т. 1: 297.

Венюков, Михаил Иванович (1832–1901) – уроженец Рязанской губернии, российский путешественник, топограф, географ. Служил при Генеральном штабе. Осуществил несколько путешествий, в том числе по Центральной Азии. Автор нескольких карт Азиатской России, стал автором весьма примечательной геополитической концепции, анализ которой провел А. В. Ремнев.

Т. 1: 439.

Веселицкий (Веселитский), Гавриил Петрович (1774–1829) – родился в Крыму, дослужился до генерал-лейтенанта. Участник антинаполеоновских войн 1812–1814 гг. и войн с Турцией. В 1817–1818 г. – начальник Штаба Оренбургского корпуса (в чине генерал-майора). В 1818–1826 гг. – председатель Оренбургской пограничной комиссии. Отказал-

ся от должности главного начальника уральских заводов по состоянию здоровья.

Т. 2: 48.

Викторин, Виктор Михайлович – современный российский исследователь, историк, этнограф.

Т. 1: 227.

Виноградов, Владимир Александрович (1874–1934) – уроженец Казанской губернии, видный политический деятель Российской империи. Депутат III и IX Государственной думы от партии кадетов. Основатель астраханского отделения кадетской партии. В 1917 г. – комиссар (министр) путей сообщения и председатель комитета по использованию водных сил Временного правительства. Активно участвовал в антисоветских правительствах – Директории, Временном Всероссийском правительстве, Приморском правительстве, в которых занимал важные посты. Позднее работал в советских организациях. Арестован, умер в тюрьме.

Т. 1: 385, 396, 397.

Витте, Сергей Юльевич (1849–1915) – выдающийся государственный деятель, дипломат. Был долгое время в высших государственных органах исполнительной власти, в том числе министром финансов, путей сообщения, руководителем кабинета министров (1903–1906). Его экономические преобразования способствовали резкому росту промышленного производства в Российской империи. Сторонник конституционной монархии, фактический автор Манифеста 17 октября 1905 г. Сумел добиться благоприятных условий мира после позорного поражения в Русско-японской войне. Во внутренней политике выступал за активизацию интеграции азиатских окраин в состав Российской империи в социально-экономическом отношении. Автор ряда записок, которые были направлены на ограничение роста исламского влияния в Туркестане.

Т. 1: 455.

Волков, Дмитрий Васильевич (1727–1785) – уроженец Московской губернии. Государственный деятель. В 1756 г. – секретарь Конференции императрицы Елизаветы Петровны, ее доверенное лицо. При Петре III – секретарь Особого совета, также доверенное лицо императора. В 1763–1764 гг. – оренбургский губернатор. С 1764 г. – президент Мануфактур-коллегии, позже – петербургский полицмейстер и смоленский наместник. Сенатор. Тайный советник. Известный русский драматург.

Т. 1: 25 (прим.), 121, 165, 165 (прим.), 166, 167, 168, 169, 200, 303.

Т. 2: 30.

Волков, Николай Константинович (1875–1950) – уроженец Вологодской губернии, политический деятель, активный участник Первой русской революции, депутат III и IV Государственной думы Российской империи от Забайкальской области, член партии кадетов, выступал за ограничение изъятия земель в пользу Переселенческого управления. В 1917 г. Временным правительством был назначен комиссаром земледелия. Эмигрировал после Октябрьской революции. Умер во Франции.

Т. 1: 397, 454.

Волков, П. – в 1860–1870-х гг. – губернский секретарь при Главном управлении Западной Сибири.

Т. 1: 333.

Волконский, Григорий Семенович (1742–1824) – князь (род Волконских возводит свою родословную к Рюриковичам), родился в Москве. Участвовал в нескольких русско-турецких войнах и подавлении движений польских конфедератов, крымских татар. Один из любимых учеников А. В. Суворова. Сделал быструю карьеру по военной линии, в 21 год был уже в звании полковника. Но генерал-аншефом стал лишь в 1796 г., хотя уже в 1797 г. – действительным статским советником. Пользовался доверием и расположением императора Александра I. Оренбургский военный и граж-

данский губернатор в 1803–1817 гг., которому также была передана функция, присущая центральным органам, – надзора за Оренбургской губернией. В самом начале своего управления губернией упразднил расправы. Организовал несколько географических экспедиций в Зауральскую орду, в первую очередь с военными целями, а также для разведки месторождений полезных ископаемых. С декабря 1817 г. – член Государственного совета. Кавалер многих орденов. Почетный член императорского Общества испытателей природы. Отец декабриста С. Г. Волконского.

Т. 1: 34, 219, 239.

Т. 2: 14, 44, 45.

Волконский, Петр Михайлович (1776–1852) – князь, выдающийся военный деятель, начальник Главного штаба (1810–1823), директор Военно-топографического депо (1816–1823), министр императорского двора и уделов (1826–1852), генерал-фельдмаршал, член Государственного совета. Участник антинаполеоновских войн. Кавалер многих российских и иностранных орденов.

Т. 1: 251.

Волошанин (Волошин), Григорий Никитич – подпоручик, позднее поручик, наказной атаман Сибирского казачьего войска и начальник сибирских линий в 1772–1778 гг.

Т. 1: 16.

Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ (Voltaire François Marie Arouet) (1694–1778) – выдающийся французский философ-просветитель, литератор, драматург, историк. Состоял в личной переписке с российской императрицей Екатериной II. Оказал серьезное влияние на часть русского дворянства XVIII – начала XIX вв.

Т. 1: 155.

Воронцов, Александр Романович (1741–1805) – граф, русский государственный деятель, дипломат. Занимал ряд крупных государственных и дипломатических постов. С 1801 г. – член

Государственного совета. В 1802–1805 гг. государственный канцлер Российской империи и министр иностранных дел (хотя с января 1804 фактически отошел от дел).

Т. 1: 51, 207.

Воскресенский, Алексей Дмитриевич – современный российский востоковед, китаевед.

Т. 1: 178.

Вяземский, Александр Алексеевич (1727–1793) – князь, потомок Рюриковичей, выдающийся русский государственный деятель. В 1762 г. был с ревизией на Урале. С 1764 г. – генерал-прокурор и доверенное лицо императрицы Екатерины II. Участвовал в подготовке Учреждений об управлении губерниями (1775). Дослужился до чина генерал-поручика. Действительный тайный советник. Вышел в отставку в 1792 г. Считался человеком честным и неподкупным.

Т. 1: 176.

Вяткин, Михаил Порфирьевич (1895–1967) – уроженец Оренбургской губернии, советский исследователь, историк, этнограф. В период эвакуации в 1941–1943 гг. работал в Алма-Ате. Первый профессиональный исследователь движения Срыма Датова.

Т. 1: 67, 126, 165 (прим.), 359.

Т. 2: 101, 137.

Г

Габайдулла (Габайдулла-хан, Губайдула) Валиханов (Валиев) (1766/1770–1852) – сын хана Среднего жуза Вали Аблайханова. Добивался признания в ханском достоинстве со стороны российских властей, но получил отказ. Был признан ханом Цинами в 1821 г. В 1824 г. стал старшим султаном созданного Кокчетавского внешнего округа. В 1825 г. после неудачной попытки организации антиправительственного выступления был отправлен в ссылку в Березов. Освобожден в 1840 г.

Т. 1: 420.

Габдрахимов, Габдессалам (Абдуссалам бин Абдуррахим бин Абдуррахаман бин Мухаммед) (1765–1840) – с 1799 г. – оренбургский мулла, позднее – ахун. В 1823–1824 гг. входил в состав Совета по решению ордынских дел (Младший жуз). Второй муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (1825–1840), лично утвержденный императором Александром I. Похоронен в Уфе.

Т. 1: 424.

Габбасов (Аббасов), Аблай (Абылай) (ум. 1832) – казахский султан, потомок хана Вали и Аблайхана. Старший султан Кокчетавского окружного приказа (1829–1832). Совместно со своим двоюродным братом – старшим султаном Каракаралинского внешнего округа Турсуном Чингисовым возглавлял казахские депутации в Омск (1824) и Санкт-Петербург (1830).

Т. 1: 270, 433.

Т. 2: 60.

Гагарин, Матвей Петрович (ок. 1651–1721) – князь из рода, ведшего происхождение от Рюриковичей. В 1693–1695 гг. – нерчинский воевода, с 1706 г. – глава Сибирского приказа и Оружейной палаты, с 1707 г. – московский комендант, в 1711–1719 гг. – первый сибирский губернатор, участвовавший в организации экспедиций в Верхнее Прииртышье. Активно развивал торговлю с Китаем и джунгарами. Есть сведения, что подозревался в сибирском сепаратизме. Несколько раз состоял под следствием. Казнен за злоупотребления властью и казнокрадство.

Т. 1: 78, 79, 80.

Гагарин, Павел Павлович (1789–1872) – государственный деятель, князь, из рода, ведшего происхождение от Рюриковичей. Действительный тайный советник. Сенатор (с 1831). Член Государственного совета (с 1844, в 1864–1865 и частично в 1866 – председатель). Председатель верховного уголовного суда (1866). Производил ревизии Астраханской

губернии в 1831–1844 гг., в том числе ревизию во Внутренней орде в 1844 г.

Т. 1: 241.

Газины – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Галдан-Цэрен (*Галдан-Церен, Эрдэни-Батур-хунтайджи II*) (ок. 1693–1745) – старший сын хунтайджи Цэван-Рабдана, правитель рода чорос, военачальник, хунтайджи Джунгарского ханства с 1727 г. При нем Джунгарское ханство достигло своего расцвета. Вел многочисленные войны с Китаем, Россией, казахами, среднеазиатскими ханствами. При нем Старший жуз признал вассалитет от Джунгарии, платя дань. Крупнейшие владельцы Среднего и Младшего жуза после 1741 г. направляли к нему в ставку аманатов. Российские власти не протестовали против этого, но власти джунгар над казахами Младшего и Среднего жузов не признавали. Т. 1: 45, 132, 134, 135, 200 (прим.).

Галдинский, Николай Ильич (ум. 1895) – находился на государственной службе с 1856 по 1884 г. Делопроизводитель Степной комиссии, с 1868 г. – чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел.

Т. 1: 319.

Галкин – зять оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака, назначенный им помощником (заместителем) к В. В. Григорьеву, руководившему в тот период Областью оренбургских казахов.

Т. 1: 315.

Галкин, Александр Семенович (1855–1920) – государственный деятель Российской империи, известный ученый. С 1884 г. на службе в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. В 1896 г. – начальник Аму-Дарьинского отдела. В 1903 г. – губернатор Семипалатинской области. С 1911 по 1916 г. являлся военным губернатором Сырда-

рынской области. Известный востоковед. Совершил ряд экспедиций в Восточный Туркестан и Китай. Кавалер многих орденов. Автор ряда работ по истории и географии.
Т. 1: 393.

Гатагова, Людмила Султановна – современный российский исследователь.
Т. 1: 327.

Гейнс (Гейнц), Александр Константинович (1834–1892) – известный российский исследователь Центральной Азии, член Степной комиссии (тогда в чине полковника), представлявший в ней Военное министерство. Участник среднеазиатских походов. Дослужился до звания генерал-лейтенанта. Также некоторое время исполнял должность одесского градоначальника и казахского губернатора. Член Русского географического общества. Член императорского общества любителей естествознания и этнографии. Автор первоначального варианта Степного положения 1891 г.
Т. 1: 319, 323.
Т. 2: 70, 76.

Генгросс, Евгений Александрович (1855–1912) – военный деятель, начальник Генерального штаба (1909–1911), дослужился до чина генерал-лейтенанта. Кавалер многих российских и зарубежных орденов.
Т. 1: 379.

Генс, Григорий Федорович (1787–1845) – генерал-майор, в оренбургском ведомстве с 1807 по 1844 г., председатель Оренбургской пограничной комиссии (с 1825), известный российский востоковед, геолог, путешественник. Кавалер нескольких орденов. Первый директор Неплюевского училища. Дослужился до чина тайного советника.
Т. 1: 213, 233, 290.
Т. 2: 43.

Гербер, Иоганн Густав (Johann Gustav Gaerber) (ок. 1690–1734) – уроженец Пруссии. С 1710 г. – на русской службе, которая началась с того, что он руководил усилением артиллерии в Астрахани для укрепления позиций России на Каспии. Участник Северной войны и Персидского похода. Руководил артиллерией при взятии Баку. В 1729–1731 гг. – член главной артиллерийской канцелярии. В 1731 г. под видом торгового каравана был направлен с миссией в Хиву и Бухару. Караван был разграблен казахами фактически сразу после принятия Абулхаир-ханом российского подданства, что вызвало крайнее недовольство правительства. Часть экспедиции оказалась в рабстве в среднеазиатских владениях. Сам Гербер вернулся в Санкт-Петербург. Затем был назначен в Азов, но по дороге туда скончался. Известный топограф, географ, этнограф.

Т. 1: 87.

Герн, Владимир Карлович фон (1850–1913) – уроженец Витебской губернии. Офицер, чиновник Западно-Сибирского, Степного и Туркестанского ведомств. Имел опыт дипломатической работы. Этнограф, исследователь быта и культуры казахов и других центральноазиатских народов. Автор работы «Обычай и нравы казахов». Секретарь Семипалатинского статистического комитета. Верненский градо- и уездный начальник. Член императорского Русского географического общества. Сын русского генерала, топографа, изучавшего Центральную Азию, К. И. Герна.

Т. 1: 341, 438.

Т. 2: 141, 142.

Гессен, Иосиф Владимирович (1865–1943) – государственный и политический деятель. Один из лидеров кадетов. Член Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал. Автор нескольких работ по праву и истории.

Т. 1: 389.

Гильченко, Леонид Викторович – современный российский исследователь, политолог, государственный деятель.

Т. 1: 174.

Гирирогов – чиновник Министерства государственных имуществ, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Гирс, Александр Карлович (1815–1880) – уроженец Польши, потомственный дворянин. Видный государственный деятель, служивший в нескольких министерствах и региональных ведомствах. Действительный тайный советник (с 1854). С 1857 г. – член Совета министра внутренних дел. Активно участвовал в разработке крестьянской реформы 1861 г., в том числе разработал нормы наделов для Астраханской губернии, и последующей реформы финансовой системы. С 1862 г. – член Совета министра финансов. С 1879 – товарищ (заместитель) министра финансов. Автор ряда работ по экономике. Брат Н. К. Гирса.

Т. 1: 311, 349.

Гирс, Николай Карлович (1820–1895) – посол, сенатор, управляющий Азиатским департаментом и товарищ (заместитель) министра иностранных дел. В 1882–1895 гг. министр иностранных дел Российской империи (фактически руководил МИДом с 1880). Выступал за продолжение экспансии Российской империи на Востоке и возможного антибританского российско-германского военно-политического союза. Автор воспоминаний о раннем периоде своей деятельности. Брат А. К. Гирса.

Т. 1: 318.

Гирс, Федор Карлович (1824–1891) – дворянин, лютеранин. Начал карьеру по судебно-прокурорской линии. Действительный тайный советник (с 1880). Член Совета министра внутренних дел с 1863 г. С 1867 г. руководил Степной комиссией, разработавшей Временные положения об управлении Степными областями и Туркестанским краем. В 1882 г. руководил ревизией Туркестанского генерал-губернаторства,

по результатам которой произошли существенные изменения в управлении. В 1888 г. командирован на Кавказ. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 312, 318, 319 (прим.), 337, 344.

Гладышев, Дмитрий Владимирович – дворянин, офицер, дипломат, чиновник Оренбургской комиссии. В 1733 г. сопровождал казахскую депутацию из Уфы в Санкт-Петербург. В 1740–1741 гг. в чине поручика Оренбургского драгунского полка – соруководитель экспедиции в казахскую степь (совместно с геодезистом И. Муравиным). Ими были составлены журналы путешествия, которые позднее были опубликованы. Владел несколькими восточными языками, в том числе казахским.

Т. 1: 130.

Глазенап, Григорий Иванович (1751–1819) – уроженец Померании, генерал-лейтенант (с 1800), с 1804 г. – командующий войсками на Кавказской линии, в 1807–1815 гг. – командующий войсками на Сибирских линиях. С 1815 г. фактически исполнял обязанности сибирского генерал-губернатора. Основатель Омского кадетского корпуса. Кавалер нескольких орденов, участник русско-турецкой войны.

Т. 1: 209, 214.

Гоббс, Томас (Thomas Hobbes) (1588–1679) – английский философ-просветитель, автор теории общественного договора и теории государственного суверенитета. В 1640–1651 гг. проживал в эмиграции во Франции.

Т. 1: 155.

Годунов, Борис Федорович (в иночестве Боголеп) (1552–1605) – боярин, видный государственный деятель, брат жены царя Федора Иоанновича. С 1598 г. – русский царь, избранный Земским собором.

Т. 1: 69.

Голицын, Александр Дмитриевич (1874–1957) – князь, видный политический деятель. Один из основателей «Союза 17 октября». Председатель Переселенческой комиссии III Государственной думы. Выступал за расширение колонизации Азиатской России и уравнивание в правах представителей великорусской и местных национальностей, а также за введение института частной собственности на землю среди крестьян. Член Государственного совета с 1915 г. Видный деятель русской эмиграции.

Т. 1: 396.

Голицын, Григорий Сергеевич (1838/1839–1907) – представитель знаменитой дворянской фамилии, российский государственный и военный деятель. Участник военных походов на Кавказе. Военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска (1876–1885). В 1880 г. временно исполнял обязанности оренбургского генерал-губернатора. Сенатор с 1885 г. Член Государственного совета с 1906 г. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Кавалер многих российских и иностранных орденов.

Т. 2: 75.

Голых – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Гордеев, Филат – толмач, позднее – переводчик с тюркских и персидского языков (с 1759) в сибирской администрации в период 1746–1776 гг.

Т. 2: 43.

Горемыкин, Иван Логгинович (1839–1917) – выдающийся российский государственный деятель. Министр внутренних дел (1895–1899). Председатель Совета министров (1906, 1914–1916), член Государственного совета (с 1899). Кавалер многих орденов. Арестовывался Временным правительством. Амнистирован. Погиб от рук бандитов вместе с семьей.

Т. 1: 370, 372.

Горчаков, Петр Дмитриевич (1789–1868) – потомок одного из знатнейших и влиятельнейших родов Российской империи. Участник Русско-турецкой, Крымской войн и кавказской кампании. Генерал от инфантерии (с 1846). Кавалер многих орденов. В 1836–1856 гг. – западно-сибирский генерал-губернатор. После смерти жены судился со своими дочерьми за наследство. Проводил политику военного подавления движения Кенесары Касымова. Расширял приказную систему в казахской степи. По сведениям современников, при принятии решений находился под сильным влиянием жены.

Т. 1: 238, 269, 285, 305, 435.

Горчаков, Александр Михайлович (1798–1883) – видный государственный деятель, дипломат, которому был пожалован княжеский титул. Потомок знатного дворянского рода, уроженец Эстляндии. Министр иностранных дел Российской империи. Канцлер (с 1867). Действительный тайный советник. Кавалер многих орденов. Противник активного продвижения Российской империи в Центральную Азию из-за опасений роста противоречий с Великобританией.

Т. 1: 299, 310.

Гранкин, Дмитрий Андреевич – будучи подполковником, чиновником Оренбургского ведомства, стал автором одного из первых проектов упразднения ханской власти у казахов (1788). В 1794–1795 гг. – полковник, командир Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса, наказной атаман Оренбургского казачьего войска. Отношения с губернатором О. А. Игельстромом складывались у него весьма сложно, впрочем, с казахскими и башкирскими владельцами также. С другой стороны, он пользовался серьезной поддержкой со стороны казачества.

Т. 1: 188.

Греч, Николай Иванович (1787–1867) – писатель, журналист, переводчик, издатель. Чиновник министерств финансов, внутренних дел и народного просвещения. Тайный советник. Состоял в переписке в В. И. Далем.

Т. 1: 25, 213.

Григоровский, Антон Д. (1777 – после 1830) – русский дворянин, участник Отечественной войны 1812 г., с 1823 г. – первый председатель Омского областного правления, подполковник (позднее – полковник), помимо прочего готовил в 1824 г. открытие Кокчетавского внешнего округа, а также активно противодействовал влиянию китайских посланников на казахских султанов, в первую очередь – Губайдуллу Валиханова.

Т. 2: 58.

Григорьев, Василий Васильевич (1816–1881) – уроженец Владимирской губернии, дворянин. Выдающийся российский востоковед. С 1846 г. – на службе в Министерстве внутренних дел. С 1851 г. – председатель Оренбургской пограничной комиссии. В 1854–1862 гг. – управляющий Областью оренбургских киргизов. Тайный советник. Главный цензор. В 1860–1870 гг. – главный редактор «Правительственного вестника». Профессор Санкт-Петербургского университета, заведующий кафедрой истории Востока. Автор многих научных трудов по истории, этнографии. Первым его биографом стал В. И. Веселовский.

Т. 1: 52, 238, 290, 293, 297, 300, 301, 315, 356, 437.

Т. 2: 52, 68, 81.

Гродеков, Николай Иванович (1843–1913) – государственный деятель. В 1898–1902 гг. – приамурский генерал-губернатор и наказной атаман Приамурского казачьего войска, в 1906–1908 гг. – туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, член Государственного совета (с 1902). Участник среднеазиатских походов. Генерал от инфантерии (1900). Кавалер многих

орденов. Военный писатель. Известный востоковед, переводчик, географ, историк и правовед.

Т. 1: 41.

Громбчевский, Бронислав Людвигович (Bronisław Grąbczewski) (1855–1926) – этнический поляк, известный русский путешественник Центральной Азии, востоковед, генерал-лейтенант, астраханский губернатор (1903–1906) и наказной атаман Астраханского казачьего войска. Автор многочисленных воспоминаний и научных работ.

Т. 1: 24.

Гуляев, С. И. – русский купец из Бийска, торговавший в том числе с казахами и Китаем.

Т. 1: 210.

Гутковский, Карл Казимирович (1815–1867) – дворянин польского происхождения, российский военный и чиновник, служивший преимущественно в Степных областях, что было редкостью и в Сибирском, и в Оренбургском ведомстве. Член Степной комиссии по разработке Временных положений. Дослужился до звания генерал-майора. Известный в свое время географ и геолог, преподавал в Омском кадетском корпусе.

Т. 1: 319.

Гурьев, Дмитрий Александрович (1751/1758–1825) – граф, в 1810–1823 гг. – министр финансов Российской империи. Также параллельно исполнял должности министра уделов, управляющего императорским двором, являлся членом Государственного совета. Действительный статский советник.

Т. 1: 204, 211, 256.

Д

Давлет-бай – казах, находившийся в российской тюрьме и освобожденный по просьбе султана Барака.

Т. 1: 138.

Давыдов, Афанасий Романович (1699 – после 1764) – из среды шляхтичей. Карьеру начал с солдатских чинов. Участник Северной войны, войн с Турцией и Швецией, а также Персидского похода. Оренбургский губернатор (1759–1763). Дослужился до чина генерал-майора. Отношения с казахской знатью, со своим ближайшим окружением из числа представителей оренбургской администрации и с линейным казачьим начальством у него не сложились. К инородцам относился высокомерно. Уволен «за старостию лет» и как не пользовавшийся доверием местной администрации и императрицы.

Т. 1: 119, 120, 120 (прим.), 121, 165, 166.

Т. 2: 29.

Далисман (Даньшпан) – казахский султан, по сведениям Б. Залесского, «святой», могилу которого в районе Шир-Кала почитали казахи Мангышлака. По другим данным, он происходил из рода «кожа» или был муллою.

Т. 1: 407.

Даль, Владимир Иванович (1801–1872) – уроженец Екатеринославского наместничества, потомок обрусевших датчан. Врач, русский писатель, этнограф, лексикограф, топограф. Автор классического «Толкового словаря живого великорусского языка». С 1833 г. на службе в Оренбургском ведомстве в качестве чиновника по особым поручениям при военном губернаторе. В 1841 г. по рекомендации оренбургского губернатора В. А. Перовского направлен на службу в Санкт-Петербург. С 1849 г. – управляющий Нижегородской удельной конторой. Действительный статский советник (с 1851). Автор многочисленных очерков и научных трудов по этнографии народов Оренбургского края (русских, казахов, башкир), географии региона и Азиатской России в целом, ботанике, зоологии. Участвовал в предотвращении эпидемии чумы. Был лично знаком со многими выдающимися русскими литераторами и общественными деятелями. Одним из первых приступил к научной критике существовавшей в Европе топографии Центральной Азии. Известный

советский актер В. И. Даль является одним из выдающихся потомков В. И. Даля.

Т. 1: 17, 25, 27, 27 (прим.), 128, 293.

Т. 2: 73, 170 (прим.).

Данзас, Александр Логинович (1810–1880) – потомок приехавших на службу в Россию французских дворян, в 1857 г. в чине генерал-майора назначен командующим Сыр-Дарьинской линией. С 1859 г. – начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса. С 1861 г. – генерал-лейтенант. Подал в отставку после ссоры с генерал-губернатором Безаком. С 1877 г. – председатель Главного военного суда Российской империи.

Т. 1: 315.

Данилевский, Григорий Иванович (1800/1804–1852/1858) – русский дипломат, военный. В 1842 г. подполковник, посланник России в Хиве, по завершении миссии получил чин полковника. В 1849 г. пожалован чином генерал-майора. Оставил опубликованное «Описание Хивинского ханства».

Т. 1: 84.

Датов, Срым (Сырым Датұлы, Дат-улы) (1712–1802) (встречаются также другие годы рождения – 1733 и 1753) – батыр, руководитель крупнейшего восстания казахов Младшего жуза XVIII в. (1783–1797), направленного против ханско-султанской группировки и притеснений со стороны российской администрации. Предположительно принимал участие в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева. Старшина и бий родов байбакты, табын и тама. При Игельстроме активно сотрудничал и входил в состав оренбургской губернской администрации. В 1797 г. откочевал с подчинявшимися ему казахами в пределы Хивы. Есть сведения, что поднимался на белой кошке как хан. Первым биографом стал М. П. Вяткин.

Т. 1: 38, 45, 62 (прим.), 177, 183, 184, 185, 187, 190, 191, 192, 425, 426.

Т. 2: 41, 42, 43 (прим.), 66, 175.

Даутов, Фейзурахман – 1870–1890-е гг. – ахун Оренбургской соборной караван-сарайной мечети. С 1867 по 1870 г. генерал-губернатор отказывался утверждать его ахуном из-за отказа перенести мечеть на новое место. Позднее был утвержден по специальному решению Министра внутренних дел. С 1878 г. занимался сбором средств на восстановление затопленного в ходе Крымской войны российского Черноморского флота.

Т. 1: 442.

Деколонг, Иван (Иоган) Александрович (*Clapier de Colongue*) (1719–1789) – этнический француз, лифляндский дворянин на российской службе. Служил в разных местах, в том числе на Кавказе. С 1763 г. – в Сибири, где командовал Ишимской и Тобольской дистанциями. В 1771 г. произведен в генерал-поручики и назначен командующим Сибирским корпусом. Участник Семилетней войны и подавления движения Е. Пугачева. Ушел в отставку в 1777 г. Награжден несколькими орденами.

Т. 2: 29.

Десницкий, Семен Ефимович (ок. 1740–1789) – о социальном происхождении ведутся споры, достоверно известно, что не относился к дворянскому сословию. Обучался в Глазго, где был удостоен докторской степени. Профессор Московского университета. Ведущий специалист своего времени в юриспруденции и социологии. Принимал активное участие в работе Уложенной комиссии. Сам автор нескольких проектов. Член Литературной академии.

Т. 1: 174, 174 (прим.), 180.

Джаикпаевы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Джампеисова, Жанар Махметовна – современный казахстанский исследователь, историк.

Т. 1: 34, 277, 330.

Джанаев (Жанаев), Джантиоря (Жан-торе) – казахский султан, находившийся на российской службе, старший султан Ат-бассарского округа.

Т. 2: 70, 71.

Джангир (Жангир, Жангыр, Джангер, Жангир-Керей-хан) (1801–1845) – султан, позднее хан Внутренней орды (с 1815 г. – номинально, при регенте, с 1824 г. – в полном объеме властных полномочий), сын хана Букея. Активно проводил реформы с целью европеизации букеевских казахов, одним из следствий чего стало крупное восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Развивал торговлю, регулярное налогообложение, частное землевладение, оседлость. Сам и его окружение проживали в Ханской Ставке. Использовал для этого как русские, так и мусульманские традиции. Имел хорошее российское образование, воспитывался в том числе в домах российских губернаторов. Был деятельным русским чиновником, и это позволило ему сконцентрировать значительные полномочия среди подведомственных казахов. Посещал Санкт-Петербург, был на аудиенциях у императора. Имел трех жен. Старший сын – Сахиб-Гирей – наследовал ханское звание и должность одновременно, став последним ханом Внутренней орды.

Т. 1: 171, 222, 225, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 238 (прим.), 239, 240, 243, 244, 425, 430, 431, 440.

Т. 2: 53, 54, 55.

Джангиров Хаджи Губайдулла (Чингис-хан) (1840–1909) – казахский султан, сын хана Внутренней орды Джангира, генерал-лейтенант, чиновник II класса, кавалер многих российских и зарубежных орденов. Служил в Уральском казачьем войске, в Виленском военном округе, позднее в МВД на разных должностях. Относился к умеренному крылу мусульманских реформаторов.

Т. 1: 440.

Джанибек (Джамбек, Жанибек, Женыбек, Жаныбек) (ок. 1693–1751/1752) – батыр, тархан. Происходил из племени аргын Среднего жуза. В качестве руководителя групп казахов, ведущих борьбу с джунгарами, известен с 1724 г. Участник Анракайской битвы и многих других сражений. Активно поддерживал политику Абулхаир-хана по принятию подданства Российской империи. Известны случаи принуждения силой Джанибеком подразделений к принятию такового. Имел несколько встреч с российскими дипломатами и иностранными дипломатами и путешественниками. Возглавлял казахскую депутацию к князю В. А. Урусову и первому оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву. Имел серьезное влияние в Младшем и Среднем жузах. Похоронен в мавзолее Ходжи Ахмета Ясави в Туркестане.

Т. 1: 43, 57, 62 (прим.), 72, 87, 88, 123, 126, 130, 148.

Джанибеков, Досан – султан, соавтор проекта реформы местного самоуправления казахов внутренних округов, так называемой Степной Думы (1834). Проект после нескольких лет рассмотрения был отвергнут, но позднее стал одним из источников формирования системы управления внутренними округами казахов, а также округами сибирских инородцев.

Т. 1: 272.

Джантюре (Джантюр, Жанторе) Джанаев (Жанаев) – султан, хорунжий Башкиро-Мещеряцкого казачьего войска, с 1861 г. – старший султан Атбасарского внешнего округа. По свидетельству современников – очень богатый человек.

Т. 2: 43, 44, 45.

Джантюрины – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Т. 2: 74.

Джанкпаев, Ибрагим – старшина, соавтор проекта реформы местного самоуправления казахов внутренних округов, так называемой Степной Думы (1834).

Т. 1: 272.

Джихангеров (Жихангереев) Джантюря (Жан-торе, Жанторе) – казахский султан, султан-правитель Восточной части Меньшей орды (с 1828), уволенный в 1835 или 1836 г. за незаконные поборы с подведомственных ему казахов.

Т. 2: 69.

Девиз, Андрей Петрович фон (ок. 1700–1758) – дворянин немецкого происхождения. Генерал-майор, позднее – генерал-лейтенант, был задействован в дипломатической переписке с персами, кумыками и казахским султаном (ханом) Аблаем. Участник русско-турецкой войны. Кавалер многих орденов.

Т. 2: 61.

Длотавский (Длатовский), Александр Алексеевич (1809–1868) – дворянин, генерал-лейтенант. В 1865–1867 гг. председатель комиссии по разграничению земель левобережья Урала между казачеством и казахами. Являлся одним из крупнейших специалистов своего времени по межеванию (разграничению). Автор ряда научных трудов.

Т. 1: 277, 322, 339.

Добросмыслов, Александр Иванович (1854–1915) – русский историк, этнограф, статистик. Член Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. Исследовал Степной и Туркестанский края. Некоторое время работал ветеринаром. Автор ряда статей и книг по истории и экономике Степного края рубежа XIX–XX вв.

Т. 1: 374.

Т. 2: 158.

Долгих, Борис Осипович (1904–1971) – советский исследователь, историк-сибиревед, этнограф.

Т. 1: 112.

Донсков, Данила Дмитриевич (1738–1798) – наказной атаман Уральского казачьего войска (с 1785). Активно участвовал

в подавлении восстания под предводительством Емельяна Пугачева и Срыма Датова. Организатор «воинских поисков» – направлений в степь военных команд для наказания казахов за нападения на поселения и караваны, при этом наказывались не конкретные виновные, а те, кто попался. У него сложились весьма напряженные отношения с генерал-губернатором О. А. Игельстромом. Дослужился до чина подполковника. Имя Данилы Донкова стало в казахском фольклоре символом страха, им, например, пугали детей. В то же время среди казачества пользовался авторитетом и практически всеобщим доверием.

Т. 1: 188.

Досалы (Досали, Дусали, Дусалы) (XVIII в.) – казахский султан, племянник хана Абулхаира, которому подчинялись небольшие подразделения, кочевывавшие в районе Илека и Хобды. Участвовал в движении Емельяна Пугачева, понимая, что тот является лжеимператором. Позднее поддержал восстание Невидимки. Затем стал поддерживать оренбургскую администрацию и за особые заслуги получал ежегодное жалование.

Т. 1: 142, 143, 144, 165.

Дубасов, Николай Васильевич (1850–1915) – военный и государственный деятель. Служил в Генеральном штабе и при военном министре. Военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска (1911–1913). Дослужился до чина генерала от кавалерии. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 393.

Духовский (Духовской), Сергей Михайлович (1838–1901) – генерал-губернатор Приамурья, а затем и Туркестанского края (1898–1900), командующий войсками Туркестанского военного округа. Сторонник антимусульманской линии внутренней политики в регионе. Почетный гражданин до-революционного Ташкента.

Т. 1: 411, 455.

Дюгамель, Александр Осипович (1801–1880) – уроженец Лифляндии (совр. Прибалтика), в 1825–1826 гг. участвовал в экспедициях Ф. Ф. Берга по исследованию Каспийского и Аральского морей (озер). Участвовал в русско-турецкой войне и подавлении польского восстания 1831 г. Представлял дипломатические интересы Российской империи в Османской порте. В 1861–1866 гг. являлся генерал-губернатором Западной Сибири и командиром отдельного Сибирского корпуса. С 1866 по 1870 г. – сенатор, с 1870 г. работал в Генеральном штабе. Кавалер нескольких российских и иностранных орденов. Автор нескольких исторических трудов (в том числе неопубликованных) и собственных воспоминаний.

Т. 1: 327, 436.

Т. 2: 20.

Е

Евреинов, Михаил Дмитриевич (1851 – после 1910) – военный и государственный деятель. Службу начал в Оренбургском крае, далее служил на Кавказе и в Туркестане. В 1907 г. являлся начальником Закаспийской области. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 393.

Егорова, Евпраксия – раскольница, мнимо умершая старица (1730-е), прибывшая из Екатеринбурга, бежавшая из тобольского острога в 1736 г.

Т. 1: 88.

Егоровы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Екатерина I (Екатерина Алексеевна Романова) (урожденная Марта Самуиловна Скавронская) (1684–1727) – вторая жена российского императора Петра I, после его смерти ставшая правящей императрицей (с 1725). Мать императрицы Елизаветы Петровны.

Т. 1: 77, 153.

Екатерина II Великая (Екатерина Алексеевна Романова) (урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская) (1729–1796) – германская принцесса, позднее – правящая российская императрица (с 1762). Жена императора Петра III, свергнувшая его с престола. Период ее правления считается «золотым веком» Российской империи, историками часто именуется периодом «просвещенного абсолютизма».

Т. 1: 104, 106, 121, 152, 153, 154, 155, 158, 160, 161, 167, 170, 171, 174, 176, 177, 181, 183, 185, 188, 192, 193, 199, 200, 218, 247, 249, 303, 412, 418, 422, 423, 427.

Т. 2: 8, 30, 39, 40, 57, 65, 179.

Елизавета Петровна (Романова) (1709–1761/1762) – младшая дочь российского императора Петра I и императрицы Екатерины I, императрица (с 1741). Период ее правления связан с усилением Российской империи на международной арене.

Т. 1: 96, 119, 121.

Елюй Даци (Даши) (1087–1143) – киданьский полководец, дипломат, фактический основатель и гурхан (титул правителя) государства каракитаев (Западное Ляо), простиравшегося при нем от Каспийского моря (озера) до пустыни Гоби. Вероятнее всего, был христианином несторианского толка.

Т. 1: 402.

Ералы (Ерали, Эрали, Ер-Али, Ермухамедали) Абулхаиров (ок. 1720–1794) – казахский султан из поколения Осека, сын принявшего российское подданство хана Абулхаира. Был почетным аманатом у российских властей (сначала у А. И. Тевкелева, затем при дворе императрицы Анны Иоанновны). В 1734 г. был возвращен в казахскую степь. Являлся султаном нескольких родов Младшего и Среднего жузов. Хан Младшего жуза (с 1790), утвержденный российским правительством (1791). Известный казахский военачальник, имевший почетное звание батыр. Руководил отрядами в ходе антиджунгарских, антихивинских и антибашкир-

ских выступлений казахов. Также принимал участие в борьбе с повстанцами во главе с Срымом Датовым. Долгое время получал жалование от российских властей.

Т. 1: 62 (прим.), 120, 123, 125, 126, 130, 131, 140, 143, 183, 190, 278.

Т. 2: 35, 41, 42, 56, 62.

Ермолов, Алексей Петрович (1771–1861) – военный и государственный деятель, дипломат. Генерал от инфантерии и артиллерии. В 1816–1827 гг. – командир Грузинского отдельного корпуса, главнокомандующий в Грузии. В 1816–1818 гг. возглавлял чрезвычайное посольство в Персию. С 1830 г. – член Государственного совета.

Т. 1: 211.

Ермекбай (Ермекбаев), Жарас Акишевич – современный советский, казахстанский исследователь.

Т. 1: 234.

Ерофеева, Ирина Викторовна (1953–2020) – советский и казахстанский исследователь, один из крупнейших специалистов по истории Казахстана нового времени (имперского периода), биограф хана Абулхаира, принявшего первым присягу на верность Российской империи.

Т. 1: 9, 39, 55 (прим.), 56, 95, 135.

Есет (Исет) Кутибаров (Котибаров) (Исет-батыр) (1807–1888) – казахский батыр и бий рода шекты, племени алшин. Участвовал в восстании Жоламана Тленчиева, затем в 1847 г. поднял собственное восстание, которое то усиливалось, то ослабевало. Не все исследователи оценивают его в таком качестве. Например, известный востоковед В. В. Григорьев считал, что Есет преследовал собственные корыстные интересы, требуя от российских властей отвести ему участок в пойме реки Эмбы. В 1858 г. был помилован, а в следующем году уже участвовал в депутации казахов к императору Александру II. С 1861 г. находился на российской службе, имел несколько наград. Для развития земледелия среди

казахов чиклинского рода в 1849 г. сам завел пашню. Участвовал в хивинском походе.

Т. 1: 62, 437.

Т. 2: 142.

Ескенин Кулубек – уважаемый бий Среднего жуза в 1830–1840-х гг., волостной управитель Карпыковской волости Акмолинского внешнего округа.

Т. 1: 442.

Есимбек – казахский султан, сын султана Худайменды, которого российские власти пытались назначить султаном.

Т. 2: 66.

Ефремов, Филипп Сергеевич (1750 – после 1811) – уроженец Вятской губернии. Русский путешественник. Был продан казахами в рабство в Бухару, но сумел добиться благоволения у вельмож эмира. Воевал на стороне Бухары против Коканда. Позднее бежал через Хиву, Персию в Англию, откуда вернулся в Россию. В сокращенном варианте его «Странствия» дважды публиковались, в том числе в нмх содержатся интересные сведения о быте и менталитете казахов и среднеазиатских народов рубежа XVIII–XIX вв.

Т. 1: 66, 405.

Ж

Жаврины – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Жадигиды (поколение Жадига) – представители старшей ветви династии казахских ханов, возводившие свое происхождение к девятому сыну хана Джанибека (Жанибека) Жадику (ум. 1520). Первым казахским ханом из его потомков стал Шигай (Шыгай), правивший в 1580–1582 гг.

Т. 1: 56, 56 (прим.), 85, 125, 126, 127, 131, 136, 138, 140, 142, 144, 145, 146, 149, 411.

Т. 2: 36, 45.

Жан-торе Айчуваков (Джанторе, Джантюря, Жанторе-хан) (1759–1809) – султан из поколения Осека, сын признанного Россией хана Младшего жуза Айчувака, отказавшегося от титула в пользу сына (по правдоподобной версии письмо с прошением было написано самим Жан-торе). В 1805 г. был признан в ханском достоинстве российской администрацией. Вел борьбу с султаном (не признанным Россией ханом) Каратаем, сторонниками которого был убит. Имеются сведения о его участии в восстании С. Датова. Также есть сведения о лишении в 1806 г. Жан-торе ханского достоинства съездом старейшин.

Т. 2: 43, 44, 45.

Жакин, Маулен Советович – современный казахстанский исследователь, историк, этнограф.

Т. 1: 35.

Жарков – саратовский купец (XIX в.).

Т. 1: 53.

Жвачка – соруководитель группы запорожских казаков, начавших разбойные действия в середине XVIII в. в Польше. Партия из 150 арестованных русскими властями запорожских казаков была сослана в Сибирь, и все они были включены в состав Сибирского казачьего войска.

Т. 1: 107.

Железняк (Зализняк) Максим Иевлевич (1740 – после 1769) – соруководитель группы запорожских казаков, начавших разбойные действия в середине XVIII в. в Польше. Партия из 150 арестованных русскими властями запорожских казаков была сослана в Сибирь, и все они были включены в состав Сибирского казачьего войска. Некоторое время являлся гетманом Украины. Был сослан в Нерчинск. С каторги бежал. По неподтвержденным данным, мог принимать участие в движении Емельяна Пугачева. Один из главных героев поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки».

Т. 1: 107.

Жиренчин, Казбек Абусагитович (1948–2017) – советский, казахстанский исследователь, специалист по истории государства и права Казахстана.

Т. 1: 9.

Жолбарс (Жолбарыс Абдуллаулы, Джулбарс, Юлбарс) (1690–1740) – казахский султан из поколения Жади́га. Хан Старшего жуза (с 1723), имевший резиденцию в Ташкенте. В 1735 г. после ряда поражений признал власть джунгар. В 1738 г. обращался к российским властям с просьбой о приеме в подданство, грамота о чем была подписана императрицей Анной Иоанновной, но хан к присяге приведен не был. Был убит ходжами в Ташкенте, похоронен в мавзолее Ходжа Ахмата Ясави в Туркестане.

Т. 1: 98, 141.

З

Завадовский, Петр Васильевич (1739–1812) – уроженец Белгородской губернии, происходил из рода казацких старшин. Видный государственный деятель. Некоторое время – фаворит императрицы Екатерины II. Кабинет-секретарь. С 1802 по 1810 г. – первый министр народного просвещения Российской империи. Участник русско-турецкой и русско-шведской войн. Кавалер нескольких орденов. Граф (с 1797). Действительный тайный советник.

Т. 1: 174.

Залесский, Бронислав (1820–1880) – польский историк и художник, находившийся с 1848 г. в ссылке в Оренбургском крае за участие в польских революционных кружках. Здесь, в частности, участвовал в оформлении материалов Аральской экспедиции. В 1851 г. принимал участие в экспедиции, изучавшей месторождения угля в горах Каратау на полуострове Мангышлак. Оставил описания своих путешествий по казахской степи с зарисовками.

Т. 1: 20, 407.

Т. 2: 129, 142, 160, 165, 166.

Зубов, Платон Александрович (1766–1822) – выходец из небогатых дворян, фаворит императрицы Екатерины II, граф (с 1793), с 1796 г. – светлейший князь. Кавалер нескольких орденов. При Павле I попал в опалу.

Т. 1: 170.

И

Ивановы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Игельстром (Игельштром), Осип Андреевич (Густав Отто Андреј) (Otto Heinrich Graf Igelstroem fon) (1737–1823) – остзейский дворянин, видный российский государственный деятель, дипломат, военачальник. Генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1784–1791), оренбургский военный губернатор (1796–1798). Участник войн с Турцией, Швецией, Семилетней войны. Дослужился до чина генерала от инфантерии. Барон, граф (с 1792). Кавалер многих орденов. Автор реформ в Младшем жузе, направленных на инкорпорацию казахов в российское общество и государство. Поддерживал инициативы упразднения института ханской власти. Поддерживал Срыма Датова в этом вопросе, включив его в состав администрации. Возвращение в Оренбург второй раз во многом было вызвано стремлением использовать его опыт по урегулированию конфликтов. Был под судом, оправдан решением императрицы Екатерины II. Первый биограф – П. Л. Юдин.

Т. 1: 177, 181, 182, 182 (прим.), 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 218, 226, 416, 418, 422, 423, 424, 425, 426.

Т. 2: 39, 40, 41, 42, 43, 173, 176.

Игнатъев, Николай Павлович (1832–1908) – в 1860–1880-х гг. чиновник Министерства иностранных дел, известный российский дипломат, востоковед. Участник миссий в Китай и среднеазиатские государства. В 1859–1860 гг. подготовил и подписал от имени Российской империи Пекинский до-

говор. С 1877 г. – пожизненный член Государственного совета. Член Русского географического общества. Дослужился до звания генерал-адъютанта.

Т. 1: 337, 343.

Иди́г – казахский султан, сын хана Младшего жуза Ширгазы Айчувакова, направленный отцом в 1820-х гг. к хивинскому хану с целью добиться утверждения себя в ханском достоинстве.

Т. 2: 51.

Иди́лкеев, Аранбай – казах, освобожденный из тюрьмы по ходатайству хана Букеевской орды Джангира.

Т. 1: 233.

Ильин – чиновник Министерства внутренних дел, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Ильминский, Николай Иванович (1822–1891) – уроженец Пензенской губернии. Русский востоковед, педагог, миссионер, член императорской Российской академии наук. Автор реформы образования, предусматривавшей развитие образования среди нерусских народов Российской империи с использованием кириллических алфавитов, а в перспективе – с переводом обучения на русский язык и привлечением в православие. В казахской степи ее вариантом стала просветительская деятельность Ибрая (Ибрагима) Алтынсарина. Долгое время служил в Оренбургской пограничной комиссии. При первом избрании в академики отказался в пользу выдающегося востоковеда Василия Васильевича Радлова.

Т. 1: 451.

Ионов, Михаил Ефремович (1846 – ок. 1919) – с 20-летнего возраста служил в Оренбургском, а позднее в Туркестанском краях. Активный участник Туркестанских походов. Руково-

дил экспедициями на Памир и Алтай. Военный губернатор Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1899–1907). После революции поддержал А. В. Колчака. По свидетельствам современников, отличался решительностью и личной храбростью. Кавалер нескольких орденов и других наград. Профессиональный топограф. Автор ряда карт Центральной Азии.
Т. 1: 393.

Искенин, Толеген (Тулеген) – старшина кердеринского рода Младшего жуза, получивший Свидетельство о старшинстве от Оренбургской пограничной комиссии в 1818 г.
Т. 1: 228, 229.

Ишим (Есим) (1739–1797) – казахский султан из поколения Осека, хан Младшего жуза (1796–1797), утвержденный российским правительством, старший сын хана Нуралы. Особой популярностью среди казахов не пользовался. Убит повстанцами С. Датова. Похоронен в Калмыковской крепости.
Т. 1: 119, 183, 192.
Т. 2: 39, 41, 42, 43.

К

Кабанбай (Ерасыл Кожакүлулы, Каракерей Кабанбай-батыр) (1692–1770) – казахский батыр, военачальник, происходил из рода каракерей племени найман Среднего жуза. Участник многих сражений с джунгарами и среднеазиатскими владетелями. Сподвижник Тауке, Абулхаира и Аблай-ханов. Отношение к российскому подданству у него было неоднозначное. Поддержал обращение 1735 г. о развитии отношений с Россией (фактически – о вассалитете Среднего жуза). В то же время у него некоторое время находился бежавший от российских властей руководитель мятежных башкир Карасакал. Герой ряда казахских эпосов и поэтических произведений.
Т. 1: 62 (прим.), 72.

Каип (Кайып-хан) (1650–1719) – казахский султан, хан (с 1715/1718). В 1716 г. обращался к сибирскому губернатору М. П. Гагарину с предложением о покровительстве со стороны Российской империи и развитии торговли. Отправлял и принимал дипломатические миссии в Россию, Джунгарию, среднеазиатские ханства и Турцию.
Т. 1: 80.

Каип – казахский султан, происходил из поколения Жади́га, был сыном султана Баты́ра, являвшегося правителем поколения алимулы (Младший жуз) и не признававшего власть Абулхаира, и внуком хана Каиа. В 1747 г. был провозглашен хивинским ханом, но против него выступили аральцы и каракалпаки, а также часть хивинской знати и часть подчинявшихся казахов. В 1750 г. обращался за помощью к оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву, но вскоре приказал разграбить русский купеческий караван. В 1756 г. был свергнут.

Т. 1: 131, 136, 141, 142.

Т. 2: 39, 40, 45.

Каип-Гали (Кайбала, Каип-Галий, Каипгали, Кайыпгалы, Каип) Есимов (Ишимов, Ишим) (XVIII–XIX вв.) – казахский султан из поколения Осека, руководитель антиправительственных выступлений в Младшем жузе в 1826–1838 гг. После смерти хана Есима поддержал султана Букея и откочевал с ним в волжско-уральское междуречье. С султаном Шигаем и особенно с ханом Джангиром отношения не сложились. Каип-Гали не принял реформ молодого хана. Пытался устроить откочевку на внешнюю сторону Урала в 1818 г., зимой 1826–1827 гг. сумел организовать, уведя из Букеевского ханства, часть населения в Зауральскую орду. На некоторое время примкнул к Каратаю Нуралиеву. Дважды арестовывался, первый раз был отпущен, второй – бежал, найдя укрытие у султана-правителя Западной части Меньшей орды Ч. Урманова, который позднее был отрешен от власти и сослан в Уфу. Некоторое время правил частью рода чиклы. Позднее – родом алаш поколения адай, которыми был под-

нят на белой кошме (ок. 1834). С 1836 г. вступил в контакт с Хивой, чье подданство принял, но серьезной поддержки не получил. Нападал на укрепления и разъезды, несколько раз против его отрядов организовывали «воинские поиски». Часть отрядов вступила в ряды повстанцев Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, но после гибели Исатая все движение резко пошло на спад. Ок. 1838 г. Каип-Гали бежал в Хиву. Первым биографом был А. Ф. Рязанов.

Т. 1: 227.

Т. 2: 34, 54.

Кайдагулов (Куйдагулов, Койдагулов), Сеиткул – в 1730 г. – посланник казахского хана Абулхаира в Санкт-Петербург, везший прошение о приеме казахов в подданство Российской империи. Батыр.

Т. 1: 82, 82 (прим.).

Кадырбаев, Александр Шайдатович – современный советский, российский исследователь, историк, китаевед, тюрколог.

Т. 1: 2, 13, 154.

Т. 2: 2, 7.

Казанцев, Илья Михайлович – русский исследователь второй половины XIX в., историк, этнограф народов Центральной Азии. Член императорского Русского географического общества.

Т. 1: 37.

Казбек бий (Каззбек-би, Казыбек «Каз Дауысты» Кельдибекулы) (1667–1763/1764/1765) – казахский бий, представитель рода каракесек племени арғын. Известный оратор и дипломат. Один из ближайших советников хана Туке, участвовавших в создании свода обычного права Жеті Жарғы. По преданию, прозвище «Каз Дауысты» (с каз. букв. гусяноголосый) получил за свое красноречие от джунгарского правителя Галдан-Цэрена. Являлся сторонником интеграции с Россией и дистанцирования от Китая. Похоронен в Туркестане в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави.

Т. 1: 59, 123, 141.

Казы Сарымов – войсковой старшина, бий байбактинского рода в первой половине XIX в., вероятно, потомок батыра Срыма Датова.

Т. 1: 277.

Калиновская, Клара Петровна – современный советский, российский исследователь, номадолог, этнограф.

Т. 1: 64.

Т. 2: 139.

Каменский, Александр Борисович – современный российский исследователь, историк.

Т. 1: 324 (прим.).

Т. 2: 40.

Кантор, Владимир Карлович – советский, российский философ и литературовед.

Т. 1: 10.

Каппелер, Андреас (Andreas Kappeler) – современный австрийский историк, специалист по истории Российской империи.

Т. 1: 9, 10, 74, 153, 415.

Капцевич, Петр Михайлович (1772–1840/1843) – генерал-лейтенант, позднее – генерал от инфантерии, кавалерии и артиллерии. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов (1813–1814). В 1819–1826 гг. – командующий Сибирским отдельным корпусом, наказной атаман Сибирского казачьего войска. С 1822 г. генерал-губернатор Западной Сибири. С 1828 г. – командир отдельного корпуса внутренней стражи. Пользовался особым расположением императоров Александра I и Николая I.

Т. 1: 31, 108, 266, 266 (прим.), 419.

Карабаш (возможно, Карабаш Мухаммал султан) – в конце XVIII в. казахский султан «Конратовской волости», участник

дипломатической миссии казахов в Джунгарию, встречался с русскими посланниками, следовавшими в Ташкент.
Т. 1: 144.

Кара-Булат – казах из рода торт-кара, построивший в нач. XIX в. мечеть, заслужив славу святого.
Т. 1: 407.

Карагузя – казахский султан из поколения Осека, троюродный брат хана Нуралы, предпринимал походы против Хивы.
Т. 1: 141.

Карасакал (Султан-Гирей, Байбулат Хасанов, Минлегол Юлаев) – руководитель восстания башкир (1735–1740). В 1739 г. был провозглашен последним башкирским ханом. Российскими властями в этом достоинстве не был утвержден. Один из легендарных героев башкирского фольклора.
Т. 1: 121.

Каратаев, Бахытжан (Бакытжан) Бисалиевич (1863–1934) – уроженец Уральска, потомок хана Абулжаира (из поколения Осека), видный казахский общественный и государственный деятель. Депутат II Государственной думы Российской империи. Член партии кадетов, позднее вошел в состав партии большевиков. Некоторое время был членом Уральского ревкома. Делегат первых двух съездов Советов Киргизской АССР. Высказал несогласие в политикой Ф. И. Голощекина. После исключения из партии большевиков в 1927 г. подвергся гонениям.
Т. 2: 75.

Каратай Нуралиев (Каратай-хан, Каратай Нуралыханов) (XVIII в. – 1826) – казахский султан из поколения Осека, второй сын хана Нуралы от калмычки Рысс Ханым. Претендовал на ханское достоинство с 1797 г. Был провозглашен ханом рядом родов Младшего жуза в 1806 г., не признавая легитимность утверждения в ханском достоинстве российской администрацией султана Жан-торе. Вел с ним, а позд-

нее с ханом Ширгазы Айчуваковым и представителями российской администрации вооруженную борьбу. Позднее пошел на примирение с российской администрацией. В 1824 г. был избран султаном-правителем западной части Меньшей орды.

Т. 1: 192, 193, 209, 408, 426.

Т. 2: 34, 43, 43 (прим.), 44, 45, 46, 47, 52, 58.

Кареев – представитель уральского областного правления, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Карих, Елизавета Васильевна – современный российский исследователь, историк.

Т. 2: 86, 96.

Карпов, Александр Дмитриевич (ок. 1747–1815) – генерал-майор, позднее – генерал-лейтенант (с 1797), Симбирский наместник (с 1789), с 1797 г. – губернатор Симбирской губернии. Тайный советник (с 1797). Уволен в 1797 г. из-за того, что допустил крупный пожар, приведший к выгоранию значительной части центра Симбирска, в том числе большинства административных зданий. Позднее проживал в Москве.

Т. 1: 181.

Карпов, Александр Федорович (1842–1918) – военный губернатор Семипалатинской области (1891–1901). Участник русско-турецкой войны, польской кампании. С 1890 г. – генерал-майор, с 1899 г. – генерал-лейтенант. Первый почетный гражданин города Семипалатинска (1901). Позже жил в Крыму (в Евпатории). Кавалер нескольких орденов. Стремился учитывать интересы государства и податного населения, в том числе казахов. Проводил серьезную работу по укреплению границ Семипалатинской области с Китаем. Его ответственность может характеризовать такой поступок. После начала восстания ихэтуаней в Китае он отменил на-

чавшийся собственный отпуск и отбыл в Семипалатинскую область.

Т. 1: 367, 368, 368 (прим.), 369, 369 (прим.).

Карцов, М. – российский исследователь рубежа XIX–XX вв.

Т. 2: 93.

Карцев (Карцов), Петр Александрович – военный и государственный деятель. Входил в состав штаба Туркестанского военного округа. В 1907 г. являлся военным губернатором Закаспийской области. Известный военный историк своего времени. Кавалер нескольких орденов, награжден золотым оружием.

Т. 1: 393.

Касымов, Иликей (Еликей, Елекей, Ирмухаммед) (1822–1877) – казахский султан из поколения Осека, праправнук хана Абулхайра. Был поднят незначительной частью подразделений на белой кошме в 1843 г. Последний казахский султан, признанный хивинскими властями ханом казахов (1845–1852). Попал в Хиве в опалу, а семья оказалась в заложниках у хивинских властей. Поступил на службу в Оренбургскую администрацию. Участник взятия Ак-Мечети. Дослужился до чина подполковника. Вышел в отставку в 1870 г. Находился под следствием по двум уголовным делам, но был оправдан.

Т. 2: 56.

Касымов, Кенесары (Кенесара) (1802–1847) – казахский султан из поколения Жади́га. Сын султана Касы́ма, внук Абла́й-хана. В 1841 г. был поднят на белой кошме представителями многих родов трех жузов. Российским правительством в ханском достоинстве признан не был. Вел активную борьбу с сибирскими властями, в то же время с оренбургскими властями находился в добрых отношениях. Воевал с Кокандом и кыргызами. Погиб в 1747 г. в борьбе с кыргызскими манапами. Отрубленная голова была направлена в Копал представителям русской администрации. В современной ка-

захстанской идеологии Кенесары Касымов – символ борьбы за независимость и государственный суверенитет. Первым биографом стал Ахмет Кенесарин – его родной брат, служивший в российской администрации.

Т. 1: 38, 55, 66, 98, 252 (прим.), 278 (прим.), 285, 305, 408, 408 (прим.), 434, 436.

Т. 2: 34, 55 (прим.), 59, 60, 175.

Касымов, Саржан (Сарыджан) (XVIII в. – 1836) – казахский султан из поколения Жади́га. Сын султана Касыма, внук Аблай-хана. Отказался признавать упразднение ханской власти, предусмотренное Уставом 1822 г. о сибирских киргизах. Считал, что приказы в казахских степях созданы с нарушением договоренностей между прежними казахскими правителями, в частности ханом Аблаем, и российской администрацией. В 1826 г. совершил неудачную попытку захвата Каркаралинского окружного приказа. Требовал вернуть земли его семье. Далее несколько раз сталкивался с верноподданными казахами и отрядами сибирских казаков. Большая часть столкновений заканчивалась поражением Саржана и его сторонников. В 1836 г. был убит по приказу кокандского правителя. В настоящее время – один из символов борьбы за независимость. Первым биографом стал Ахмет Кенесарин – его родной брат, служивший в российской администрации.

Т. 1: 38, 278 (прим.), 434.

Т. 2: 175.

Касым-хан (Касим) (1445/1455–1518/1521/1523/1524) – казахский султан, сын сооснователя Казахского ханства Джанибека, двоюродный брат узбекского хана Мухаммеда Шейбани. Ханствовал в период 1511–1518/1521 гг. При нем Казахское ханство серьезно расширило свои владения. Есть устные свидетельства, что при нем был составлен первый устный кодекс казахского адата – «Касым ханным каска жолы» (Великая/чистая/доблестная дорога хана Касыма). Имел дипломатические контакты со многими странами, в том числе с Великим княжеством Московским. Его деятельность нашла

отражение во многих произведениях устного народного творчества и письменных исторических источниках.

Т. 1: 70.

Катанаяев, Георгий Ефимович (1848–1921) – генерал-лейтенант, начальник казачьего отделения штаба Западно-Сибирского военного округа, представитель Сибирского и Семиреченского казачьих войск, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г. Член Западно-Сибирского отдела ИРГО. Известный историк казачества.

Т. 1: 439.

Катенин, Александр Андреевич (1800/1803–1860) – уроженец Костромской губернии, наказной атаман Оренбургского казачьего войска, самарский и оренбургский генерал-губернатор (1857–1860). При нем снаряжались многочисленные экспедиции для изучения земель, населенных казахами, а также для изучения Каспийского и Аральского морей (озер). Добился подписания выгодных России торговых договоров с Хивой и Бухарой. Отменил запрет на занятие земледелием казахам Младшего жуза. При нем начали создавать регулярные тракты в степной части казахской степи и регулярное водное сообщение по Волге и Уралу. Первым из оренбургских губернаторов совершил долговременную (в течение нескольких месяцев) инспекцию земель, населенных казахами. Участвовал в подавлении польского восстания и военных действиях русской армии на Кавказе. Награжден несколькими орденами. В 1854–1856 гг. был помощником (заместителем) военного министра Российской империи. Почетный член Российской академии наук.

Т. 1: 297, 298, 299, 300, 301, 308, 314 (прим.), 399, 437, 439.

Т. 2: 10, 25.

Кауфман, Александр Аркадьевич (1864–1919) – русский исследователь, экономист, статистик. Профессор (с 1908). Член партии кадетов. Являлся экспертом сибирской группы

членов Государственной Думы. Был кандидатом в члены Учредительного собрания.

Т. 1: 376, 388.

Т. 2: 158.

Кауфман, Константин Петрович фон (Первый) (1818–1882) – видный русский военачальник и государственный деятель. С 1865 г. – виленский генерал-губернатор. Первый туркестанский генерал-губернатор (с 1867), при котором было ликвидировано и вошло в состав генерал-губернаторства Кокандское ханство, а Бухара и Хива стали протекторатами Российской империи, лишенными возможности самостоятельного проведения внешнеполитического курса. Одержана победа над туркменами. В Ташкенте учредил городскую думу. Во внутренней политике период его губернаторства обычно делят на два: в первом он спокойно относился к самоуправлению местного населения, на позднем этапе стал предпринимать шаги по его ограничению. Кавалер нескольких орденов. Дослужился до чина инженер-генерала. Являлся одним из символов российского военного могущества. Похоронен в Ташкенте.

Т. 1: 345, 392, 393, 446.

Кеннан, Джордж (Kennan George) (1845–1924) – американский журналист, путешественник, писатель, автор статей и книг о Сибири и казахской степи. Сохранилась обширная коллекция его фотографий из путешествий по Азиатской России.

Т. 2: 93, 94 (прим.).

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – потомок православного священнослужителя, политический и государственный деятель, член партии эсеров, один из основателей Российской Республики (1917), глава Временного правительства. Эмигрировал. Умер в США.

Т. 1: 458.

Киндерман, Христиан (Кристиан, Ганс) Христианович фон (Christian Theophil von Kindermann) (род. на рубеже XVII–XVIII вв.) – командир Сибирского корпуса, дослужившийся до чина генерал-майора. В 1745–1752 гг. – командующий войсками Сибирских линий. Автор проекта по созданию нескольких новых линий в глубине степи и соединению уральских и сибирских линий, одобренного Сенатом. Инициатор развития на линиях казенного хлебопашества (земледелия).

Т. 1: 102, 135.

Кирилов (Кириллов), Иван Кириллович (1695–1737) – видный государственный деятель, дипломат. С 1727 г. – обер-секретарь Сената. Первый глава Оренбургской (Особой) экспедиции (1734–1737) – первого официального российского органа по управлению Оренбургским краем. Известный русский ученый, историк, топограф, экономист. Основоположник русской экономической географии. Инициатор создания «Атласа Всероссийской империи». Участвовал в жестком подавлении башкирских бунтов. Развивал отношения с казахскими владетелями с целью их интеграции в имперскую инфраструктуру. Похоронен в Самаре.

Т. 1: 45, 90, 91, 100, 119, 182, 189, 205.

Киселев, Павел Дмитриевич (1788–1872) – граф, русский государственный деятель, дипломат, военный, дослужившийся до чина генерала от инфантерии и генерал-адъютанта. Известный реформатор. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1814 г. – флигель-адъютант императора Александра I. Автор известной записки об освобождении крестьян от крепостной зависимости (1816). Под его руководством были приняты органические регламенты (Конституции) Валахии и Молдавии. Автор и активный сторонник крестьянских реформ 1830–1840-х гг. (т.н. реформы Киселева). В последние годы жизни – член Государственного совета.

Т. 1: 280.

Киттары, Модест Яковлевич (1824/1825–1880) – уроженец Пермской губернии, учился в Казанском университете, где вел активную общественную деятельность. Известный русский ученый, химик. Профессор Московского университета. Встречался с ханом Букеевской орды Джангиром и его женой Фатимой.

Т. 1: 235.

Кляшторный, Сергей Григорьевич (1928–2014) – советский, российский историк, востоковед, тюрколог.

Т. 1: 13.

Т. 2: 6.

Кнорринг, Карл Федорович фон (Carl Heinrich von Knorring) (1746–1820) – уроженец Прибалтики. Начальник кавказской инспекции (с 1799), затем главнокомандующий русскими войсками в Грузии. Астраханский губернатор (1799–1801). Участник двух русско-турецких войн. Кавалер многих орденов.

Т. 1: 234.

Кобеко, Дмитрий Фомич (1837–1918) – русский дворянин, чиновник Министерства финансов, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г. Известный биограф, историк.

Т. 1: 439.

Ковальская, Светлана Ивановна – современный казахстанский исследователь, историк, религиовед.

Т. 1: 13, 459.

Т. 2: 7.

Козина, Валерия Викторовна – современный казахстанский исследователь, историк, демограф.

Т. 1: 13.

Т. 2: 7, 15, 107.

Кокым бий Карашорин – казахский бий XVIII в., являвшийся некоторое время правителем у части кыргызов. По преданию, участвовал в составлении Жеті Жаргы.

Т. 1: 60.

Т. 2: 18, 19, 119.

Колпаковский, Герасим Алексеевич (1819–1896) – уроженец Харьковской губернии, государственный и военный деятель, один из тех, кто внес наибольший вклад в присоединение центрально-азиатских территорий к Российской империи, завоеватель Кокандского ханства. Служил на Кавказе. На службе в Сибири – с 1852 г. Являлся адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта, начальником Алатавского внешнего округа и Большой орды (с 1858). Командовал войсками Семипалатинской и Семиреченской областей. В 1867 г. стал первым военным губернатором Семиреченской области и наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. С 1882 г. – первый генерал-губернатор Степного края и командующий войсками Омского военного округа. С 1885 г. – полный генерал. С 1889 г. – член военного совета. Кавалер многих орденов. Свободно владел казахским языком. Как отмечали современники, по степи он ездил без охраны и часто даже без свиты.

Т. 1: 262, 263, 346, 347, 348.

Компенгаузен (Кампенгаузен), Балтазар Балтазарович (1772–1823) – барон, с 1811 г. – сенатор, член Государственного совета и государственный контролер Российской империи. В 1823 г. являлся министром внутренних дел.

Т. 1: 256.

Коншин, Николай Яковлевич (1864–1937) – уроженец Тверской губернии, российский этнограф, журналист, депутат I и II Государственных дум от Семипалатинской области. В советское время участвовал в организации архива в Семипалатинске. Автор многочисленных работ по экономике и этнографии казахского народа и Степного края.

Т. 1: 34, 368 (прим.).

Т. 2: 150, 151, 159, 167.

Коптеловы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Коровниковы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Косач, Григорий Григорьевич (1944–2022) – советский, российский исследователь, историк, политолог.

Т. 1: 157.

Костенко, Лев Феофилович (1841–1891) – уроженец Полтавской губернии. Русский генерал, дипломат, востоковед, участник туркестанских военных походов. С дипломатическими миссиями посещал Бухару и Хиву. В 1776–1778 гг. совершил путешествия на Памир и на Тянь-Шань. С 1878 г. – начальник штаба Семиреченской области. С 1885 г. – в составе штаба Омского военного округа, генерал-майор. Член императорского Русского географического общества. Автор многих публикаций по географии и этнографии народов Центральной Азии.

Т. 1: 20.

Костюшко, Тадеуш (*Andrzej Tadeusz Bonawentura Kosciuszko*) (1746–1817) – предводитель польского национально-освободительного движения 1794 г.

Т. 1: 189.

Котляревский, Сергей Андреевич (1873–1939) – русский писатель, историк, социолог. Статский советник. Один из организаторов «Союза освобождения». В 1912 г. вышел из состава кадетской партии. Комиссар Временного правительства с правами товарища (заместителя) МВД в 1917 г. Сначала занимал активную антисоветскую позицию. Был несколько

раз арестован. Участвовал в экспедиции АН СССР в Туркмению. Казнен. Реабилитирован в 1956 г.

Т. 1: 460.

Коченовы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Кочубей, Виктор Павлович (1768–1834) – граф, видный государственный деятель. В 1810–1811 гг. – член Государственного совета по департаменту государственной экономии. В 1819–1823 гг. управляющий (министр) внутренних дел Российской империи, с 1827 г. – председатель Государственного совета и Комитета министров.

Т. 1: 256.

Кошкарбай – казахский старшина, совершавший набеги на алтайцев в 1757–1759 гг., вывозил алтайцев в качестве рабов в казахские аулы и для продажи на невольничьих рынках Бухары, пытался закрепиться на территории Горного Алтая. В 1759 г. с гордостью сообщил представителям русской администрации в Семипалатинске, что лично пленил около 300 алтайцев.

Т. 1: 115.

Коштаев, Кутлумбет – в 1730 г. посланник казахского хана Абулхайра в Санкт-Петербург, везший прошение о приеме казахов в подданство Российской империи. Бий.

Т. 1: 82, 82 (прим.).

Крадин, Николай Николаевич – современный советский, российский исследователь, историк, этнолог, нomaдолог.

Т. 1: 14.

Краснокутский – красноярский земский исправник (Астраханская губерния), майор.

Т. 1: 224.

Красовский, Николай Иванович (1833 – после 1886) – русский исследователь, военный. Генерал-майор, участник русско-турецкой войны. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 201, 284.

Крафт, Иван Иванович (1859–1914) – потомок ссыльного немецкого дворянина, чиновник Тургайской областной администрации и Министерства внутренних дел, в 1913 г. – енисейский губернатор. Кавалер нескольких орденов и других наград. Известный русский исследователь, историк, правовед, этнограф. Владел казахским языком. Открывал школы для казахских детей. Автор многих научных трудов и сборников документов и материалов.

Т. 1: 372, 394.

Кривошеин, Александр Васильевич (1857–1921) – государственный деятель Российской империи. С 1884 г. – на службе в министерствах юстиции и внутренних дел. С 1905 г. – товарищ (заместитель) главноуправляющего землеустройством и земледелием, с 1908 г. – главноуправляющий, начальник Переселенческого управления Российской империи. С 1906 г. – член Государственного совета. В 1914 г. отказался от поста главы правительства. Действительный тайный советник, статс-секретарь. После революции входил в правительства А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Эмигрировал. Умер и похоронен в Берлине.

Т. 1: 395.

Крыжановский, Николай Андреевич (1818–1888) – с 1865 г. – оренбургский и самарский генерал-губернатор, при котором произошло разделение на Уфимскую и Оренбургскую губернии, а Область оренбургских киргизов была разделена на Тургайскую и Уральскую области. Командующий учрежденного в 1865 г. Оренбургского военного округа, в его ведении в том числе находилась созданная Туркестанская область. Участвовал в Крымской войне. Руководил военными действиями против Коканда и Бухары. Выступал за введение прямого управления русскими чиновниками

в местной (туземной) администрации. Уволен в 1881 г. в результате сенатской ревизии, вскрывшей многочисленные злоупотребления полномочиями. Генерал от артиллерии, с 1861 г. – генерал-лейтенант, с 1862 г. – генерал-адъютант. Автор нескольких литературных произведений, в том числе по восточной тематике. Родственник военного губернатора Безака.

Т. 1: 51, 304, 310, 314, 314 (прим.), 440.

Т. 2: 10.

Кубек Шукуралы-улы – в нач. XIX в. – старшина жаппасовского рода.

Т. 1: 239.

Кудайбергенова, Балка – крупный землевладелец в Букеевской орде в 1820–1830-х гг.

Т. 1: 222.

Куламбаев – казах, один из немногих ростовщиков в XIX в.

Т. 2: 153.

Кузембай – сорокалетний казах из Младшего жуза, информатор Б. Залесского (сер. XIX в.).

Т. 2: 165.

Кузнецов, В. – член-корреспондент Вольного экономического общества.

Т. 2: 138, 159.

Кунанбай Ускенбаев (1804–1886) – представитель казахского рода тобыкты племени аргын, хорунжий, позднее – майор. С 1834 г. – волостной старшина, старший султан Каркаралинского внешнего приказа (1849–1859). Снят с должности без присуждения дворянского титула в результате интриг и межродовых стычек. Освобожден по просьбе Ч. Ч. Валиханова. В бытность старшим султаном распорядился о строительстве в Каркаралинске мечети. Первым из старших султанов и вообще состоявших на российской службе казахов

в 1874 г. совершил хадж в Мекку, где построил гостиницу для паломников-казахов. Отец поэта-просветителя А. Кунанбаева.

Т. 1: 443.

Т. 2: 67.

Курлов, Павел Григорьевич (1860–1923) – государственный и военный деятель, минский и киевский губернатор, в 1909–1911 гг. – товарищ (заместитель) министра внутренних дел. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Кавалер нескольких орденов. После революции эмигрировал. Автор нескольких научных трудов по политической истории.

Т. 1: 375.

Кусяк-Али – казахский султан, провозгласивший себя султаном-правителем Западной части Младшей орды в 1833 г.

Т. 2: 52.

Кутузов – подполковник, служивший в сер. XVIII в. на Сибирской линии.

Т. 1: 102.

Кучук-хан – султан одного из родов племени найман (Средний жуз). Имел кочевья в 1740-х гг. в пограничных с джунгарскими районах. Есть сведения, что совместно с султаном Бараком завоевал несколько городов на Сырдарье.

Т. 1: 134.

Кучум (Куцем) (ок. 1510/1520 – ок. 1600) – представитель династии Шибанидов, сибирский хан (царь) (1563–1581/1582). Имел сначала дипломатические отношения с Россией, затем он и его сыновья вели активные военные антироссийские действия. Пытался заключить ряд военных союзов со среднеазиатскими правителями. Столица – Искер – была захвачена атаманом Ермаком. Позднее на помощь к казакам

пришли регулярные полки. Ряд казахстанских исследователей считают Кучума казахским султаном.

Т. 1: 68, 77.

Кэстль, Джон (Cassel Jean) – художник и путешественник XVIII в., посетивший казахскую степь, неоднократно встречавшийся с ханом Младшего жуза Абулхаиром, многими биями и батырами того времени. Его дневник, важный исторический источник, опубликован. Ряд картин хранится в крупнейших музеях.

Т. 1: 43, 96.

Л

Лазаревский (Лозаревский), Федор Матвеевич (1820–1890) – один из шести братьев Лазаревских, служивших в Оренбургском ведомстве. В период 1845–1854 гг. служил в Оренбургской пограничной комиссии сначала помощником, а затем председателем. Участвовал в работе комиссии по пересмотру Временного положения 1868 г. во главе с Плеве. Был дружен с Т. Г. Шевченко и В. И. Далем.

Т. 1: 349.

Ладъженский, Михаил Васильевич (1802–1875) – генерал-майор, председатель Оренбургской пограничной комиссии. Некоторое время был тобольским губернатором и комендантом Оренбурга. Переведен в Оренбург из Тобольска вместе со своими подчиненными Федором и Михаилом Лазаревскими (был назначен чиновником особых поручений при председателе Оренбургской пограничной комиссии в чине коллежского секретаря, позднее вместе с В. И. Далем был переведен на службу из Оренбурга в Санкт-Петербург, где дослужился до генерал-лейтенанта). Участник русской миссии в Пекине. Участвовал в русско-турецкой войне. Кавалер нескольких орденов. Известен как военный востоковед.

Т. 2: 55.

Ладъженко – полковник, временно исполнял обязанности губернатора во время отъезда Безака.

Т. 1: 313.

Латин, Николай Сергеевич – современный казахстанский исследователь, историк.

Т. 1: 9.

Т. 2: 40, 43 (прим.).

Левашов, А. – поручик, посетивший в 1745 г. Джунгарское ханство.

Т. 1: 132.

Левшин, Алексей Ираклиевич (1798–1879) – уроженец Воронежской губернии. Государственный деятель, выдающийся ученый, историк, этнограф, географ. В 1820–1823 гг. – чиновник Оренбургской пограничной комиссии. С 1831 г. – одесский градоначальник, с 1839 г. – иркутский гражданский губернатор. С 1844 г. – руководитель департамента Министерства государственных имуществ, с 1855 г. – товарищ (заместитель) министра внутренних дел, сенатор. Сыграл важную роль в реформе 1861 г. Член и один из учредителей императорского Русского географического общества. «Геродот казахской истории». Автор знаменитой работы «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832), которая была переиздана в новейшее время.

Т. 1: 16, 28, 64, 144, 206, 311, 403, 407, 427.

Т. 2: 9, 39, 87, 129, 149.

Леонтович, Виктор Владимирович (1902–1952) – русский (британский) исследователь, работавший в эмиграции. Историк, правовед, политолог.

Т. 1: 249, 254.

Лихарев, Иван Михайлович (1676–1727) – дворянин, русский государственный деятель, военачальник. В 1718–1720 гг. руководил экспедицией в Верхнее Прииртышье (в чине майора). Основатель Усть-Каменогорска, где ему в 1990 г. был установлен памятник. Имел приказ следовать в Яркенд и на Зайсан. Столкнулся с джунгарами, от войны

уклонился. Составил карту Прииртышья (опубликована В. А. Моисеевым). Проводил ревизию деятельности сибирского губернатора М. П. Гагарина. С 1726 г. – генерал-майор. С 1727 г. – архангельский губернатор. Участник Северной войны и Прутского похода. Кавалер многих орденов.
Т. 1: 79.

Лисовский – чиновник Министерства иностранных дел, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.
Т. 1: 439.

Лобысевич, Федор Иванович (1841 – после 1900) – полковник Оренбургского казачьего войска, известный российский исследователь, историк Оренбургского и Туркестанского краев, географ.
Т. 2: 37.

Локк, Джон (John Locke) (1632–1704) – выдающийся английский философ-просветитель, развивший теорию общественного договора, оказавший влияние на многих исследователей и развитие европейской политической системы нового времени.
Т. 1: 155.

Ломачевский, Асинкрит Асинкритович (1848–1921) – государственный и военный деятель Российской империи. Некоторое время был адъютантом великого князя Николая Николаевича Романова. В 1885–1890 гг. – оренбургский вице-губернатор, в 1890–1895 гг. – томский губернатор. Военный губернатор Тургайской области (в 1900–1908). Кавалер нескольких российских и зарубежных орденов. После революции поддержал Врангеля. Казнен большевиками. Активно поддерживал строительство Сибирской железной дороги. Публицист, печатался в нескольких популярных журналах. Топограф, автор ряда научных и методических работ по картографии.
Т. 1: 393.

Лосевский, Владимир Степанович – государственный деятель. На службе с 1875 г. В 1891–1905 гг. – управляющий канцелярией Степного генерал-губернаторства. Гражданский губернатор Акмолинской области (1906–1910). Дослужился до чина тайного советника. Кавалер нескольких орденов. Член ИРГО.
Т. 1: 393.

Лузанов – директор Троицкой таможни в 1820 г.
Т. 1: 429.

Лысенко, Юлия Александровна – современный российский исследователь.
Т. 1: 9, 307.
Т. 2: 96.

Львович, Дмитрий – русский географ, путешествовавший по казахской степи в конце XIX – начале XX вв.
Т. 1: 23.

Любавский, Матвей Кузьмич (1860–1936) – российский и советский исследователь, историк. Ректор Московского университета (1911–1917), академик Академии наук СССР. Руководитель Главархива и др. архивохранилищ. Проходил по так называемому академическому делу. Был арестован. Реабилитирован в послевоенный период.
Т. 1: 101.

Любичанковский, Сергей Валентинович – современный российский исследователь, историк.
Т. 1: 190.

Людовик XVI (Луи Огюст, Louis XVI) (1754–1793) – французский король из династии Бурбонов. Казнен по решению Конвента в ходе Великой французской революции.
Т. 2: 42.

М

Мажитова, Жанна Сабитбековна – современный казахстанский исследователь, историк.

Т. 1: 61.

Мамай-султан – казахский султан начала XVIII в. Обращался к российскому правительству с просьбой о развитии торговли и военном покровительстве.

Т. 1: 80.

Максимович, Константин Клавдиевич (1849–1917) – военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска (1893–1899), генерал от кавалерии (с 1906). Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 365, 366, 367, 369, 447.

Малютин – чиновник Министерства государственных имуществ, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Марков, Геннадий Евгеньевич (1923–2018) – советский, российский специалист, археолог, этнограф, номадолог.

Т. 1: 240.

Т. 2: 98.

Мартин, Вирджиния (Martin Virginia) – современный американский исследователь Центральной Азии.

Т. 2: 83.

Мартынов – представитель Сибирского и Семиреченского казачьих войск, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Масанов, Нурболат Эдигеевич (1954–2006) – советский, казахстанский исследователь, историк, этнограф, политолог, номадолог.

Т. 1: 9, 18, 23.

Мейендорф, Егор Казимирович (1795/1797–1863) – барон, участник антинаполеоновских войн, капитан Гвардейского Генерального штаба, впоследствии – полковник, в 1820–1821 гг. – участник миссии А. Ф. Негри в Бухару (натуралист и топограф), с 1821 г. находился при Главной квартире 2-й армии, с 1826 г. – чиновник Министерства финансов.

Т. 1: 251, 409.

Мейер, Лев Лаврентьевич (1831–1910) – российский исследователь Центральной Азии, член Степной комиссии (в то время в чине полковника), некоторое время служил при Генеральном штабе. Дослужился до звания генерала от инфантерии (1901).

Т. 1: 96, 206, 319.

Т. 2: 113.

Мендигерей (Мендикерей) Бокейханов (1808–1868) – казахский султан Букеевской Орды из поколения Осека. Младший сын хана Букея, брат хана Джангира. Один из крупнейших землевладельцев Букеевской орды в 1820–1830-х гг. и, по свидетельствам современников, самый богатый человек в ней. Управлял родом шеркеш. Активно участвовал в подавлении восстания Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Правительством Российской империи награжден золотой медалью.

Т. 1: 222.

Мендияр – казахский султан, сын хана Младшего жуза Ширгазы Айчувакова, направленный отцом в 1820-х гг. к хивинскому хану с целью добиться утверждения себя в ханском достоинстве.

Т. 2: 51.

Мененбай – казахский султан, которого хивинские правители пытались утвердить в поколении алимулы ханом во втором десятилетии XIX в.

Т. 2: 45, 46.

Милуков, Павел Николаевич (1859–1943) – потомственный дворянин, русский политический и общественный деятель, основатель партии кадетов и ее лидер. Член III и IV Государственной думы. Комиссар (министр) иностранных дел Временного правительства. Член Донского гражданского совета, поддержавшего Деникина. Активно публиковался как в России, так и в эмиграции. Почетный профессор Кембриджа. Автор многочисленных работ по русской истории. Т. 1: 398.

Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – выдающийся государственный и военный деятель, теоретик, военный историк. Военный министр Российской империи (в 1861–1881), генерал-фельдмаршал. Долгое время служил на Кавказе. Участник нескольких войн. Кавалер многих орденов. Сторонник активного продвижения Российской империи в юго-восточном направлении, несмотря на противодействие Великобритании. Т. 1: 310, 312, 325.

Моисеев, Владимир Анисимович (1948–2007) – советский, российский исследователь, один из крупнейших специалистов по истории международных отношений в Центральной Азии в новое время. Т. 1: 5, 9, 13, 50, 307. Т. 2: 5, 7, 63.

Монтескье, Шарль Луи де (*Charles Louis de Secondat, Baron de La Brede et de Montesquieu*) (1689–1755) – французский философ-просветитель, писатель, правовед. Автор концепции разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная). Член французской и почетный член ряда зарубежных академий наук. Т. 1: 155.

Мордвинов, Николай Семенович (1754–1845) – адмирал, российский государственный и общественный деятель, в 1810–1812 гг. (в 1812 г. ушел в отставку после отстранения М. М. Сперанского) и 1816–1818 гг. – председатель департамента экономии, в 1820–1838 гг. – департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. В 1823–1840 гг. являлся президентом Вольного экономического общества. Один из представителей реформаторского крыла русской бюрократии первой половины XIX в. Оказал серьезное влияние на «разворот на Восток» российской внешней торговли в период Континентальной блокады и после нее. Т. 1: 211, 249, 250, 251, 252, 253, 253 (прим.).

Муканов, Сабит Муканович (1900–1973) – известный советский казахстанский писатель и литературовед. Т. 1: 222.

Муравин, Иван – посланник российских властей через казахскую степь в 1740–1741 гг. в Хиву, которую посещал вместе с Д. Гладышевым (руководитель экспедиции). Выпускник Московской академии. Топограф, геодезист. Одним из первых нанес на карты часть побережья Аральского моря (озера). Т. 1: 18.

Мухамедаминов, Бийхурмет – татарский мулла, направленный в Средний жуз в 1830-х гг. для агитации вступления в подданство Российской империи. Т. 1: 419.

Мухаммед (Магомед) (ок. 570–632) – пророк, уроженец Мекки, позднее перебравшийся в Медину, арабский религиозный и политический деятель. Сумел объединить арабские племена. Основатель исламского вероучения. Т. 1: 55, 406 (прим.), 419.

Мухамедгалиев Мадий – казахский султан, султан-правитель Средней части Меньшей орды, уволенный за взятки в 1829 г.

Т. 2: 69.

Мухаммет – казах, находившийся в российской тюрьме и освобожденный по просьбе султана Барака.

Т. 1: 138.

Н

Нагаминэ, Хироюки – современный японский исследователь, историк.

Т. 1: 9.

Наганава, Норихиро – современный японский исследователь, историк.

Т. 1: 9.

Надаров, Иван Павлович (1851–1922) – этнический черкес, предки которого получили российское дворянство и имение в Полтавской губернии. Участник присоединения и освоения Приамурья. Степной генерал-губернатор, наказной атаман Сибирского казачьего войска и командующий войсками Омского военного округа (1906–1908). Участник русско-турецкой, русско-японской войн и похода в Манчжурию. Кавалер многих орденов. Дослужился до чина генерала от инфантерии. Член императорского РГО. Автор нескольких научных трудов по географии Дальнего Востока.

Т. 1: 393.

Назаров, Филипп Михайлович (кон. XVIII – нач. XIX вв.) – выпускник омского Азиатского училища, русский дипломат, переводчик. С 1804 г. – на службе в качестве переводчика на Иртышской линии. Служил в отдельном Сибирском корпусе. Имеются свидетельства, что состоял на службе в Коллегии иностранных дел. В 1813–1814 гг. посетил Коканд, проезжая через кочевья казахов Среднего жуза. Его Записки об этом путешествии были опубликованы при жизни и позднее неоднократно переиздавались.

Т. 1: 214.

Т. 2: 123, 162.

Надир-шах Афшар (Надир-хан, Надир-кули-хан, Тахмасп хан) (ум. 1747) – выходец из социальных «низов», видный военачальник, регент при шахе Аббасе III. Основатель династии Афшаридов. Персидский шах (с 1736). Вел активную внешнюю экспансию на Кавказе, Среднем Востоке, в Южной и Центральной Азии. В том числе его власть признали Бухарское и Хивинское ханства. Казахские роды Младшего жуза опасались вторжения войск Надир-шаха в свои владения. По одной из гипотез, это обстоятельство стало причиной поддержки принятия подданства Российской империи. Был убит собственными офицерами-тюрьками, которых приказал тайно казнить афганским офицерам. После смерти шаха Надира его гробница была разграблена, драгоценные металлы, камни, ювелирные изделия оказались на азиатских рынках, обрушив стоимость драгоценных металлов. Российская империя активно скупала эти изделия. Центром скупки на некоторое время стал Меновый двор близ Оренбурга. Т. 1: 73, 198.

Найденов – казачий урядник, неоднократно посещавший в сер. XIX в. казахскую степь, в том числе с дипломатическими целями. Был в числе доверенных лиц оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Рекомендовал правительству не поддерживать претензий Нуралы на хивинский престол. Предложение было поддержано Сенатом. Т. 1: 131.

Намуруна – дочь казахского хана Абулхаира, жена султана Досалы, которому приходилась кузиной. Т. 1: 144.

Наумкин, Виталий Вячеславович – современный российский востоковед, арабист, историк, политолог. Т. 1: 13.
Т. 2: 7.

Небольсин, Павел Иванович (1817–1893) – уроженец Нижегородской губернии. Русский журналист, историк, этнограф,

экономист. Член императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Выпустил несколько статей о казахах, в которых стремился показать их ущемленное положение в имперской структуре. Его статья «Путешествующий киргиз», вышедшая в журнале «Русский вестник», положила начало широкой дискуссии в журналах и мемуарах того времени по этому вопросу. Статский советник. Т. 1: 339.

Неверов, Александр Николаевич (1862–1937) – государственный деятель Российской империи. Губернатор Акмолинской области (1910–1915). Затем являлся управляющим Земским отделом и товарищем (заместителем) министра МВД. С 1916 г. – сенатор. После революции служил у Врангеля. Эмигрировал. Кавалер нескольких орденов. Был известным благотворителем. Т. 1: 393.

Негри, Александр Федорович (1780/1784–1854) – дипломат, археолог, переводчик с восточных языков. Зять К. Иппосиланти. С 1815 г. – на службе в Коллегии иностранных дел, в 1816–1818 гг. – советник чрезвычайного посольства А. П. Ермолова в Тегеран. В 1820 г. направлен со специальной миссией в Бухару. Миссия проходила через степи, населенные казахами. Сопровождал миссию в том числе султан Арынгазы Абулгазиев, пытавшийся использовать ее для усиления собственного влияния и воздействия на династических противников, поддерживавшихся в том числе хивинским ханом. Позднее участвовал в русско-турецкой войне. С 1837 г. почти до смерти проживал в Одессе, где и был похоронен. Т. 1: 21.
Т. 2: 47.

Неплюев, Иван Иванович (1693–1773) – представитель знатного рода, русский государственный деятель, дипломат. В 1742–1744 г. – начальник Оренбургской комиссии, наместник Оренбургского края, в 1744–1758 гг. – первый оренбургский

губернатор. Активно строил новые укрепления по границам с казахской степью. Автор и сторонник так называемого жесткого курса. С 1760 г. – сенатор и конференц-министр. Автор опубликованных «Записок», часть содержания которых посвящена его деятельности в Оренбурге. Адмирал, действительный тайный советник.

Т. 1: 43, 92, 92 (прим.), 93, 95 (прим.), 100, 104, 106, 117, 120 (прим.), 124, 125, 130, 131, 133, 135, 137, 138, 141, 142, 143, 145, 146, 148, 162, 163, 182, 187, 205, 205 (прим.), 411, 413, 417.

Т. 2: 29, 31, 35, 37, 176.

Нессельроде, Карл Васильевич (1780–1862) – граф, государственный деятель и дипломат. С 1811 г. – статс-секретарь, с 1812 г. – фактический глава МИДа, выполнявший особые поручения императора Александра I, с 1816 г. – официально назначен управляющим Министерством иностранных дел, с 1828 г. – вице-канцлер, с 1845 г. – канцлер. Вышел в отставку в 1856 г.

Т. 1: 429.

Т. 2: 47, 48, 50, 51.

Нефедьев, Александр Иванович – генерал-майор (с 1797), ответственный за охрану границ по Иртышской линии на рубеже XVIII–XIX вв. Предложил брать с казахов плату в размере 1% движимого имущества за перегон скота через Иртыш. Правительство предложение приняло, но периодически из этого правила делались исключения и пропуск осуществлялся бесплатно. Позднее Сибирское казачье войско стало взимать ремонтную пошлину, также в размере 1% от перегоняемого скота. С 1798 г. – член Военной коллегии.

Т. 1: 111.

Никитины – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Николай I (Николай Павлович Романов) (1796–1855) – российский император (1825–1855).

Т. 1: 237 (прим.), 243, 436.

Т. 2: 55, 60.

Николай II Александрович (Романов) Кровавый (1868–1918) – российским император (1894–1917), отрекшийся от престола, казненный с семьей большевиками. В 1894 г., будучи еще великим князем, возглавлял комитет Сибирской железной дороги.

Т. 1: 153.

Т. 2: 16 (прим.).

Нифантьев, Т.Ф. – профессиональный топограф, неоднократно посещавший и описавший ряд районов Области сибирских киргизов и смежных с нею регионов в 1820–1850-х гг.

Т. 2: 88.

Нода, Дзин – современный японский исследователь, историк.

Т. 1: 9.

Нуралиев, Юсуф (род. 1786) – казахский султан из поколения Осека, потомок хана Нуралы, Нода султан-правитель Средней части Меньшей орды (в 1830–1842), уволенный в середине XIX в. со службы за взятки, но с формулировкой «по состоянию здоровья» с назначением ежегодного пенсiona в 200 руб. сер. До этого был награжден несколькими похвальными листами, золотой медалью и произведен в войсковые старшины.

Т. 2: 69.

Нуралы (Нурали, Нурала, Нур-Али) Абулхаиров (ок. 1710–1790) – казахский султан из поколения Осека. Старший сын хана Младшего жуза Абулхаира. В 1740–1741 гг. являлся хивинским ханом. Хан казахов Младшего жуза (с 1748), утвержденный в этом достоинстве российскими властями (1749). Его деятельность вызвала серьезное недовольство казахов, став одной из основных причин движения Срыма Дато-

ва. С оренбургскими властями имел сложные отношения. С 1786 г. находился под фактическим надзором в Хиве. Имел более 30 жен и наложниц, от которых родилось 40 сыновей и 34 дочери.

Т. 1: 53, 97, 113, 117 (прим.), 120, 120 (прим.), 123, 130, 131, 136, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 166, 171, 173, 182, 184, 186, 413, 420, 427.

Т. 2: 28, 29, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 62, 66.

Нуралыханов, Шоке (Ниралиев, Чука?) – казахский султан из поколения Осека. Один из крупнейших землевладельцев Внутренней орды, владевший 170 тыс. дес.

Т. 1: 222.

О

Обручев, Владимир Афанасьевич (1793/1795–1866) – уроженец Архангелогородской губернии, потомственный военный, сын генерала. Участвовал в антинаполеоновских войнах, войне с Турцией, военных походах в Средней Азию и подавлении польского восстания. Основал первое русское укрепление на Сырдарье – Раим, а также на Тургае и Иргизе, организовал ряд экспедиций в Среднюю Азию, в том числе по изучению Аральского и Каспийского морей (озер). Кавалер нескольких русских орденов. По воспоминаниям декабриста С. П. Трубецкого, Владимир Афанасьевич был членом одного из тайных обществ (декабристом), но к следствию привлечен не был. Считается, что он был ставленником исполнявшего обязанности военного министра графа П. А. Клейнмихеля, откровенного недоброжелателя В. А. Перовского, которого Обручев и сменил. В 1842 г. назначен оренбургским военным губернатором, командиром отдельного Оренбургского корпуса и управляющим гражданской частью. Очень серьезно изменил штат губернского управления. По его инициативе Неплюевское училище преобразовали в кадетский корпус. По соглашению с западно-сибирским генерал-губернатором для решения возникавших споров были организованы съезды казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. В 1851 г. стал сенато-

ром и выехал на постоянное жительство в Санкт-Петербург, в 1859 г. назначен председателем генерал-аудиториата – высшего военно-юридического органа в России, включавшего в том числе функции военного суда. Его сын – Н. Н. Обручев – продолжил военную династию, дослужился до чина генерала от инфантерии и почти двадцать лет являлся начальником Главного штаба Российской империи.

Т. 1: 293, 294, 294 (прим.), 295.

Ожаровский, Владимир Федорович (1848–1911) – государственный и военный деятель. Губернатор Оренбургской области и наказной атаман Оренбургского казачьего войска (в 1906–1911). Участник Русско-японской войны. Дослужился до чина генерала от инфантерии.

Т. 1: 393.

Октябрьская, Ирина Вячеславовна – современный российский исследователь, историк, этнограф.

Т. 1: 459.

Онума, Такахиро – современный японский исследователь, историк.

Т. 1: 9.

Орлов, Василий Петрович (Орлов 3-й) (1745–1801) – граф, генерал, с 1797 г. – атаман казачьего Войска Донского. Командующий русским казачьим корпусом во время так называемого Индийского похода. В составе корпуса было ок. 23 тыс. казаков. Они достигли верховьев р. Ирғиз, откуда повернули обратно, получив распоряжение вступившего на престол императора Александра I.

Т. 1: 247.

Орлова, Елена Анатольевна – современный российский художник.

Т. 2: 7.

Осекиды (поколение Осека) – представители младшей ветви династии казахских ханов, возводившие свое происхождение к казахскому султану Осеку (Усяк, Уснук) – восьмому сыну султана Джанибека (Жанибека), одного из основателей Казахского ханства.

Т. 1: 56, 56 (прим.), 85, 125, 127, 149, 192, 410.

Т. 2: 36.

Остафьев, Владимир А. – российский исследователь, почвовед, чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ в конце XIX – начале XX вв.

Т. 2: 75, 101.

Осипов, Александр Степанович (1776–1830) – дворянин. В 1796–1804 гг. – секретарь Кавказского наместнического правления. В 1809–1816 гг. – в ведомстве сибирского генерал-губернатора. Участник Камчатской экспедиции. Сибирский почт-директор. В 1821–1823 гг. – тобольский гражданский губернатор, назначенный на эту должность по ходатайству М. М. Сперанского. В 1826–1830 гг. – астраханский гражданский губернатор. Действительный статский советник (с 1821).

Т. 1: 224.

Остен-Сакен, Федор Романович (Александр Фрембер Райхер фон Остен-Сакен) (1832–1916) – российский путешественник (совершал экспедиции в Китай и Среднюю Азию), видный исследователь-востоковед, государственный деятель, дипломат. Статский советник. С 1870 до 1897 г. состоял директором департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел. Член императорского Русского географического общества, некоторое время – его секретарь. Соавтор одной из первых этнографических карт Российской империи. В архивах Санкт-Петербурга отложилось много его рукописных материалов, преимущественно сконцентрированных в нескольких фондах, носящих его имя. Лютеранин.

Т. 1: 19.

Т. 2: 88, 124.

Остерман, Андрей (Генрих Иоганн Фридрих) Иванович (1686–1747) – граф, сподвижник императора Петра I. Был в фаворе у Екатерины I и Анны Иоанновны. Был ближайшим советником Бирона. В разное время занимал должности вице-канцлера, первого кабинет-министра, воспитателя наследника (будущего императора Петра II). В 1740 г. пожалован чином генерал-адмирала. После переворота 1741 г. был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой, лишен всех чинов, званий и титулов.

Т. 1: 91, 116.

Остерман, Иван Андреевич (1725–1811) – граф, государственный деятель и дипломат. Младший сын А. И. Остермана. В 1760–1774 гг. – посланник в Стокгольме, в 1775–1796 – вице-канцлер, с ноября 1796 по апрель 1797 г. – государственный канцлер Российской империи.

Т. 1: 176.

Орманов, Мусажали – один из крупнейших землевладельцев Букеевской орды в 1820–1830-х гг.

Т. 1: 222.

Орманов, Шингали – один из крупнейших землевладельцев Букеевской орды в 1820–1830-х гг.

Т. 1: 222.

П

Павел I (Павел Петрович Романов) (1754–1801) – российский император (1796–1801), сын императрицы Екатерины II.

Т. 1: 247, 426.

Пален, Константин Константинович (1861–1923) – граф, сенатор, осуществлял сенатскую ревизию Туркестанского края в 1908 г., материалы которой частично опубликованы и являются важным историческим источником. Дослужился до чинов тайного советника и гофмейстера, но в 1916 г. был их лишен. После революции эмигрировал. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 393.

Панин Никита Иванович (1718–1783) – граф, потомственный дворянин из семьи дипломатов, выдающийся государственный деятель, дипломат. Наставник будущего императора Павла I. Возглавлял Коллегию иностранных дел. Автор одного из первых конституционных проектов. Близкий родственник оренбургского губернатора и дипломата И. И. Неплюева. Был одним из образованнейших людей своего времени.

Т. 1: 200.

Панов, Федор Андреевич (1804–1870) – уроженец Ярославской губернии. Генерал-майор (с 1857), генерал-лейтенант (с 1858). В 1857–1863 гг. – военный губернатор Семипалатинской области, с 1865 г. – военный губернатор Области сибирских киргизов. С 1869 г. состоял в ведомствах Министерства внутренних дел и Генеральном штабе. Участник венгерской кампании 1849 г. и туркестанских военных походов. Кавалер нескольких орденов.

Т. 2: 70.

Перовский, Василий Алексеевич (1795–1857) – внебрачный сын графа Разумовского. Участник Бородинского сражения. После был взят в плен и находился при ставке Наполеона. Участник Русско-турецкой войны. В 1825 г. был адъютантом императора Николая I. С 1833 г. – оренбургский военный губернатор и командир Оренбургского отдельного корпуса. Сумел собрать высококвалифицированных офицеров и специалистов в администрации. Зимой 1839 г. предпринял неудавшийся поход на Хиву. Значительная часть войска пострадала от холодов и голода. В 1845 г. стал членом Государственного совета. В 1851 г. был возвращен в Оренбург в качестве оренбургского и самарского генерал-губернатора. В 1853 г. совершил второй среднеазиатский поход. Штурмом была взята кокандская крепость Ак-Мечеть, позже переименованная в Перовск. Военные линии перенесены на Сыр-Дарью. На Аральском море стала формироваться

флотилия, корабли которой могли заходить в устья рек. Хива признала протекторат Российской империи. В 1855 г. стал графом. Дослужился до чина генерал-адъютанта. Кавалер многих орденов.

Т. 1: 211, 212, 232, 251, 252 (прим.), 287, 290, 291, 292, 294, 294 (прим.), 295, 297, 299, 305, 314 (прим.), 315, 408 (прим.), 437.

Т. 2: 11, 52, 54, 59, 88.

Парфеньев, Леонтий Иванович – боярский сын, полковник, командир драгунского полка, основной задачей которого являлась охрана металлургических предприятий на Урале. Участвовал в подавлении выступлений башкир в начале XVIII в. и в столкновениях с казаками на Сибирской линии в 1720-х гг. Провел перепись населения в Царевом городище в 1720 г.

Т. 1: 80, 117.

Патурссон, Сигерт Олуф (1869–1931) – фарерский путешественник (датский подданный), известный полярный исследователь, совершивший в 1889–1895 гг. путешествие по России, посетивший в том числе регионы, где проживали казахи, оставив ряд интересных свидетельств.

Т. 2: 134.

Петр I Великий (Петр Алексеевич Романов) (1672–1725) – русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721), стремившийся к ускоренной модернизации России «сверху». Являлся организатором экспедиций по Каспию, в Хиву и в Верхнее Прииртышье с основной целью развития трансграничной торговли, а также для добычи драгоценных металлов. Имел дипломатические контакты с казахскими владетелями, в том числе по поводу просьбы о подданстве.

Т. 1: 75, 79, 81, 158.

Петр III Федорович (Романов) (Karl Peter Ulrich von Schleswig-Holstein-Gottorf) (1728–1762) – внук Петра I, муж императрицы Екатерины II, российский император (1762). Был низложен,

через неделю умер, предположительно насильственной смертью.

Т. 1: 121, 158.

Пеутлинг, Александр Александрович фон (1739–1795) – государственный деятель. В 1790–1792 гг. – «правитель дел Уфимского наместничества и Уфимской губернии губернатор» – официально замещал убоившего на Русско-шведскую войну генерал-губернатора О. А. Игельстрома (в чине генерал-майора). В 1792–1795 гг. – симбирский и уфимский генерал-губернатор (в чине генерал-поручика). Есть сведения, что Пеутлинг умер не в 1795 г., а в 1801 г. Участник Семилетней войны. Кавалер нескольких орденов. В отношении восставших казахов Срыма Датова занимал более жесткую, чем его предшественник и преемник О. А. Игельстром, позицию. При нем ханом казахов Младшего жуза был признан султан Ералы. Казнокрадом не был. После его смерти вдова обращалась за помощью в связи с тяжелым материальным положением. Сын П. А. Пеутлинг впоследствии служил в том числе прокурором оренбургской межевой контрольной комиссии.

Т. 1: 182, 191, 192, 425.

Плеве, Вячеслав Константинович (1846–1904) – известный российский государственный деятель, действительный статский советник, являлся министром – статс-секретарем Великого княжества Финляндского, заместителем министра внутренних дел. Возглавлял одну из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г. Убит эсерами.

Т. 1: 349, 350.

Поздняков Федор Иванович (1797–1835) – в третьем десятилетии XIX в. – поручик Военно-топографического депо, автор нескольких весьма точных для своего времени карт Российской империи, в том числе земель, населенных казаками. Одной из лучших стала его генеральная карта 1825 г. Известен также изданием карманного путеводителя почтовых дорог Российской империи. Дослужился до чина капитана.

Т. 2: 190.

Поланьи, Карл Пауль (Karl Paul Polanyi) (1868–1964) – американский и канадский исследователь.

Т. 2: 155.

Попай (Бопай Ханым) (ок. 1690/1695–1780) – жена хана Младшего жуза Абулхаира, мать пятерых сыновей и дочери, среди них ханов Младшего жуза Нуралы, Ералы и Айшуака, на которых, по устным преданиям, имела сильное влияние. По сведениям И. И. Крафта, первой из казахов была представлена к присвоению княжеского титула со стороны Российской империи и даже именовалась княгиней представителями оренбургской администрации.

Т. 1: 120 (прим.), 145.

Т. 2: 34 (прим.), 53.

Попов, Иван Иванович (1776–1825) – русский дворянин, военный и государственный деятель, генерал-майор (с 1816). В 1811–1812 гг. – командир Томского пехотного полка. Вологодский гражданский губернатор (1819–1821). В 1821–1825 гг. – астраханский гражданский губернатор. Участник антинаполеоновских войн. Кавалер нескольких орденов. Действительный статский советник. Похоронен в Астрахани.

Т. 1: 233.

Попов, Степан – купец, представитель известной в Сибири купеческой фамилии, потомков уральского купца Андрея Попова. С середины 1820-х гг. производил нелегальные поиски полезных ископаемых в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, в том числе на границе с территориями, где кочевали казахи, от которых получал сведения о месторождениях. В 1833 г. первым получил право на разведку месторождений разных руд (в том числе золота) и каменного угля от омского начальства во внешних и внутренних округах. В середине XIX в. имелось уже несколько предприятий по добыче и переработке в Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Баян-Аульском округах.

Т. 1: 316.

Т. 2: 102, 103.

Поповы – русский род купцов и промышленников, развивавший свои предприятия в конце XIX – начале XX вв. в Степном крае.

Т. 2: 104.

Потанин, Григорий Николаевич (1835–1920) – уроженец станицы Ямышевской Семипалатинской губернии (ныне – Павлодарская область Республики Казахстан), потомственный казачий офицер. Участвовал в основании Верного (ныне – Алматы). С 1856 г. – член Войскового правления Сибирского казачьего войска. В 1858 г. вышел в отставку в чине сотника. Был одним из тех, кого считали сибирскими автономистами (областниками). Друг М. А. Бакунина, Н. М. Ядринцева и Ч. Ч. Валиханова. Во время обучения в Санкт-Петербурге являлся участником студенческих волнений. В 1864 г. назначен в совет по крестьянским и иноподданым делам при Томском областном правлении. В 1868 г. был приговорен к гражданской казни по обвинению в стремлении отделить Сибирь от России. Позднее амнистирован. Выдающийся исследователь Сибири и Центральной Азии. Географ, этнограф, историк сибирского областничества. В 1917 г. избран председателем Временного сибирского областного совета. Временным сибирским правительством произведен в почетные жители Сибири. Сибревком в 1919 г. назначил ему пожизненную персональную пенсию. Похоронен в Томске.

Т. 1: 311, 390.

Т. 2: 86.

Потемкин-Таврический, Григорий Александрович (1739–1791) – выдающийся российский государственный и военный деятель. Светлейший князь (с 1776). Фаворит и один из ближайших соратников императрицы Екатерины II.

Т. 1: 178, 188.

Почекаев, Роман Юлианович – современный российский исследователь, историк, востоковед.

Т. 1: 2, 9, 13, 189, 273.

Т. 2: 2, 7.

Проценко, Александр Петрович (1836 – после 1906) – военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. Представитель Военного министерства в Степной комиссии, занимавшейся разработкой Временных положений об управлении населенных казахами областей 1868 г. (тогда в чине полковника). С 1878 г. – семипалатинский военный губернатор. С 1883 г. – тургайский военный губернатор. С 1891 г. служил в Главном штабе Российской империи.

Т. 1: 319, 319 (прим.), 343.

Пулат-султан – сын хана Среднего жуза Абулмамбета, выступивший против отца. В 1740-х гг. имел ставку в Туркестане.

Т. 1: 126.

Пулятин, Абрам Артемьевич (Авраам Артамонович) (1710–1769) – князь, государственный деятель. С 1762 г. – генерал-майор. В 1758–1761 гг. служил в Оренбургском крае, являлся Орским дистанчным (дистанционным) начальником. При нем в тот период был построен ряд укреплений по Уралу для предотвращения нападений со стороны башкир на русские поселения и кочевых народов друг на друга. В 1764–1768 гг. – оренбургский губернатор. Сумел упорядочить систему землевладения. Автор нереализованного проекта по колонизации земель Оренбургского края выходцами из центральных губерний. Тайный советник (с 1764), сенатор (с 1768). Участник Семилетней войны. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 168, 171, 173.

Р

Радлов, Василий Васильевич (Friedrich Wilhelm Radloff) (1837–1918) – русский востоковед с мировой известностью, переводчик рунических текстов, историк, археолог, тюрколог.

Лютеранин. Приехал в Россию из Пруссии в 1858 г. Жил в Санкт-Петербурге, Казани и Барнауле (где женился на Паулине Фромм). Участник многочисленных научных экспедиций. Владел несколькими европейскими и восточными языками. Член императорской Российской академии наук. В последние годы жизни руководил Музеем антропологии и этнографии.

Т. 1: 267, 447, 448.

Т. 2: 9.

Раимбет-батыр (Райымбек-батыр) (ок. 1705–1785) – по мужской линии – внук Хангельды-батыра из рода албан, по женской линии сын хана Туке. Прославился в ходе антиджунгарских сражений, в том числе в Анракайской битве. Некоторое время был приближенным хана Аблая.

Т. 1: 62 (прим.), 72.

Рафиков, Габдулнасыр – татарский мулла, направленный российскими властями в Средний жуз, агитировавший в том числе в принятие подданства Российской империи в 1830-х гг.

Т. 1: 419.

Рейнсдорп, Иван Андреевич (Иоганн Генрих) (Johann Heinrich Reinsdorp) (1730–1782) – государственный деятель, датчанин, лютеранин, на российской службе с 1746 г. Некоторое время был комендантом Кенигсберга. Оренбургский губернатор в 1768–1780 гг., оренбургский генерал-губернатор в 1780–1781 гг. Дослужился до чина генерал-поручика (с 1771). Руководил обороной Оренбурга во время восстания Е. Пугачева. Пытался предотвратить откочевку волжских калмыков через казахские степи на земли бывшей Джунгарии. Отношения с казачеством были крайне сложными. Также сложно складывались у него отношения с П. И. Рычковым. Участник Семилетней войны. Награжден несколькими орденами.

Т. 1: 128, 132 (прим.), 139, 173, 173 (прим.), 189, 207.

Рейтерн, Михаил Христоворович (1820–1890) – граф, в 1862–1878 гг. – министр финансов, в 1881–1886 гг. – председатель Комитета министров Российской империи.

Т. 1: 318.

Ремезов, Семен Ульянович (1642–1721) – уроженец Тобольска, картограф, художник, историк Сибири. Автор трех картографических атласов, в одном из которых – «Чертежная книга Сибири» (выпущена в 1701) имеются три карты, на которые нанесена схематически территория Казахского ханства (Казачьей орды).

Т. 1: 78.

Т. 2: 189.

Ремнев, Анатолий Викторович (1955–2012) – советский, российский историк, один из крупнейших специалистов по истории окраин Российской империи.

Т. 1: 9, 10, 11.

Рибер, Альфред Дж. (Alfred J. Rieber) – современный американский исследователь, специалист по истории Российской империи и СССР.

Т. 1: 9.

Родзянко, Николай Владимирович (1852–1918) – государственный деятель. Военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска (1905–1908). Дослужился до чина генерала от кавалерии. Брат председателя Государственной думы М. В. Родзянко.

Т. 1: 393.

Родофиникин, Константин Константинович (1760/1762–1838) – государственный деятель, дипломат. С 1803 г. на службе в Коллегии иностранных дел. В 1819–1837 гг. – директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел. В 1838 г. – член Государственного совета. Тайный советник. Награжден несколькими орденами. Умер в Оренбурге.

Т. 1: 269.

Романов, Михаил Яковлевич (1846–1915) – военный и государственный деятель. С 1882 г. служил в Сибири и Туркестане. Военный губернатор Акмолинской (1903–1906) и Сыр-Дарьинской (1906–1911) областей. Дослужился до чина генерала от инфантерии. Кавалер нескольких российских орденов.

Т. 1: 393.

Романовы – правящая династия Российской империи в период с 1613 по 1917 г.

Т. 2: 16 (прим.).

Романовы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Ростов, В. (Rostow W. W.) – известный американский экономист сер. XX в.

Т. 1: 11.

Рудольф II (1552–1612) – император Священной римской империи (с 1572), германский и богемский король. Поддерживал дипломатические отношения с Московским царством.

Т. 1: 69.

Румянцев (Румянцов), Николай Петрович (1754–1826) – граф, государственный деятель, дипломат. В 1802–1814 гг. – министр коммерции; в 1808–1814 гг. – министр иностранных дел. С 1809 г. – канцлер, в 1810–1812 гг. – председатель Государственного совета. В 1813 г. вышел в отставку, в том числе из-за несогласия с заграничными походами русской армии в ходе антинаполеоновских войн. Создал неформальный (так называемый Румянцевский) кружок историков, активно занимался издательской деятельностью. Являлся возлюбленным великой княгини Марии Федоровны, с которой, по неподтвержденным данным, даже имел внебрачных детей.

Т. 1: 210, 429.

Румянцев, Петр Петрович – исследователь, экономист, этнограф, руководитель экспедиции по изучению казахских хозяйств в нач. XX в.

Т. 1: 210.

Т. 2: 156.

Руссо, Жан-Жак (Jean-Jacques Rousseau) (1712–1778) – французский философ-просветитель, музыковед, биолог. Активно отстаивал идеи общественного договора и естественного права. Оказал серьезное влияние на часть русской интеллигенции XVIII–XIX вв.

Т. 1: 155.

Рыбаков, Сергей Гаврилович (1867–1921) – русский исследователь, географ, этнограф. Член императорского Русского географического общества и Оренбургской ученой архивной комиссии. Руководитель географической экспедиции конца XIX в. на Мугоджарские горы и Эмбу. В 1902–1908 гг. был крестьянским начальником Тургайской области.

Т. 1: 329.

Т. 2: 76.

Рыдванский, И. – депутат Большого Собрания Уложенной комиссии от Дорогобужского дворянства.

Т. 1: 159, 167.

Рычков, Николай Петрович (1746–1784) – уроженец Оренбурга, русский путешественник, географ, сын П. И. Рычкова.

Т. 2: 160.

Рычков, Петр Иванович (1712–1777) – уроженец Вологды, из купечества. С 1732 г. служил переводчиком в Санкт-Петербурге. С 1744 г. – чиновник различных ведомств в Оренбургском крае: руководил губернской канцелярией, заведовал соляными промыслами, управлял делами инородцев. Оренбургский вице-губернатор. В 1777 г. – начальник Главного правления уральских заводов в Екатеринбурге. Выдающийся ученый. Экономист, географ, историк.

Первый член-корреспондент императорской Российской академии наук. Автор многих научных работ, часть из которых не опубликована до настоящего времени.

Т. 1: 22, 52, 66, 120 (прим.), 121, 139, 170, 172, 173, 200, 203, 303, 422.

Т. 2: 31, 123.

С

Сабитов, Нигмет Сабитович (1895–1955) – советский исследователь, историк, востоковед.

Т. 1: 451.

Савин, Игорь Сергеевич – современный российский исследователь, историк, этнограф.

Т. 1: 36, 64.

Саидазимбаев, Саид-Гани – уроженец Ташкента, в кон. XIX – нач. XX вв. возглавлял официальный орган по организации хаджа из России.

Т. 1: 456.

Сактаганова, Зауреш Галимжановна – современный казахстанский историк, специалист по истории новейшего времени.

Т. 1: 13.

Т. 2: 7.

Самсонов, Александр Васильевич (1859–1914) – уроженец Херсонской губернии, родился в семье мелкопоместных дворян, военный и государственный деятель. В 1909–1914 гг. – туркестанский генерал-губернатор, наказной атаман Семиреченского казачьего войска. Участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн. Дослужился до чина генерала от кавалерии (с 1910). Погиб (возможно, покончил жизнь самоубийством) около Вилленбурга. Кавалер многих орденов.

Т. 1: 393.

Самсонов – русский купец XIX в., ведший торговлю с Китаем через казахскую степь.

Т. 2: 129.

Сартори, Паоло – современный итальянский исследователь, исламовед, тюрколог и иранист.

Т. 1: 9, 299, 409, 464.

Саск бий (Саск би) – казахский бий XVIII в., бывший одним из руководителей каракалпаков. Принимал участие в составлении устного свода казахского обычного права Жеті Жарғы.

Т. 1: 60.

Сатыбалдин, Кожибай – в 1844–1845 гг. – помощник управляющего Кильделинским отделением Кипчакского поколения Восточной части Меньшей орды.

Т. 2: 140.

Сахиб-Гирей (Сахиб-Керей, Чингис) (1830–1849) – сын хана Внутренней орды Джангира от второй жены Фатимы, последний хан Внутренней орды (1845–1849), последний утвержденный российскими властями в ханском достоинстве казахский султан. Учился в императорском Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. В июле 1847 г. пожалован княжеским титулом. Внезапно умер по дороге из Санкт-Петербурга в Ханскую Ставку.

Т. 1: 237.

Т. 2: 55.

Светушкин, А. – депутат Большого Собрания Уложенной комиссии от г. Епифани.

Т. 1: 159.

Свистунов, Александр Павлович (1830–1919) – уроженец Тверской губернии, государственный и военный деятель. Участник Крымской войны и кампании на Кавказе. В 1864–1883 гг. преимущественно служил на Кавказе, будучи

в 1875–1883 гг. начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска. В 1884 г. осуществлял ревизию Сибирского и Семиреченского казачьих войск, по итогам которой вышел с предложениями на имя императора, положившими начало Степному положению 1891 г. В своих записках обосновывал необходимость разрешения казахам пользоваться территорией десятиверстной полосы на льготных условиях. Вышел в отставку из-за серьезного конфликта, дошедшего до рукоприкладства, со своим подчиненным Н. А. Ризенкампом. Кавалер многих российских и иностранных орденов.

Т. 1: 348.

Сейдалин (Сейдалин-2-й), Тлеумухамед (Тлеу, Тлеу Мухамед) (1837 – ок. 1901) – казахский султан. В 1856 г. окончил Неплюевское училище и поступил на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. В 1861 г. назначен помощником султана-правителя Восточной части Меньшей орды, в 1866 г. – уже чиновник по исполнению контроля в Степи, в 1867–1868 гг. входил в состав комиссии по устройству казахов в Новолинейном районе. С 1869 г. работал старшим помощником Николаевского уездного начальника. В 1869 г. участвовал в урегулировании конфликтов, вызванных введением в Степи Временного положения об управлении, которое рассматривал в качестве инструмента европеизации казахского общества. По его мнению, одной из причин массовых выступлений стали притеснения на религиозной почве. Автор нескольких научных работ. В 1893–1894 гг. занимал должность актюбинского уездного начальника, что было первым и единственным прецедентом среди казахов. В 1884 г. в Санкт-Петербурге защитил диссертацию по теме этнографии казахского народа.

Т. 2: 158, 165, 166 (прим.).

Семенов (Семенов-Тян-Шанский), Петр Петрович (1827–1914) – уроженец Рязанской губернии, государственный и общественный деятель, выдающийся ученый и путешественник. Сенатор (с 1882), член Государственного совета

(с 1897). Действительный тайный советник (с 1895). Вице-председатель императорского Русского географического общества (с 1873). В 1856–1857 гг. совершил путешествие на Тянь-Шань через казахские степи. С 1906 г. к его фамилии присоединено Тянь-Шанский. Оставил множество научных трудов. Кавалер орденов и медалей Российской империи и зарубежных стран. РГО учредило медаль его имени.

Т. 1: 311.

Т. 2: 94, 130, 159, 163.

Сеит – мулла, состоявший в последней трети XVIII в. при батыре Срыме Датове.

Т. 1: 426.

Сеиткул (Сеит-Кул) – легендарный первый земледелец-казах, начавший поливное земледелие в Оренбургском ведомстве (на Тургае) в XIX в. вопреки запретам местной администрации, частью казахов почитался святым мусульманином.

Т. 1: 433.

Т. 2: 94, 165, 166, 166 (прим.).

Сеит-хан (Шасеит хан, Сеит Салтан, Шах Саййид Бахадур хан?) – казахский султан, племянник хана Среднего жуза Абулмамбета, соправитель, затем единоличный правитель Туркестана в 1740-х гг. Есть свидетельства, что был поднят на белой кошке и признан ханом частью казахских родов Среднего и Старшего жузов. Встречался с русским посланником К. Миллером. В конце 1740-х гг. признал власть джунгар. Согласно устным преданиям, был лишен своей власти.

Т. 1: 127, 135.

Семеке (Самеке, Шахмухамед, Шемяха, Шемяка) (1660–1734) – влиятельный казахский султан, хан значительной части казахов Среднего жуза (с 1719). Участник войн с джунгарами (в том числе Анракайской битвы), волжскими калмыками, башкирами. Значительную часть периода ханствования

ставка располагалась в Туркестане. В 1732 г. принял номинальное подданство Российской империи.

Т. 1: 88, 88 (прим.), 126.

Сидельников, А.Н. – российский военный топограф конца XIX – начала XX вв.

Т. 1: 359.

Сидельников (Седельников), Тимофей Иванович (1871–1930) – российский исследователь, видный государственный деятель. В дореволюционное время – сотрудник экспедиции Ф. Щербины, депутат Государственной думы. Позднее по рекомендации Алихана Букейханова включен в состав Кирревкима. Работал в нескольких ведомствах в Москве, являлся полпредом в Эстонии.

Т. 1: 328, 377, 388 (прим.).

Т. 2: 109.

Сиверс, Иоганн (Johann August Carl Sievers) (1762–1795) – русский путешественник, ботаник. Член-корреспондент императорской Санкт-Петербургской академии наук. В 1790–1794 гг. путешествовал по Азиатской России, в том числе посещал степи, населенные казахами. Некоторое время работал аптекарем в Барнауле, затем в Кяхте. Умер накануне отправки в экспедицию в Бухару и Тибет. Его письма из Сибири были опубликованы посмертно.

Т. 1: 174, 204, 408.

Т. 2: 147.

Словцов (Слопцов), Петр Андреевич (1767–1843) – уроженец Тобольской губернии, историк Сибири, наиболее известной его научной работой является двухтомное «Историческое обозрение Сибири». Автор нескольких поэтических сборников, заслуживший неофициальное звание «первого поэта Сибири».

Т. 1: 340.

Смит, Адам (Adam Smith) (1723–1790) – шотландский экономист, основоположник политической экономии, оказал серьезное влияние на многих экономистов и социологов своего времени и потомков, в том числе на К. Маркса и русских социалистов.

Т. 1: 155, 180, 249.

Соймонов, Леонтий Яковлевич (ок. 1680–1743) – представитель знатного дворянского рода, военный и государственный деятель, дипломат, генерал-лейтенант (с 1740). Участник Северной войны и Персидского похода. В 1736 г. вице-губернатор, в 1736–1737 гг. – астраханский губернатор. В 1737–1738 гг. – начальник Комиссии башкирских дел. В 1740 г. – казанский вице-губернатор. В 1741–1742 гг. – формальный начальник Оренбургской комиссии, но приступить к руководству не успел, поскольку на эту должность был назначен И. И. Неплюев.

Т. 1: 92.

Соболев – чиновник Военного министерства, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Соймонов, Федор Иванович (1692–1780) – представитель знатного дворянского рода, известный русский географ и государственный деятель. В ранние годы служил в Астрахани. С 1738 г. – обер-прокурор Сената. Сибирский губернатор (1757–1763). Был сторонником «жесткого курса» в отношениях с казахами. Предпринимал усилия по укреплению сибирских линий и их заселению земледельческим населением. Сенатор (с 1763). Действительный тайный советник (с 1766). Участник Персидского похода. Кавалер нескольких орденов. Автор ряда научных трудов. Основатель российской гидрологии.

Т. 1: 103, 112, 163.

Спасский, Григорий Иванович (1783–1864) – известный русский исследователь, историк Сибири. В 1803–1817 гг. служил в Сибири. Основатель журнала «Сибирский вестник». В 1803 г. опубликовал первый список казахского обычного права Жеті Жаргы.

Т. 1: 60, 61.

Сперанский, Михаил Михайлович (1772–1839) – граф, видный государственный деятель. В 1808–1811 гг. – товарищ (заместитель) министра юстиции, в 1810–1811 гг. – доверенное лицо и советник императора Александра I, автор проектов умеренных либерально-демократических реформ. В 1812 г. был сослан в Нижний Новгород, затем – в Пермь. С 1816 г. – пензенский военный губернатор. В 1819–1822 гг. – сибирский генерал-губернатор. С 1821 г. – член Государственного совета. С 1822 г. – член I Сибирского комитета. Отказался поддержать членов тайных обществ (декабристов), хотя они считали его одним из возможных лидеров и идеологом. Провел реформу кодификации российского законодательства. Выступил инициатором издания Свода законов Российской империи. Считается автором современного административного языка (лексики).

Т. 1: 55 (прим.), 215, 253, 253 (прим.), 254, 255, 255 (прим.), 256, 257, 258, 259, 260, 262, 266, 267, 268, 268 (прим.), 272, 273, 278, 279, 302, 399, 431.

Т. 2: 67, 69, 126, 131.

Станиславов, Барташ (Бартош) – казачий атаман из так называемого литовского списка (этнический поляк). В 1613 г. ротмистр Барташ первым достиг Ямышевского озера, после чего здесь велась регулярная добыча каменной соли сибирскими казаками.

Т. 1: 78.

Старковы – распространенная фамилия крещеных сарасинских казахов.

Т. 1: 460.

Столыпин, Петр Аркадьевич (1862–1911) – выдающийся российский государственный деятель. В 1906–1911 гг. совмещал должности министра внутренних дел и председателя Совета министров. С 1907 г. – член Государственного совета. Действительный статский советник. Автор знаменитой столыпинской аграрной реформы, предусматривавшей в том числе сокращение чересполосицы и увеличение размеров земельных наделов крестьян в Центральной России и переселение их части в Азиатскую Россию, в том числе в Степное и Туркестанское генерал-губернаторства, для чего в Запасной фонд изымались огромные площади, прежде находившиеся в эксплуатации местного населения. Наибольшие изъятия произошли из земель, где прежде кочевали казахские аулы. Убит анархистом в Киеве.
Т. 1: 357, 393.

Стрелковский – чиновник Министерства внутренних дел, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.
Т. 1: 439.

Строгановы (Строгоновы) – род русских промышленников и помещиков, из которого происходили крупные землевладельцы и государственные деятели Московского царства и Российской империи. В последней трети XVI в. получили право монопольной торговли с казахами (утратили в начале XVII в.).
Т. 1: 68.

Султанмаматов, Чанчар – казахский султан, сын султана Султанмамета (Султанбета), претендовавшего на ханское достоинство в Среднем жузе после смерти хана Аблая, султан Антей-Басентииновской волости, имевший российский чин майора, по просьбе которого российскими властями была построена первая мусульманская мечеть в 1802–1811 гг. на Иртыше около форпоста Подпускного.
Т. 1: 419.

Султангалиева, Гульмира Салимжановна – современный казахстанский исследователь, историк.

Т. 1: 260.

Султанов, Турсун Икрамович – современный советский и российский исследователь, историк, тюрколог.

Т. 1: 13, 41.

Т. 2: 7.

Сухарев, Алексей Михайлович (ум. 1752) – военный и государственный деятель. В 1722–1736 гг. был комендантом Тобольска. В 1740–1742 гг. вице-губернатор, в 1742–1752 гг. – сибирский губернатор. Генерал-майор (с 1742). Более 10 лет находился под следствием по подозрению во взяточничестве, злоупотреблениях и оказании покровительства контрабандистам (поставки металлов, пороха и оружия джунгарам).

Т. 1: 104.

Сухомлинов, Николай Александрович (1850–1918) – государственный деятель. Участник Русско-турецкой войны. В 1911–1915 гг. – военный губернатор Оренбургской области и наказной атаман Оренбургского казачьего войска. В 1915–1917 гг. степной генерал-губернатор, командующий войсками Омского военного округа, наказной атаман Сибирского казачьего войска. Дослужился до чина генерала от кавалерии. Кавалер многих орденов. Арестован в марте 1917 г. Известен активным железнодорожным строительством и жестким подавлением антиправительственных выступлений.

Т. 1: 393.

Сухтелен, Павел Петрович (1784/1788–1833) – уроженец Санкт-Петербурга, отец которого – П. К. Сухтелен – был одним из создателей Генерального (Главного) штаба Российской империи. Участник антинаполеоновских кампаний, в одной из которых попал в плен. Дважды ранен. Член масонской ложи «Соединенные друзья». В 1818–1823 гг. – начальник

легкой Гвардейской кавалерийской дивизии. В ходе войны с Персией (1826–1828) был назначен начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса. После подписания Туркманчайского мирного договора принял участие в Русско-турецкой войне (1828–1829). В чине генерал-лейтенанта переведен на службу в Оренбург в качестве военного губернатора и командира отдельного Оренбургского корпуса в 1830 г. Лично распорядился о начале оспопрививания среди казахов Младшего жуза. Внезапно умер в 1833 г. и был похоронен в Оренбурге в Петропавловском православном соборе, несмотря на то, что был лютеранином. Автор ряда трудов по военному искусству и собственных воспоминаний.

Т. 1: 287, 288, 289, 290, 294.

Сыртанов, Сардыбек – знатный казах Семиреченской области, получивший высшее российское образование, активный участник движения за получение автономии казахами в начале XX в., участник восстания 1916 г.

Т. 1: 455.

Сьюк (Сюк, Суюк, Сок) Аблайханов (1779–1853) – один из младших сыновей хана Аблая. Казахский султан, принявший подданство Российской империи с более чем 55 тыс. семей казахов «Юсуновской волости» (поколение жалаир и частично шапрашты) Старшего жуза в 1818–1819 гг. По распоряжению императора Александра I был произведен в султаны-чиновники 8 класса. За счет казны ему были построены дом и мечеть в Семиречье, восточнее Балхаша. В 1832 г. выступил инициатором открытия в урочище Каратал первого внешнего округа в Старшем жузе. Дважды избирался старшим султаном. Часть переписки Сьюка с российскими чиновниками опубликовал Алихан Букейханов.

Т. 1: 98.

Т

Таваккул (Тевекель, Тауекель, Тявка) (XVI в.) – казахский султан из поколения Жадыга, сын Шигай-хана. Хан в период

1582–1598 гг. Вел борьбу за присырдарьинские города, некоторые из которых сумел подчинить. Вел активную дипломатическую деятельность, в том числе заключил договор с Московским царством о совместных действиях против сибирского хана Кучума и Абдаллах-хана II.

Т. 1: 68, 69.

Тайманов, Исатай (Исатай Тайманулы) (1791–1838) – представитель рода берш поколения байулы, переселившихся вместе с ханом Букеем во Внутреннюю орду. Старшина джайковского отделения. Совместно с Махамбетом Утемисовым возглавлял восстание казахов Внутренней орды 1836–1838 гг.

Т. 1: 227, 230, 236, 243, 252 (прим.).

Т. 2: 175.

Татаринов – российский чиновник, направленный во внутренние округа для ревизии в связи с оценкой проекта местного самоуправления казахов (так называемой Степной думы) в 1834, 1839 гг.

Т. 1: 272.

Татенев, Бопы – султан 8-го класса, соавтор проекта реформы местного самоуправления казахов внутренних округов, так называемой Степной думы.

Т. 1: 272.

Татищев, Василий Никитич (1686–1750) – уроженец Псковской губернии, государственный деятель, основатель нескольких городов. С 1720 по 1739 г. (с перерывами) служил на Урале. Начальник Оренбургской экспедиции в 1737–1739 гг. Организовывал усмирение башкир. Ведал горными заводами. Развивал транзитную торговлю. Несколько раз находился под судом, в том числе по подозрению во взяточничестве и нецелевом использовании государственных средств. Известный русский исследователь, историк, инженер, географ.

Т. 1: 66 (прим.), 87, 88, 91, 92, 99, 115, 205, 416.

Таубе, Максим Антонович (1826–1910) – российский государственный деятель. С 1889 по 1900 г. – командующий Сибирским военным округом и степной генерал-губернатор. С 1900 г. – член Государственного совета. Генерал от инфантерии. Кавалер многих орденов и почетных наград. Действительный член императорского РГО.

Т. 1: 362, 363, 363, 365, 366, 367, 416.

Тауке – казахский султан, родоправитель у конратов Среднего жуза в 1740-х гг.

Т. 1: 140.

Тауке-хан (Таввакул-Мухаммад-Бахадур-хан Гази) (1680–1715) – казахский султан. Хан казахов с 1618 г. Вел активную борьбу с джунгарами с переменным успехом. Сумел подчинить каракалпаков и часть кыргызов. Также вел активную дипломатическую деятельность, в том числе имел связи с Россией. Опирался на ханский совет, состоявший из биев. По устным свидетельствам, вместе с шестью самыми уважаемыми биями составил свод казахского обычного права – Жеті Жаргы, элементы которого использовались в XVII–XIX вв. Известно 3 списка этого кодекса, два из которых опубликованы (соответственно Г. Спасским и А. И. Левшиным) в XIX в. Также опирался на батыров, зачастую ставя их и биев выше султанов. Легендарный хан, являющийся в настоящее время символом государственности, независимости и силы казахского народа и государства.

Т. 1: 41 (прим.), 71, 80, 139, 408.

Тевкелев, Алексей Иванович (Тевкель-мырза, Кутлу-Махмет Мамешев, Кутлу-Мухаммед) (1674–1766) – татарский мурза, находившийся на российской службе. Видный государственный деятель и дипломат. Участник экспедиции А. Бековича-Черкасского, которого тот отправил с особым заданием, но все равно оказавшийся в плену. Первый мусульманин, ставший в Российской империи генералом (генерал-майор с 1755). Основатель Челябинска. Возглавлял ряд дипломатических миссий к казахам, в том числе ту,

которая приняла присягу на верноподданство казахского хана Младшего жуза Абулхаира и его окружения Российской империи. Был высокопоставленным чиновником при нескольких начальниках Оренбургской экспедиции и оренбургских губернаторах. Пользовался доверием хана Абулхаира и многих казахских султанов и старшин. Участвовал в подавлении восстаний башкир, в фольклоре которых сохранилась песня о его жестокости.

Т. 1: 81, 82, 82 (прим.), 116, 117 (прим.), 120 (прим.), 121, 124, 125, 128 (прим.), 137, 138, 142, 145, 165 (прим.), 197, 415.

Т. 2: 27, 29, 30, 32, 33.

Тевкелев, Салимгарей Шангареевич (1805–1885) – российский дворянин, представитель знатного татарского рода на российской службе. Карьеру начинал в качестве военного. Участвовал в Русско-турецкой кампании. Некоторое время возглавлял Оренбургское дворянское собрание. Муфтий и председатель Оренбургского магометанского духовного собрания (с 1865). Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 441.

Тезковы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Тимашев – князь, в нач. XIX в. некоторое время исполнял обязанности астраханского губернатора.

Т. 1: 225, 314 (прим.).

Тимашев, Александр Егорович (1818–1893) – государственный деятель. Уроженец Оренбургской губернии, происходил из старинного дворянского рода. Занимал различные государственные посты, был генерал-губернатором нескольких губерний. В 1867–1868 гг. – министр почт и телеграфов. Министр внутренних дел (1868–1878). Участник Крымской войны. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Член Государственного совета (с 1878). Кавалер многих российских и зарубежных орденов.

Т. 1: 328, 346.

Тимковский, Василий Федорович (1781/1782–1832(?)) – в 1816–1817 гг. – правитель канцелярии наместничества Бессарабской области, с 1819 г. – на службе в Министерстве иностранных дел, в 1820–1822 гг. – председатель Оренбургской пограничной комиссии, в 1826–1828 гг. – бессарабский гражданский губернатор. Статский советник. Писатель, использовавший в произведениях исторические сюжеты.

Т. 1: 212.

Т. 2: 48.

Темирязов, Иван Семенович (1790–1867) – уроженец Московской губернии, из мелкопоместных дворян, государственный деятель. Астраханский военный губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска (в 1834–1844). Уволен по результатам ревизии. Далее около года являлся сенатором и вышел в отставку. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Участник антинаполеоновских войн и Венского конгресса. Кавалер нескольких орденов.

Т. 2: 78.

Тимуриды – династия потомков эмира Тимура (Тамерлана).

Т. 1: 70.

Титов, С. – депутат Большого Собрания Уложенной комиссии от Воронежского дворянства.

Т. 1: 159.

Тихонов, Тит Иванович – в кон. XIX – нач. XX вв. чиновник Акмолинского областного правления, член областного присутствия, земский статистик, известный публицист. Выступал за ограничение изъятий земель, населенных казаками и другими инородцами, считал целесообразным развитие народного образования и искоренение национального неравноправия.

Т. 1: 371, 378.

Т. 2: 109.

Тленшиев, Жоламан (Юламан Тленчиев) (XIX в.) – старшина казахского рода табын из поколения жетыру Младшего жуза. Батыр, тархан. В 1822–1825 гг. выступил против оренбургской администрации в связи с несогласием изъятия земель по Илецкую линию и ссылкой А. Абулгазиева. Позднее с крупным отрядом присоединился на некоторое время к движению К. Касымова. В 1840-х откочевал в пределы Бухарского ханства.

Т. 1: 38.

Тленши (Теленч) – батыр из казахского рода табын, сподвижник С. Датова, отец Ж. Тленшиева.

Т. 1: 184.

Толе бий Алибеков (Толе би Алибек-улы) (1663–1756) – знаменитый казахский бий из рода джананс племени дулат (есть сведения, что происходил из поколения джалаир) Старшего жуза. Один из ближайших советников Тауке-хана, входивший в группу биев, принимавших участие в создании свода обычного права казахов Жеті Жарғы. По дошедшим сведениям, выдающийся оратор, выигрывавший практически все устные поединки. Долгое время фактический правитель Старшего жуза, имевший ставку в Ташкенте, где и похоронен. В молодые годы у него пастухом был Абилмансур (будущий хан Аблай), который получил поддержку в своей политической деятельности со стороны Толе бия. Один из наиболее влиятельных казахов середины XVIII в. В настоящее время Толе бий считается одним из символов борьбы за независимость Казахстана и его государственный суверенитет, а его деятельность и биография в известной степени мифологизированы.

Т. 1: 59, 59 (прим.), 123, 127, 135, 136, 140.

Толстой, Дмитрий Андреевич (1823–1899) – граф, представитель «захудалой ветви» одной из богатейших фамилий Российской империи, видный государственный деятель, занимавший и даже совмещавший одновременно в разное время посты обер-прокурора Синода, министра просвеще-

ния, министра внутренних дел, члена Государственного совета и сенатора. Выступал за ограничение мусульманской религии, в том числе в казахской степи. Кавалер многих российских и зарубежных орденов. Проявил себя и в качестве историка, занимался историей развития образования и науки в России.

Т. 2: 118.

Томохико, Уяма – современный японский исследователь, историк.

Т. 1: 9.

Трепавлов, Вадим Винцерович (1960–2023) – советский, российский исследователь, один из крупнейших тюркологов.

Т. 1: 93.

Третьяков, Иван Андреевич (1735–1776) – русский исследователь, правовед, профессор Московского университета (XVIII в.).

Т. 1: 180.

Тройницкий, Александр Николаевич (1869 – не ранее 1935) – государственный деятель. В 1902–1908 гг. тобольский вице-губернатор. Временный губернатор Семипалатинской области в 1908–1913 гг. В 1913–1917 гг. – тульский губернатор. Дослужился до чина действительного статского советника. Член тульской губернской историко-архивной комиссии. Несколько раз арестовывался советскими органами.

Т. 1: 394.

Трофимов – российский чиновник, направленный во внутренние округа для ревизии в связи с оценкой проекта местного самоуправления казахов (так называемой Степной думы) в 1834, 1839 гг.

Т. 1: 272.

Тяукины – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

У

Унгерн-Штернберг (Унгерн-Стернберг), Карл Карлович (1730–1797) – депутат Большого Собрания Уложенной комиссии от Лифляндии, позднее генерал-адъютант императора Петра III и губернатор Санкт-Петербургской губернии (1774–1779).

Т. 1: 159.

Уразин, Р. – в сер. XVIII в. штатный переводчик Оренбургского ведомства, участник нескольких миссий к казахам Младшего и Среднего жузов, а также к джунгарам и волжским калмыкам.

Т. 1: 131.

Урманов, Чингали – казахский султан, находившийся на российской службе. В 1826 г., после смерти султана Каратая, у которого был помощником, был определен султаном-правителем Западной части Меньшей орды. Некоторое время поддерживал Каип-Гали Есимова, давая тому укрытие после бегства из тюрьмы (1830). Позднее был задержан и не выпускался из Уфы, находясь фактически в ссылке.

Т. 2: 69.

Урусов, Василий Алексеевич (ок. 1690–1741) – представитель одного из знатнейших родов, ведущих происхождение от пришедших на службу московским царям тюрок, государственный и военный деятель, дипломат. Генерал-поручик и контр-адмирал (что было редкостью в Российской империи). Один из организаторов морского флота на Каспийском море (озере). В 1739–1741 гг. – начальник Оренбургской экспедиции. Организовал подавление восстания башкир. Принимал присягу о подданстве от казахских владельцев. Оказывал поддержку казахским владетелям Среднего жуза в антиджунгарской борьбе.

Т. 1: 92, 121, 138.

Успанов, Мухаммед Гали – представитель рода кожа, был арестован за участие в восстании Кенесары Касымова.

Т. 1: 55.

Утемисов, Махамбет (1803–1846) – казах Букеевской орды из рода бериш поколения байулы. Руководитель восстания казахов 1836–1838 гг. (совместно с И. Таймановым). Известный казахский поэт, был даже при ставке хана Джангира (до ссоры с ним) воспитателем наследников. В 1829–1831 гг. находился в заключении, бежал. После поражения восстания бежал на юг, где через несколько лет был убит. Считается одним из классиков казахской поэзии, изучение его произведений входит в школьную программу.

Т. 1: 227, 236.

Ф

Фальбаум (Фольбаум, Соколов-Соколинский), Михаил Александрович (1866–1916) – уроженец Санкт-Петербурга, происходил из немецких дворян, перешедших на российскую службу и принявших православие, видный государственный и военный деятель начала XX в. Семиреченский военный губернатор и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1908–1916). Генерал-лейтенант (с 1913). Участник Первой мировой войны. Руководил подавлением выступлений в годы Первой русской революции на западных окраинах империи, а также восстания 1916 г. в Семиречье. Стремился активными действиями, в том числе с применением силовых методов, бороться с сепаратизмом и распространением идей ислама среди казахов и кыргызов. Кавалер многих орденов.

Т. 1: 393, 398.

Фатима (Фатима-Ханым) (ок. 1809–1845) – жена хана Внутренней орды Джангира, дочь первого оренбургского муфтия Мухамеджана Хусаинова. При ее активном содействии во Внутренней орде было открыто 55 мусульманских школ, где помимо религии изучали русский и арабский языки, основы естественных наук и приглашено свыше 150 мулл. Считалась просвещенной и пользовалась большим автори-

тетом в казахском народе и среди представителей российской знати.

Т. 1: 431.

Федор Иоаннович (Иванович) I Блаженный (Рюрикович) (1557–1598) – сын Ивана IV Грозного, русский царь (1584–1598). Поддерживал дипломатические отношения с Казахским ханством. При нем были основаны ряд городов в Западной Сибири и на Волге, ставшие форпостами России, использовавшиеся для дальнейшего продвижения на восток и юго-восток.

Т. 1: 68, 69.

Фергюсон, Адам (Adam Ferguson) (1723–1816) – шотландский философ-просветитель, историк, считается одним из предпозитивистов.

Т. 1: 249.

Финиш, Отто (Otto Finsch) (1839–1917) – германский исследователь, этнолог, биолог, географ. В 1876 г. был соруководителем (совместно с А. Брэмом) экспедиции в Западную Сибирь, Туркестан и Синьцзян. Материалы описания путешествия в Западную Сибирь опубликованы на русском языке и являются важным источником по истории и административному устройству Азиатской России, в том числе по истории Казахстана.

Т. 1: 28.

Фрауендорф, Карл Львович (Karl Lebao Frauendorf) (ум. 1767) – немецкий офицер на российской службе (с 1731). В 1741–1742 гг. командующий войсками Иртышской линии, в 1757–1765 гг. – бригадир Сибирского корпуса, командующий войсками Тобольской линии, один из инициаторов строительства линий для защиты Колывано-Воскресенского горного округа, в период 1764–1767 гг. – иркутский губернатор. Дослужился до чина генерал-майора.

Т. 1: 103.

Фриде, Алексей Яковлевич (1838–1896) – военный и государственный деятель. Активный участник Туркестанских военных походов. Начальник канцелярии Туркестанского военного округа (с 1880), семиреченский военный губернатор и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (с 1882), ярославский губернатор (с 1887). Кавалер многих орденов. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Возглавлял одну из комиссий по переработке Временных положений 1867 и 1868 гг.

Т. 1: 347.

Фридман, Ц.Л. – советский историк, автор работ по промышленному освоению Казахстана.

Т. 2: 106.

Х

Ханыков, Николай Владимирович (1822–1878) – российский исследователь, востоковед. В 1841 г. был в составе посольства в Бухару.

Т. 1: 226.

Хаджи-Мухаммед (*Хаджи-Мухаммад, Хаджим-Азим, Азимкан, Юргенский Азим-царь*) – ургенчский хан XVI в.

Т. 1: 69.

Хак-Назар (*Ак-Назар*) (ум. 1580) – казахский султан, сын хана Касыма. Казахский хан (ок. 1538–1580), при котором Казахское ханство достигало своих максимальных территориальных пределов (вел войны с Моголистаном, Шибанидами, Ногайской ордой и Сибирским ханством). Имел дипломатические контакты с Московским царством. В современной казахстанской историографии считается собирателем казахских земель.

Т. 1: 70.

Харка (*Харха*), *Иван* – яицкий казак, посещавший казахскую степь с дипломатической миссией в середине XVIII в.

Т. 1: 87.

Харузин, Алексей Николаевич (1864–1932) – потомок купеческого рода. Российский государственный деятель. Бессарабский губернатор. Тайный советник. Сенатор. Кавалер двух орденов. Крупный исследователь, этнограф, экономист. В том числе несколько работ посвящены изучению быта казахов. После революции был дважды осужден. Умер в тюрьме.

Т. 1: 226, 235, 245.

Хвабулов, Матвей Афанасьевич (1721–1789) – князь, ведущий родословную от грузинских царей, государственный деятель Российской империи. С 1779 г. – оренбургский вице-губернатор, с 1780 г. – оренбургский губернатор, в 1782 г. – оренбургский и уфимский губернатор. Дослужился до чина генерал-майора.

Т. 1: 181.

Хворостанский, П.А. – российский исследователь. В нач. XX в. – сотрудник Переселенческого управления. Автор статей и книг по системам землепользования и анализу переселенческого движения.

Т. 1: 389.

Т. 2: 102.

Хлудов, Николай Гаврилович (1850–1935) – уроженец Орловской губернии, российский, советский художник Заилийского края.

Т. 2: 93, 93 (прим.).

Хмыров – государственный контролер, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г.

Т. 1: 439.

Ходжамкули-бек Балхи (Кипчакхан) (ок. 1660–1730) – узбекский историк, представитель Бухарского ханства. Автор «Т’арих-и Кипчак-хани».

Т. 1: 404.

Хрущов (Хрущев), Александр Петрович (1806–1875) – уроженец Тульской губернии, участник Русско-турецкой и Крымской войн, принимал участие в подавлении польского восстания 1863 г. В 1866–1874 гг. – западно-сибирский генерал-губернатор. Дослужился до звания генерал-адъютанта (1869). В 1875 г. – член Государственного совета Российской империи.

Т. 1: 316.

Худаймендины – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Худайменды – казахский султан, живший в XVIII в.

Т. 2: 66.

Хусаинов, Мухаммеджан (*Мухамеджан Гусейнов, Мухаметжан Хусаин, Мухаммеджан бин аль-Хусаин бин Абдуррахман, Мухаммеджан бен Хусани бен Габдеррахман*) (1756–1824) – потомственный служитель исламского культа. Исламское образование получил в Бухаре и Кабуле. С 1785 г. – первый ахун при Оренбургской пограничной комиссии, с 1788 г. первый муфтий всех мусульман Российской империи. Выступал за развитие исламского и светского образования, в том числе изучение русского языка. Поддерживал тесные связи с казахскими владельцами, имел с ними родственные связи через браки своих детей. Участвовал в создании Ханского совета в Младшем жузе, членом которого являлся. Оказал серьезное влияние на политику России в Центрально-Азиатском регионе и на Кавказе. Член Вольного экономического общества. Его Журнал опубликован и является важным историческим источником, в том числе по истории Казахстана.

Т. 1: 185, 192, 421, 424, 425, 426, 431.

Ц

Цины – последняя правящая (манчжурская, чжурженская) династия Китайской империи (Цин).

Т. 1: 71, 72, 85, 151, 210, 248, 420, 450.

Т. 2: 58, 59, 60, 61, 62, 63.

Цытович, Виктор Степанович (1824–1882) – государственный деятель. Генерал-майор (с 1870), генерал-лейтенант (с 1880). Участник венгерской кампании и Крымской войны. С 1870 г. – помощник начальника штаба Западно-Сибирского военного округа. С 1871 г. – командующий войсками Акмолинской области, атаман Первого и Второго отделов Сибирского казачьего войска, военный губернатор Акмолинской области. В 1876–1881 г. – председатель Совета Главного управления Западной Сибири. С 1881 г. – акмолинский губернатор. Считал, что усиление мусульманского влияния на казахов таит в себе серьезные угрозы сепаратизма. Член ЗСО императорского Русского географического общества. При нем была проведена первая перепись населения в Азиатской России (в г. Омске). Кавалер многих орденов. Похоронен в Омске.

Т. 1: 442.

Цэван Доржи (Цэвэндорж, Аджа-Намжалу-хунтайджи, Цебек-Доржи-Намжи) (1732–1747) – правитель (хунтайджи) Джунгарского ханства в 1746–1749 гг. Большую часть времени регентом при нем была старшая сестра Уламбаяр. Пытался развивать торговлю с казахами. Вел переписку с сибирским губернатором, предъявляя территориальные претензии к Российской империи, в том числе на Верхнее Прииртышье. Пытался заключить брак с дочерью хана Младшего жуза Нуралы, но российская администрация категорически возражала против этого брачного союза. Убит старшим братом Лама-Доржи (правил 1749–1753). Фактически после этого события в Джунгарском ханстве разгорелась междоусобная война, позволившая в конечном итоге Цинской империи разгромить и уничтожить Джунгарское ханство. Т. 1: 95 (прим), 149, 420.

Цэван-Рабдан (Цэвэнравдан) (1663–1727) – джунгарский хунтайджи (1697–1727), который вел успешные войны со среднеазиатскими государствами и казахами, а также подчинил

власти Джунгарии Восточный Туркестан. Самое сильное противостояние было с Цинами. С Российской империей Джунгария то налаживала торговлю, то конфликтовала.
Т. 1: 72.

Ч

Черкасский, Алексей Михайлович (1680–1742) – уроженец Москвы, князь, государственный деятель, петровский стольник, позднее приближенный императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. В 1719–1724 гг. – второй сибирский губернатор. С 1726 г. – член Сената. С 1740 г. – канцлер Российской империи. С 1741 г. – кабинет-министр с функционалом надзора за трансграничной торговлей со среднеазиатскими ханствами.
Т. 1: 91.

Чернов, Иван Васильевич (1825–1902) – генерал-майор Оренбургского казачьего войска, в 1847–1861 гг. столоначальник штаба оренбургского военного губернатора, смещен губернатором А. П. Безаком (на его место был назначен зять губернатора). В 1883–1891 гг. – предводитель оренбургского дворянства. Краевед. Пользовался уважением у казаков и башкир.
Т. 1: 315.

Чернышевский, Михаил Николаевич (1858–1924) – уроженец Санкт-Петербурга, сын писателя Н. Г. Чернышевского. Редактор и издатель. Известный фотограф. Автор нескольких литературных и научных произведений. Член экспедиции, готовившей строительство железной дороги Оренбург – Ташкент. В 1918 г. пожертвовал свое имущество в пользу бывшего родового дома в Саратове, где создавался музей Н. Г. Чернышевского, первым директором которого он и стал.
Т. 2: 132.

Черняев, Михаил Григорьевич (1828–1898) – русский военный, государственный и общественный деятель. С 1855 г. – в Оренбургском, Западно-Сибирском и Турке-

станском ведомствах. Поддерживал позицию военного министра Д. А. Милютин о необходимости активного военного продвижения в Центральной Азии для противодействия британскому влиянию. Покоритель Чимкента (который до революции назывался Черняев) и Ташкента (1865). Планировал наступление на Бухару, но был отстранен. Возглавил несколько панславянских журналов. Позднее возглавил Первую сербскую армию, оказавшую серьезное влияние на освобождение Балкан от османского владычества. В 1882 г. был возвращен в Туркестан генерал-губернатором. Одной из формальных причин его второй отставки стало противодействие строительству железной дороги Оренбург – Ташкент. Отличался личной храбростью. Был чрезвычайно популярен среди офицеров. Кавалер многих российских и зарубежных орденов. Известный путешественник. Автор ряда научных трудов.

Т. 1: 356.

Чехов, Антон Павлович (1860–1904) – уроженец Екатеринославской губернии. Выдающийся русский писатель и драматург. Посещал Сибирь и Степной край и даже написал рассказ, посвященный казахам. Почетный академик императорской Академии наук по разряду словесности.

Т. 1: 27.

Чиманов, Мурзагул (*Мурзаил, Муса, Мырзагул*) – казах Чингильской волости Иргизского уезда, автор проекта, поданного в 1882 г., но не одобренного властями, предполагавшего деление каждого уезда на оседлую и кочевую части. Провел некоторое время на гаупт-вахте.

Т. 1: 341.

Чингизиды – потомки Чингис-хана, основавшие многие династии, в том числе династии казахских ханов и султанов.

Т. 1: 41, 42, 45, 46, 51, 53, 56 (прим.), 61, 85, 95, 95 (прим.), 125, 149, 191, 268, 268 (прим.), 303, 410, 435.

Т. 2: 29, 32, 34, 36, 53, 56, 66, 67, 70, 73, 75, 76, 77, 80, 172, 173.

Чингисов, Турсун (Турсын Шынгысов) (ум. не ранее 1844) – казахский султан, Жадигид. Внук хана Среднего жуза Букея, после смерти которого был поднят на белой кошме и провозглашен казахами ханом, но не утвержден в этом достоинстве российскими властями. В 1817 – 1830 гг. был в составе депутации при дворе в Санкт-Петербурге. Избран старшим султаном Каркаралинского окружного приказа 8 апреля 1824 г. с присуждением чина майора. В 1827 г. произведен в подполковники. Избирался на эту должность 6 раз. Произведен в полковники. Попросил отставку со службы в 1843 г. Уволен со службы по состоянию здоровья в 1844 г. (на его место был избран Кунанбай Ускенбаев) с «приложением Медицинского Свидетельства для выдачи ему по отставке Аттестата». Награжден несколькими медалями. Удостоен звания потомственного дворянина. В то же время состоял под следствием по нескольким уголовным и административным делам.

Т. 1: 272.

Т. 2: 60, 69.

Чингисовы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Чингисхан (Чингиз-хан, Темучжин) (1162–1227) – основатель Монгольской империи и династии ее правителей. Сумел объединить монгольские племена и нанести поражения соседним кочевым и оседло-земледельческим государствам и народам. Автор кодекса обычного права Ясы, впервые восстановленного русским историком-евразийцем Вернадским. Завещал своим потомкам продолжать экспансию монголов. Имел четырех сыновей и множество внуков. По легенде – распределил наследство Джучидов посредством размещения внуков в юртах разного цвета (белой, синей и золотой, откуда берут название последующие монгольские государственные образования – орды). Пытался проводить политику веротерпимости и интегрировать в Монгольскую империю иноэтнические элементы. В европейской традиции – тиран, варвар, символ жестокости и разрушения.

Во многих восточных источниках – выдающийся государственный деятель, объединитель народов, воссоздавший Великий шелковый путь.

Т. 1: 41, 54, 56 (прим.), 440.

Чичерин, Денис Иванович (1720/1721–1785) – государственный деятель, потомок древнего дворянского рода, возводившего свое происхождение к итальянцу Чичерини, приехавшему на службу в Московское царство вместе с Софьей Палеолог. В 1762–1780 гг. – сибирский губернатор. При нем в Тобольске была открыта геодезическая школа, началось оспопрививание, проведено уравнительное распределение земель среди крестьян, к Российской империи были присоединены Алеутские острова. Политическую карьеру при императрице Екатерине II начал благодаря тому, что в его роте служили братья графы Орловы. Получил чин полного генерала. Вопросам взаимоотношений с казахами уделял немного внимания, делегировав эту функцию оренбургским губернаторам и своим непосредственным подчиненным. В Сибири сумел скопить серьезный капитал. Т. 1: 202.

Чокаев (Чокай-оглы, Чокай-бей, Шокаев) Мустафа (1890–1941) – уроженец Перовского уезда из влиятельной казахской семьи рода кыпчак-бошай. Политический и государственный деятель. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В период Российской империи – член Государственной Думы с 1914 г., секретарь мусульманской фракции. Поддержал Временное правительство. В 1917–1918 гг. – председатель правительства Кокандской автономии (Туркестони Мухтрориат), член правительства Алаш-Орды. В 1919–1921 гг. – работал на Кавказе, активно издавался. После установления Советской власти эмигрировал. Спорным является вопрос о его участии в создании фашистского Туркестанского легиона. Убит нацистами. Известный публицист. Автор многочисленных работ по политической истории.

Т. 1: 394, 394 (прим.).

Чукин, Медет-Галий – казахский султан Букеевского ханства, подвергшийся нападению повстанцев под руководством Сердали Сеитова – сторонников Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Был известен российской администрации незаконными поборами и злоупотреблениями служебным положением российского чиновника.

Т. 2: 69.

Чулков, Данила (Даниил, Данило) Григорьевич (XVI–XVII вв.) – потомственный дворянин. Участвовал в покорении Астрахани (подвергается сомнению, что речь о том же Даниле Чулкове). Прибыл в Сибирь в 1587 г. с отрядом в пятьсот человек. Письменный голова, заложивший город Тобольск. Первый тобольский воевода. Возможно, принимал участие в основании Туры. Пленил нескольких местных князей и казахских султанов, один из которых – Ураз-Мухаммед – стал известен как касимовский царь.

Т. 1: 77.

Чулошников, Александр Петрович (1894–1941) – советский исследователь, историк.

Т. 1: 52.

III

Шаблей, Павел Сергеевич – современный казахстанский исследователь, историк, исламовед.

Т. 1: 2, 9, 13, 299, 409, 464.

Т. 2: 2, 7.

Шангин, Иван Петрович (1783/1785–1822(?)) – русский путешественник, инженер-геолог, топограф, посетивший казахскую степь по поручению руководства Колывано-Воскресенского горного округа во втором десятилетии XVIII в., описавший ее и составивший топографическую карту Приишимья. Первая часть дневника была опубликована Г. Спасским еще в 1820 г. Полностью текст опубликован Г. И. Курныкиной в 2003 г.

Т. 1: 37 (прим.), 46, 214, 405, 418, 431.

Т. 2: 57.

Шанхаевы – казахский мусульманский дворянский род.

Т. 1: 416.

Шахмуратов, Галий – казанский татарин, состоявший в нач. XIX в. на службе у оренбургского губернатора.

Т. 1: 239.

Шебаниды (Шейбаниды) – узбекская династия, ведшая свою родословную от внука Чингис-хана Мухаммеда Шейбани. Правившая династия Бухарского ханства и ряда других среднеазиатских владений в XVI в. Воевали с казахами за владения, особенно за господство над присырдарьинскими городами.

Т. 1: 70.

Шигай Нуралиев (XVIII в. – 1825) – казахский султан из поколения Осека. Брат хана Внутренней орды Букея, регент при малолетнем хане Джангире (1815–1823). Пытался опираться на традиционные институты власти. При нем в 1818 г. был запрещен переход казахов на внутреннюю сторону, т.е. был приостановлен искусственный прирост населения Внутренней орды.

Т. 1: 230.

Т. 2: 53.

Ширгазы (Шергази-хан) (ум. 1728) – хивинский хан (с 1714) из династии Шибанидов. Развивал дипломатические отношения с Россией, даже обращался с предложением о принятии подданства, но вероломно казнил посла А. Бековича-Черкасского и некоторых участников его экспедиции. Большую часть обратили в рабство. Вел борьбу с отложившимися аральцами и каракалпаками. Вероятно, существовал временный военный союз с ханом Младшего жуза Абулхаиром. Убит рабами.

Т. 1: 76.

Ширгазы (Сергазы) Каипов (ум. 1818) – казахский султан, сын хана Каипа. Участвовал в депутации казахов в Санкт-Петербург и некоторое время находился там на службе. Являлся адъютантом влиятельного фельдмаршала графа Платона Зубова – фаворита императрицы Екатерины II. Участвовал в Русско-шведской войне под предводительством О. А. Игельстрома. Дослужился до чина секунд (премьер)-майора (возможно, первый кадровый офицер из казахов на российской службе).

Т. 1: 170, 170 (прим.).

Т. 2: 45, 46.

Ширгазы (Шергазы, Шергазы) Айчуваков (Сергазы Айшуак-улы) (1767–1845) – султан из поколения Осека. Хан казахов Младшего жуза (Зауральской орды) (1812–1824/1845), второй сын Айшуак-хана, внук хана Абулхаира. Последний официально признанный российскими властями хан Меньшей (Зауральской) орды. Долгое время боролся за верховную власть в жузе с султанами (непризнанными ханами) Катаратаем Нуралиевым и Арынгазы Абулгазиевым. Не смог добиться поддержки со стороны оренбургского губернатора П. К. Эссена. В 1824 г. находился в Оренбурге, будучи номинальным представителем от казахов в оренбургской администрации. В 1825 г. бежал в Хиву, но через некоторое время возвратился в казахскую степь. Был амнистирован царскими властями.

Т. 1: 225, 274.

Т. 2: 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52.

Шихов, Алим – выходец из Бухары, осевший в Тобольске в сер. XVIII в., торговал и одновременно занимался разведывательной деятельностью в пользу Российской империи. Имел особое задание следить за контактами казахских султанов Среднего жуза с представителями Цинской империи.

Т. 1: 413.

Т. 2: 61.

Шкапский, Орест Авенирович (1865–1918) – уроженец Ташкента, член Туркестанского отдела Русского географического общества с 1899 г. Член Трудовой партии (энэс). В ходе Первой русской революции сотрудничал с социал-демократами. Долгое время являлся сотрудником Переселенческого управления. После Февральской революции 1917 г. некоторое время был в числе руководителей Семиреченской области. Сотрудничал с атаманом А. М. Калединым Расстрелян представителями гарнизона Верного (ныне Алматы).

Т. 1: 327.

Т. 2: 100.

Шмит, Евгений Оттович (1844–1915) – государственный деятель Российской империи, степной генерал-губернатор и наказной атаман Сибирского казачьего войска (1907–1915). Кавалер ряда российских и зарубежных орденов. Дослужился до чина генерала от кавалерии. Активно боролся с революционным и национальным движениями.

Т. 1: 391, 392, 393.

Шолаков (Шолак) Оспан – председатель съезда волостных управителей Тургайской области, один из руководителей восстания казахов 1916 г., принадлежавший к племени аргын, избранный, по разным источникам, эмиром или ханом. Был арестован, но после Февральской революции 1917 г. амнистирован.

Т. 2: 56.

Шортан – казахский султан из поколения Жадига. В 1830-х гг. выкупил у своего дяди – султана Алтынсары Тогумова символы ханского достоинства и грамоту на ханство, данную цинскими властями.

Т. 2: 63.

Шортанбай – казахский поэт, представитель направления зар-заман.

Т. 2: 120.

Шпаденков, С. (Семен Иванович?) – тарский купец второй половины XIX в., торговавший с казахами, занимался скупкой каменной соли, добытой казахами, и сплавом ее по Иртышу в Тобольск и др. сибирские города.

Т. 1: 77.

Шпрингер, Иван Иванович (1713–1771) – выходец из остзейского дворянства, генерал-поручик, основатель второй Омской крепости (1768). В Сибири с 1763 г. Умер и похоронен в Омске.

Т. 1: 104, 107, 111, 114, 169, 202.

Штокман фон – генерал-майор, в середине XVIII в. находился в Оренбургском и Сибирском ведомствах, руководил строительством Оренбургской крепости. Один из авторов «запасного плана», предусматривавшего строительство военных линий по периметру всех границ с казахами. Также предлагал правительству привлекать казахов к борьбе российских линейных гарнизонов с джунгарами. Якобы пьяным пропал без вести в 1739 г. Однако источники фиксируют его деятельность на сибирских линиях минимум до 1744 г.

Т. 1: 100, 128, 133.

Штрадман, Густав Густавович фон (Gustav Ernst von Strandmann) (1742–1803) – остзейский дворянин. В 1789–1798 гг. – командующий войсками на Сибирской линии. Основное внимание уделял охране границ, в первую очередь границ с Китаем.

Т. 2: 18.

Щ

Щегловитов, Иван Григорьевич (1861–1918) – действительный тайный советник, последний председатель Государственного совета, министр юстиции, в свое время – чиновник Министерства юстиции, участвовавший в работе одной из комиссий по пересмотру Временного положения 1868 г. Эксперт в области криминалистики. Казнен.

Т. 1: 439.

Щербина, Федор Андреевич (1849–1936) – исследователь, историк, земский статистик, политик. В 1886 г. возглавлял ответственную экспедицию в Степной край. Возглавлял экспедицию по исследованию казахского землепользования Степных областей в 1896–1901 гг. Член-корреспондент императорской Российской академии наук. Награжден золотой медалью императорского Российского географического общества. Депутат второй Государственной думы. Симпатизировал народникам, являлся членом партии «Народная свобода». Участник белогвардейского движения. Эмигрировал, проживал на Балканах, умер в Праге.

Т. 1: 32, 376, 377, 453.

Т. 2: 110, 155.

Э

Эверсман, Михаил Михайлович (1868–1929) – уроженец Оренбургской губернии, государственный деятель. Профессиональный юрист. С 1894 г. находился на службе в Оренбургской губернии. В 1904 г. – вице-губернатор Астраханской, в 1904–1910 гг. – вице-губернатор Оренбургской областей. Губернатор Тургайской области (1910–1912 – временно исполнявший обязанности) в 1912–1917 гг. Дослужился до чина камергера (с 1913). Кавалер нескольких орденов и медалей. При Временном правительстве являлся губернатором Приморской области. Эмигрировал. Руководил подавлением выступлений казахов в Тургайской области.

Т. 1: 394.

Энгель, Федор Иванович (Theodor Engel) (1769–1837) – с 1799 г. служил в Коллегии иностранных дел, сенатор, с 1828 г. – член Государственного совета. Дослужился до чина действительного статского советника (с 1801). Трижды временно исполнял обязанности министра внутренних дел. Кавалер нескольких орденов. Возглавлял ревизию Букеевской орды в период правления там хана Джангира.

Т. 1: 233, 236, 252, 252 (прим.).

Эссен, Петр Кириллович (Эссен 3-й) (1772–1844) – выходец из лифляндских дворян голландского происхождения, оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью, командир отдельного Оренбургского корпуса и начальник пограничной части (1817–1830). Автор скорректированного (фактически отвергнутого) проекта Устава об оренбургских киргизах (1822–1824). Поддерживал признание султана А. Абулгазиева российским правительством ханом части казахов Младшего жуза (Зауральской орды). Генерал-майором стал в 1798 г., в 1800 г. стал генерал-лейтенантом. С 1819 г. – генерал от инфантерии (пехоты). В 1830–1842 гг. был петербургским генерал-губернатором и членом Государственного совета. Официально являлся генералом, приближенным к императору. Участник антинаполеоновских войн. Прославился в нескольких сражениях, в которых одерживал победы над превосходящими силами противника. Кавалер многих орденов и других наград. Был инициатором открытия Неплюевского училища и гимназии в Уфе. Благодаря энергичным действиям сумел быстро справиться с эпидемией холеры, начавшейся в Младшем жузе в 1828 г. При нем были проведены административно-территориальные реформы на юго-восточных окраинах, в результате которых Зауральская степь, населенная казахами, была разделена на части, а позднее частично на дистанции, а территория, населенная башкирами, разделена на кантоны. При нем введен запрет на покупку казахских детей и заключено соглашение с Бухарским эмиром, вводившее запрет на покупку русских пленных бухарскими купцами и другими лицами.

Т. 1: 273, 429.

Т. 2: 46, 47, 48, 49, 50, 51, 67.

Ю

Юдин, Вениамин Петрович (1928–1983) – известный советский востоковед, тюрколог.

Т. 1: 33.

Юдин, Павел Львович (1864–1928) – российский историк, журналист, первый биограф О. А. Игельстрома.

Т. 1: 193.

Юсупов, Николай Борисович (1750–1831) – князь, представитель знатного рода Юсуповых, владевших в том числе дачами в Прикаспии. Один из крупнейших помещиков. Государственный деятель, дипломат. Помогал приобретать предметы искусства русским императорам и императрицам. Был лично знаком с монархами европейских стран, а также с французскими просветителями. Один из самых известных меценатов России своего времени. Кавалер нескольких орденов.

Т. 1: 224.

Юсуповы – влиятельнейший княжеский род Российской империи, родословную ведут от ногайского правителя Юсуфа, принявшего подданство Московского царства. В том числе владели землями в Прикаспийском регионе, соседствуя с букеевскими казаками, которым сдавали свои дачи в аренду.

Т. 1: 223.

Я

Ядринцев, Николай Михайлович (1842–1894) – родился в Омске в купеческой семье. Обучался в Томске, затем в Санкт-Петербурге. В 1863 г. вернулся в Омск, где начал работать учителем. Совместно с Г. Н. Потаниным организовал литературный кружок, ставший одним из центров общественной жизни города. Арестован, был в тюрьме и ссылке по обвинению в сибирском сепаратизме (был идеологом сибирского автономизма). После отбытия наказания совершил несколько путешествий. Поселился в Барнауле, где и умер. Автор многочисленных литературных и научных трудов. Член императорского Русского географического общества. За успешно совершенное и описанное путешествие по Алтаю награжден ИРГО золотой медалью.

Т. 1: 158.

Т. 2: 86.

Якоби, Иван Варфоломеевич (1726–1803) – уроженец Якутска. Потомственный военный. В 1776 г. стал астраханским губернатором, генерал-поручиком, в 1781 г. – симбирским и уфимским генерал-губернатором, командиром отдельного Оренбургского полевого корпуса. Именно при нем в Оренбурге была образована Пограничная комиссия, а в крепостях по уральским и сибирским линиям началось строительство мечетей за казенный счет. Разрешил перегон скота казаками через Урал. В 1782 г. участвовал в процедуре конфирмации хана Среднего жуза Вали. В 1783 г. был переведен губернатором в Иркутск. При нем торговый оборот в Кяхте серьезно возрос. Уволен в 1789 г. по обвинению в превышении полномочий и стремлении развязать войну России с Китаем. Был оправдан императрицей Екатериной II и возвращен на службу. Вышел в отставку в 1797 г. в чине генерала от инфантерии. Участник войны с Турцией. Кавалер многих орденов.

Т. 1: 181.

Ягудин, Алим – татарский мулла, советник по духовным, дипломатическим и военным вопросам К. Касимова, после ареста отбывавший ссылку в Пелыме.

Т. 1: 436.

Яковлев – полковник.

Т. 1: 144, 343.

Яковлев (Второй), (Иван Андреевич?) – поручик корпуса топографов, составивший в 1851–1852 гг. описание Восточной части Меньшей орды. Участник экспедиции генерал-майора Бларамберга.

Т. 2: 87.

Яковлев, Ефрем (Елисей) – раскольнический «святой отец» в Сибири во второй трети XVIII в.

Т. 1: 88.

Ясави (Ясауи), Ходжа (Қожа Ахмет) (ок. 1103–1166) – среднеазиатский философ, исламский проповедник, суфийский поэт. Основатель суфийского ордена. Оказал серьезное влияние на исламизацию Центральной Азии. Его мавзолей находится в г. Туркестане и является местом паломничества.

Т. 1: 149.

Т. 2: 167.

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абайская область Республики Казахстан. Т. 1: 8.

Азиатская Россия – Азиатская часть Российской империи, включавшая в том числе зависимые среднеазиатские ханства – Хиву и Бухару. Т. 1: 249, 253, 255, 296, 343, 355, 357, 359, 361, 372, 382, 384, 385, 394, 397, 398. Т. 2: 17, 21, 23, 154, 186, 187, 190, 191.

Азия (Азиатские страны). Т. 1: 75, 81.

Аельдинская волость Акмолинской области. Т. 1: 458.

Аиртавская волость Кокчетавского уезда. Т. 2: 107.

Ак-Мечеть (Акмечеть) (позднее – Перовск, Кзыл-Орда, ныне – Кызылорда) – город (крепость), основанный кокандцами в низовьях Сырдарьи в 1817/1820 гг. В 1853 г. был взят русскими войсками во главе с генералом В. А. Перовским, на стороне которых также принимал участие отряд с последним признанным Хивой ханом казахов Младшего жуза – Иликеем Касымовым. Т. 2: 56, 88.

Акмолинская область Российской империи. Т. 1: 7, 301, 302, 312, 324, 326, 333, 345, 348, 350, 353, 359, 371, 377, 378, 383, 384, 393, 394, 452, 458. Т. 2: 14, 15, 16, 20, 23, 23 (прим.), 24, 90, 97, 100, 101, 107, 108, 116, 118.

Акмолинская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.

Акмолинский внешний округ. Т. 1: 236, 287. Т. 2: 71, 75, 89, 94.

Акмолинский уезд. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 20, 97, 104. Т. 2: 21, 23, 23 (прим.),

Аккульская волость Тургайского уезда. Т. 2: 100.

Актюбинск (город). Т. 2: 116.

Актюбинский уезд – см. Илецкий уезд.

Алаколь – горько-соленое бессточное озеро, расположенное в Балхаш-Алакольской котловине в Республике Казахстан. Т. 2: 88.

Алатавское приставство (внешний округ). Т. 1: 268, 286, 286 (прим.), 450.

Алкаколь (озеро) – место, связанное с одним из крупнейших казахско-джунгарских сражений. В настоящее время озера с таким названием не существует. Специалисты расходятся во мнении, с каким именно озером следует идентифицировать Алкаколь. В настоящее время озера с таким названием имеются в Кызылординской и Павлодарской областях Казахстана, но историки сомневаются, что битва происходила в окрестностях какого-то из этих озер. Т. 1: 72.

Алматинская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.

Алтай (Горный Алтай). Т. 1: 115, 273, 289, 382. Т. 2: 18.

Алтайский край Российской Федерации. Т. 1: 8.

Амударья (Аму-Дарья) (река). Т. 1: 75.

Англия. Т. 1: 248, 249, 252, 310, 311, 344, 437,

Аракарагайская волость Актюбинского уезда. Т. 2: 133.

Арал (Аральское море (озеро)). Т. 1: 91, 119, 356.

Архангелогородская губерния. Т. 1: 103.

Арысь (поселок). Т. 1: 357.

Астраханская область Российской Федерации. Т. 1: 8.

Астраханское генерал-губернаторство (Астраханский край, Астраханская сторона). Т. 1: 7, 175 (прим.), 181, 221, 222, 233, 236, 244, 412, 413, 440. Т. 2: 54, 78.

Астраханское ханство. Т. 1: 68.

Астрахань (город). Т. 1: 77, 81, 83, 128, 213, 234.

Атбасарский внешний округ. Т. 1: 286. Т. 2: 70, 89.

Атбасарский уезд. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 20, 98, 98 (прим.), 188.

Атырауская область. Т. 1: 7.

Аул № 6 Уйсынкаринской волости. Т. 2: 155.

Аягуз (город). Т. 1: 297.

Аягуз – река, образующаяся в результате слияния Малого и Большого Аягузов, впадает в озеро Балхаш. Т. 2: 90.

Аягузский (в 1854–1860 гг. – Сергиопольский) внешний округ. Т. 1: 286.

Б

Балх. Т. 1: 91.

Балхаш (озеро). Т. 1: 16.

Барнаул. Т. 1: 358. Т. 2: 96.

Баян-Аульские горы. Т. 2: 167.

Баян-Аульский внешний округ. Т. 1: 286. Т. 2: 71, 89, 102.

Берды (Бердянка) – река, приток Урала. Т. 2: 37.

Березов (город до 1926 г.), место ссылки. Т. 2: 59.

Березовка (река). Т. 1: 103.

Берлин (город). Т. 1: 17.

Бийск (крепость, город). Т. 1: 210.

Бирск (город). Т. 1: 68.

Боровое (поселение, курорт). Т. 2: 21.

Босфор – пролив. Т. 1: 309.

Букеевская орда (Внутренняя орда/ханство). Т. 1: 7, 171, 195, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 230, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 274, 275, 294, 295, 338, 347, 382, 399, 421, 424, 425, 427, 430, 437, 440. Т. 2: 6, 11, 12, 13, 25, 43, 50, 53, 54, 55, 56, 92, 98, 107, 108, 117, 140 (прим.), 173, 188.

Бухара (город). Т. 1: 73, 408, 441. Т. 2: 37.

Бухария Малая – название китайского Туркестана в конце XVIII – второй трети XIX вв. Т. 1: 106.

Бухарское ханство (эмират) (Бухария). Т. 1: 77, 91, 131, 176, 207, 210, 248, 251, 290, 337, 410, 413, 426. Т. 2: 6, 24, 47, 56, 94.

Бухтарма (Бахтурма) (река) – крупный приток Иртыша. Т. 1: 103, 104, 105, 106, 358.

В

Великобритания (Британская империя). Т. 1: 248, 309, 311, 346, 434, 449.

Верный (позднее Алма-Ата, ныне Алматы) – крупнейший город на территории современного Казахстана, бывший долгое время его столицей. В имперский период – административный центр одноименного уезда. Т. 1: 357.

Верхнеуральск. Т. 1: 418.

Верхняя Азия (Верхняя Тартария, Верхняя Татария) – обобщенное название обширного региона на восток от Каспия, включавшее Центральную Азию вплоть до Индии, Китая, Тихого и Северного ледовитого океанов. Использовалось европейскими (реже русскими) географами в период с XIV до сер. XIX в. Т. 1: 212.

Волга (Идиль, Итиль) (река) – крупнейшая река на территории Европы, протекающая с северо-запада на юго-восток. Традиционно одна из важнейших логистических артерий, на берегах которой возникали многочисленные города и государства. В нижнем течении разветвляется на множество протоков, образуя дельту. В настоящее время большая часть протекает по территории Российской Федерации, часть проток нижнего течения вне основного русла входит в состав Республики Казахстан. Впадает в Каспийское море (озеро). Т. 1: 176, 218, 219, 219 (прим.), 229.

Волгоградская область Российской Федерации. Т. 1: 8.

Волжско-Уральское междуречье. Т. 1: 80, 114, 218, 219, 222, 244, 425. Т. 2: 38, 173.

Воскресенск – населенный пункт Павлодарского уезда на противоположной от административного центра стороне Иртыша, центр пересечения железной дороги местного значения и водного транспорта. В конце XIX – начале XX вв. здесь имелось обрабатывающее производство. Располагался недалеко от 5-го аула, примерно на территории совр. г. Аксу (ранее – г. Ермак). Т. 1: 356, 358. Т. 2: 104, 104 (прим.).

Восточная Азия. Т. 1: 178.

Восточная волость Кокчетавского уезда. Т. 2: 108.

Восточная Сибирь. Т. 1: 301.

Восточная часть Меньшей орды. Т. 1: 239, 274. Т. 2: 10, 69, 74, 87, 140.

Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан. Т. 1: 8.

Восточно-Тюркский каганат. Т. 1: 402.

Восточный Казахстан. Т. 1: 110.

Г

Германия (Германская империя). Т. 1: 68, 155, 360, 394 (прим.).

Глубокая (река). Т. 1: 103.

Гурьев (город). Т. 1: 239.

Д

Дарданеллы (пролив). Т. 1: 309.

Джиландинская волость Кокчетавского уезда. Т. 2: 107.

Джикенды – урочище в Темирском уезде. Т. 2: 155.

Джилкуарская волость Кустанайского уезда Тургайской области. Т. 2: 188.

Джунгарское ханство (Джунгария, Зюнгория, Зенгория, Зенгорская земля, Зенгорские места). Т. 1: 38, 59, 71, 72, 79, 82, 84, 85, 105, 111, 112, 127, 132, 134, 140, 144, 149, 150, 151, 219, 420. Т. 2: 6, 36.

Джусалы (станция). Т. 1: 359.

Десятиверстная полоса – участок вдоль реки Иртыш, на котором сначала запрещалось заниматься хозяйственной деятельностью всем, выступал в качестве границы между русскими поселениями и казахами и другими азиатскими народами, присягнувшими Российской империи, но регулярно совершавшими нападения на русские поселения и торговые караваны. Со второй четверти XIX в. здесь была разрешена хозяйственная деятельность, но для кочевников – с существенными ограничениями и уплатой ремонтной пошлыны в пользу казачества. В 1904 г. была передана в собственность Сибирского казачьего войска. Один из самых спорных земельных участков между русскими и казахами. Советская власть включила всю территорию десятиверстной полосы, несмотря на преобладание русского населения, в состав Казахстана. Т. 1: 111, 114, 211. Т. 2: 89.

Е

Евразия. Т. 1: 14. Т. 2: 144.

Европейская Россия – Европейская часть Российской империи, включавшая в том числе территории Польши, Финляндии и других западных окраин. Т. 1: 111, 196. Т. 2: 19, 21.

Екатеринбург (город). Т. 1: 252.

Ж

Жамбылская область Республики Казахстан. Т. 1: 8.

Жанибек – район во Внутренней орде. Т. 1: 227.
 Железинская крепость (Железинка). Т. 1: 79, 102, 103, 202.
 Жетысусская область Республики Казахстан. Т. 1: 8.

З

Заволжье. Т. 1: 221.
 Зайсан (озеро). Т. 1: 104, 105, 106.
 Зайсанский уезд. Т. 2: 91.
 Закаспийская область. Т. 1: 356.
 Западная Европа. Т. 1: 155. Т. 2: 137 (прим.).
 Западная Сибирь. Т. 1: 301, 358, 412. Т. 2: 20, 96, 134.
 Западная часть Меньшей орды. Т. 1: 239, 275, 415, 438. Т. 2: 52, 69, 74.
 Западно-Казахстанская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.
 Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Т. 1: 7, 31, 86, 101, 108, 247, 260, 266, 271, 273, 299, 301, 302, 303, 304, 305, 308, 316, 319, 325, 326, 333, 334, 344, 346, 399, 433, 436, 437, 442, 444, 463. Т. 2: 6, 67, 69, 89, 95, 96, 110, 115.
 Западно-Тюркский каганат. Т. 1: 402.
 Западный Казахстан. Т. 1: 110, 288. Т. 2: 10, 11, 24, 117, 131, 167.
 Западный Китай. Т. 2: 129.
 Зауральская (Заяицкая) степь. Т. 1: 17, 128, 167, 168, 220, 224, 243, 339. Т. 2: 54.
 Зауральская орда. Т. 1: 222, 225, 226, 229, 231, 239, 274. Т. 2: 11, 47, 49, 50, 53, 87, 89.
 Звериноголовская крепость. Т. 1: 239.
 Зерендинская волость Кокчетавского уезда. Т. 2: 107.

И

Икан – пригород Ташкента. Т. 1: 147.
 Илек (река). Т. 1: 112. Т. 2: 37.
 Илецк (Илецкий городок). Т. 1: 111.
 Илецкий (Актюбинский) уезд. Т. 2: 90.
 Илецкая Защита. Т. 1: 111.
 Илецкое месторождение каменной соли, находится на верхней террасе р. Илека. Т. 1: 196.
 Илийский округ (Илийский край). Т. 1: 307. Т. 2: 157.

Индийский океан. Т. 1: 247.

Индия. Т. 1: 69, 75, 76, 106, 247.

Иргиз (Большой Иргиз) (река) – река в совр. Самарской и Саратовской областях России, левый приток Волги. Т. 1: 82, 112, 177. Т. 2: 87, 92.

Иргиз (поселок). Т. 1: 451. Т. 2: 116.

Иргиз Малый (река) – Малый Иргиз – река в совр. Саратовской области России, левый приток Волги. Т. 1: 177.

Иргизский уезд. Т. 1: 26, 343.

Иртыш (река). Т. 1: 73, 77, 77 (прим.), 78, 79, 103, 105, 111, 114, 115, 134, 136, 272, 356, 358, 419.

Исетская провинция. Т. 1: 160.

Ишим (река). Т. 1: 112, 119, 214. Т. 2: 87.

К

Кавказ. Т. 1: 213, 250, 300. Т. 2: 134.

Казбек – село Темирского уезда. Т. 2: 155.

Казанское ханство. Т. 1: 68.

Казань (город). Т. 1: 80, 171, 233, 394, 412, 445.

Казахская АССР (Казахстан). Т. 2: 120.

Казахское ханство (Казахские ханства, Казацкие орды). Т. 1: 48, 50, 52, 56, 68, 69, 70, 71, 81, 142.

Калмыцкая часть Внутренней орды. Т. 1: 245.

Калмыцкое ханство. Т. 1: 232.

Калмыцкие (джунгарские) арыки. Т. 2: 88.

Калуга (город). Т. 2: 49.

Камыш-Самарская часть Внутренней орды. Т. 1: 245.

Кара-Богаз-Гол (залив на Каспийском море). Т. 2: 78.

Карагандинская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.

Карагандинские угольные копи. Т. 1: 359. Т. 2: 104.

Каркаралинск (город). Т. 1: 359.

Каркаралинский внешний округ. Т. 1: 267, 269, 272, 278 (прим.), 286, 443. Т. 2: 67, 89, 103.

Каркаралинский уезд. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 87, 104, 133.

Карсакпай (станция). Т. 1: 359.

Касалганский кордон в Прикаспии. Т. 1: 235.

Каспийское море (озеро) (Каспий). Т. 1: 75, 213, 225, 230, 250, 356.

- Кзылординская область Республики Казахстан*. Т. 1: 8.
- Кизляр* (крепость, город). Т. 1: 128.
- Китай* (цинский Китай, Цинская империя, Китайская империя, Поднебесная, Срединная империя). Т. 1: 16, 38, 71, 72, 84, 85, 89, 151. Т. 2: 6, 17, 18, 22, 43, 60, 62, 63 (прим.).
- Киргизская (казахская) степь* – обобщенное административное наименование земель, населенных казахами Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств в XIX в. Т. 1: 250, 277, 292, 322, 358, 388, 436, 445. Т. 2: 5, 6, 19, 28, 33, 55, 59, 65, 77, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 127, 129, 130, 136 (прим.), 152, 156, 172, 173, 176, 177, 184.
- Кирсановский форпост* (Уральской линии) (станция Кирсаново Уральской области). Т. 2: 112.
- Колывано-Воскресенский горный округ*. Т. 1: 102, 215.
- Кокандское ханство* (Коканд, Кокан). Т. 1: 38, 84, 207, 248, 410, 420, 434, 435. Т. 2: 6, 95.
- Кокоревский кордон в Прикаспии*. Т. 1: 235.
- Кокпекты* (город, прииск). Т. 1: 297. Т. 2: 105.
- Кокпектинский округ*. Т. 1: 286.
- Кокчетав* (крепость, город). Т. 1: 358. Т. 2: 63.
- Кокчетавская волость Кокчетавского уезда*. Т. 2: 108.
- Кокчетавский внешний округ*. Т. 1: 267, 269, 270, 278 (прим.), 433. Т. 2: 58, 59, 89.
- Кокчетавский уезд*. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 14, 20, 21, 98 (прим.), 107, 108, 188.
- Копал (Копалы)* – город (до 1854 г. – станция) у подножья Семиреченского Алатау, административный центр Копальского уезда Семиреченской области, граничившего с Китаем. В городе проводилась ежегодная ярмарка. Город был разделен на две части – административный центр и станицу. В общей сложности в конце XIX в. здесь проживало ок. 5 тыс. человек, имелись две церкви и мечеть, несколько предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Основным занятием жителей оставалось земледелие. Т. 1: 297.
- Копальский внешний округ*. Т. 1: 286, 450.
- Коряковское озеро*. Т. 1: 197.
- Котуркульская волость Кокчетавского уезда*. Т. 2: 107.
- Кульпиский кордон в Прикаспии*. Т. 1: 235.

Красный Яр – город в Астраханской губернии. Т. 1: 224.
Красноярский уезд Астраханской губернии. Т. 1: 224.
Куль-Тобе – местность на берегу р. Ангрен в 50 км от Ташкента. Т. 1: 59, 59 (прим.).
Курганская область Российской Федерации. Т. 1: 8.
Кустанайская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.
Кустанай (город). Т. 2: 116.
Кустанайский уезд. Т. 1: 451, 453. Т. 2: 91, 102, 108, 116, 188.
Кызылординская область Республики Казахстан. Т. 1: 8.

Л

Лебедевский кордон в Прикаспии. Т. 1: 235.

М

Мавераннахр – междуречье Амударьи и Сырдарьи, часто средневековый аналог более позднего понятия Средняя Азия. Т. 1: 402, 403, 407.
Майкаин (поселок, прииск). Т. 1: 358.
Малороссия. Т. 1: 101.
Макинка (поселок). Т. 1: 359.
Мангыстауская область Республики Казахстан. Т. 1: 8.
Мангышлак (полуостров). Т. 2: 98.
Манитюбе – урочище на Иргизе, где приняли присягу на верность Российской империи хан Абулхаир и его ближайшее окружение 10 октября 1731 г. Т. 1: 82.
Медина. Т. 1: 441.
Междуречье Илека и Берды. Т. 2: 37.
Междуречье Тургая и Иргиза. Т. 1: 177, 251. Т. 2: 87.
Мекка. Т. 1: 406 (прим.), 427, 441, 442, 443, 444.
Мензелинск (город). Т. 1: 68. Т. 2: 47.
Меновый двор (Меновая слободка) – поселение и постоянно действовавшая ярмарка, был расположен изначально в трех верстах от Оренбурга, позднее присоединился к городу. Т. 1: 97, 98 (прим.), 99, 111, 211, 213, 422. Т. 2: 154.
Мизгильская волость Кокчетавского уезда. Т. 2: 107.
Могольское государство (Государство или империя Великих Моголов) – государство Бабуридов, правители происходили от потомка эмира Тимура (Тамерлана). Династия правила

в 1526–1857 гг. Династия получила название из-за того, что европейцы ошибочно считали основателей монголами. Т. 1: 106.

Московское царство (Русское государство, Россия). Т. 1: 68, 69.

Москва (город). Т. 1: 77, 78, 206.

Мугоджарские горы (Мугоджары) – южное продолжение горной системы Урал в Казахстане протяженностью около 200 км с севера на юг. Почти все горы пологие, покрытые слоем почвы и заросшие степными травами, редко превышающие высоту в полкилометра от уровня моря. Состоят из двух хребтов – собственно Мугоджарского (западного), где находятся истоки рек Эмба и Орь, и Жанганинского (восточного), где начинают свое течение многие притоки Иргиша. Т. 2: 76.

Н

Нарынская часть Внутренней орды. Т. 1: 245.

Новолинейный район – территория между старыми линиями по Уралу, основанными в XVIII в., и Новой линией, открытой в Оренбургском крае в 1835 г. Общая площадь Новолинейного района – ок. 4,5 млн дес. (ок. 490 тыс. кв. км). В Новолинейном районе ограничивалось кочевание. Въезд в район был платным – по специальным билетам. Статус территории не был четко определен до советского времени. Большая часть Новолинейного района в настоящее время входит в состав России. Т. 1: 292, 293, 313, 321. Т. 2: 9.

Новоузенский район – территория междуречья Большого и Малого Узеня. Существующий в настоящее время одноименный район в составе Саратовской области – лишь часть территории, именовавшейся в XIX – начале XX в. Новоузенским районом. Т. 1: 277.

Ногайская орда. Т. 1: 68.

Нура (река). Т. 1: 112.

О

Область сибирских киргизов – административно-территориальная единица Западно-Сибирской губернии

с центром в Омске, не имевшая южных границ. Существовала в период 1854–1868 гг. Т. 1: 7, 25, 260, 262, 266, 279, 282, 286, 287, 326. Т. 2: 118, 126.

Область оренбургских киргизов (Оренбургская область Российской империи) – административно-территориальная единица Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства с центром в Оренбурге. Площадь – ок. 1 млн кв. км. Существовала в период 1859–1868 гг. Т. 1: 7, 220, 290, 292, 298, 326, 437. Т. 2: 9, 125, 176.

Омск (крепость, город). Т. 1: 79, 107, 110, 175, 260, 269, 282, 301, 354, 358, 391, 400. Т. 2: 93.

Омская область Российской империи. Т. 1: 258, 261, 270, 279, 281, 282, 285, 306. Т. 2: 60.

Омская область Российской Федерации. Т. 1: 8.

Омский внутренний округ. Т. 1: 258.

Омский уезд. Т. 1: 377, 453.

Оренбург (город). Т. 1: 90, 93, 97, 98, 98 (прим.), 99, 118, 119, 132, 147, 132, 146, 165 (прим.), 167, 182, 185, 187, 198, 199, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 227, 233, 247, 252, 274, 275, 290, 304, 356, 357, 387, 390, 413, 418, 422, 424. Т. 2: 9, 44, 46, 50, 51, 118, 125, 132, 170 (прим.), 184.

Оренбургская область Российской Федерации. Т. 1: 8.

Оренбургская провинция. Т. 1: 181.

Оренбургский край (Оренбуржье). Т. 1: 93, 124, 172, 178, 181, 182 (прим.), 189, 190, 197, 203, 207, 215, 220, 273, 274, 287, 291, 297, 301, 315, 320 (прим.), 440. Т. 2: 10, 41, 49, 152.

Оренбургское генерал-губернаторство (губернаторство). Т. 1: 66, 93, 101, 113, 121, 123, 147, 160, 171, 172, 173, 175, 175 (прим.), 178, 181, 192, 196, 198, 220, 221, 251, 252, 294, 302, 303, 304, 308, 318, 325, 326, 337, 399, 416, 429, 430, 436, 437, 440, 444. Т. 2: 6, 10, 11, 20, 80, 81, 84, 91, 94, 95, 110, 112, 113, 124, 125, 131, 165, 173, 174, 184, 185.

Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство. Т. 1: 312, 314 (прим.), 437. Т. 2: 10, 11, 73, 73 (прим.).

Орск (город, крепость). Т. 1: 97, 125, 131. Т. 2: 37.

Орь (река). Т. 1: 97, 116.

Ост-Индия – колониальные владения Великобритании в Южной Азии, включавшие в XIX в. современные Индию, Пакистан и Бангладеш. Т. 1: 199, 437.

П

Павлодар (город). Т. 1: 297. Т. 2: 104.

Павлодарская область Республики Казахстан. Т. 1: 7, 331.

Павлодарский уезд Семипалатинской области. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 89, 101.

Перовский уезд. Т. 1: 41.

Персия (Иран). Т. 1: 75, 77, 131, 141, 430.

Пермская губерния. Т. 1: 252.

Петропавловск (крепость, город). Т. 1: 107, 112, 194, 358, 419. Т. 2: 61.

Петропавловская волость. Т. 2: 102.

Петропавловский уезд. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 20, 100.

Поволжье (делится на Верхнее, Среднее и Нижнее). Т. 1: 90, 138, 252, 403, 412.

Покровское – станица около озера Алаколь. Т. 1: 357. Т. 2: 88.

Польша. Т. 1: 103, 191, 213, 311.

Приаралье. Т. 1: 91.

Прибалхашье (Северное и Южное) – территория вокруг озера Балхаш, не имеющая четких географических очертаний, условно включающая на севере Прибалхашскую впадину, на юге – Балхаш-Алакольскую котловину. Т. 2: 95.

Прикаспий – территория вокруг Каспийского моря. Т. 1: 77, 223.

Прикаспийская I часть Внутренней орды (Первый приморский округ). Т. 1: 245.

Прикаспийская II часть Внутренней орды (Второй приморский округ). Т. 1: 245.

Прииртышье (делится на Верхнее, Среднее и Нижнее). Т. 1: 78, 79, 104, 133, 196, 197, 209, 272. Т. 2: 61, 86, 89, 98, 150, 157.

Приишимье. Т. 1: 102.

Приуралье (делится на Верхнее, Среднее и Нижнее). Т. 1: 96, 99, 101, 114, 132, 211, 224, 322, 339, 412. Т. 2: 36, 102.

Пятая (5-я, V часть Петропавловской волости – в конце XIX – начале XX вв. многие административные единицы в Степ-

ном крае стали именоваться номерами (дистанции, участки, аулы и т.д.), при этом они имели свои административные границы и административные центры во входивших в них населенных пунктах, которые в быту также становились номерными. Т. 2: 102.

Р

Республика Алтай Российской Федерации. Т. 1: 8.

Республика Казахстан (Казахстан). Т. 1: 5, 6, 8, 402. Т. 2: 16, 17, 18.

Республика Калмыкия Российской Федерации. Т. 1: 8.

Риддер. Т. 1: 356, 358.

Российская империя (Россия). Т. 1: 5, 7, 9, 10, 11, 38, 42, 50, 54, 56, 57, 61, 69 (прим.), 72, 73, 75, 74, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 84, 84 (прим.), 86, 87, 89, 90, 93, 94, 95, 96, 98, 100, 112, 113, 115, 116, 121, 122, 123, 125, 127, 131, 312 (прим.) 133, 134, 137, 138, 145, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 159, 161, 164, 171, 171, 174, 176, 177, 180, 181, 191, 192, 194, 198, 206, 210, 213, 217, 218, 219, 221, 235, 237, 243, 244, 247, 248, 250, 253, 259, 270, 272, 274, 277, 288, 290, 293, 296, 297, 299, 300, 302, 306, 307, 308, 309, 317, 323, 327, 328, 329, 330, 332, 335, 337, 346, 348, 353, 354, 355, 359, 360, 363, 381, 382, 387, 399, 400, 402, 404, 405, 408 (прим.), 413, 414, 415, 416, 418, 419, 421, 430, 431, 439, 440, 441, 447, 449, 450, 453, 455, 461, 462, 463, 464. Т. 2: 5, 6, 8, 9, 12, 16, 16 (прим.), 17, 18, 21, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34 (прим.), 35, 36, 38, 39, 40, 42, 45, 46, 52, 55, 56, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 68, 71, 73, 75, 76, 77, 78, 83, 84, 85, 96, 113, 124, 147, 153, 154, 158, 169, 172, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 181.

Российская Республика (февраль-октябрь 1917). Т. 2: 5.

Российская Федерация. Т. 1: 5, 6, 8.

РСФСР. Т. 1: 179.

Рын-пески (Нарын-пески) – песчаные барханы в Прикаспии, в междуречье Урала и Волги площадью ок. 40 тыс. кв. км. Т. 1: 229.

С

Сагыз (река). Т. 1: 144.

- Сайрам (город). Т. 1: 59, 70.
 Самара (город). Т. 1: 90.
 Самарская губерния. Т. 1: 220.
 Самарская область Российской Федерации. Т. 1: 8.
 Самарканд. Т. 1: 408.
 Санкт-Петербург (Петербург, Петроград) (город). Т. 1: 82, 89, 106, 120 (прим.), 233, 234, 235, 252, 300, 346, 425, 436, 464.
 Т. 2: 49, 55, 74, 130.
 Сарайская волость Кустанайского уезда Тургайской области.
 Т. 2: 188.
 Саратов. Т. 1: 357. Т. 2: 54.
 Саратовская губерния. Т. 1: 221. Т. 2: 54.
 Саратовская область Российской Федерации. Т. 1: 8.
 Сарымбет – местность на берегу Ишима. Т. 2: 130.
 Сарысу (Сары-су, Сары Су) (река). Т. 1: 214, 286.
 Сарысусский уезд. Т. 2: 154.
 Северо-Казахстанская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.
 Северный Кавказ. Т. 1: 219, 219 (прим.).
 Северный Казахстан. Т. 1: 110. Т. 2: 14, 111, 117.
 Сеиткулова слобода – поселение на реке Тургай, легендарное место начала казахского поливного земледелия среди казахов Младшего жуза. Т. 2: 87, 93.
 Сеитова слобода (посад). Т. 1: 205, 417, 422.
 Семипалатинск (Семипалатная крепость, город). Т. 1: 79, 103, 104, 115, 208, 302, 357, 387, 390, 445. Т. 2: 105.
 Семипалатинская область Республики Казахстан. Т. 1: 7.
 Семипалатинская область Российской империи. Т. 1: 8, 67, 272, 286, 287, 325, 326, 333, 345, 348, 350, 353, 367, 377, 382, 384, 393, 445, 452. Т. 2: 90, 91, 97, 101, 102, 108, 111, 117, 118, 133.
 Семипалатинский внутренний округ. Т. 1: 258, 286.
 Семиреченская область. Т. 1: 7, 8, 286, 312, 324, 325, 326, 347, 348, 350, 377, 378, 384, 392, 393, 452, 455. Т. 2: 89, 94, 97, 100, 112, 113, 116, 119.
 Семиречье. Т. 1: 70, 135, 286, 395, 402, 458. Т. 2: 108, 161.
 Сибирское генерал-губернаторство. Т. 1: 7, 80, 93, 101, 171, 175, 178, 252, 255, 303, 413, 417. Т. 2: 13, 21, 29, 113, 126, 173, 174.
 Сибирское ханство. Т. 1: 68, 77.

Сибирь. Т. 1: 77, 86, 92, 106, 107, 108, 109, 111, 133, 147, 165, 168, 197, 252, 253, 255 (прим.), 256, 258, 259, 260, 266, 268, 274, 299, 301, 355, 358, 372, 374, 384, 385, 391, 396, 398. Т. 2: 17, 18, 19, 106, 189.

Симбирское наместничество. Т. 1: 181.

Симбирско-Уфимское генерал-губернаторство. Т. 1: 181, 184, 192, 425.

Синьцзян. Т. 1: 89, 286 (прим.), 337, 450. Т. 2: 16, 63.

Содружество Независимых Государств (СНГ). Т. 1: 5.

Союз Советских Социалистических Республик (Советский Союз, СССР). Т. 1: 5.

Средняя Азия. Т. 1: 96, 111, 136, 140, 193, 208, 210, 211, 288, 310, 311, 327, 343, 355, 402, 403, 404, 407, 410, 413, 416, 417, 420, 425, 430, 434, 437, 439, 449, 453. Т. 2: 6, 32, 56, 84, 94, 123, 142.

Средняя часть Меньшей (Малой, Зауральской) орды. Т. 2: 10, 49, 51, 69, 74.

Степное генерал-губернаторство (Степной край, Степные области, Степь). Т. 1: 7, 8, 14, 196, 217, 246, 259, 301, 305, 307, 308, 309, 312, 318, 319, 322, 324, 325, 332, 334, 335, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 354 (прим.), 355, 357, 361, 362, 363, 364, 367, 368, 370, 371, 372, 373, 375, 376, 378, 380, 382, 383, 384, 387, 388, 393, 395, 397, 398, 400, 402, 411, 438, 441, 444, 445, 453, 456, 457, 461, 464. Т. 2: 5, 6, 8, 9, 12, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 75, 79, 89, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 108, 116, 119, 127, 132, 138, 147, 170, 174, 175, 177, 187.

Суюндукская волость Кустанайского уезда Тургайской области. Т. 2: 188.

Сызган (город). Т. 1: 70.

Сыр-Дарьинская область. Т. 1: 324, 325, 326, 393, 452. Т. 2: 116, 157.

Сырдарья (Сыр-Дарья) (река). Т. 1: 119, 286, 297 (прим.), 437. Т. 2: 77 (прим.), 88, 92, 165.

Сырымбет (Сарымбет) – местность на берегу р. Ишима. Т. 2: 130.

Т

Таврическая область. Т. 1: 182, 397.

Таловская часть Внутренней орды. Т. 1: 245.

Тара (город). Т. 1: 68, 77, 78.

Таракты-Ногаевская волость. Т. 2: 71.

Тарбагатай – хребет в Казахстане на границе с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая. Т. 2: 63.

Татария Великая – в период Средневековья и Нового времени имелось несколько трактовок этого географического пространства. В XVII–XIX вв. на европейских картах чаще всего Великая Татария включала в себя большую часть территории современных Сибири и стран Центральной Азии. Т. 1: 91, 106.

Таш-Тобе – поселение в Толкавской волости Семиреченской области, где был зафиксирован массовый переход казахов от кочевания и скотоводства к оседлой жизни и земледелию. Т. 2: 89.

Ташкент (город). Т. 1: 59, 59 (прим.), 70, 91, 126, 135, 136, 147, 148, 200 (прим.), 311, 356, 357, 390, 405, 408. Т. 2: 132.

Ташкентский уезд. Т. 2: 96.

Телецкое озеро. Т. 1: 104.

Тобол (река). Т. 1: 102.

Тобольск (город). Т. 1: 68, 77, 106, 211, 282, 412, 413.

Тобольская губерния. Т. 1: 132 (прим.), 266 (прим.), 279, 285, 437. Т. 2: 12, 19.

Тобольский уезд. Т. 1: 412.

Толкавская волость Семиреченской области. Т. 2: 89, 112.

Томск (город). Т. 1: 282.

Томская губерния. Т. 1: 266 (прим.), 279, 285, 302, 437. Т. 2: 12, 19.

Торгунская часть Внутренней орды. Т. 1: 245.

Троицк (Троицкая крепость, город). Т. 1: 203, 207, 209, 418, 419. Т. 2: 48.

Тургай (река). Т. 1: 112, 214, 251. Т. 2: 87, 92, 93, 94, 95, 165.

Тургайская область Российской империи. Т. 1: 7, 26, 220, 312, 324, 326, 331, 342, 343, 346, 348, 350, 366, 376, 377, 393, 394, 451, 452. Т. 2: 25, 83, 89, 90, 97, 99, 108, 113, 116, 157, 158.

Тургайский уезд. Т. 2: 100.

Туркестан (город). Т. 1: 70, 126, 127, 135, 148, 149, 301, 441.
Т. 2: 43, 60, 167.

Туркестанская автономия (*Туркестони мухториат*). Т. 1: 394 (прим.).

Туркестанская область. Т. 1: 8.

Туркестанское генерал-губернаторство (*Туркестанский край, Туркестан, Туркестанские области*). Т. 1: 7, 247, 286, 307, 310, 311, 312, 320 (прим.), 322, 324, 325, 332, 336, 337, 345, 347, 348, 353, 355, 357, 393, 395, 397, 424, 439, 445, 455, 456, 458, 461, 464. Т. 2: 16 (прим.), 98, 126, 154, 174, 177.

Туртугул-Казгановская волость Атбасарского округа. Т. 2: 71.

Турция (*Оттоманская порта*). Т. 1: 92, 176, 191, 193, 394 (прим.), 463.

Тюмень (город). Т. 1: 68, 413.

Тюменская область Российской Федерации. Т. 1: 8.

Тянь-Шань – горный массив. Т. 1: 98. Т. 2: 95, 159.

У

Уба (река). Т. 1: 103.

Убаганская волость Кустанайского уезда Тургайской области.
Т. 2: 188.

Узун-Агач – урочище в Семиречье. Т. 1: 455.

Уил – степная река в Западном Казахстане, ее истоки находятся в Мугоджарских горах, устье распадается на рукава и часть становятся бессточными, а часть впадает в оз. Актобе. На части течения самой реки и в ряде ее притоков вода горько-соленая. Т. 2: 110, 132.

Уйгурские бекства – тюркские государственные и протогосударственные образования, существовавшие в XVII–XIX вв. преимущественно на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики и небольших частей современных Республики Казахстан и Кыргызской Республики. Т. 1: 71, 430.

Украина (*Республика Украина*). Т. 1: 6.

Ульба (река). Т. 1: 103.

Улытаусская область. Т. 1: 7.

Урал (Яик, Жаик) (река) – крупная река, протекающая с севера на юг вдоль Уральских гор, где находятся истоки многих

притоков. Входит в состав Российской Федерации и Республики Казахстан (в нижнем течении). Впадает в Каспийское море. Долгое время являлась своеобразной естественной границей между русскими поселениями и казахскими кочевьями. Т. 1: 73, 77, 90, 92, 96, 99, 101, 104, 111, 113, 114, 119, 119 (прим.), 120, 134, 136, 218, 219, 222, 224, 225 (прим.), 229, 251, 252, 277, 297 (прим.), 339. Т. 2: 38, 87.

Уральск (крепость, город, Яицкий городок). Т. 1: 111, 184, 357, 426.

Уральская область Российской империи. Т. 1: 7, 312, 324, 326, 333, 346, 348, 350, 365, 366, 376, 377, 393, 447, 451. Т. 2: 20, 25, 75, 83, 90, 108, 113.

Уральские горы (Урал). Т. 1: 73, 77, 92, 106, 385.

Ургенч. Т. 1: 69.

Усть-Каменогорск (крепость, город). Т. 1: 16, 79, 103, 105, 302, 445. Т. 2: 18, 117.

Усть-Каменогорский внутренний округ. Т. 1: 258.

Усть-Каменогорский уезд. Т. 1: 377, 453. Т. 2: 91, 97, 133.

Устюрт (Уст Урт, Усть-Урт) (пустыня, плато). Т. 1: 356.

Уфа (город). Т. 1: 68, 77, 143, 184, 193. Т. 2: 39, 47.

Уфимская губерния. Т. 1: 181, 220.

Уфимская провинция. Т. 1: 160, 181.

Уфимское наместничество. Т. 1: 175 (прим.), 181.

Ф

Финляндия. Т. 1: 213.

Х

Ханга-Баба (Канга-Баба) – урочище, древний могильник, расположенный на территории совр. Мангистусской области Республики Казахстан. По сведениям Б. Залесского, здесь был похоронен мусульманский святой, почитавшийся в XIX в. казахами. Т. 2: 167.

Ханская Ставка (поселение) – административный центр Внутренней (Букеевской орды (ханства) – позднее Урда – село (некоторое время – город) в современном Бокейординском районе Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. Т. 1: 228, 232, 233, 235, 236, 390, 425.

Хива (город). Т. 1: 247, 408. Т. 2: 9.

Хивинское ханство (Хива). Т. 1: 38, 44, 69, 73, 75, 76, 77, 84, 91, 95, 130, 131, 136, 141, 150, 176, 191, 200 (прим.), 207, 247, 248, 250, 289, 290, 294, 337, 407, 408, 410, 420, 421, 426, 427, 434, 437. Т. 2: 6, 24, 36, 37, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 73, 78.

Ходжент (Худжант). Т. 1: 136.

Ц

Центральная Азия. Т. 1: 9, 29, 56, 75, 77, 79, 85 (прим.), 133, 149, 151, 197, 198, 211, 227, 248, 276, 310, 347, 348, 371, 402, 403, 411, 430, 434, 448, 456, 457, 463.

Центральная Россия (центральные губернии). Т. 1: 23, 93, 259, 291, 327, 381, 447. Т. 2: 75, 104, 115, 154, 175.

Центральный Казахстан. Т. 2: 88, 92, 102, 156.

Ч

Чалкарская волость Кокчетавского уезда. Т. 2: 108.

Челябинск (город). Т. 1: 68.

Челябинская область Российской Федерации. Т. 1: 8.

Ченгар-Каракисецкая волость – кочевая волость без четких границ в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства, располагавшаяся в пределах части совр. Карагандинской области Республики Казахстан, не имевшая четких административных границ. Название не было официальным, использовалось в бытовой лексике. Т. 1: 214.

Чернолуцкая слобода. Т. 1: 104.

Черноярский уезд. Т. 1: 221.

Черный Яр – город, уездный центр Астраханской губернии. Т. 1: 233.

Чимкентский уезд. Т. 2: 132.

Чубарская волость Кустанайского уезда Тургайской области. Т. 2: 157, 188.

Ш

Швеция. Т.: 191. Т. 2: 41.

Щ

Э

Эбелейское озеро – соленое озеро, из которого в XVIII–XIX вв. велась активная добыча каменной соли. Т. 1: 196.

Экибастуз – населенный пункт Павлодарского уезда (ныне – город, районный административный центр), известный своим богатейшим угольным месторождением (копями), добыча в котором ведется открытым способом. Т. 1: 358.

Эмба (Емба) (река). Т. 1: 119, 164, 197, 297 (прим.), 300, 437. Т. 2: 76, 79.

Эмбенское соляное месторождение. Т. 1: 90. Т. 2: 103.

Эрексайская волость Акмолинской области. Т. 1: 458.

Ю

Юго-Восточный Казахстан. Т. 1: 410. Т. 2: 131, 156. Т. 2: 131, 156, 165.

Юго-Западный Казахстан. Т. 2: 98.

Южная Азия. Т. 1: 178, 213.

Южная Сибирь. Т. 1: 358, 420.

Южная Россия. Т. 2: 104.

Южно-Уссурийский край. Т. 1: 363.

Южный Казахстан. Т. 1: 410. Т. 2: 96.

Я

Яик (река) – см. Урал.

Ямышевская крепость (поселение Ямышево). Т. 1: 79, 102, 103, 202.

Ямышевское озеро (Ямыш-озеро, Ямышево) – озеро в Прииртышье, известное богатыми соляными залежами. Здесь в течение XVI–XVIII вв. проводились нерегулярные международные торговые ярмарки, куда съезжались купцы из сибирских провинций Российской империи, Джунгарии, казахи, реже – представители среднеазиатских ханств и Китая. Было одной из спорных территорий между Российской империей и Джунгарским ханством. Т. 1: 78, 79, 197.

Яркент (Еркеть) – один из уйгурских городов, подчиненных джунгарами, позднее Цинами. В настоящее время – уездный центр Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Т. 1: 78, 79.

Яркент (река), давшая название городу Яркенду и округе. Т. 1: 78, 79.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1731 г. Д. 1.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1743 г. Д. 3.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1744 г. Д. 4.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1747 г. Д. 3.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 4.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1769-1773 гг. Д. 19.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1774-1782 гг. Д. 10.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1775-1786 гг. Д. 2.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Д. 14.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Карт. 15. 1748 г. Д. 3.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар.15. 1748 г. Д. 8.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1742 г. Д. 5.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1747 г. Д. 3.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1759 г. Д. 4.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1775-1786 гг. Д. 2.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/2. 1742-1753 гг. Д. 8.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. 1742-1793 гг. Д. 8.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. 1763-1767 гг. Д. 15.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. Д. 1.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1785 г. Д. 2.
АВПРИ МИД РФ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 47.
Архив ИВР РАН. Раз. II. Оп. 7. Д. 3.
Архив ИВР РАН. Раз. II. Оп. 7. Д. 4.
Архив ИВР РАН. Раз. III. Оп. 1. Д. 27/277.
Архив ИВР РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 38/918.

- Архив ИВР РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 45.
 Архив ИВР РАН. Раз. III. Оп. 1. Д. 48.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 83/1.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 434.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 451.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 495.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 521.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 523.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 524.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 1185.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 92. Кн. I-II.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 93. Ч. I. Кн. I-IV, Ч. II.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 93/2.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 94. Кн. I.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 94. Кн. II.
 Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 15.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 16.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 29.
 Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1 Д. 30.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 31.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 73.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 83/1.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 90.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 91.
 Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 9. Д. 23.
 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 9. Д. 36.

Архив РГО. Ф. 26. Оп. 19. Д. Описание Оренбургской губернии.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 910.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1122.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 531.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2094.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2394.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 73.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 872.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 672.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 54.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 174.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 192.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 205.

ГАОО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167.

ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171.

ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 388.

ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 694.

ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6.

ГАОО. Ф. 1. 1758 г. Д. 65.

ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127.

ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 568.

ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406.

ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.

ГАОрО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.

ГАОрО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.

ГА РФ. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 6.

ГА РФ. Ф. Р1318. Оп. 11. 1921 г. Д. 68.

ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 18. Д. 241.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. 1734 г. Д. 67.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 286. Тетрадь XI. Т. II (с 1594 по 1621 г.).

ГА РФ. Ф. Р5677. Оп. 5. Д. 218.

ГА РФ. Ф. Р6655. Оп. 1. Д. 29.

ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 10. № 17.

ОР РГБ. Ф. 169. Папка 15. Д. 1.

- ОР РГБ. Ф. 256. №346.
 ОР РГБ. КGR Ко 110/VII-61.
 ОР РГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф. 731. Оп. 1. Д. 490.
 РГАДА. Древнехранилище. МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками». 1731 г.
 РГАДА. Ф. 192. Оп. 2. Общие карты России. Д. 162. 1825 г. Инв. №162. П30/7.
 РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. 1791 г. Д. 55.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. 1734 г. Кн. 783.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. 1745-1750 гг. Кн. 803.
 РГАДА. Ф. 248. 1738-1747 гг. Оп. 15. Д. 888.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 896.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. 1748-1752 гг. Кн. 901.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1747 г. Д. 181.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1753 г. Д. 482.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1758 г. Д. 889.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1755 г. Д. 1057.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1764-1779 гг. Д. 1287.
 РГАДА. Ф. 248. 1772-1774 гг. Оп. 113. Д. 1380.
 РГАДА. Ф. 248. 1773 г. Оп. 113. Д. 1386.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1761-1762 гг. Д. 1411.
 РГАДА. Ф. 248. 1773 г. Оп. 113. Д. 1386.
 РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1419.
 РГАЭ. Ф. 8001. Оп. 1. Д. 44.
 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 1117. Л. 16, 132.
 РГИА. Ф. ДП, 4 дел-во. Д. 79. Ч. 1.
 РГИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 368.
 РГИА. Ф. 383. Оп. 30. Д. 11.
 РГИА. Ф. 383. Оп. 30. 1835 г. Д. 411.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1851-1853 гг. Д. 19.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1842-1851 гг. Д. 22.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1851 г. Д. 23.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1858 г. Д. 58.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1857 г. Д. 62.
 РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1857 г. Д. 66.
 РГИА. Ф. 853 Оп. 1. 1858 г. Д. 67.

- РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1858 г. Д. 68.
РГИА. Ф. 853 Оп. 1. 1861 г. Д. 82.
РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852-1860 гг. Д. 93.
РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1862-1865 гг. Д. 94.
РГИА. Ф. 853 Оп. 1. 1860 г. Д. 95.
РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1854-1867 гг. Д. 178.
РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1844 г. Д. 236.
РГИА. Ф. 853. Оп. 2. 1854 г. Д. 2.
РГИА. Ф. 853. Оп. 2. 1856 г. Д. 6.
РГИА. Ф. 853 Оп. 2. 1875-1876. Д. 73.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1852 г. Д. 2257.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2332.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2751.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2958.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3098 б.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3022.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3213.
РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3270.
РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 12.
РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291.
РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 318.
РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319.
РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348.
РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1864 г. Д. 92.
РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 26.
РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 47.
РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 655.
РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. 1835 г. Д. 125.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882 г. Д. 47.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 15 б.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1886 г. Д. 85.
РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811 г. Д. 84.
РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 826.
РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 6.
РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 95. Ч. II.
РГИА. Ф. 1291. Оп. 4. Д. 755.
РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1801 г. Д. 5.

- РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1865 г. Д. 35.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 44 а.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1811 г. Д. 44 б.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1827 г. Д. 126.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 58.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 19.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1847 г. Д. 200.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884-1891 гг. Д. 3.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 г. Д. 6.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1862 г. Д. 7.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1885-1888 гг. Д. 13.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1885 г. Д. 27.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1882 г. Д. 28.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 39.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1897 г. Д. 6.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. II.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 385.
 РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336.
 РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. 1744 г. Д. 118.
 РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 а.
 РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 б.
 РГИА. Ф. 1405. Оп. 520. Д. 957.
 РФ музея им. Г.Н. Потанина. Рук. инв. №0034.
 РФ НБ. Инв. №257. Л. 167.
 ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 1. 1835-1868 гг. Д. 30.
 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. 1848-1867 гг. Д. 636.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 392.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1321.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3516.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5171.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5282.
 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. 1790-1868 гг. Д. 6334.
 ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 24. Л. 18.

ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2.
ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471.
ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496.
ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16.
ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151.
ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. 1839 г. Д. 162.
ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1248.
ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1430.
ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4236.
ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 153.
ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 567.
ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. 1834-1870 гг. Д. 3020.
ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3.
ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 615.
ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1811.
ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2385.
ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2545.
ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. 1826-1857 гг. Д. 6355.
ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 19.
ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 2. Д. 699.
ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 2.
ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85.
ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2580.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

105 лет газете «Казак» // <https://www.inform.kz/lenta/gazeta/>ru (дата обращения: 20.06.2023).

Абай. Слова назидания. Пер. с каз. Алматы: Рауан, 1995. 224 с.

Абашин С. Н. Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 63–79.

Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана / Под ред. Ж. Касымбаева. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.

Абдразаков Т. А. Колонизация // Абдразаков Т. А. Избранные произведения 90-х годов. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2000.

Абдрахманова Б. М. Разработка Сперанским М. М. Устава 1822 г. и социально-политические институты казахского общества // Вестник МГУ. Сер. История. 1991. № 4.

Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. 137 с.

Абдулина А. Т. К вопросу о значении Бокей хана в истории казахского народа // Мир Большого Алтая. 2019. № 5(4). С. 491–508.

Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // Советская этнография. 1970. № 6. С. 61–73.

Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 г. // Записки ИРГО. Кн. IV. СПб., 1863. Отд. II. 110 с.

Абуев К. К. Кокшетау: история и современность // Валихановские чтения-2. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. Кокшетау: Гылым, 1994.

Абуев К. К., Бексеитова А. Т. Губайдолла Уалиханов // Валихановские чтения-2. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. Кокшетау: Гылым, 1994. Б. 57–58 (на каз. яз.).

Абусеитова М. Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI века // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1983. С. 165–177.

Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. 104 с.

Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 5. С. 414.

АГМ. Т. 4. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова 1902. 678+I с.

АГМ. Т. 5. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова 1902. 743+XXII с.

АГМ. Т. 6. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. 700+ XVI с.

АГМ. Т. 9. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. 633+XXVI с.

АГС. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1869. 1074 с.

Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. Изд-е 2-е. Авт. пер. с каз. Алматы: «Ана тілі», 1997. 208 с.

Азакин Н. М. Монтескье. М.: Наука, 1988. 263 с.

Азаматов Д. Д. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения южного Урала в конце XVIII–XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Уфа, 1994. 21 с.

Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Изд. Переселенческого упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. 578+VIII с.

Акишин М. О. Ямышевское озеро в приграничных отношениях России и Джунгарии // Материалы Международной научной конференции «Азиатская Россия: люди и структуры империи», посвященной 60-летию со дня рождения А. В. Ремнева / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск, 2015. С. 40–46.

Акпаев Я. Наброски по обычному, в частности брачному, праву киргизов-кхазакхов // Записки ЗСО ИРГО. Вып. III. Семипалатинск: Типо-литография Торгового дома «Плещеев и Ко», 1907. С. 1–11.

Алаш-Орда. Сборник документов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: «Айкап», 1992. 192 с.

Алексеев И. Мусульманская фракция в Государственной думе (1906–1917 гг.) // Мусульманская газета. Февраль 2000. № 3.

Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сбор-

ник Русского исторического общества. Т. 5 (133) / Под ред. Д. Ю. Арапова. М.: «Русская панорама», 2002. С. 89–95.

Алексеев Н. В. Усть-Каменогорск. Алма-Ата: Казахстан, 1970. 101 с.

Алексеев Н. В. Бухтарминские были. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 128 с., илл.

Алексеев Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1981. 112 с.

Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2018. 456 с.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву. М.: Т8 RUGRAM, 2019. 290 с.

Аманжолова Д. А. Алаш. Советы. Большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 57–73.

Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 480 с., илл.

Аманжолова Д. А. Россия и казахский автономизм. История движения Алаш (1905–1920 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 1995. 36 с.

Аманжолова Ш. Так где же хан Жангир? // Эпоха (Алматы). 18 июля 2002.

Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 114–129.

Анреев С. М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Кемерово, 2007. 43 с.

Андрейчук С. В. Роль командования Сибирского корпуса в колониационных процессах на юге Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX века: внешнеполитические и внешнеэкономические аспекты // Армия и военное управление. 2011. С. 127–139.

Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Т. 2. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1889. 425+XIV с.

Анисимова И. В. Политика России в решении «казахского вопроса» // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 54–62.

Анисимова И. В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Барнаул, 2004. 25 с.

Анисимова И. В. Имперская судебно-правовая система в Степном крае во второй половине XIX века: особенности формирования и функционирования // Былые годы. 2018. № 47. Ч. 1. С. 271–279.

Аничков И. В. Киргизский герой Джанходжа Нурмухамедов (Очерк из первых шагов русских на Сыр-Дарье). Казань: Тип. Казанского ун-та, 1894 // http://az.lib.ru/a/anichkow_i_w/text_1894_kirgizskiy_geroy_dzhanhodzha-oldorfo.shtml (дата обращения: 30.06.2022).

Аннанепесов М. Туркмены в экспедициях А. Бековича-Черкасского 1715–1717 гг. Ч. I // Известия Академии наук Туркменской ССР. Сер. общественных наук. 1979. № 4–5. С. 34–51.

Антонова И. В. К вопросу о складывании структуры обрабатывающей промышленности в г. Акмолинске (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеенко. Целиноград: Изд-во обкома Компартии Казахстана, 1990.

Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. 200 с.

Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 255 с.

Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX веков. Алма-Ата, 1960. 456 с.

Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. 371 с.

Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 16–39.

Арапов Д. Ю. Первый российский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев // Сб. Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 32–37.

Арапов Д. «Не посягать на религию и не стеснять обычаев»: генерал Чингис-хан и «мусульманский вопрос» // Родина. 2004. № 2. С. 70–72.

Аргынбаев Х. Об институте «урын бару» у казахов // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции, 22–28 марта 1992 г.). Кокшетау: Полиграфия, 1992. С. 139–142.

Аргынбаев Х., Захирова И. В. Казакстан обласында уйымдастырылган этнографиялық экспедиция жумысынын корытындасы // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Б. 105–109.

Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Алма-Ата, 1975. 129 с.

Артамонов М. И. История хазар Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.

Артыкбаев Ж. О. История Казахстана в XIX веке. Караганда: Полиграфия, 1992. 145 с.

Артыкбаев Ж. О. Род и община у казахов в середине XIX века (по материалам Северо-Центрального Казахстана) // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции 25–28 марта 1992 г.). Кокшетау: Полиграфия, 1992. 319 с.

Артыкбаев Ж. О. Казахское общество в XIX веке: Традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993. 330 с.

Асанова С. А. Ислам в духовной культуре Казахстана начала века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы: ТАДАП, 1994. С. 74–84.

Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация // Простор. 2001. № 3 // <http://prstr.narod.ru/texts/nun0301/asp0301.htm> (дата обращения: 12.02.2006).

Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидации. Алматы: «Казак энциклопедиясы», 2007. 266 с.

Астраханский край в истории России XVI–XIX вв.: сборник документов и материалов / Сост. В. В. Ишин, И. В. Торопыцын / Под ред. В. В. Ишина. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 272 с.

Асылжанов Б. Письмо Абая Сенату (Дела и дни Абая (Ибрагима) Кунанбаева) // Простор. 1982. № 5. С. 196–198.

Ахметова Н. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Учебное пособие. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1990. 161 с.

Аюпов Т. М. К истории Семиреченского казачьего войска // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2016. № 2(27). С. 100–105.

Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 575 с.

Байхожаев А. Судьба правителей двух казахских родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова) // <http://kungrad.com/history/etno/kaz> (дата обращения: 28.11.2021).

Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Сб. статей и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 25–29.

Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. 54+6+1 с.

Баллюзек Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона // ЗОО ИРГО. Вып. 2. 1871. С. 45–167.

Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. СПб., 1897. 151+4+XVII с., илл.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 269–294.

Барышева. Казахское население за пределами края // <https://web.archive.org/web/20180902025414/http://e-history.kz/media/scorm/127/text/text.htm> (обращение 07.12.2021).

Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. С. 50–145.

Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. 275 с.

Баскин М. П. Монтескье. М.: Наука, 1975. 168 с.

[Баторский А. А.] Проекты экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом Императорам Павлу и Александру I в 1800 и 1807–1808 гг. СПб.: Тип. Военного министерства, 1886. 104 с., карт.

Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века). Ташкент: Изд-во САГУ, 1958. 104 с.

Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Башкиро-мещеряжское войско // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 20.

Баянаул. Фотоальбом / Сост. В. Григорьев. Текст М. А. Алимбекова. Алма-Ата: Онер, 1985. 132 с., илл.

Безвиконная Е. В. Административная политика самодержавия в Степном крае (20–60-е гг. XIX в.). Автореферат

диссертации на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Омск, 2002. 21 с.

Безвиконная Е. В. Административное пространство «азиатского пограничья» Российской империи в XIX веке // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 128–141.

Безвиконная Е. В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск: Изд-во ОГИ, 2005. 240 с.

Безвиконная Е. В. Политические и социально-экономические предпосылки административно-правовой реформы в степном крае в 20–30-х гг. XIX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С. 176–191.

Бейсенбаева С. 10 лет под следствием // Казахстанская правда. 14.09.1994.

Бекешева С. Б. Земледелие в Западном Казахстане в 50–60-х годах XIX века. Диссертация на соискание уч. ст. канд. истор. наук. М., 1991. 463 с.

Бекмаханов Е. Б. Реакционная роль мусульманства, духовенства // Вестник АН КазССР. 1949. № 11. С. 43–53.

Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 337 с.

Бекмаханов Е. Б. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева // Ученые записки КазГУ. Сер. Историческая. 1959. Т. 38. Вып. 4. С. 163–169.

Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века: Учебник. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 400 с.

Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX вв. М.: Наука, 1980. 279 с.

Бекмаханова Н. Е. Яицкое (Уральское), Оренбургское, Сибирское, Астраханское, Семиреченское казачьи войска: проблемы исторической географии и демографии XVII – начала XX века // Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Семиреченское, Уральское). Сборник документов / Сост. Н. Е. Бекмаханова. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 3–38.

Бекмаханова Н. Многонациональная Букеевская орда // <https://pricom.kz/aktualno/mnogonatsionalnaya-bukeevskaya-orda.html> (дата обращения: 30.09.2023).

Бимаканова З. Ш., Муканова Г. К. Пионеры создания букварей казахского языка на основе джадидской методики // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 99–104.

Бларамберг И. Ф. Воспоминания. Пер. с нем. / Вступ. ст. Н. А. Халфина. М.: Гл. ред. вост. литер., 1978. 357 с., илл.

Богатырские предания: Казахский героический эпос / Пер. с каз., прозаич. перел. Алма-Ата: Жалын, 1986. 317+2 с., илл.

«Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. Сост., автор предисл. и примеч. Т. Н. Загородникова. М.: Институт востоковедения, 2005. 320 с.

Бородин А. П. Усиление позиций объединенного дворянства в государственном совете в 1907–1914 годах // ВИ. 1977. № 2. С. 56–66.

Боронин О. В. Двоеданничество и двоеподданство тюркских народов Южной и Юго-Западной Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Барнаул, 2000. 30 с.

Боронин О. В. Из неопубликованного наследия С. И. Гуляева: «Замечание о китайской границе при вершинах реки Иртыша и об удобности торговли в сей части» // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 134–136.

Боронин О. В., Быков А. Ю. Исторические предпосылки складывания негативных элементов в восприятии казахов алтайцами // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Ю. М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 68–73.

Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 43. СПб., 1830. С. 194–285.

Брусина О. И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html (дата обращения: 21.08.2018).

Брусина О. И. Почему Николай I боялся легитимизировать казахские адаты // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1340000580> (дата обращения: 21.08.2018).

Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М.: Восточная литер., 2001. 240 с., илл., карты.

Брюханова Е. А., Иванова Н. П., Калиева К. С., Егоренкова Е. Н. Дискуссионные вопросы по оценке материалов переписи 1897 г. как источника по истории казахского народа

и Казахстана (обзор историографии) // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. Исторические науки и археология. 2019. № 2(106). С. 54–58.

Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. 248 с.

Букейханов А. Киргизы. Формы национального движения современного государства / Под ред. А. И. Костелянского. СПб., 1910.

Букейханов А. Книжное имя его Ибрагим (Авраам) // Слово об Абае. Алматы: Онер, 1994.

Булхак Н. В. Военно-дипломатическая деятельность государственных органов России по обеспечению приоритета своей страны в решении «Восточного вопроса» в XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2006. 41 с.

Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм. 1915 г. // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 60–63.

Бухарин Н. И. Текущие задачи комсомола // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. С. 304–305.

Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978. 288 с., портр.

Быков А. Ю. Социальное и экономическое положение в казахском обществе в последней трети XIX в. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 75–85.

Быков А. Ю. О датировке ликвидации ханской власти в Младшем жузе // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородав-

кина: Материалы конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 371–375.

Быков А. Ю. Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2001. С. 414–420.

Быков А. Ю. К вопросу об автономии сибирских властей в решении международных проблем в середине XIX в. (на примере присоединения Туркестанского края) // Сибирь в системе международных связей: сб. науч. ст. и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 24–26.

Быков А. Ю. От кочевания к оседлости (кочевание казахов в XIX – начале XX вв.) // Материалы XIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ-2006» (12–15 апреля 2006 г.). М.: Гуманитарий, 2006. С. 25–28.

Быков А. Ю. М. М. Сперанский и решение вопроса о границах территорий, населенных казахами // Карамзинские чтения. Вып. 4 / Под науч. ред. С. В. Чернявского. СПб: РГИА, 2022. С. 56–62.

Быков А. Ю., Боронин О. В. Об этнических стереотипах населения Кулундинского района Алтайского края: восприятие русскими и казахами друг друга // Российская западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика, безопасность. Материалы международной конференции. Белокуриха, 24–25 мая 2002 г. Барнаул: «АзБука», 2003. С. 485–494.

Быков А. Ю., Боронин О. В. Региональные аспекты российско-казахстанского пограничья (на примере Алтайского края Российской Федерации) // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 1(25). С. 180–188.

Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе: Избранные произведения. Алма-Ата: Наука Каз-ССР, 1958. С. 196–235.

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865–1876. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 588 с.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Пер. с нем. / Предисл. В. А. Ромодина; Коммент. В. А. Ромодина, С. Г. Агаджанова. М.: Вост. лит., 2003. 320 с., илл., карт.

Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881 гг. / Сост. Н. И. Веселовский. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887. 288+4 с.

Васильев А.Д. Центральная Азия в политике России и Турции в XIX - первой половине XX века. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2023. 38 с.

Васильев Д. В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2017. 54 с.

Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с., илл.

Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 608 с., илл.

Васильев Л. С. История религий Востока: Учебное пособие для студ. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1981. 425 с.

Введенский И. Частное землевладение в Западной Сибири // ВК. 1912. № 10. С. 35–82.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Пер. с англ. Тверь: ЛЕАН – М.: АГРАФ, 1997. 480 с.

Викторин В. Этносы и социумы приволжских степей XVII–XX вв.: политика и потестарность (от кочевания к оседлости) // Доклад на Шолкарском форуме по приграничному сотрудничеству России и Казахстана. 2003 // <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1845> (дата обращения: 14.01.2018).

Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика России первой четверти XIX в. // <http://mion.sgu.ru/books> (дата обращения: 17.09.2021).

Вишнякова И. В. К вопросу о бегстве волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. II. Сб. науч. ст. под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 45–54.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.

Военное предприятие противу Хивы // Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. С. 182–184.

Волков И. В. Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Бишкек, 2020. 513 с.

Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Томск, 2007. 139 с.

Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории кыргызо-российских связей (XVIII–XX вв.). Бишкек: Илим, 2001. 128 с.

Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. Научное издание. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 408 с.

Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. док. / Под ред. П. Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. 175 с.

Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области (XIX – начало XX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 119–135.

ВПр. Сер. I. Т. 1 (1801–1815 гг.). М.: Политиздат, 1960. 800 с.

ВПр. Сер. 1. Т. 4 (Июль 1807 г. – март 1809 г.). М.: Политиздат, 1965. 783 с.

ВПр. Сер. I. Т. 5 (Апрель 1809 г. – январь 1811 г.). М.: Политиздат, 1967. 784 с.

ВПр. Сер. 1. Т. 6 (1811–1812 гг.). М.: Политиздат, 1962. 866 с.

ВПр. Сер. 1. Т. 7 (Январь 1813 г. – май 1814 г.). М.: Политиздат, 1970. 872 с.

ВПр. Сер. I. Т. 8 (1814–1815 гг.). М.: Политиздат, 1972. 780 с.

ВПр. Сер. 2. Т. 3 (11) (Октябрь 1817 г. – апрель 1819 г.). М.: Политиздат, 1976. 904 с.

ВПр. Сер. 2. Т. 5 (13) (Январь 1823 г. – декабрь 1824 г.). М.: Наука, 1982. 832 с.

ВПр. Сер. 2. Т. 6 (14) (Январь 1825 г. – декабрь 1826 г.). М.: Наука, 1985. 928 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 2000. 302 с., илл.

Вяткин М. Тюленгуты // Известия Казахстанского филиала АН СССР. 1940. Сер. Историческая. Вып. 1. С. 19–29.

Вяткин М. П. Путевые записки лекаря Зибберштейна // Исторический архив. Т. 1. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 223–258.

Вяткин М. П. Журнал Оренбургского муфтия // Исторический архив. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 117–220.

Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана. Л., 1940. Неоконченная рукопись на 118 л. // Копия. Из личного архива автора.

Вяткин М. П. Казахское общество в середине XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. 1940. Вып. 1. Сер. историческая. 17 с.

Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. 386 с., карт.

Вяткин М.П. Батыр Срым (Освободительное движение в Казахстане в конце XVIII в.). М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 392 с.

Галиев А. А. Внутренняя Орда в свете сравнения практик управления империй // Мир Большого Алтая. 2019. № 5(3). С. 419–430.

Галиев В. Проблемы казахской государственности XVII–XVIII веков // Культурные контексты Казахстана: история и современность: Материалы международного семинара,

посвященного 100-летию М. О. Ауэзова / Сост. А. Кодар, З. Кодар. Алматы: Ниса, 1998.

Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1907–1914 гг. Алма-Ата: Наука КазССР, 1965. 347 с.

Гатагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // <http://www.inci.ru/vestniki/vest24.html> (дата обращения: 13.08.2021).

Гейнс А. К. Киргизские очерки // Военный сборник. Т. 9. № 1. Январь 1866. С. 145–178.

Геллер М. Я. История Российской империи. Т. 2. М.: Изд-во «МИК», 1997. 448 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений вместо второй и прочих достопамятностей. В 4-х т. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб.: Императорская академия наук, 1776. 178 с., илл.

Гильченко Л. В. Местное самоуправление: Долгое возвращение. Вып. 1. М.: МОНФ, 1998. 109 с.

Голунов С. В. Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник ВолгГУ. Сер. 4. 2005. Вып. 10. С. 68–87.

Горюшкин Л. М. Место Сибири в жизни России и мировом развитии во второй половине XIX – начале XX вв. (к постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 1994. № 2. С. 10–19.

Горяев М. С. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положениям 1834, 1847 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5(21). С. 34–41.

Государственная внешняя торговля 1812 г. в разных ее видах. СПб.: Изд-во департамента внешней торговли. Без года [1813]. 84 с.

Григорьев В. К. Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане, 1917–1920 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1989. 248 с.

Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент: Типо-литография С. И. Лахтина, 1889. 205 с.

Громбчевский Б.Л. Путешествия по Центральной Азии. СПб.: Нестор-История, 2019. 730 с., илл.

Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1985. 168 с.

Губанов В. А., Захаров В. В., Коваленко А. Н. Введение в системный анализ: Учеб. пособие / Под ред. Л. А. Петросяна. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 230 с.

Гужвенко Ю. Н. Развитие этносоциальных отношений в Восточном Казахстане в 1990 – начале 2000-х гг. Рукопись дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М., 2007. 226 с.

Гундова О. Е. Институт ханской власти у казахских родов в оценках отечественных ученых и чиновников (XVIII – начало XIX в.) // Известия АлтГУ. Сер. Исторические науки и археология. 2021. № 2 (118). С. 19–23.

Гуняев Е. А. Административно-территориальное и земельное обустройство Букеевской (Внутренней) орды в Российской империи: дореволюционная историография // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4–56. С. 6–11.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX века. 2-е испр. изд. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1983. 312 с.

Далаева Т. Т. От пожалования к производству: механизм получения военного чина казахами в Российской империи (перв. пол. XIX в.) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 3(19) // <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1255> (дата обращения: 20.03.2022).

Далаева Т. Т. Сословие султанов: эволюция политического положения в казахской степи (1731–1868 гг.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29 апреля 2010 г. Вып. II / Под ред. А. В. Старцева. Барнаул: АзБука, 2010.

Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 164 с.

Данилина М. В. Деятельность Осипа Андреевича Игельстрома в 1770–1790-х годах. Работа на Всероссийскую программу поддержки молодых исследователей «Шаг в будущее». Рукопись. Барнаул, 2000 // Из личного архива автора. 19 с.

Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М.: РО-СПЭН, 1996. С. 22–38.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 162 с.

Дерлугьян Г. Была ли Российская империя колониальной? // Международная жизнь. 1991. № 5. С. 88–98.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в разных состояниях общежития // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.

Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Казак университеті, 2015. С. 130–143.

Джампеисова Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Алматы, 2004. 28 с.

Дмитриев С. Российские дворяне Чингис-ханы // Родина. 2004. № 2.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. 1887–1892 гг. / Под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. 578 с.

Добросмыслов А. И. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1893. 44 с.

Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тургайский Областной Статистический Комитет, Тип. П. Н. Жаринова, 1895. 360 с.

Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IX. Т. IX. Оренбург: Губернская Типо-литография, 1902. С. 51–63.

Добросмыслов А. И. Очерк истории Оренбургского края. Тверь: Типо-Литография Н. М. Родионова, 1902.

Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 3. Тверь: Типо-Литография Н. М. Родионова, 1902. С. 257–524.

Дубовиков А. М. Казаки-мусульмане уральского войска на государственной службе // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 139–145.

Дулатова Д. И., Нуртазина Н. Д. К истории просвещения в Казахстане и Средней Азии в XIX – начале XX вв. // Казахстан в начале XX в.: методология, историография, источниковедение (Сборник статей). Вып. 2. Алматы: ТУДАП, 1994. С. 48–62.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // ВИ. 1996. № 11–12.

Ежегодник Министерства иностранных дел. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1907. 326+1+XVIII+XXVIII с., табл.

Ежегодник Министерства иностранных дел. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. 204+2+IV+X с., табл.

Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1900. 187+20 с., портр.

Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. 2-е изд. СПб.: Изд. М. М. Гутзаца, 1908. 136 с., илл., карт.

Емельянова Н. М. Религиозная политика как инструмент интеграции казахов в состав России в XVIII–XIX вв. // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 2. С. 61–76.

Ералина А. Е. Из истории создания Тургайского уезда и местного самоуправления // «Орталық Азияның Оркениеттік кеңістігі: тарихи сабақтастық және құндылықтар». XX Халықаралық Еуразия ғылыми форумының материалдары. Астана: Еуразия Улттық Университеті, 2023. Б. 65–69.

Еремина Н. А. Веймарн Иван (Ганс) Иванович // Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1996. С. 90.

Ермекбай Ж. А. Хан Жангир: верноподданный России и реформатор Степи // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 124–130.

Ерофеева И. В. Русско-джунгарские отношения в 40-х годах XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата: Ғылым, 1990. С. 43–46.

Ерофеева И. В. Становление научной формы историографии тюрко-монгольских народов России (труды В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Сб. статей / Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1996. С. 37–60.

Ерофеева И. В. Казахские ханы XVIII – середины XIX вв. // Восток. 1997. № 3. С. 5–33.

Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования / Материалы к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1997 г., г. Алматы). Алматы: Изд-во Ин-та философии МН-АН РК, 1997. С. 46–144.

Ерофеева И. В. Политическая организация кочевого казахского общества // Центральная Азия и Кавказ (Лулио). 1998. № 2(14) // http://www.ca-c.org/journal/14-1998/st_15_erofeeva.shtml (дата обращения: 21.04.2008).

Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Научное издание. Алматы: Санат, 1999. 456+28 с.

Ерофеева И. В. Формирование политической элиты Казахстана. Исторический аспект // Материалы круглого стола «Политическая элита Казахстана» (Алматы, 2000) // Евразия-Интернет. 09.10. 2000. С. 2–3 // http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_11_10_00kz.htm (дата обращения: 12.10.2000).

Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2003. 188 с.

Жакин М. С. Закономерность совпадения приобретения статуса «ру» в семипокроленной системе с циклами развития кочевого государства // Проблемы истории и этнологии Казахстана (сборник научных статей). Вып. 3. Астана: Фолиант, 2000. С 22–33.

Жампеисова Л.М. Народы страны объединяет торговля // «Россия, Сибирь и государства Центральной Азии» (взаимодействие народов и культур).

Желунов И. И. Киргизомания // Русский вестник. 1860. Т. 30. «Современная летопись». № 1. С. 45–51.

Живописная Россия. Т. XII. Ч. 1. Восточные окраины России. Сибирь / Под ред. П. П. Семенова. М. – СПб.: Изд-во тов-ва М. О. Вольф, 1895. 324 с., илл., карт.

Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы: «Жеті Жарғы», 1996. 351 с.

Журнал комиссии по вопросам переселения и колонизации // ВК. 1917. № 20. 50 с.

Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб: Тип. МВД, 1907. 146 с.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. 148+IV с., табл.

Загидуллин И. К. Из истории Караван-сарайской мечети в Оренбурге (до 1917 г.) // https://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/4/hist_zagidullin.htm (дата обращения: 27.06.2023).

Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII – начале XX в. (исламское богослужение и мечети. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Казань, 2006. 71 с.

Залесский Б. Жизнь казахских степей. Пер. с фр. Алма-Ата: Онер, 1991. 131 с., илл.

Залкинд Е. М. Вольтер об империи Чингисхана // Памяти Е. М. Залкинда. Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 111–128.

Замечания майора Бланкенагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву, в 1793–94 годах. Изданы с объяснениями В. В. Григорьева. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1858. 32 с.

Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // ВК. 1913. № 12. С. 350–363.

Записка С. Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (Публикация Д. Ю. Арапова) // Сб. Русского исторического общества. Т. 1(155). М., 2003. С. 198–209.

Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893; Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004 (факс. изд.). 197 с.

Записки П. А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» / Предисл., примеч. и коммент. Д. Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2. С. 124–144.

Затаевич А. 1000 песен казахского народа. Оренбург, 1925. 494 с.

Земледелие у киргизов // Оренбургский листок. 1888. № 52.

Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. 293 с.

Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в областях Степного генерал-губернаторства по данным переписи населения 1897 г. // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 115–123.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М.: Наука, 1964. 482 с.

Зубко Г. В. Фольклор и литература народа фульбе // Фольклор и литература народов Африки. М., 1970. С. 212–228.

Ибнеева Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Казань, 2006. 43 с.

Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде // Записки ИРГО. Т. 1. Сборник народных юридических обычаев. Отд. II. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1878. 25 с.

Ибраев С. И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XVIII – начало XX века) // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7.

Ибраева К. Т. Казахский орнамент. Алматы: Онер, 1994. 128 с.

Иванов В. А. География Южного Урала в башкирских исторических преданиях, легендах и родословных – шежере // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., 24–25 мая 2023 г., г. Челябинск / Гл. ред. П. Б. Уваров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуман.-пед. ун-та, 2023. С. 188–195.

Из воспоминаний первого омского областного начальника С. Б. Броневского. Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии А. В. Ремнева // Известия Омского историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 276–299.

Из истории колонизации Сибири. Инструкции графа П. Д. Киселева о ревизии в Западной Сибири. 1840 г. / Публ. документов и предисл. М. П. Малышевой и В. С. Познанского // Исторический Архив. 1997. № 2. С. 180–200.

Избасарова Г. Б. Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. 2016. № 5/2. С. 63–68.

Извлечение из дела Московского Сенатского Архива, об отправлении Лейб Гвардии Преображенского полка Капитана князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву, –

в 1714–1717 годах // Записки ИРГО. Т. 1. СПб., 1867. С. 133–145.

Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. 438 с.

ИРИО. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1868. 552 с.

ИРИО. Т. 16. Бумаги князя Н. В. Репнина. СПб.: Тип. Майкова, 1875. 584 с.

ИРИО. Т. 26. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Ч. 1. 1747–1787 гг. / Сост. Н. Григорович. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. 649+4+2 с., илл.

ИРИО. Т. 27. Бумаги императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1880. 600+3 с.

ИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1882. 461 с.

ИРИО. Т. 111. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны (1731–1740 гг.). Переписка / Под ред. А. Н. Филиппова. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. 701+28+8 с.

ИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны (1731–1740 гг.). Ч. IX. Юрьев: Тип. К Маттисена, 1907. 666 с.

Ирмуханов Б. Б. Из истории казахов: «Аз»-Жанибек, казахское ханство и жузы. Алматы: Наш Мир, 2001. С. 96–192.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.

История XIX века. Т. 4. Пер. с фр. 2-е изд. / Под ред. Э. Лависа и А. Рамбо. М.: Соцэкгиз, 1937. 537 с.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Кн. 1. Уфа, 1996. 520 с., илл.

История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1118 с.

История Востока. В 6 т. Т. 3. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. 696 с., карт.

История государства и права Казахской ССР. Ч. 1 / Под. общ. ред. С. С. Сартаева. Алма-Ата: Мектеп, 1982. 231 с.

История Казахской ССР в 5-ти т. Т. 1. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. 479 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 544 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 4. История Казахской ССР: Том 4. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и строительство социализма. Алма-Ата: Изд-во Наука КазССР, 1977. 640 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. Т. 3. Алматы: «Атамұра», 2000. 765 с.

История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438+18 с.

История Казахстана в новое время: учебное пособие / Сост. Ю. А. Лысенко. Барнаул: Азбука, 2006. 225 с.

История Казахстана с древнейших времен до конца XVIII века (Практикум – учебное пособие) / Под ред. Д. И. Дулатовой. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 182 с.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / Гл. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Изд-во «Дауир», 1993. 415 с.

История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 3. Философия XIX–XX вв. 2-е изд. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. 448 с.

Исупов С. Ю. К вопросу о расселении отставных военно-служащих по Колывано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: Материалы конференции / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 289–293.

Их цааз («Великое уложение») Памятник монгольского феодального права XVII в. Трансляция сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его трансляция, перевод, введение и комментарий С. Д. Дылыкова. М.: Вост. лит., 1981. 148 с.

Ишмухамбетов Р. В. Положение «принятых» служилых групп во Внутренней Букеевской орде (XIX – начало XX вв.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Астрахань, 2019. 195 с., илл.

Ишмухаметов З. А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань: Изд-во Татарского ун-та, 1979. 224 с.

Кабульдинов З. О появлении казахов во внутренних российских губерниях Оренбургского края (XVI–XVII вв.) // «Наука в Сибири». № 40(2326). 19 октября 2001 // <http://www->

sbras.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?13+64+1 (дата обращения: 06.05.2022).

Кабульдинов З. Е. О попытках создания казахами Правобережья Иртыша самостоятельных органов национального управления // Вестник Карагандинского университета. Сер. «История. Философия». 2012. № 4(68). С. 21–29.

Кадырбаев А. Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи // Центральная Азия и Кавказ (Лулио, Швеция) // <http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml> (дата обращения: 23.05.2022).

Кадырбаев А. Ш., Шаймерденова М. Д. Страна изучаемого языка: История, география и культура Казахстана. М.: ТЕЗАУРУС, 2012. 348 с.

Казак когамы гасырдын екинши жартысында. Караганды: КарМУ баспасы, 1994. 118 б.

Казак тарихи жырларынын маселелери. Алматы: «ГЫЛЫМ», 1979. 217 б.

Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1867. 231 с.

Казахские пословицы и поговорки / Сост. и пер. с каз. М. А. Аккозин. 2-е изд., исп. и доп. Алма-Ата: Казахстан, 1985. 88 с.

Казахский народный костюм. Альбом / Вступ. ст. С. Есовой и Н. Еразбаевой. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958.

Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Жалын, 1976. с., илл.

Казахское дворянство. XIX – начало XX вв.: моногр. в документах / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Казак университеті, 2020. 428 с., илл.

Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Семиреченское, Уральское). Сборник документов / Сост. Н. Е. Бекмаханова. М.: ИРИ РАН, 2000. 428 с.

Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. (Хозяйство и социальная организация). М.: Наука. Гл. ред. вост. литер., 1989. 255 с.

Каменский А. Б. Реформы в России XVIII века в исторической ретроспективе // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1994. С. 136–152.

Каменский А. Б. Русские реформы как объект исторического исследования // Материалы для слушателей летнего методологического университета «Методология общественных наук в России и за рубежом на исходе века». Секция «История». Ярославль, 1997.

Каменский А. Б. Элиты российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 115–139.

Кантор В. От русской империи к националистической деспотии // Текст доклада, сделанного во время семинара по проблемам преподавания имперской истории (Казань, ноябрь 2000 г.) // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/31877> (дата обращения: 06.02.2018).

Каппелер А. Две тенденции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 1993. № 2. С. 129–136.

Каппелер А. Мазепинцы, малоросы, хохлы: украинцы в этнической истории Российской империи // Россия–Украина: История взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–145.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2002. 430 с.

Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1 // <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=670&idlang=2&Code=> (дата обращения: 05.02.2023).

Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Мусульмане в новой имперской истории: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, Могильнер, А. Семенов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 213–231.

Караганда. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989. 192 с., илл.

Карасаев Г. М. Имущественное расслоение казахского населения в конце XIX – начале XX вв. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях в XX веке: Материалы международной научно-практической конференции, г. Усть-Каменогорск, 28–29 мая, 1998 г. / ВКТУ. Усть-Каменогорск, 1998.

Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. 232 с.

Карцов М. К вопросу о переходе туземцев из кочевого состояния в оседлое. Ташкент, 1894.

Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986. 134 с.

Касымбаев Ж. К. Верхнеиртышские крепости в системе азиатской торговли России во второй половине XVIII – начале XIX века // Вестник АН КазССР. 1988. № 2. С. 65–71.

Касымбаев Ж. К. Главный девиз: объективность. О проблемах истории Казахстана XIX – начала XX вв. // История Казахстана: Белые пятна: Сборник статей / Сост. Ж. Б. Абылхожин. Алма-Ата: Казахстан, 1991.

Касымбаев Ж. К. Упразднение традиционной государственности как следствие военно-политических акций царизма // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7.

Касымжанов А. Х., Атымтаева К. М. Идея национального самоопределения в общественной мысли Казахстана в начале XX века // Эволюция государственности Казахстана (материалы международной конференции, г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г.). Алматы: Тип. МГП «ПРИНТ», 1996. С. 190–200.

Катанаев Г. Е. Очерки былого. Историко-биографический очерк. Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2012. 416 с.

Кауфман А. А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана А. А. по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации. Ч. I. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1896. 187+II с., табл.

Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 296 с.

Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык: Биограф. очерки / Обраб. и примеч. Е. Т. Смирнова. Алма-Ата: Жалын, 1992. 144 с., илл.

Кенесарин А. История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина («Насаю-наме-йи султан Садык» – «Родословная султана Садыка») Факсимиле текста, перевод, прим., подготовка текста и указатели И. В. Зайцева. М.: «Пресс-Бук», 2017. 140 с.

Кертебаев Н. Т. Национально-освободительное движение 1916 года в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сборник статей. Вып. II. Алматы: ТУДАП, 1994. С. 106–119.

Киргиз (псевд.). Киргизы-джатаки (Этнографический очерк) // Русская мысль. Август 1879. С. 318–330.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. V. Акмолинский уезд. СПб., 1910. 259 с., табл., карт.

Киселева М. С. Книжник и ученый: Симеон Полоцкий и Василий Татищев // Человек между Царством и Империей: материалы Междунар. конф. «Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». Москва, 14–15 ноября 2002 г. М.: Институт человека РАН, 2003. С. 202–220.

Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды // Журнал МВД. Ч. XVIII. Кн. 10–11. 1849. 48 с.

Кляшторный С. Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. т.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 5–28.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Руан, 1992. 378 с.

Кобландин К. И. К статистической характеристике отходничества во Внутренней (Букеевской) орде // Вестник АН КазССР. 1983. № 9. С 55–76.

Ковальская С. Ислам у Казахов: этапы распространения, специфика, влияние // ORTA ASYA'DA / Ed. M. S. Kafkasyali. Ankara-Türkistan, 2012. P. 1061–1090.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 399 с., табл.

Кодак С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Сб. научн. трудов. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988.

Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (Вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000. 218 с.

Козина В. В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Кн. первая. Алматы: Оркениет, 2000. 143 с., табл.

Козина В. В. Население Центрального Казахстана (Методология. Историография. Источники). Алматы: Оркениет, 2001. 183 с.

Козлов И. В. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. М.: Просвещение, 1983. 259 с.

Койгелдиев М. К. Национальная политическая элита в контексте российских (советских) реформ в Казахстане (XVIII–XX вв.) // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 119–127.

Колмагоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства // Вестник ИРГО. 1855. Вып. 1. С. 1–38.

Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. Семипалатинск: Тип. Областного Правления и Торговый дом «Плещеев и Ко», 1901. Разд. IV. 55 с.

Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый. Киргизы на казачьих землях // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П. Плещеев и К*», 1901. С. 1–182.

Копеев М. Ж. Казак шежересі. Алматы: Жалын, 1993. 76 б.

Кортунов А. И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII–XIX вв. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Оренбург, 2004. 30 с.

Косач Г. Г. Рецензия на работу: Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: «Санат», 1999. 335 с. // Восток. 2000. № 3.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа / Авт. очерка и коммент. Б. Г. Литвак; Под общ. ред. Н. И. Павленко. М.: Республика, 1992. 218 с.

Кочановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971. 288 с.

Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Владивосток, 1990. 18 с.

Крадин Н. Н. Политогенез. Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития / Отв. ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров. Вып. 2. М., 1991. 327 с.

Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Крадин Н. Н. Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример, 1180(?)–1206 // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 188–198.

Крадин Н. Н. Рецензия на книгу: Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. 340 с. // ВИ. 1999. № 7.

Красильщиков В. А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Агентство «Инфомарт», 1994. 128 с.

Краснобаева Л. Н. Уровень грамотности населения Казахстана по данным переписей 1897, 1920, 1926, 1939 и 1959 гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы Международной научно-практической конференции (6–7 апреля 2001 г.). Усть-Каменогорск, 2001.

Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. I. СПб.: Тип. Траншея, 1868. 428 с., табл.

Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1886. 464 с.

Краткая энциклопедия домашнего хозяйства / Гл. ред. И. М. Терехов. М.: Советская энциклопедия, 1990. 639 с., илл.

Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897. 137 с.

Крафт И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 12. Оренбург: Типо-литография П. Н. Жирянова, 1897. С. 1–59.

Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-литография И. М. Жаринова, 1898. 532+III с.

КРО-2. Алма-Ата: АН КазССР, 1961. 741 с.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. Пер с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Ксенжик Г. Н., Карин Е. Т. Сводный каталог картографических материалов по истории Казахстана. XVII – начало XX вв. Алматы: Изд-во «N-PRESS», 2023. 495 с.

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 271 с.

Куватов Б. А. Из истории взаимоотношений народов Среднего Прииртышья в XVI–XVIII вв. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7.

Кузембайулы А., Абиля Е. Казахская Сибирь (Из истории Тоболо-Тургайского региона в VI – второй половине XIX в.). Костанай: ФСИИ «Тарихшы», КСХИ, 1997. 52 с.

Кузнецов В. Результаты пересмотра норм земельного обеспечения киргизов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. СПб., 1908. 24 с.

Кузнецов В. Н. Вольтер. М.: Наука, 1989. 223 с.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. отд-е, 1983. 128 с.

Кузьмин А. Г. Татищев. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1987. 368 с., илл.

Кул-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. Алматы: Атамұра, 1995. 234 с.

Культеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата: Наука, 1955. 300 с.

Кунанбаев (Ибрагим) Абай. Избранное. Алма-Ата: Художественная литература, 1958. 340 с.

Курныкин О. Ю. Исламский фактор в Казахстане: исторический опыт и современные реалии // Россия–Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы сем. «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 109–117.

Курылев В. П. Скот, земля и община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб: МАЭ РАН, 1998. 296 с.

Кушпаева А. Б. Караванная торговля России со Средней Азией через Казахстан (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеенко. Целиноград: Изд-во обкома Компартии Казахстана, 1990.

Кушпаева А. Б. Некоторые вопросы истории торгово-экономических связей Казахстана и России на рубеже XVIII

и XIX вв. (На материалах Оренбургской губернии) // Вестник ААУ (Акмола). 1996. № 7.

Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1756-м из Оренбурга к Абулхаиру. Конец Киргиз-Кайсацкой Орды. Пер. с нем. Алматы: Жибек Жолы, 1998. 152 с.

Лакост де Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент: Изд. Штаба Туркестанского военного округа, 1908. 102 с., табл., карт.

Лاپин Н. С. Деятельность О. А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012. 382 с., портр., карт.

Лашук Л. П. О характере классовобразования в обществе ранних кочевников // ВИ. 1967. № 7. С. 105–121.

Лебедева О. В. История и эволюция дипломатической службы России. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2019. 596 с.

Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. 304 с., илл.

Левшин А. И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. 656 с., порт.

Ленин В. И. Последний клапан // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 16–21.

Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). Пер. с нем. М.: Русский Путь, Полиграфия-Ресурс, 1995. 549 с.

Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. 305 с.

Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства (Очерк). М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева, 1891. 41 с.

Логинов В. Не всем понятно: существует ли угроза для русского языка в Центральной Азии // <https://iz.ru/1501052/valentin-loginov/ne-vsem-poniatno-sushchestvuet-li-ugroza-dlia-russkogo-iazyka-v-tcentralnoi-azii> (дата обращения: 19.06.2023).

Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 34–48.

Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. 394 с.

Локк Дж. Опыты. Т. 1–3. М.: Мысль, 1987.

Лукичев С. С. Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Вопросы истории Сибири. Вып. 11. Из истории крестьянства Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. С. 46–53.

Лысенко Ю. А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 3–4. С. 148–151.

Лысенко Ю. А. «Если можно, встроиться в ханское достоинство»: восприятие реформ 1820-х гг. этноэлитой Среднего жуза XIX в. (по материалам наместников казахских султанов в Петербурге) // Былое и думы. 2019. Вып. 52. Ч. 2. С. 615–623.

Лысенко Ю. А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272 с.

Львович Д. По киргизской степи. Путевые очерки. Пг.: Изд-е А. Ф. Девриена, 1914. 225 с.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. 688 с.

Любичанковский С. Контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям Игельстрома по проблеме интеграции казахских земель в состав России (1787–1790) // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 188–206.

Магауин М. Кобыз и копье. Повествование о казахских акынах и жырау XV–XVIII вв. Пер. с каз. Алма-Ата: «Жазушы», 1970. 160 с.

Мажитова Ж. С. Строительство Оренбургской линии и создание Оренбургского казачьего войска // Вестник ААУ (Акмола). 1996. № 7.

Мажитова Ж. С. Институт биев в казахском обществе: к историографии происхождения термина // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2014. № 6. С. 38–53.

Маковецкий П. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. С. 52; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник ИРГО. Ч. 1. Кн. 1. Отд. IV. 88 с.

Мамынова Ш. Р. Материалы по истории Казахстана (XIII – конец XVII в.). Вып. 2. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1992. 160 с.

Маркин С. Б. Казахстан. Начало XX века. Управление европейским населением // Эволюция государственности Казахстана (материалы международной конференции, г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г.). Алматы: Тип. МГП «ПРИНТ», 1996. С. 218–220.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 318 с.

Масанов Н. Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 55–80.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельностиномадного общества). Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. 320 с.

Масанов Э. А. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (Вторая половина XIX – начало XX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 148–170.

Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле XVIII в. // История СССР. 1969. № 3. С. 98–111.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Т. 10 / Сост. Л. Мейер. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 414 с.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Область сибирских киргизов. Ч. I. / сост. М. В. Красовский. СПб.: Тип. Траншеля, Реттера и Шнейдера, 1868. 428 с.

Материалы объединенной научной сессии, посвященные истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. 590 с., табл.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. I. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / Сост. Н. Ф. Демидова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 494 с.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. II. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 666 с.

Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 457 с.

Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. 1775–1828 гг. М.–Л.: АН СССР, 1940. 543 с.

Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1988. 413 с.

Махмутов З. А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII–начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 113–117.

Медоев А. Камень и эстетика номадов // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы: Ғылым, 1993. С. 237–263.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. / Ред. Б. П. Гуревич, В. А. Мойсеев. М.: Наука, гл. ред. восточной литературы, 1989. 651 с.

Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов. / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с., цв. вкл.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1975. 180 с., карт.

Мейендрф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Т8 RUGRAM, 2019. 300 с.

[Мейер Л.] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 414 с.

МИКХ-1. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. 318 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 608+VIII с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд-е 2-е доп. Т. 2. М.: Изд-я фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с., карты.

Миллер Г. Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении в октябре 1734 г. Пер. с нем. // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988 // <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (дата обращения: 23.01.2021).

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Милютин Д. А. Воспоминания. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив», 1997. 495 с.

Миронов Б. Н. Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С. 197–224.

МКЗ. Т. 8. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912. 395+VII с.

МКОП-1 / Под общ. ред. и с предисл. С. В. Юшкова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 350 с.

Модернизация и конфликт ценностей в России / Отв. ред. С. Я. Матвеева. М.: Ин-т философии РАН, 1995. 157 с.

Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М.: Наука, 1983. 152 с.

Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30–40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 177–191.

Моисеев В. А. Казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1983. С. 177–191.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII века). Алма-Ата: Галым, 1991. 238 с.

Моисеев В. А. Ликвидация ханской власти в Среднем жузе и «Дело Габайдуллы Валиханова» // Казахстан коммунист. 1991. № 10. Б. 48–51 (на каз. яз.).

Моисеев В. А. Трудные годы // История Казахстана: Белые пятна / Сост. Ж. Б. Абылхожин. Алма-Ата, 1991. С. 5–25.

Моисеев В. А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4. С. 22–26.

Моисеев В. А. Синьцзян на рубеже XIX–XX вв. (Казахи Илийского округа) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): Материалы региональной конференции, 14 октября 1997 г. Барнаул: Изд-во Барнаульского педагогического ун-та, 1997. С. 53–55.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 174 с.

Моисеев В. А. Россия и цинский Китай глазами мусульманских народов Центральноазиатского фронта (вторая половина XIX – начало XX вв.). Доклад на Международной конференции «Российско-американский фронт». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 20–34.

Моисеев В. А. Новые данные о международных съездах на русско-китайской границе в Центральной Азии в 80-х гг. XIX – начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 167–171.

Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.

Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 200 с.

Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Собр. соч. Т. 13. М., 1972. 672 с.

Мордвинов Н. Л. Землевладение и подати в Туркестане // Русский вестник. 1898, май. С. 218–224.

Моряков В. И. Поиск пути. Русская общественная мысль второй половины XVIII в. о государстве и обществе // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / Сост. С. В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. С. 254–292.

Мубаракзянов М. А. Политика российского правительства в отношении Малого жуза в 80–90-е гг. XVIII в. и Оренбургский муфтий М. Хусаинов // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: материалы науч. сем. (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 100–107.

Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1974. 200 с.

Муканов С. Казак адебиетинин тарихы (казактын XVIII–XIX гасырдагы адебиетинин тарихынан очерктер). Алматы: КБМБ, 1942. 247 б.

Муравьева Л. А. Деньги и денежное обращение при Екатерине II // Финансы и кредит. 2010. № 14(398). С. 72–80.

Мусырманова А. Ш. Восстание 1916 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях // Валихановские чтения-2: материалы науч.-практ. конф. Ч. I. Кокшетау: Гылым, 1994.

Мусырманова А. Ш. Место и роль сибирского казачества в системе войск страны и управлении краем // Валихановские чтения-2. Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Кокшетау: Гылым, 1994.

Мухамадеева И. А., Ельжанова Е. Т., Мухамадеева Р. М. История поселка Борового в ракурсе модели Батлера // Вестник

Карагандинского университета. Сер. История. Философия. 2023. № 2(110). С. 198–206.

Мухамедов Ш. Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917) // АН Республики Узбекистан, Ин-т истории. Ташкент: Baktria press, 2013. 253 с.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах в землях средней части Азии / Прим. В. А. Ромодина и В. А. Урвалова. М.: Гл. ред. восточной литературы издательства «Наука», 1968. 98 с.

«Наказ» Екатерины II Комиссии по составлению проекта нового Уложения // <http://his95.narod.ru/doc00/nak.htm> (дата обращения: 07.05.2023).

Население Казахстана в 1917-1939 гг. // <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9313> (публикация 05.09.2013; обращение 07.12.2021).

Небольсин П. Путешествующий киргиз // Русский вестник. 1859. № 17. С. 41–49.

Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. 480 с.

Неплюев И. И. Записки // <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Nepluev/text2.phtml?id=989> (дата обращения: 10.11.2021).

Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с., илл.

Новоселов П. Основные положения землеустройства киргиз в Акмолинской области // ВК. 1907. № 1. С. 77–90.

Новоселов П. Основные положения землеустройства киргиз в Акмолинской области // ВК. 1908. № 3.

О киргис касакх (книга Азиатского департамента № 21) // Красный архив. Исторический журнал. Т. 8(87). М.: Гос. социально-экономическое издательство, 1938. С. 133–173.

Обзор Семиреченской области за 1902 год. Верный: Тип. Семиреченского областного правления, 1903. 2+71+92 с., табл.

Обзор Семиреченской области за 1906 год. Верный: Тип. Семиреченского областного правления, 1907. 2+121+42 с., табл.

Образование Союза Советских Социалистических Республик: сборник документов. М.: Наука, 1972. 533 с.

Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи: Путешествие в Центральную Азию и Китай. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 236 с.

Объяснительная записка к «Степному положению» 1891 г. // Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 407–423.

Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII веке. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Свердловск, 1990. 22 с.

Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917 гг.). Учебное пособие. Алматы: «Арыс», 2000. 318+1 с., илл.

Окладников А. О. Открытие Сибири. 2-е изд-е. М.: Мол. гвардия, 1981. 223 с., илл.

Октябрьская И. В. Казахи Алтая: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Новосибирск, 2004. 46 с.

Октябрьская И. В. Казахская проблема. Этнополитическая и этноконфессиональная ситуация на юге Сибири // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 167–176.

Оренбургское магометанское духовное собрание // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 112–113.

Орлов А. Казахский героический эпос. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 146+2 с.

Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1. Омск: Тип. Окр. штаба, 1895. С. 1–62.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

От составителей // Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 7–9.

Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорского Географического Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 160–217.

Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Полиграфист, 1987. 255 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / Гл. ред. М. Н. Дружинин. М.: АН СССР, 1956. 866 с., ил., карт.

Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. Вторая. 1713–1724. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1885. 541+XXIV с.

Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в годы первой русской революции. Алма-Ата: Наука, 1976. 211 с.

Пашков Б. Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий. 862–1917 гг. 2-е изд. М.: ЦентрКом, 1997. 640 с.

Перфильев А. Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование (80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Томск, 2011. 30 с.

Петров Е. В. С. А. Корф (1876–1924): правовед, дипломат, общественный деятель. 2-е изд., стер. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2018. 280 с., илл.

Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Казань: ред. Православн. собеседника, 1885. VI+414+XII с.

Плоских В. М. Россия и кыргызы: развитие политических взаимоотношений (XVIII–XIX вв.) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. т.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 29–50.

Плотников Л. По поводу статьи: Путешествующие киргизы // Русский вестник. 1860. Т. 30. «Современная летопись». № 1. С. 145–277.

Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / Изд-е Я. В. Ханькова. СПб.: Тип. МВД, 1851. 85+2 с., карт.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева и др. / Под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.: коллективная монография / Отв. ред. А. В. Старцев. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 460 с.

Политическая история России: Хрестоматия / Сост. В. И. Коваленко, А. Н. Медушевский, Е. Н. Мощелков. М.: Аспект Пресс, 1996. 214 с.

Полосин В.С. (Али). Политический ислам: в поисках «земного рая». М.: Совет по исламскому образованию, 2023. 269 с.

Полферов В. Сибирь и ея возможности // ВК. 1914. № 15. С. 1–25.

Полянский Ф. Я. Товарное производство в условиях феодализма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 321 с.

Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т. 9. М.–Л., 1940. С. 198–242.

Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом (с приложением документов) // Записки ИРГО. Кн. IX. СПб., 1853. С. 237–424.

Попов Г. Х. Отмена крепостного права в России («Великая» реформа 19 февраля 1861 г.) // Истоки: (Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли). Вып. 2 / Гл. ред. В. А. Жамин. М.: Экономика, 1990. С. 56–108.

Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 159 с.

Потанин Г. Н. Киргизы после переворота // Потанин Г. Н. Избранные соч. в трех томах. Т. 2. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. 355 с.

Потанин Г. Н. Письма. В 4-х т. Т. 1. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1977. 198 с., илл.

Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6. С. 75–83.

Почекаев Р. Ю. Взаимодействие правителей казахского Младшего жуза с российскими центральными и пограничными властями: противоречия и способы их решения // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 467–476.

Почекаев Р. Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1(31). С. 12–18.

Почекаев Р. Ю. Последний казахский хан: султан Иликей Касымов в среднеазиатской политике В. А. Перовского // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Восьмые Большаковские чтения: Сб. статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2016. С. 191–195.

Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной

Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

Почекаев Р. Ю. Судьба экспедиции И. Г. Гербера в контексте Российско-казахских отношений начала 1730-х гг. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. Границы и трансграничные взаимодействия в истории. С. 24–30.

Почекаев Р. Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Оренбург, 2020. 564 с.

Представление омского областного начальника де Сент-Лорана генерал-губернатору Западной Сибири 24 марта 1831 г. № 853 // Валиханов Ч. Ч. Собр. Соч. в V т. Т. V / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1985. С. 22–23.

Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 52–56.

Программа партии «Алаш-Орда», напечатанная в киргизской газете «Казак» № 251 от 21 ноября 1917 года // Бочагов А. Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. // Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана; Бочагов А. Алаш-Орда. Алматы: Жалын, 1996.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М.: НОФМО, 2002. 573 с.

Пространство, население и размеры киргизского землепользования в Туркестанском крае. (Официальная справка Переселенческого управления) // ВК. 1910. № 7. 46 с., табл.

Протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 года в помещении тургайского областного правления с разрешения тургайского губернатора // Красный архив. 1926. № 3(16). С. 57–61.

Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции. Окончание // ВИ. 1992. № 10.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1 (V в. до н.э. – XVIII в.н.э.) / Под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте. 2-е изд-е. Алматы: Казахстан, 1997. 380+2 с.

ПСЗРИ. Т. XIII (1749 - 1753). СПб.: : Тип. II отд. Е.И.В. Канцелярии, 1839. 959 с.

ПСЗРИ. Т. XIV. 1754–1757 гг. СПб.: Тип. II отд. ЕИВ Канцелярии, 1830. 995 с.

ПСЗРИ. Т. XVII. 1765–1766. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. 1135 с.

ПСЗРИ. Т. XIX. 1770–1774. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. 995 с.

ПСЗРИ. Т. XXV. 1798–1799. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. 932 с.

ПСЗРИ. Т. XXX. 1808–1809. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. 1408 с.

ПСЗРИ. Т. XL. 1825 по 19 ноября. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. 761 с.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 годах. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. 566 с.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем., примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука. Гл. ред. восточной литер., 1989. 752 с.

Раздыкова Г. М. Религиозный синкретизм казахов Степного края // Вестник Карагандинского университета. Сер. «История. Философия». 2010. № 3(59). С. 29–36.

Рапорт А. Н. Куропаткина на имя Николая Романова // Красный архив. 1929. № (34). С. 67–94.

Рассказ из жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год // ЗОО ИРГО. Вып. I. 1891. С. 98–117.

Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1910 год в Общем Собрании Государственной думы // ВК. 1910. № 7.

Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1912 г. в Общем Собрании Государственной думы // ВК. 1912. № 11.

Рассмотрение сметы Переселенческого управления на 1912 год в Общем Собрании Государственной думы / ВК. 1912. № 12. С. 356–410.

Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. § 1.3 // <http://sibistorik.ru/project/frontier/ch1.html#1-3> (дата обращения: 15.06.2023).

Ремнев А. В. Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 1996. № 4. С. 136–144.

Ремнев А. В. Генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов и его омский дневник // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1994. № 3. С. 81–87.

Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Сибирская заимка. 2002. № 8 // <http://www.zaimka.ru/authors/remnev> (дата обращения: 07.07.2019).

Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. 2001. № 7 // <https://zaimka.ru/remnev-imperium/> (дата обращения: 07.07.2019).

Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А. Н. Куламзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. С. 42–57.

Ремнев А. В. Проблемы административно-территориальной организации Степного края в 60 – начале 80-х гг. XIX в. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 69–73.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.

Ремнев А. В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колониционных процессов XIX – начала XX века // Сибирская заимка. 2002. № 3 // <https://zaimka.ru/remnev-motivation/> (дата обращения: 07.07.2019).

Ремнев А. В. Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня

рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 206–219.

Ремнев А. В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

Ремнев А. В. Учреждение Степного генерал-губернаторства (К истории «окраинной политики самодержавия») // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции. 25–28. III. 1992). Кокшетау: Полиграфия, 1992. С. 212–213.

Ремнев А. В. Центрально-азиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М. И. Венюкова // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы междунар. семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 71–80.

Родионов Ю. П. Казахская степь и генерал-губернаторская власть края в контексте развития революции 1905–1907 гг. // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 166–175.

Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией (40–60-е годы XIX века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 238 с.

Романов Н. М. (вел. кн.). Император Александр I. 2-е изд. М.: «Богородский печатник», 1999. 772+XIII с.

Романов Ю. И., Мажитов С. Ф. Разработка ИИЭ НАН РК основных проблем исторической науки // Валихановские чтения-2. Кокшетау: Гылым, 1992.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с., илл.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. Е. И. Индова. М.: Юридическая литература, 1997. 527 с., илл.

Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 155 с.

Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 237–240.

Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: Б.и., 1910. 66 с.

[Румянцев П. П.] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. II. СПб.: тип. «Экономия», 1915. 997+X с.

Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: АзБука, 2006. 360 с.

Русское православие: Вехи истории / Науч. ред. А. И. Клебанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.

Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сборник документов. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 452 с.

[Рыбаков С.] Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорского Географического Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 161–217.

Рыбаков С. Устройство и нужды Управления духовными делами мусульман России. Пг.: Тип. С. Самойлова, 1917. 55 с.

Рычков Н. Дневные записки и путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. СПб.: Императорская академия наук, 1772. 104 с.

Рычков П. И. Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные, в рассуждении Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. 7. СПб., 1767.

Рябцев А. Л. Роль Ирана в геополитических планах России в XVIII в. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI Международной конференции, г. Волгоград, 28–30 ноября 2002 г. / Отв. ред. С. В. Голунов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003 // <https://transbound.narod.ru/orient/ryabtsev.html> (дата обращения: 11.01.2021).

Ряжев А. С. Муфтий против губернатора: короткое противостояние // Журнал фронтальных исследований. 2022. № 1. С. 247–263.

Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1950. 44 с.

Сабырханов А. Исторические предпосылки для ликвидации ханской власти в Казахстане (на материалах Младшего и Среднего жузов) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. С. 149–163.

Савин И. С. О категориях группового сознания у казахов-кочевников // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 73–86.

Садвокасова З. Т. Быт и повседневная жизнь казахов на рубеже XIX–XX веков // Евразийский мир: история, культура,

ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 176–184.

Садур В. Г. Мусульмане в СССР: история и современность // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). М.: Прогресс, 1989. С. 423–427.

Садыков Т. Из истории российских научных экспедиций в Казахстан в конце XIX – начале XX вв. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 23–26.

Саидазимбаев С.-Г. Отчет Саид-Гани Саидазимбаева о движении мусульманских паломников в Мекку в 1908 году. СПб.: Тип. «Экспресс» В. С. Борозина, 1909. 23 с.

Санай Мехди. На Великом Шелковом пути... встречи на земле казахов. Пер. с перс. М.: Восточная литература, 2000. 158 с.

Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2015. 342 с.

Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в казахской степи // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 63–105.

Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.

Сарыбаев К. Аграрный вопрос в Каракалпакии (конец XIX – начало XX века). Нукус: Каракалпакстан, 1972. 199 с.

Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана; Бочагов А. Алаш-Орда. Алматы: Жалын, 1996. 200 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 годы / Сост. И. В. Козьменко / Под ред. Е. А. Адамова. М.: Политическая литература, 1952. 470 с.

Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 2. Период капитализма: Учеб. пособие / Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1980. 280 с.

Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 3. 1841 год / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. Шт. Туркест. воен. окр., 1912. 268+X с., илл.

Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 4. 1842 и 1843 гг. / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1914. 297+XII с.

Сборник указов Коллегии Иностранных дел за 1763 г. СПб., 1764.

Сведения о местах расположения Киргизских родов Оренбургского края // Записки ИРГО. Т. 1. СПб., 1867. С. 239–250.

Сдыков М. Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX веках. Алматы: Галым, 1996. 220 с.

Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Дело, 1907; Алма-Ата: Полиграфия, 1991. 79 с.

Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // ЗОО ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 234–257.

Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999. 400 с.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: ОГИЗ, 1948. 257 с.

Сиверс И. Письма из Сибири // Сиверс И. Письма из Сибири, Фальк И. П. Описание всех национальностей России. Пер. с нем. Алматы: Галым, 1999. 134 с.

Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов: Сарат. культ. центр им. П. А. Столыпина, 2002. 598 с., илл.

Силина И. Г. Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг. (источники и методы исследования). Автореф. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Синьковский Ф. Записки миссионера Киргизской миссии, священника Филарета Синьковского, за последнюю треть 1882 года (начало Киргизской миссии) и за 1883 год // Томские епархиальные ведомости. 1884. Т. 7–8. Отдельный оттиск. Томск: Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1884. С. 1–26.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000. Т. 1. События. 1918–1945 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Московский рабочий, 2000. 521 с.

Ситнянский Г. Ю. Степное право и степная демократия: исторический опыт, современность, перспективы // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 218–229.

Смирнов Ю. Н. Сборник экстрактов именных указов 1734–1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии – источников по истории отношений России с народами Средней Азии) // Сб. Русского исторического общества / Под ред. Д. Ю. Арапова. Т. 5(133). М.: Русская панорама, 2002. С. 11–31.

Соколов Ю. А. Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. I. Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Ташкент, 1969. С. 31–59.

Сокровенный голос учителя. Интервью с директором Института философии НАН А. Н. Нысанбаевым // Казахстанская правда. 03.07.1997.

Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. Историческое сведение о киргиз-кайсаках // Сибирский вестник. Ч. 9. СПб.: Морская тип., 1820. С. 87–109.

Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (дата обращения: 06.01.2023).

Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 244 с.

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с., ил.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки / Гл. ред. Д. А. Скалон. Сост. Н. М. Затворницкий. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1907. 781 с.

Странствия Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М.: Вост. литература, 1996. С. 134–260.

Стрелкова И. Валиханов. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1990. 298 с.

Струмилин Г. С. Очерки экономической истории России. М.–Л.: Наука, 1960. 514 с.

Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1963. 411 с.

Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.

Сулейменов Б. С., Басин В. Я., Маликов Ф. М. Казахстан накануне и в период победы Великого Октября // Великий Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 8–35.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 142 с.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А., Койгелдиев М. К. К вопросу об оценке исторической роли Аблая // Вестник АН КазССР. 1988. № 2. С. 24–39.

Султангалиева Г. С. Понимание казахской волости русскими чиновниками XIX века // Былые годы. 2007. Вып. 46. Ч. 4. С. 1322–1332.

Султангалиева Г. С. Бакытжан Каратаев о политике Российской империи в Степи // Доклад, прочитанный в рамках Международной научной конференции «ИМПЕРИЯ, КОЛОНИИ И ЗНАНИЯ. Интеллектуальный обмен в Российской империи и Советском Союзе» (Нур-Султан, 21 мая 2022).

Султанов Т. И. Сословие султанов в Казахском ханстве в XVI–XVII вв. // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 445 с.

Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империй // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 9–71.

Сухих О. Е. Империя напоказ, или имперский опыт воспитания верноподданнических чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 144–148.

Сухих О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Омск, 2007. 24 с.

Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 2003. 734 с.

Тілегенова Л. Т. XIX-ғасырдың 20-жылдарындағы Орта жүздегі хандық биліктің жойылуының кейбір маселелері // Қазақстан тарихы мен этнологиясы маселелері (ғылыми мақалалар жинағы). 3-ші шығарылым. Астана: Фолиант, 2000 (на каз. яз.).

Тагирова Н. Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: МОНФ, 1999. 312 с.

Тарле Е. В. Континентальная блокада: Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона / С прил. неизд. документов. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. 739+VIII с., табл.

Татарченко Б. В. Динамика общей численности населения Акмолинской области (1870–1917) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеенко. Целиноград: Изд-во обкома компартии Казахстана, 1990.

Таштемханова Р. Путешествие Отто Финша и Альфреда Брема в Западную Сибирь // <http://prostor.samal.kz/texts/num1203/tas1203.htm> // Простор (Алматы). (дата обращения: 14.03.2021).

Терентьев М. А. Грамматики – турецкая, персидская, киргизская и узбекская. Кн. первая. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. 214 с.

Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. 636 с.

Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М.: Молодая гвардия, 1991. 336 с.

«Традиционная жизнь в степи»: ремесла и промыслы казахов // <https://e-history.kz/ru/news/show/6742> (публикация 04.09.2015; обращение 08.12.2022).

Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. / Отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272 с.

Трепавлов В. В. Три столетия территориального расширения России // Отечественная история. 2003. № 2. С. 181–185.

Трепавлов В. В. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII веков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 122–138.

Тресвятский В. К теории переселений // ВК. 1913. № 12. С. 52–65.

Тресвятский В. Необходимость пересмотра оснований земельного обложения оброчной податью в Азиатской России // ВК. 1915. № 17. С. 85–109.

Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг. // ВК. 1917. № 20. 41 с., табл.

Тресвятский В. К. Материалы по земельному вопросу (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области). Пг., 1917. 135 с., табл.

Третьяков А. И. Рассуждение о причине изобилия и медлительного обогащения государства // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.

Троицкий С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // ВИ. 1977. № 2. С. 67–75.

Труды частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск: Тип. Акмолинского областного правления, 1908. 92 с.

Тулеева Г. Т. Центральный Казахстан и его место в экономике и культуре евразийского региона во второй половине XIX – начале XX веков // Проблемы истории и этнологии Казахстана. Материалы региональной научно-теоретической конференции «10 лет суверенного Казахстана: история и перспективы развития». Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2001.

Тулибаева Ж. М. Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX в. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. 156 с.

«Туркестанскому генерал-губернатору...»: публикация «Краткого отчета о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 года» / Подг. к печ. Ю. А. Сумарокова // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 78–87.

Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа / Сост. Л. Ф. Костенко. Т. 3. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1880. 452+IV с.

Турсунов Е. Единство эстетического опыта кочевых и не-кочевых народов // Кочевники. Эстетика: познание мира традиционным казахским искусством. Алматы: Галым, 1993.

Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1960. 426 с.

Тыжнов И. И. Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XX вв. Сборник статей и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост-е отд-е КиргГУ, 1925. 89+14 с.

Тынышпаев М. Годы великого бедствия // Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата: Жалын, 1993. С. 155–172.

Тынышпаев М. История казахского народа: Учебное пособие. Алма-Ата: Казак университеті, 1993. 224 с.

Уложенная комиссия 1767 г.: участие депутатов-мусульман // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023.

Умурзаков У. А. Из истории возникновения и развития Куяндино-Ботовской ярмарки // Вестник АН КазССР. 1989. № 11. С. 74–77.

Уразбаева Г. Верификация исторических свидетельств русских исследователей конца XVIII – начала XX вв. // Эволюция государственности Казахстана (Материалы международной конференции, г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г.). Алматы: Тип. МГП «Принт», 1996. С. 226–230.

Усманова Д. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX в.) // Мусульмане в новой имперской истории: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, Могильнер, А. Семенов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 339–389;

Усманова Д. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 106-153.

Уханов И. С. Рычков. М.: Мол. гвардия, 1996. 235 с.

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 223 с.

Филиппов Г. Г. Социальная организация и политическая власть. М.: Мысль, 1985. 171 с.

Фон Герн В. К. Характер и нравы казахов (Этнографические заметки) / Комм., предисл. и ред. Ж. О. Артыкбаева. Караганда: ТОО «Номад и Ко», 1995. 138 с.

Фон Франц М.-Л. Процесс индивидуации // Юнг К. Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. ред. С. Н. Сиренко, М.: Серебряные нити, 1997.

Фридман Ц. Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во, 1960. 144 с., табл.

Фризен Д. Я. Традиционная структура аграрных отношений в Западном Казахстане и ее влияние на социально-политическое развитие общества: XIX – начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопро-

сы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8(22): в 2-х ч. Ч. II. С. 191–195.

Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. Пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Политиздат, 1989. 544 с.

Фукс Л. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX в. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 224 с.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во вост. литер., 1960. 272 с.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, гл. ред. восточной литературы, 1974. 406 с.

Ханыков Я. В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. // Записки ИРГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 29–61, карты, табл.

Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк. Вып. I. М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. 586 с.

Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда): странички из записной книги. М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. 192 с.

Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: ГЫЛЫМ, 1995. 385 с.

Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // ВК. 1907. № 1. С. 53–62.

Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области. Статистико-экономический очерк // ВК. 1915. № 18.

Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения Юго-Восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент: типо-литография В. М. Ильина, 1910. 153 с.

Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. 176 с.

Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000. 512 с.

Хохлов А. Н. Поездка В. В. Верещагина в Чугучак в 1869 году. Неизвестные страницы путешествий русского художника по Центральной Азии // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 10–26.

Храмков В. Н. Столыпинская земельная реформа в Сибири: общее и особенное // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г. Материалы конференции / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 186–192.

Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пре-реформенный период. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 696 с.

Царская колонизация в Казахстане (По материалам периодической печати) / Сост. и авт. вступ. ст. Ф. М. Оразаев. Алматы: Руан, 1995. 368 с.

Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с., илл.

Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. / Сост. К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев. Алма-Ата: Наука, 1989. 216 с.

Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области. СПб.: Тип. «Экономия», 1912. 126 с.

Чегринцев М. А. Концепция «культурного роста» А. А. Кребера (критический анализ) // Критика буржуазных концепций социальных изменений. Межвузовский сборник / Под ред. М. Я. Корнеева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.

Чехов А. П. Киргизы // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 18. М.: Наука, 1982. С. 7.

Чжао Сяодзя. Об отношении Цинской империи к Казахскому ханству (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // От Тюркского эля к Казахскому ханству: международная научно-практическая конференция. ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во «Социум», 2015. С. 130–132.
Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // ВК. 1908. № 3. С. 60–84.

Численность населения Республики Казахстан (на начало 2023 г.) // https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/?sphrase_id=108879 (дата обращения: 19.06.2023).

Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Гл. ред. вост. литер. изд-ва «Наука», 1974. 360 с.

Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата: Айкап, 1993. 160 с.

Чулошников А. П. Очерки истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других

тюркских племен. Ч. 1. Древние времена и средние века. Оренбург: Кирг. гос. изд-во, 1924. 290 с.

Шаймерденова К. К. К вопросу о социально-экономическом положении крестьянства Казахстана накануне Великого Октября // Известия АН КазССР. Сер. «Общественные науки». 1990. № 4.

Шалгимбеков А. Б. Колониальная дипломатия России и казахский правитель Аблай-хан // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3(25). С. 102–105.

Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1946. 255 с.

Шаховский Д. И. Союз освобождения // Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 193–194.

Шацки Е. Утопия и традиция. Пер. с польск. М.: Наука, 1990. 456 с.

Шевченко С. В. Распространение ислама в Среднем казахском жузе в XVIII – начале XIX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 131–135.

Шелекенов М.У. Традиционная пища казахского народа из мяса // NovaInfra. 2018. №82. С. 65-70.

Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // ВК. 1907. № 1. С. 19–52.

Шмидт В. Переселенческое движение немецкого крестьянства в Казахстане // ВА. 2022. №2(46). С. 77-84.

Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Алма-Ата, 1966. 32 с.

Шопенгауэр А. Идеи этики // Шопенгауэр А. Избранные произведения. Пер. с англ. / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. М.: Просвещение, 1992. 477 с.

Шотанова Г. А. Материалы астраханских научных обществ и учреждений как источник по истории Казахстана (II половина XIX в. – 1917 г.). Диссер. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Рукопись. Алматы, 2007. 190 с., прил.

Щеглова Т. К. Формирование единого рыночного пространства Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана (на примере ярмарочной сети): позиция правительства и предпринимателей // Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия. Документы и материалы международной научно-практической конференции (в рамках второй международной выставки-ярмарки приграничной торговли «Сибирь-Азия. Сотрудничество без границ», Барнаул, 31 октября – 1 ноября 2000 г.) / Под ред. В. С. Бойко. Барнаул, 2000. С. 84–93.

Щеглова Т. К. Этносоциальные факторы формирования ярмарочной сети Западной Сибири и Степного Казахстана во второй половине XIX в. (Акмолинская и Семипалатинская области) // Третьи Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: Материалы III региональной научно-практической конференции. 24 октября 2000 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. С. 32–42.

Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. 500 с.

Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири и степных областей второй половины XIX века и их роль в российско-азиатской торговле. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Томск, 2002. 46 с.

Щербина Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900. 730 с.

Щупков В. И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с., портр.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд-е 2-е. Т. 21. М.: Изд-во полит. литературы, 1961. С. 109–178.

Эрдэнэжав Г. Традиционные методы кочевников по использованию пастбищ // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии (на русс., англ. и монг. языках). Улан-Батор, 1974. С. 412–415.

Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. 459 с.

Юдин В. П. «Та’рих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов / В. П. Юдин // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988.

Юдин В. П. Орды Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемишходжи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–57.

Юдин М. Л. Положение торговли со средне-азиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. IX. Т. IX. Оренбург: Губернская типо-литография, 1902. С. 1-50.

Юдин П. Л. Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798) // Русский архив. М.: Тип. Московского университета, 1897. Кн. 1. № 4. С. 515–555.

Якубовская И. И. Имперская политика великих держав и деятельность российского МИДа по обеспечению национальной безопасности России в конце XIX века // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России: Сб. статей памяти М. М. Шуმიлова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1954. 21 с.

Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права. М.: Тип. Московского ун-та, 1899. 366 с.

Яровой Г. В. Анкета Вольного экономического общества как источник по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала второй половины XVIII века // Историография и источниковедение / Отв. ред. А. Г. Козлов. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1976. С. 115–125.

Ясмин А. Киргиз-кайсацкия степи и их жители. СПб.: Тип. К. Крайя, 1845. 101 с.

Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М.: РОСПЭН, 1996. С. 92–105.

Dov B. Yaroshevsky. Attitudes towards the Nomads of the Russian Empire under Catherine the Great // A. G. Cross and G. S. Smith (Eds.). Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia. Nottingham, 1994. P. 15–24.

Earle T. How Chiefs Come to Power; The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1997; The Earle State / Eds. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. 268 p.

Easton D. The Political System. New York: Knopf, 1981. 325 p.

Kappeler A. Rußland als Vielvolkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. Verlag C. H. Beck. Munchen, 1993. 416 S.

Kappeler A. Rußlands Frontier in der Frühen Neuzeit // Ronald G. Asch u. a. (Hrsg.). Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt. München, 2001. S. 599–613.

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984. 442 p.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.

Martin V. Law and Custom in the steppe. The Kazakhs of Middle horde and Russian colonialism in the nineteen century. Curzon Press, 2001. 244+XVIII p.

Muminov A. K. Die Qozaq-Arabische Genealogie in Kazakhstan // Muslim Culture in Russia und Zentral Asia. Vol. 2. Berlin, 1988. S. 193–210.

Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. 176 + III p.

Rostow W. W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. Cambridge: The univ. press, 1960. 190 p.

Raeff M. Uniformity, Diversity, and the Imperial Administration in the Reign of Catherine II // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Günther Stökl zum 60. Geburtstag. Köln – Wien, 1977. S. 97–113.

Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y.: W. W. Norton and Co. Inc., 1975; Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y.: Random House, 1967. 270 p.

Научное издание

А. Ю. Быков

Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.)

Том 2

Редактор и корректор: *Н. А. Сидоркина*

Дизайнер: *П. А. Трошина*

Верстальщик: *Н. Я. Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):

58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 12.12.2023 г. Формат 70х100/16

Усл. печ. л. 24,2. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 500 экз. Заказ № 1676

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*

107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты
izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «Типография «Миттель Пресс»,

127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, с. 6, офис 14.

Тел. для справок 8 (499) 444-58-62